

Историческая библиотека

МОРРИС
РОССАБИ

ЗОЛОТОЙ ВЕК
ИМПЕРИИ
МОНГОЛОВ

МОРРИС
РОССАБИ

ЗОЛОТОЙ ВЕК
ИМПЕРИИ
МОНГОЛОВ

ЖИЗНЬ И ЭПОХА

ЕВРАЗИЯ
Санкт-Петербург

УДК 94(517)(092)
ББК 63.3(5Мон)-8
Р76

Morris Rossabi
KHUBILAI KHAN
HIS LIFE AND TIMES

Перевод с английского С.В. Иванова

Оформление С.Е. Власова

Россаби, М.

Р76 Золотой век империи монголов / Моррис Россаби; пер. с англ.
С.В. Иванова. — СПб.: Евразия, 2009. — 479, [1] с.

ISBN 978-5-8071-0326-0 (С.: Ист.библ.(84))

Компьютерный дизайн Н.А. Хафизовой

ISBN 978-5-8071-0335-2 (С.: Ист.библ.(новая))

Компьютерный дизайн М.Р. Хафизова

История Евразии начинается с монголов. Они создали самую обширную империю в мировой истории, простиравшуюся от Кореи до Западной Руси на севере и от Бирмы до Ирака на юге. Монголы господствовали на большей части территории Евразии и держали в страхе оставшуюся часть. И наибольшая известность принадлежит двоим: Чингис-хану и его достойному внуку — Хубилаю. Он обрел славу в ходе длительной и кровопролитной междоусобной войны с собственным братом и приумножил завоевания своих предшественников. Хубилай стал первым монгольским ханом, отошедшим от образа степного кочевника-завоевателя и принявшим на себя обязанности правителя оседлого общества. Его тридцатичетырехлетнее правление отмечено строительством столицы, разработкой свода законов и новой письменности для всех языков, распространенных на территории Монгольской империи, и покровительством актерам, художникам, ученым и врачам, но все же — непрерывной войной по всему периметру границ империи. Мы представляем отечественному читателю не просто лучшую и наиболее беспристрастную научную биографию Хубилая — одного из величайших в мировой истории правителей, но увлекательное повествование об интересной и удивительной эпохе.

УДК 94(517)(092)
ББК 63.3(5Мон)-8

© The Regents of the University of California Published by
arrangement with University of California Press, 1989
© Перевод. С.В. Иванов, 2008
© Издательство «Евразия», 2008

*Памяти моего отца Джозефа Россаби и моего друга
и коллеги профессора Джозефа Флетчера*

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Я закончил работу над этой книгой в 1987 г., и в следующем 1988 г. она была выпущена в свет издательством University of California Press. Таким образом, со времени ее выхода на данный момент прошло 20 лет. С тех пор появилось много исследований, посвященных Монгольской империи. В издании Folio Society, опубликованном в 2005 г., я включил в раздел библиографии важнейшие новые работы по этой теме.

В большинстве своем книги, вышедшие после «Хубилая», обращались к общим аспектам истории Монгольской империи. Значительное внимание уделялось монгольским владениям в Западной Азии, так как историки мусульманского Ближнего Востока начали приходить к осознанию того, что монгольская эпоха и эпоха Тимуридов являются ключевыми периодами для понимания истории этого региона. Большой интерес ученых привлекали к себе также такие вопросы, как торговля и художественные и культурные взаимосвязи в монгольских владениях. Отчасти этот интерес был спровоцирован художественными выставками, делавшими основной упор на эпохе монгольского владычества. Замечательная выставка китайских и среднеазиатских ткацких изделий «Когда шелк был золотом», проведенная в Кливлендском музее и Художественном музее Метрополитен, как и эпохальная выставка «Наследие Чингис-хана», состоявшаяся в музее Метрополитен и Художественном музее

Лос-Анджелеса и продемонстрировавшая влияние китайского искусства на иранское, пролили свет на художественные и культурные связи, которым монголы придали особую динамику.

Искусствоведы первыми предложили более взвешенную оценку исторической роли монголов. Выставка, посвященная китайскому искусству при монгольской власти, проведенная в 1968 г. в Кливлендском художественном музее Шерманом Ли и Вай-кам Хоу, показала, что эпоха Юань ознаменовалась расцветом китайской живописи, ткачества и производства фарфора. С тех пор искусство эпохи Юань стало темой нескольких выставок и исследований, выявивших важное значение, которое имело для развития китайского искусства монгольское покровительство. В работе Марши Вейднер^а об императорском собрании китайской живописи при династии Юань и в статьях Фу Шэня о деятельности правнучки Хубилая, усердно пополнявшей это собрание, представлены важные сведения о покровительстве китайскому искусству, которое оказывали монгольские правители. Труды Аньнин Жина, позволившие исследователю сделать вывод, что дошедшие до нас портреты Хубилая и его жены Чаби принадлежат кисти непальского художника Анигэ, значительно обогащают наши представления о дворе императоров Юань как международном культурном цен-

^а Marsha Weidner, «Yuan Dynasty Court Collections of Chinese Paintings,» *Central and Inner Asian Studies* 2 (1988), 1–40; 3 (1989), 83–104; Fu Shen, «Nu-ts'ang chia huang-tzu ta-chang kung-chu: Yuan-tai huang-shih shu-hua shou-ts'ang shih-lueh,» [Historical sketch of the collection of paintings of the Yuan emperors: the collection of Princess Sengge] *Ku-kung chi-k'an* 13:1 (Autumn, 1978), 25–52; Anning Jing, «The Portraits of Khubilai Khan and Chabi by Anige (1254–1306), a Nepali Artist at the Yuan Court,» *Artibus Asiae* 54 (1994), 40–86; Morris Rossabi, «Kuan Tao-sheng: Woman Artist in Yuan China,» *Bulletin of Sung Yuan Studies* 21 (1989), 67–84.

тре. В статье, посвященной Гуань Даошэн, я постарался ввести в научный обиход произведения первой женщины-художницы, чьи картины сохранились до наших дней. Усилия ученых в этом направлении увенчались выставкой в Национальном музее Тайбэя, проходившей в 2001–2002 гг.

Важные исследования были посвящены социологическим аспектам эпохи Юань. Полный перевод блестящей и монументальной мировой истории Рашид ад-дина, выполненный Уиллером Тэкстоном, точно передает разделы труда персидского историка, отведенные анализу жизни и правления Хубилая. Беттин Бирдж расширила наши знания о роли и статусе женщин при династиях Сун и Юань; Ричард Фон Глан сообщает полезные сведения о деньгах и денежной политике Юань в своем исследовании, охватывающем эпоху Сун и ранней Цзинь. Статья Дэвида Райта, обратившегося к рассмотрению военной стратегии при Юань, служит прекрасным дополнением к фундаментальному труду Сяо Цицина по военному делу той эпохи. Дженнифер Джей представила анализ причин, по которым некоторые сторонники династии Сун отказывались переходить на службу к династии Юань^a. Томас Конлан и Дэвид Бейд тщательно

^a Wheeler Thackston (trans.). *Jami u't-Tawarikh: Compendium of Chronicles* (Cambridge: Department of Near Eastern Languages and Civilization, Harvard University, 3 parts, 1998-99); Bettine Birge, *Marriage, Kinship and Power in Sung and Yuan China* (Cambridge: Cambridge University Press, 2002); Richard Von Glahn, *Fountain of Fortune: Money and Monetary Policy in China, 1000–1700* (Berkeley: University of California Press, 1996); David Wright, «The Mongol General Bayan and the Massacre of Changzhou, 1275», *Altaica VII* (Moscow: Akademiya Nauk, 2002, pp. 109–121; Hsiao Ch'i-ch'ing, *The Military Establishment of the Yuan Dynasty* (Cambridge: Harvard University Press, 1978); Jennifer Jay, *A Change in Dynasties* (Bellingham: Western Washington University, 1991).

изучили историю морских походов Хубилая на Яву и Японию. В книге о путешествии Раббана Саумы я привел новые доказательства интенсивности евразийских связей монголов и Хубилая. Андерсон и Бьюэлл затронули другую, более жизненную тему, выпустив в свет превосходное исследование монгольской кухни вместе с традиционными рецептами. Наконец, в книге, вышедшей под редакцией Пола Смита и Ричарда Фон Глана, представлены статьи по сельскому хозяйству, нео-конфуцианству, роли женщин в обществе, урбанизации, книгопечатанию и медицине эпохи Юань. За это время свет увидело множество работ, перечисление которых заняло бы слишком много места в этом предисловии^а.

Если бы я мог внести изменения в эту книгу, я уделил бы больше внимания неприглядным сторонам монгольского владычества в целом и правления Хубилая в частности. Двадцать лет назад я, как и другие монголоеды, подчеркивал позитивные аспекты монгольского завоевания, в противовес устоявшимся представлениям о монголах, которые изображались в роли грабителей и варваров. Тем не менее, мы вовсе не собирались закрывать глаза на массовые убийства и разрушения, происходившие в период монгольских вторжений. Однако популяризаторы и дилетанты вышли далеко за пределы рамок,

^а Thomas Conlan, *In Little Need of Divine Intervention: Takezaki Suenaga's Scrolls of the Mongol Invasions of Japan* (Ithaca: Cornell East Asia Series 113, 2001); David Bade, *Khubilai Khan and the Beautiful Princess of Tumapel* (Ulaanbaatar: A. Chuluunbat, 2002); Morris Rossabi, *Voyager from Xanadu* (New York: Kodansha, 1992); Eugene Anderson and Paul Buell, *Soup for the Qan: Chinese Dietary Medicine of the Mongol Era as Seen in Hu Szu-hui's Yin-shan cheng-yao* (London: Kegan Paul, 2000); Paul Smith and Richard Von Glahn (eds.), *The Song-Yuan-Ming Transition in Chinese History* (Cambridge: Harvard University Press, 2003).

очерченных нашим сбалансированным подходом, и начали публиковать книги, выставяющие Чингис-хана демократом и основоположником современного мироустройства, а монголов — благодетелями и покровителями цивилизации. Если бы я имел возможность заново отредактировать эту книгу, я попытался бы противостоять этому искаженному изложению монгольской истории и истории самого Хубилая, выдвинув более взвешенную оценку событий этой эпохи.

Мне остается лишь поблагодарить Сергея Иванова за перевод этой книги на русский язык. Я искренне признателен ему за это, и надеюсь, что читатель по достоинству оценит плоды его тяжких трудов.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Хубилай-хан был историческим лицом. Хотя многие читатели, знакомые с поэмой Сэмюэля Тейлора Кольриджа «Кубла-хан», пребывают в уверенности, что Хубилай — мифический персонаж восточных легенд, мы с полной ответственностью заявляем, что он действительно существовал и, более того, оказал огромное влияние на ход не только китайской и азиатской, но и европейской истории. Его имя, которое можно встретить на страницах книг, написанных в XIII и XIV вв. на самых разных языках, было известно многим его современникам во всех концах света. Его портреты рисовали художники из разных стран. Он предстает типичным монголом в произведениях китайской живописи, типичным мусульманским правителем, весьма напоминающим халифа по одежде и облику, на персидских миниатюрах, европейским королем с несколько кавказской внешностью в рукописях книги Марко Поло. Каждая цивилизация придавала Хубилаю родные ей черты. В результате слава о нем разнеслась по всему миру.

Его жизнь и деятельность пришлись на время взлета и падения Монгольской империи. Он родился в 1215 г., в тот самый год, когда его дед Чингис-хан захватил Пекин, а его смерть в 1294 г. совпала с началом упадка и разложения Монгольской империи, создававшейся с начала XIII в. Он сыграл выдающуюся роль, поскольку стал первым монгольским ханом, отошедшим от образа

степного кочевника-завоевателя и принявшим на себя обязанности правителя оседлого общества. Его правление отмечено строительством столицы, разработкой свода законов и новой письменности для всех языков, распространенных на территории Монгольской империи, и покровительством актерам, художникам, ученым и врачам.

Несмотря на важное место, которое Хубилай занимает в азиатской, если не всемирной истории, ему до сих пор не было посвящено серьезной биографии. О нем написал прекрасную книгу для детей Уокер Чепмен, но она основана исключительно на англоязычных материалах. Два японских жизнеописания, принадлежащие перу Отаги Мацуо и Кацуфудзи Такеши, а также китайская биография, написанная Ли Таном, опираются на китайские свидетельства и практически не учитывают данных ближневосточных и европейских источников. Я извлек много пользы из этих четырех книг и не хотел бы ни в коей мере умалять достоинства их авторов, но все же не могу не отметить, что они не снимают настоящей необходимости в новой научной биографии Хубилая.

Уже закончив работу над рукописью, я познакомился с биографией Хубилая, написанной Чжоу Лянсяо и вышедшей в 1986 г. Эта работа, хотя она и основывается только на китайских источниках, во многом поднимает те же центральные темы, которые выдвигаются на передний план в моей книге.

Одна из трудностей, с которыми вынуждены были столкнуться предыдущие биографы и которых не избежал и я, заключается в самой природе источников. Большая часть официальных китайских исторических сочинений изображает Хубилая типичным конфуцианским правителем, лишая его реальных человеческих

черт. В распоряжении исследователя оказывается слишком мало исторических анекдотов и литературных портретов. Таким образом, перед ученым, занимающимся жизнеописанием Хубилая, встает безрадостная перспектива. Несколько лет назад, когда я только задумался о том, чтобы написать биографию великого хана, я прочитал и перевел анналы (бэньцзи), повествующие о его тридцатичетырехлетнем правлении, в китайской династической истории (Юань-ши). Анналы состоят из почти что подневного отчета об официальных придворных событиях — например, о приемах иностранных послов, назначениях должностных лиц и объявлениях, касающихся внутренней политики. Однако они дают весьма скудное представление о личных качествах Хубилая, его замыслах и программах. В них подчеркивается прежде всего иерархическая и бюрократическая роль хана, а личность правителя затрагивается лишь мельком. Написать биографию Хубилая, основываясь лишь на китайских источниках, невозможно. Кроме того, поскольку письменный монгольский язык на момент рождения Хубилая находился в начальной стадии становления, а у монголов не существовало сколь-нибудь развитой традиции исторических сочинений, нам неизвестны монгольские источники, относящиеся к той эпохе. К счастью, мы располагаем другими материалами. Так как Монгольская империя раскинулась на обширных пространствах Азиатского континента, о великом хане оставили записки историки и путешественники, вышедшие из других культурных традиций. Персидский историк Рашид ад-дин, корейские чиновники, которые вели свою придворную хронику Корё-са, а также русские, арабские, армянские и сирийские писатели предоставляют в наше распоряжение интересные и весьма полезные сведения о Хубилае, дополняющие данные китайских

источников. О дворе великого хана много и подробно писал венецианский путешественник Марко Поло. Сочетая данные этих источников, мы можем извлечь из них достаточное количество подробностей для описания жизни и деятельности Хубилая. В тех случаях, когда в наших знаниях имеются пробелы, я говорю об этом прямым текстом. Тем не менее, на мой взгляд, доступные нам сочинения вполне позволяют различить основные события и темы, составляющие его биографию.

Историческое исследование, по большей части, выполняется единолично. Ученый работает в одиночестве, занимаясь в библиотеках или дома. Впрочем, задачу исследователю облегчают многочисленные организации и частные лица. Мне повезло в том, что я получил помощь и поддержку, сыгравшие бесценную роль при написании этой книги. Я спешу воспользоваться возможностью и принести свою искреннюю благодарность тем, без кого эта книга не увидела бы свет.

Я чрезвычайно признателен Национальному фонду поддержки гуманитарных наук и Американскому совету научных сообществ, предоставивших мне гранты для проведения исследования. Эта помощь позволила мне посетить нужные библиотеки и объехать места, связанные с именем Хубилая. В основном я работал в библиотеке Гарвард-Яньцзин в Гарвардском университете, в Восточноазиатской библиотеке в Колумбийском университете и в библиотеке Конгресса. Я многим обязан любезности библиотекарей этих трех крупнейших исследовательских центров, познакомивших меня с собраниями восточных источников. Значительно облегчили мне работу также сотрудники Королевской библиотеки в Копенгагене, Тойо Бунко в Токио и Национального музея-дворца в Тайбэе. Ценные сведения я получил от кураторов некоторых музеев. Я благодарен доктору Томасу

Лоутону из Галлерей искусств Фрира, доктору Стэну Чума и господину Вай-кам Хоу из Кливлендского музея искусств, а также кураторам Узбекского государственного исторического музея в Ташкенте, Государственного исторического музея в Улан-Баторе, музея провинции Ганьсу в Ланьчжоу и Британского музея.

Некоторые мысли, представленные в книге, были высказаны мною ранее на лекциях и докладах, и я хотел бы выразить свою признательность слушателям, ученым и студентам, явившимся первыми критиками моих гипотез. Прекрасные площадки для обсуждения тем, связанных с Хубилаем и его эпохой, предоставили мне семинары по истории Китая при Колумбийском университете, программа изучения Восточной Азии в Принстонском университете, программа востоковедения в университете Пенсильвании, программа восточно-азиатских исследований в университете Торонто, семинар по изучению Центральной Азии в Гарвардском университете, программа изучения Ближнего Востока при государственном университете Огайо, международная конференция по исламу при Еврейском университете в Иерусалиме, программы по изучению Восточной Азии в Оберлинском колледже и в университете Канзаса, центр Ближнего Востока при Чикагском университете и программа синологии в Гентском университете. Я благодарю участников этих обсуждений за вопросы и замечания и приношу особую благодарность ученым, приглашавшим меня участвовать в этих мероприятиях и выступать с докладами: профессору Гансу Биленштейну из Колумбийского университета, профессору Фредерику Мотэ из Принстонского университета, профессору Сьюзан Накин из университета Пенсильвании, профессору Уэйну Шлеппу из университета Торонто, покойному профессору Джозефу Флетчеру-младшему из Гарвардского университета, про-

фессору Стивену Дэйлу из университета Огайо, профессору Рафи Израэли из Еврейского университета, профессору Дэйлу Джонсону из Оберлина, профессору Уоллесу Джонсону из университета Канзаса, профессору Джону Вудсу из Чикагского университета и профессору Шарлю Вильмену из Гентского университета. Доктор Джон Ланглуа пригласил меня прочитать доклад по Хубилаю и исламу на научной конференции «Китай при монголах», проведенной при поддержке Американского совета научных сообществ. Кроме того, я принял участие в организации конференции по международным отношениям в Восточной Азии в X-XIV вв., проведенном также при помощи Совета. Обсуждения, состоявшиеся на этих мероприятиях, помогли мне прояснить мои мысли по поводу Хубилая и его эпохи. Речи, произнесенные перед широкой аудиторией в Азиатском Обществе в Нью-Йорке, в колледже Айона, Уильтонской публичной библиотеке в Уилтоне (Коннектикут), в клубе Космополитен, в школе Брирли, в Соборной школе и школе Фильдстон в Нью-Йорке, доставили мне не только радость общения с публикой, но также навели на дальнейшие размышления. Вопросы, которые мне задавали по окончании этих выступлений, побудили меня тщательнее продумать некоторые выдвинутые мной недостаточно обоснованные предположения.

Текст этой книги с такой же быстротой и аккуратностью, с какой она печатала мои предыдущие книги, набрала Дорис Томбурелло. Я крайне признателен ей за указания на ошибки и неточности. Большую помощь мне оказали мои друзья и коллеги — профессор Чарльз Питерсон из Корнелльского университета, профессор Герберт Франке из Мюнхенского университета, мистер и миссис Гордон Дерзон, миссис Дебора Крамер, мистер Джордж Молтон, доктор и миссис Стэн Чума, доктор

Эндрю Немет из университета Пенсильвании, профессор Хок-лам Чан из Вашингтонского университета, мистер Питер Стерн, мистер Уильям Фрост, мисс Гретхен Дикстра, Джозеф и Франсуаза Шейн, Джейн и Томас Мартин, а также доктор Деннис и Кэтрин Нивонер. Также я выражаю свою признательность Шейле Левин, Сэлли Серафим и Сьюзен Стоун из издательства Калифорнийского университета за ценный вклад, который они внесли в эту книгу.

Довести этот труд до логического завершения помогли мне члены моей семьи. Мои родители, мистер и миссис Джозеф Россаби, мой брат и невестка Мейер и Наоми Россаби, мой дядя Клемент Хаким, моя теща миссис Джон Геррманн и мои шурины и его жена мистер и миссис Джон Геррманн приютили меня, мою жену и детей в Нью-Йорке на первых порах моих исследований, а также оказывали мне всестороннюю поддержку. Много помогали мне мои дети — дочь Эми и сын Том, которые подбирали слова, когда я не мог найти нужного, готовили печенье, когда мне хотелось есть, и играли со мной в мяч, когда им казалось, что я слишком засиделся. Столь же многим я обязан моей жене Мэри, которая была первым читателем, редактором и лучшим критиком этой книги. Подобно Чаби, жене Хубилая, она оказалась неоценимым помощником. Я благодарю ее за это и многое другое.

Следует отметить, что рукопись этой книги вдвое превышает объем напечатанного текста. Если читателя заинтересуют подробности, он может просмотреть оригинал в Восточноазиатской библиотеке Колумбийского университета.

Я воспользовался выпуском издания в бумажной обложке, чтобы внести в текст ряд незначительных поправок. Я благодарю профессора Элизабет Эндикотт-Уэст из

Гарвардского университета, доктора Дэвида Моргана из Центра Ориентологии и Африканистики при Лондонском университете и профессора Дэниса Твитчета из Принстонского университета за ценные замечания.

При выходе четвертого издания в бумажном переплете я внес ряд дополнительных незначительных изменений в основной текст и сноски. Кроме того, я дополнил библиографию списком трудов, вышедших на западных языках по теме этой книги со времени завершения работы над ней. За это время появились также три ценных исследования на китайском, которые я хотел бы упомянуть: Shen Hui-ju, Hu-pi-lieh (Taipei, 1990); Ch'en Kao-hua, et al., Yüan Shang-tu (Chilin, 1988); и Hu Chao-his and Chou Ch'ung-hua, Sung Meng (Yüan) kuan-his shih (Cheng-tu, 1992). Полный список источников на западных и азиатских языках будет приложен к многотомной истории монголов, которую я в данный момент готовлю к публикации.

*Август 1994 г.
Нью-Йорк*

ГЛАВА 1

РАННЯЯ ИСТОРИЯ МОНГОЛОВ

Жизнь Хубилая пришлась на эпоху взлета монгольского могущества. Он родился в начальный период монгольской экспансии и рос в то время, когда монгольские армии ходили в походы на далекие северные и западные страны. В этот славный период истории монголов, а, в сущности, и истории всей Евразии, наибольшей известностью пользовались Хубилай и его дед Чингис-хан. История Евразии начинается с монголов. За несколько десятилетий XIII в. они создали самую обширную империю в мировой истории, простиравшуюся от Кореи до Западной Руси на севере и от Бирмы до Ирака на юге. Монгольские войска дошли до Польши и Венгрии. В ходе завоеваний они низвергли самые могущественные династии той эпохи: Аббасидов, правивших на Ближнем Востоке и в Персии, китайские династии Цзинь и Южную Сун, а также Хорезмийское ханство в Средней Азии. На протяжении жизни одного поколения монголы господствовали на большей части территории Евразии и держали в страхе оставшуюся часть.

Хотя Монгольская империя распалась менее чем за столетие, она возвестила собой новую эру непрерывных и оживленных контактов между Западом и Востоком, образовав прочный мост между Европой и Азией. [1] Закрепившись на завоеванных землях и установив в них относительную стабильность и порядок, монголы не стали ни разрывать, ни затруднять отношения с иностран-

ными государствами. Не отказываясь от стремления к мировому господству, они оказывали гостеприимство чужеземным путешественникам, даже если их государи не признавали верховенства монгольского хана. Они упростили перемещение на обширных просторах подвластной им территории Азии и поощряли путешественников, [2] впервые позволив европейским купцам, ремесленникам и послам совершать поездки до самого Китая. По караванным путям в Европу доставлялись азиатские товары, а возникший в результате на них спрос побуждал европейцев к поискам морских путей в Азию. Таким образом, монгольская эра в какой-то мере обусловила наступление европейской эпохи Великих географических открытий XV в., в высшей своей точке ознаменовавшейся открытием морского пути в Азию через мыс Доброй Надежды и неудачной попыткой Христофора Колумба проложить западный маршрут к Индии.

Достижения монголов не ограничивались установлением прочных связей между Европой и Азией. Они управляли многими захваченными землями. С помощью китайских, персидских и тюркских советников и администраторов монголы превратились из грабителей в правителей. Они создавали управленческую и бюрократическую системы, устанавливали налоги и защищали интересы купцов, пастухов и крестьян. Так как в большинстве своем монгольские ханы терпимо или безразлично относились к иноземным религиям, случаи активного преследования каких-либо сект в пределах Монгольской державы наблюдались крайне редко. Некоторые монгольские правители оказывали покровительство художникам, писателям и историкам, способствуя развитию местных культур. Именно на период монгольского владычества приходится расцвет китайского театра, персидской историографии и тибетского буддийского искусства.

И все же не следует забывать и о темной стороне монгольского правления. Армии завоевателей опустошили некоторые области так, что на восстановление ушли годы, даже десятилетия. Они были безжалостны к тем, кто осмеливался оказывать им сопротивление. Один персидский историк XIII в. пишет об их «разбоях, грабежах и убийствах» и добавляет, что в одном из походов «одним ударом страна, славившаяся плодородием, была разорена, а ее области превратились в пустыню, а большая часть жителей умерщвлена, и их кожа и кости стали песком; и могучие были унижены и погрузились в пучину бедствий и гибели». [3] Современные писатели также часто не уступают по резкости оценок; так, один ученый говорит о том, что монголы привили жестокость жизни китайского двора, «привнесли насилие и хаос в китайскую цивилизацию» и «оказались не в состоянии воспринять культурные ценности Китая, недоверчиво относились к китайскому влиянию и проявили свою полную некомпетентность в делах управления». [4]

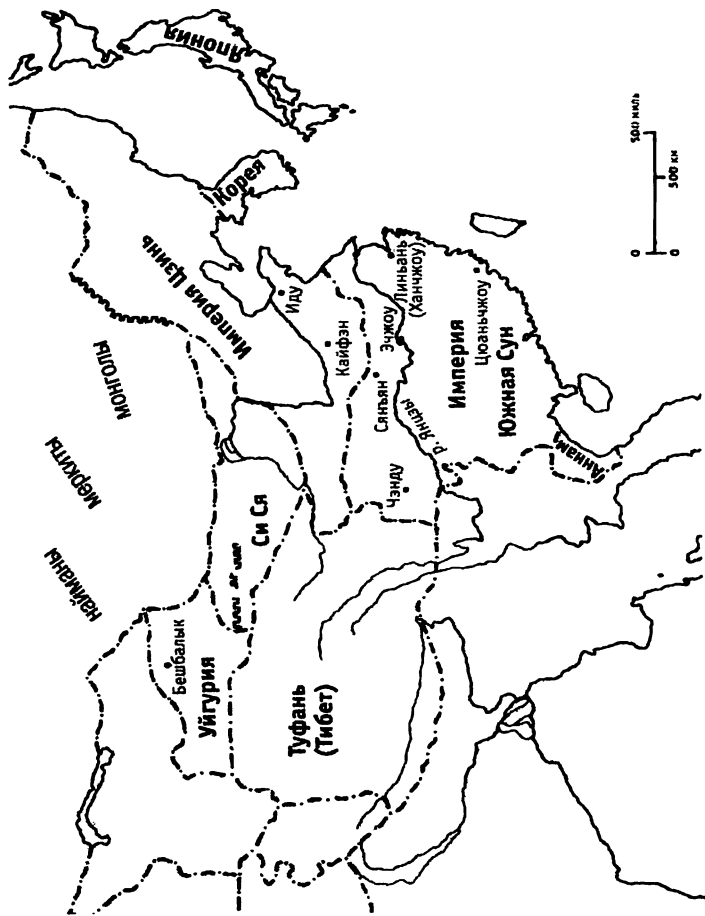
К сожалению, от самих победоносных монголов до нас практически не дошло описаний их походов или системы управления империей, так как до эпохи Чингис-хана у них не было письменного языка. Таким образом, мы располагаем крайне скудным количеством монгольских письменных источников XIII в. и вынуждены обращаться за сведениями к хроникам покоренных ими народов: китайцев, персов, корейцев, армян, арабов и многих других. Поэтому нет ничего удивительного в том, что они часто изображаются в облике жестоких и своенравных завоевателей. Несомненно, некоторые особенно вопиющие картины монгольской жестокости, даже монструозности, не следует принимать на веру.

Рождение Монгольской империи

Монголия, родина Хубилая и его предков, — это страна разительных контрастов, «высоких гор с заснеженными вершинами и лесов с реками, ручьями и озерами». [5] С востока, запада и севера она ограждена горами, сдерживающими осадки, а с юга ее надежно защищает пустыня Гоби. Большая часть Гоби непригодна ни для выпаса скота, ни для земледелия. Хотя в этой пустыне и теплится жизнь, невыносимая летняя жара и пронизывающий зимний ветер, наметающий снежные сугробы, создают крайне тяжелые условия. Только самые крепкие люди и животные способны выжить в этой суровой и враждебной обстановке.

Население живет главным образом в центральных степных областях Монголии, где достаточно воды и травы — двух основ скотоводства. В степи не так много воды, чтобы заниматься интенсивным земледелием, но для скота здесь идеальные пастбища. Традиционная экономика опирается на пять видов животных — овец, коз и яков, дающих пищу, одежду, топливо и шкуры для устройства жилищ; верблюдов, используемых в качестве транспортного средства и облегчающих торговлю, особенно в пустыне; и лошадей для быстрого передвижения. Монгольская конница славилась на весь мир, а кроме того, без лошадей нельзя представить себе знаменитую монгольскую почту, позволявшую передавать официальные сообщения и доклады по всей территории империи. [6]

Подобно прочим пастухам-кочевникам, степняки зависели от множества обстоятельств: засухи, суровые зимы и болезни скота в одночасье могли разрушить накопленное благосостояние. Поэтому торговля с земледельческими цивилизациями, особенно с Китаем, представлялась насущной необходимостью. В тяжелые времена

Азия накануне монгольских завоеваний

жители степей обращались к китайцам за зерном и иногда получали просимое. Они обменивали скот и продукты животноводства на ремесленные изделия. Когда китайцы отказывались вести с ними торговлю, степняки устраивали набеги, чтобы грабежом забрать те товары, которые они не могли добыть миром.

В конце XI и начале XII вв. в степях появился новый народ, известный под именем монголов. Жившие первоначально родами (обог), в это время они стали переходить к племенной системе (аймак). Племенные вожди, ранее, вероятно, вождями религиозными, теперь избирались при поддержке знати (нойонов), державших в подчинении простых пастухов, а на первое место при избрании выходила воинская доблесть. Верность, которую знать хранила своим вождям, покоилась на индивидуальных личных связях, так как у монголов не существовало абстрактного понятия верности самому рангу племенного вождя. Вожди, несшие ответственность за обучение племени военному искусству, устраивали охоты, отчасти напоминавшие воинские упражнения. Внимание, которое уделялось военному обучению всех монголов, позволяло вождям в случае войны проводить практически тотальную мобилизацию.

К концу XII в. монголы захватили господство над этой страной. Некоторые монгольские племена объединялись между собой мирным путем, другие покорялись более могущественным вождям. Однако до сих пор у монголов не было единого лидера, и на тех же землях продолжали жить независимые тюркские племена, включая уйгуров, найманов, кераитов и онгутов.

При Чингис-хане (около 1162 — 1227 гг.) монголы двинулись на сопредельные страны. [7] Чингис-хан объединил разрозненные монгольские племена и создал из них

мощную военную машину. Несомненно, он был военным гением и блестящим политиком. И все же, по замечанию Оуэна Леттимора, «все его природные дарования не позволили бы ему достичь таких успехов, если бы он не родился в нужное время в нужном месте». [8]

Чингис-хан извлек огромную выгоду из тенденций развития, которым следовали монгольские племена. Их стремление к объединению, растущее этническое самосознание и крепнущая военная мощь помогли ему привлечь всех монголов под свои знамена и затем бросить вызов оседлым цивилизациям. В какой-то мере походы Чингис-хана были обусловлены нестабильностью, присущей монгольской экономике, и необходимостью торговать с соседями, которые иногда отказывались от торговли с монголами. Кроме того, на кочевников повлияло резкое понижение среднегодовой температуры в Монголии, повлекшее за собой сокращение травяного покрова в степях. [9] Оказавшись перед угрозой падежа скота, монголы были вынуждены либо вступить в торговлю с Китаем, либо грабить своих южных соседей. Таким образом, у Чингис-хана, верившего, что бог неба Мункэ Тенгри доверил ему задачу объединить монголов и покорить весь мир, появились и повод и возможность повести их на завоевание других земель.

В 1190-х и начале 1220-х гг. Чингис-хан (или Тэмуджин — это имя он носил прежде, чем стать вождем всех монголов) активно готовился к выходу на арену мировой истории. [10] Он собрал личную армию (pököd) из верных друзей и союзников и разделил ее на тысячи во главе с тысячниками, заменившими собой прежних племенных и родовых вождей. [11] Чингис-хан ввел в своих войсках строгую дисциплину, создал разведывательную сеть, организовал превосходную конницу, разработал

новые тактические методы и активно применял старые, включая ложное отступление, а также тщательно планировал свои военные походы. Затем, во главе мощного войска, иногда заключая выгодные для себя союзы, он покорил татаров, кераитов, найманов, меркитов и другие крупные племена, кочевавшие в монгольских степях. [12] В 1206 г. главные монгольские вожди собрались на совет (курултай), на котором провозгласили своим верховным правителем Тэмуджина, принявшего почетный титул Чингис-хана. Чтобы укрепить свою власть, он раздал уделы (фьефы) членам своей семьи и родственникам. [13]

Захватив власть над монголами и другими племенами на территории, составляющей нынешнюю Монголию, Чингис-хан устремил свои взоры на сопредельные страны. Прежде чем напасть на другое государство, он всегда отправлял к его правителю послов с так называемым приказом подчиниться, требуя от него изъявления покорности. [14] Довольно часто, в случае согласия с этими условиями, он позволял местным вождям сохранять свое положение, пока они платили налоги и выполняли требуемую от них службу, но если государство отказывалось покориться, он беспощадно подавлял любое сопротивление.

В походах Чингис-хан был необычайно удачлив. Сначала он вынудил платить дань династии Си Ся (северо-западный Китай), основанную кочевниками-тангутами. [15] Затем, поставив под свой контроль китайские торговые пути на северо-западе, он замыслил покорить Северный Китай, находившийся под управлением чжурчженей — народа из современной Маньчжурии, завоевавшего север страны и основавшего династию Цзинь. [16] К 1215 г. монгольские войска захватили цзиньскую столицу Яньцзин (современный Пекин), вынудив императора и его

семью бежать на юг в Кайфэн, где они еще два десятилетия отражали атаки монголов. [17] В 1219 г., обратившись на запад, Чингис-хан во главе 200-тысячного войска отправился в поход против хорезмшаха Ала ад-дина Мухаммеда, казнившего нескольких купцов и посланников, приехавших к нему от хана. [18] К февралю 1220 г. армия Чингис-хана разграбила Бухару, а через месяц захватила Самарканд, перебив множество жителей, но сохранив жизнь 30 тысячам ремесленников и строителей, которые были уведены в Монголию. [19] К 1221 г. Чингис-хан закончил завоевание Средней Азии и современного Афганистана, а два монгольских полководца — Джэбэ и Субэдэй — дошли со своими отрядами до Крыма, а затем соединились с главными силами. [20] Смерть застигла Чингис-хана в августе 1227 г. во время похода против тангутов, поднявших восстание в северо-западном Китае. Его тело отвезли в северо-восточную Монголию и похоронили там, принеся в жертву над его могилой 40 женщин и по меньшей мере 40 лошадей. [21]

Чингис-хан оставил своим наследникам огромную территорию. В 1204 г. он приказал пленному Та-та Тун-а (так выглядит его имя в китайском написании — Татар Тонга?) приспособить уйгурскую письменность к монгольскому языку. [22] Он оказывал покровительство религиозным лидерам завоеванных стран, полагая, что добрые отношения с ними приведут к установлению тесных связей с покоренными народами. Чтобы заручиться их поддержкой, он иногда даже освобождал их от уплаты налогов. Глубокий след в дальнейшей истории монголов оставила введенная Чингис-ханом традиция использования иностранцев в роли писцов, переводчиков, учителей, советников, купцов и даже воинов. Эта политика была продолжена преемниками Чингис-хана, и особенно Хубилаем. Наконец, он создал Ясу — сборник правил,

Монголы в битве. Из рукописи Рашид ад-дина

часто называемый первым монгольским сводом законов. [23] Поскольку Яса отражала нравы и обычаи кочевого общества, она требовала значительных видоизменений, когда монголы превратились в правителей оседлых народов, и, тем не менее, само ее появление свидетельствует о том, что Чингис-хан осознавал необходимость письменных законов и установлений в условиях расширения Монгольской империи.

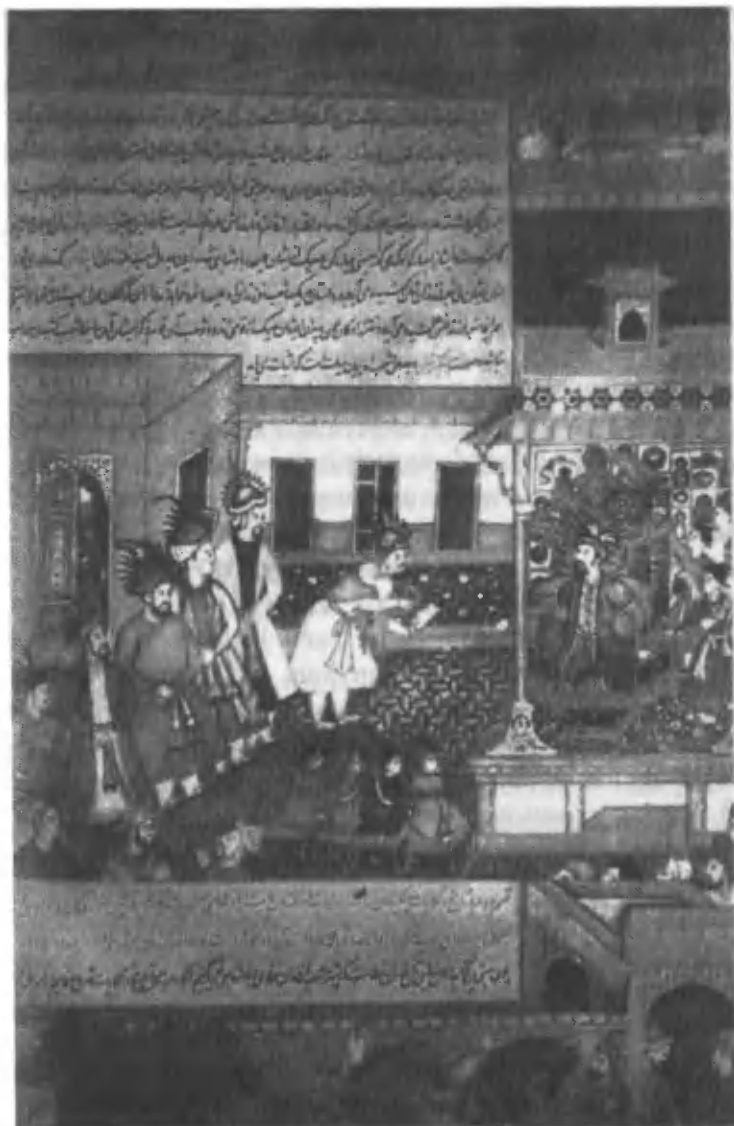
Преемники Чингис-хана

Несмотря на все свои успехи, Чингис-хан проявил недальновидность в очень важном вопросе, никак не обозначив порядок престолонаследия. По одной монгольской традиции, стада, пастбища и прочее отцовское имущество наследует младший сын. В соответствии с другой tradi-

цией, старший сын становится вождем рода или племени, а младший получает в наследство собственность. Третья традиция выдвигает на первое место принцип старшинства, отдавая младшему брату умершего вождя преимущество перед его сыновьями. Однако, по-видимому, эти принципы не действовали применительно к ханству. В этом случае созывался курилтай, на котором присутствовали самые выдающиеся представители монгольской знати, избиравшие хана на основе танистри — общего признания достоинств и умений кандидата. [24] Таким образом, наследование ханского титула отличалось непредсказуемостью. Если курилтай не приходил к единому мнению, это могло вызвать жестокую и кровавую борьбу за власть.

После смерти Чингис-хана потребовалось два года для избрания нового хана. В 1229 г. четыре ветви Чингизидов пришли к соглашению, в конечном счете приведшему к первому территориальному разделу монгольских владений. По этому договору внук Чингис-хана Бату стал ханом Золотой Орды — областей на крайнем западе Монгольской империи, впоследствии также и Руси. Второй сын Чингис-хана Чагатай (около 1185–1242) получил в удел Среднюю Азию, а его младшему сыну (и отцу Хубилая) Толую (около 1190 — 1231/1232), грубому вояке и любителю выпить, выделили земли в Северном Китае и Монголии. Каганом (ханом ханов), верховным правителем Монгольской империи был избран третий сын Чингис-хана Угэдэй (1186–1241), добившийся такого успеха отчасти благодаря своей гибкости, миролюбивому характеру и терпимости по отношению к иноземцам и иноземным идеям.

Угэдэй продолжил расширять пределы империи. В 1234 г. его войска уничтожили династию Цзинь и захватили весь Северный Китай. [25] За несколько месяцев до этого

Чингис-хан и четыре сына. Из рукописи Рашид ад-дина

было покорено государство Дун Ся в области Ляонин (современная южная Маньчжурия). В 1238 г. к ханскому двору был вынужден отослать дань с изъявлениями покорности правитель Кореи. [26] На западе одна из армий Угэдэя захватила Грузию и Великую Армению, а другая дошла до границ Тибета. [27] Однако наибольшего внимания заслуживают походы монголов на Русь, начавшиеся в 1237 г. В них принимали участие представители всех четырех ветвей династии Чингизидов, стоявшие во главе 150-тысячного войска, набранного из монгольских, тюркских и персидских отрядов. [28] Несмотря на разногласия и враждебные отношения, установившиеся между Бату и Мункэ, сыном Толуя, с одной стороны, и Гуюком, сыном Угэдэя, и Бури, сыном Чагатая, с другой, это предприятие увенчалось полным успехом. Монгольские армии разгромили болгар, башкиров и половцев, соседствовавших с Русью. Отряды Бату переправились через Волгу и к марту 1238 г. заняли Рязань, Москву, Владимир и Суздаль. В ноябре 1240 г. пал Киев. Из Руси монголы двинулись на Восточную Европу. Весной 1241 г. они вступили на польские земли; 9 апреля после жестокой битвы при Легнице они наполнили девять мешков отрезанными у врагов ушами. [29] В краткие сроки разграбив Польшу, монголы повернули на юг и вторглись в Венгрию. К концу 1241 г. Бату захватил Буду и Пешт, но в начале 1242 г. отвел свои войска на Русь, получив известие о смерти Угэдэя (11 декабря 1241 г.). Для избрания нового хана Бату и другие Чингизиды должны были собраться в Монголии. Таким образом, смерть Угэдэя, возможно, спасла Европу.

Подобно своему отцу, Угэдэй занимался не только расширением своих владений. Он принял на службу окитавшегося чиновника по имени Елюй Чуцай (в китайской передаче), который должен был помогать хану в управ-

лении недавно покоренными китайскими землями. Елюй знал, что некоторые монголы хотели превратить китайские поля в пастбища, но выступил против таких намерений, заявив, что доходы от налогов, собираемых с земледельцев, во много раз превосходят то, что можно будет извлечь из скотоводства. [30] Он установил постоянную упорядоченную систему налогообложения, заменив ею дань, взимающуюся монголами достаточно хаотично, и создал десять управ для сбора налогов. [31] Противники Елюя из числа монголов и тюрков пытались убедить Угэдэя в том, что мероприятия Елюя приносят меньше прибыли, чем способны принести их планы, заключавшиеся в том, чтобы предоставить право на сбор налогов мусульманам из Средней Азии. Так как купцы будут получать часть собранных налогов, в их интересах выжимать из китайцев как можно больше денег. [32] Прельщенный перспективами повышения доходов, в 1239 г. Угэдэй практически встал на сторону врагов Елюя, хотя и не полностью отказался от его программы налогообложения.

Елюй больше преуспел в своих попытках убедить Угэдэя построить столицу. Каган осознавал необходимость создания административного центра растущей империи. Однако он выбрал для ее возведения Каракорум в сердце исконных монгольских земель. [33] Чтобы построить и содержать новый город, требовалось подвозить огромные количества припасов, так как, будучи искусственной столицей, он не мог прокормить своих жителей собственными ресурсами. Каракорум располагался вдали от торговых путей и источников сырья, на окраине сельскохозяйственной области. Один путешественник подсчитал, что каждый день в Каракорум прибывало 500 повозок с товарами. [34] Еще больше средств уходило на содержание величественных сооружений — например,

ханского дворца, который китайцы называли Ваньань гун. Чтобы обеспечить снабжение столицы, Угэдэй предоставлял льготы купцам и поддерживал торговлю. Таковую же политику вели и его преемники, в том числе и Хубилай. [35]

Хубилай и его мать

Хубилай вступает на историческую арену после смерти Угэдэя в 1241 г. Отец Хубилая никогда не рассматривался в качестве возможного наследника Чингис-хана, и могло показаться, что Хубилаю также суждено будет играть в монгольской истории второстепенную роль. Многие могли бы предвидеть, что в конце концов он станет самым могущественным человеком в Монгольской империи.

В числе немногих провидцев была замечательно умная женщина, мать Хубилая Соррагтани-беки. [36] Она положила все свои силы на то, чтобы устроить жизнь четырех сыновей. Все они в итоге заняли выдающееся положение в монгольских владениях. Старший сын Мункэ стал каганом (1251–1260 гг.); ему наследовал его младший брат Хубилай (1260–1294 гг.); Хулагу сокрушил династию Аббасидов, правившую на Ближнем Востоке и в Персии с 749 г., и основал собственную династию; Ариг-Бука, как самый младший, получил в удел Монголию.

Современники Соррагтани-беки считали ее самой замечательной женщиной своего времени. Европейский миссионер Иоанн Плано Карпини, посетивший Монголию еще до того, как ее сыновья стали каганами, отмечал, что «среди татар эта дама пользуется наибольшим уважением, уступая только матери императора». [37] По словам персидского историка Рашид ад-дина, «она была в высшей степени умна и возвышалась над всеми ос-

тальными женщинами в мире». [38] Еврейский врач Бар-Гебрей, живший на Ближнем Востоке, отзывался о ней с наивысшими похвалами, называя ее «царицей, обучившей своих сыновей так хорошо, что все князья дивились ее умению управлять. Именно к ней можно отнести слова поэта, сказавшего: "Если бы мне довелось увидеть среди женщин другую подобную ей, я сказал бы, что женский род намного превосходит мужской!"». [39] Такое единодушие редко можно встретить в высказываниях этих писателей и историков XIII в. Если бы не политическая мудрость и ловкость этой женщины, потомки Толуя вряд ли сумели занять место потомков Угэдэя в качестве главной монгольской династии в Восточной Азии.

Соргагтани-беки была племянницей Он-хана, вождя племени кераитов. Когда кераиты покорились Чингис-хану, владыка монголов выдал Соргагтани за своего сына Толуя. Нам почти ничего не известно об отношениях Толуя и Соргагтани-беки. [40] Мы можем предположить, что супруги много времени проводили в разлуке. Толуй почти всегда сопровождал отца в военных походах. Рашид ад-дин сообщает, что «ни один принц не завоевал столько стран, как он». [41] Эти слова, конечно, представляли собой наивысшую похвалу для монгола того поколения. Толуй отличился в войнах с династией Цзинь в 1210-х гг., а с 1219 и в начале 1220-х гг. он командовал одним из главных отрядов при захвате городов Средней Азии. После смерти Чингис-хана в 1227 г. Толуй сражался под знаменами своего брата Угэдэя, в основном против Цзинь, и умер в 1231/1232 г., за два года до окончательного низвержения цзиньской династии. [42]

Существует несколько противоречащих друг другу версий обстоятельств его смерти. По одной из них, наиме-

нее правдоподобной, Толуй умер как настоящий мученик. Когда Угэдэй лежал при смерти, а шаманы готовили лечебное зелье, Толуй ворвался в юрту к шаманам, выпил лекарство и воззвал к богам, восклицая: «Заберите меня вместо Угэдэя, исцелите его от болезни и вселите его болезнь в меня». [43] Вскоре после этого Толуй скончался, а хан чудесным образом выздоровел. Однако по более естественной версии, поддерживаемой современными историками, Толуй, подобно многим другим монголам, умер от перепоя. [44]

Угэдэй хотел выдать овдовевшую Соргагтани замуж, но она вежливо отклонила все предложения. Великий хан сватал ее за своего сына Гуюка, приходившегося ей племянником. Этот брак объединил бы две главных династических ветви и обеспечил правильный порядок престолонаследия, позволив избежать раздоров и войн, в которые не преминули в дальнейшем вступить сыновья Угэдэя и Толуя. Соргагтани-беки настояла на своем отказе, объяснив Угэдэю, что ответственность, которую она несет перед своими четверя сыновьями, заставляет ее отказаться от чести выйти замуж за сына кагана. [45]

Политическая мудрость Соргагтани-беки ярче всего проявилась в ее веротерпимости. Будучи христианкой несторианского толка, она вовсе не была враждебно настроена по отношению к другим религиям, исповедуемым на территории Монгольской империи, и даже оказывала покровительство буддизму и даосизму с целью завоевать симпатии подданных-китайцев. [46] Столь же терпимо она относилась и к исламу. [47] Она раздавала милостыню мусульманам-беднякам, щедро награждала шейхов (религиозных вождей) и вносила деньги на строительство мечетей и теологических школ, включая Ханийя медресе (теологическая академия) в Бухаре. [48] Тем не менее, она никогда не отступала от несторианского

вероисповедания, и даже Марко Поло, приехавший в Китай через 20 лет после ее смерти, знал, что она была христианкой. [49] И все же она считала разумным и целесообразным поддерживать разные религии, и ее усилия в этом направлении увенчались полным успехом, как свидетельствуют произведения историков той эпохи из самых разных стран Евразии.

Хубилай родился 23 сентября 1215 г., в тот самый год, когда Чингис-хан захватил Пекин. Мы располагаем весьма скудными сведениями о детстве, воспитании и переездах Хубилая. До 1251 г. он занимал положение отпрыска побочной ветви ханской династии. По всем прогнозам, если не учитывать непредвиденных катастроф, он должен был занять свое место в рядах монгольской знати, но не мог бы играть выдающейся роли в государственных делах. Поэтому его имя не должно было бы часто упоминаться на страницах летописей. Впрочем, вполне очевидно, что Хубилай воспитывала мать, так как его отец почти все свое время проводил в военных походах Чингис-хана. [50] Мать позаботилась о том, чтобы ее сын научился ездить верхом и стрелять из лука. Как и любой монгол, он принимал участие в охотах, которыми увлекался до самой старости, как показывают немногие сохранившиеся изображения. [51] Соргагани также решила обучить сына читать и писать по-монгольски и поручила это уйгуру по имени Толочу, но, как ни странно, его никто не учил читать по-китайски. [52]

Жизнь Хубилая оказалась связанной с Китаем также благодаря настойчивости его матери. После смерти мужа Угэдэй с неохотой уступил ее просьбам и в 1236 г. пожаловал ей в удел область Чжэньдин (в Северном Китае, в нынешней провинции Хэбэй). Получив во владение земли, населенные оседлыми китайцами, а не кочев-

никами-монголами, она увидела всю недалёковидность, если не гибельность, политики, направленной на разграбление области и обнищание крестьян. Она считала, что доходы от налогов повысятся, если оказывать покровительство исконному земледельческому хозяйству, а не вводить скотоводство монгольского типа. [53]

Хубилай впоследствии продолжил политику матери. В том же 1236 г. Угэдэй дал Хубилаю во владение Синчжоу, область в Хэбэе с населением в 10000 домов. [54] Сначала Хубилай, управлявший своим уделом из Монголии, не вмешивался во внутренние дела. Хотя он не одобрял эксплуатацию своих подданных-китайцев, но находился слишком далеко от своих земель, чтобы следить за действиями чиновников и вассалов. Он не мог препятствовать им грабить население, даже если бы знал об этом. Сборщики налогов отягчали налоговое бремя, а местные чиновники требовали от крестьян тяжёлых работ. [55] В результате крестьяне покидали свои дома и земли, переселяясь в области, не захваченные монголами. К тому времени, как Хубилай понял, что происходит, многие подданные уже бежали из его владений. Чтобы предотвратить дальнейшее бегство, он сместил монгольских сборщиков налогов и вассалов (*retainers*), которые ранее управляли этой областью, и заменил их чиновниками, так называемыми «умиротворителями» (кит.: аньча ши), по большей части китайцами (хотя их имена обычно не указываются в источниках). Были введены постоянные налоги, отменены чрезвычайные сборы, а к управлению хозяйственными делами привлечены китайцы. [56] Новая политика Хубилая, направленная на завоевание доверия у населения и возвращение беженцев, увенчалась успехом, и в конце 1240-х гг. крестьяне стали возвращаться к родным очагам, а положение в области стабилизировалось.

Хубилай и его советники

Даже на этой начальной стадии своей политической деятельности Хубилай уже прислушивался к китайским советникам. На протяжении всей своей жизни он не оставлял без внимания советы христиан-несториан, тибетских буддистов и мусульман из Средней Азии.

Первые его советники представляли совершенно разные традиции. В 1242 г. Хубилай призвал ко двору буддийского монаха Хайюнь (1202–1257). [57] Хайюнь, которого Угэдэй назначил настоятелем крупного монастыря в Северном Китае, познакомил Хубилая с идеями и обрядами китайского буддизма. [58] Между правителем и советником установились близкие отношения, так что буддийский монах даже дал второму сыну Хубилая китайское имя Чжэнь-цзинь (Чистое Золото). [59] Чжао Би (1220–1276) и Доу Мо (1196–1280), также вошедшие в круг ближайших советников Хубилая в начале 1240-х гг., наставляли молодого монгольского князя в конфуцианстве, особенно обращая его внимание на добродетели и обязанности правителя. [60]

Почему эти китайцы с охотой служили своими советами завоевателю не-китайского происхождения? [61] Северным Китаем триста лет управляли иноземные династии, такие как Ляо (907 — 1125 гг.) и Цзинь (1115–1234 гг.), пользовавшиеся услугами китайских советников и чиновников, помогавших им управлять страной. Но и при всем при этом люди, шедшие на службу к Хубилаю, не были защищены от обвинений в неверности и даже предательстве китайских интересов. Некоторые соблазнялись жалованием и побочными доходами. Другие, в надежде повлиять на взгляды и действия монгольского хана своими советами и наставлениями, стремились окитаить Хубилая и монголов, чтобы улучшить жизнь китайского народа. [62]

Хотя советники, несомненно, оказали влияние на мировоззрение молодого монгольского князя, Хубилая нельзя назвать марионеткой в их руках. Он весьма осторожно выстраивал взаимоотношения с конфуцианцами и никогда не доверялся им целиком и полностью. В беседе с Чжан Дэхуэем, одним из советников, услугами которых Хубилай пользовался в молодости, он во всеуслышание поинтересовался, не поспособствовали ли буддийские советники Ляо и конфуцианские советники Цзинь упадку и исчезновению двух этих династий. [63] Чжан честно ответил, что ему мало известно о Ляо, но он хорошо знаком с положением, в котором пребывала империя Цзинь накануне краха. В то время среди советников императора числилось только один или два конфуцианских ученых; остальные были военными, привыкшими разрешать споры силой оружия. Поскольку на тридцать советников приходился только один конфуцианец, можно ли винить их за падение Цзинь? Этот ответ понравился Хубилаю, и он позволил Чжану включить в число советников около 20 ученых-конфуцианцев. [64] Тем не менее, сам вопрос свидетельствует о его сомнениях.

Кроме того, отношения Хубилая с конфуцианскими учеными затруднялись тем обстоятельством, что он плохо говорил и совсем не умел писать и читать по-китайски. Ему не хватало образования, чтобы участвовать в высокоинтеллектуальных беседах о конфуцианском учении. Когда китайские советники наставляли его в классических конфуцианских произведениях, ему требовался перевод на монгольский. [65] Неграмотность не позволяла ему вникать в суть сочинений конфуцианцев. [66] Он умел читать по-монгольски (то есть, знал уйгурское письмо), но вследствие незнания или плохого знания разговорного и письменного китайского языка он не мог

адекватно воспринимать речи и писания своих китайских советников.

Вместе с тем, Хубилай принимал на службу советников и не из числа китайцев, поскольку он был рад любому умному человеку, способному дать практический совет по управлению его уделом в Синчжоу. Подобно своему деду, он привлекал к делам чиновников-уйгуров, пользуясь их услугами в качестве переводчиков и военных советников. [67] Выдающееся положение в его окружении занимали два уйгура — несторианин Шибан, главный секретарь Хубилая, и Мунгсуз (кит.: Мэн-су-сы), один из самых влиятельных его советником, а позднее шурин. [68] Хубилаю также служили монгольские военачальники и мусульмане из Средней Азии. [69] Таким образом, в 1240-х гг. у Хубилая образовался круг из примерно 40 советников, помогавших ему в политическом и финансовом управлении уделом. [70]

С большим вниманием Хубилай прислушивался к советам своей второй жены Чаби. Нам ничего не известно о ее жизни до замужества: персидские историки редко упоминают ее имя, и только в нескольких китайских источниках мы можем найти сколь-нибудь подробные сведения. [71] Мы знаем, что она вышла замуж за Хубилая незадолго до 1240 г., так как в этом году родился ее первый сын, но мы не располагаем информацией о том, как она жила с 1240 г. по канун восшествия Хубилая на престол великих ханов в 1260 г. Современные источники практически ничего не сообщают о первой жене Хубилая Тегулун (кит.: Те-гу-лунь) и двух других главных женах — Тарахан и Баягуджин. [72] У него было четыре дома (монг.: ордо), каждый из которых управлялся старшей женой, которой подчинялись младшие жены и наложницы. В исторических сочинениях внимание уделяется только дому Чаби, второй жены.

Такое внимание полностью оправдано, так как Чаби имела большое влияние на Хубилая, например, в религиозных вопросах. Она была яркой приверженницей буддизма, особенно в тибетском варианте, и дала своему первенцу тибетское имя (Дорджи, род. 1240 г., от тибет. rDo-rje). [73] У нас нет прямых указаний на то, что именно она побуждала Хубилая приглашать в свои владения буддийских монахов до того, как он стал великим ханом, но она, конечно же, могла только поддерживать тот энтузиазм, с которым Хубилай вел беседы о буддизме с Хайюнем, и, вероятно, пробуждала в нем желание разобраться в тонкостях буддийского учения. Сама она жертвовала буддийским монастырям свои драгоценности. [74]

В целом, в 1240-х гг. Хубилай не испытывал недостатка в советниках, принадлежавших к самым разным философским направлениям и этническим группам. Хотя Хубилай не был первым монгольским правителем, пользовавшимся услугами и советами представителей покоренных народов, на общем фоне он выделялся широтой круга советников, в который входили китайцы-кофуцианцы, тибетские ламы, мусульмане из Средней Азии и турки-уйгуры. Однако в государственных делах он до сих пор играл самую незначительную роль. Положение изменилось, когда изменилась судьба потомков Толуя.

Возвышение рода Толуя

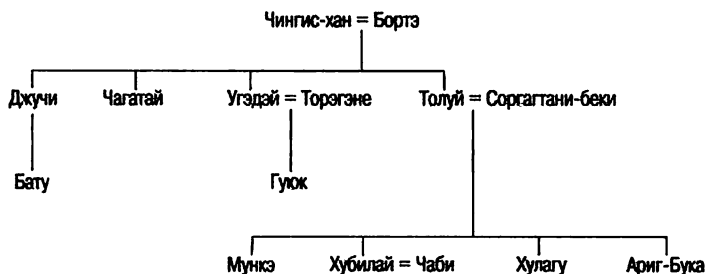
Смерть Угэдэя (1241 г.) ознаменовала собой первый шаг на пути к упадку его дома. Это событие открыло новые возможности перед потомками Толуя. Сам Угэдэй хотел передать престол своему внуку Ширемуну, но жена великого хана, решительная и властная Торэгэне (Туракина-хатун), приложила все силы, чтобы посадить на трон

Хубилай и Чаби на природе. Из Книги Марко Поло

своего сына Гуюка. [73] Оставив без внимания пожелания покойного супруга, Торэгэне успешно плела интриги, чтобы получить статус регентши до съезда монгольских князей на выборы нового правителя и сохраняла это положение все четыре года, которые Гуюк провел в западных походах. Нарушение воли Угэдэя бросило тень на репутацию его наследника. Действия Торэгэне также нанесли значительный ущерб интересам рода Угэдэя; она навлекла на себя обвинения в вероломстве, корыстолюбии и притеснении подданных со стороны китайских и персидских историков. [76] Эти оценки, возможно, несколько преувеличены, поскольку восходят к произведениям авторов, писавших после того, как род

Толуя сменил род Угэдэя на троне монгольских владык. Тем не менее, политика Торэгэне вызвала резкое недовольство в Северном Китае. Двое мусульман, Абдар-Рахман и Фатима, которым она поручила собирать налоги, высоко подняли ставки в северо-китайских областях. [77] Организация управления, введенная Торэгэне, плохо подходила для оседлого населения. В то же время Соргагтани приобретала ценных союзников, поднося щедрые подарки монгольским князьям и успешно управляя своим уделом, но пока не имела достаточно сил, чтобы вступить в противостояние с Торэгэне.

Чингис-хан и его потомки

Таким образом, Торэгэне удалось осуществить свои замыслы: в 1246 г. на престол взошел ее сын Гуюк. Хотя он и сместил двух мусульманских советников своей матери, но продолжил ее политику, основанную на традиции кочевников-завоевателей, главной целью которой было повышение доходов и захват новых территорий, а не забота о нуждах оседлых подданных. [78] Его войска вступили в Тибет, где монголы заручились услугами тибетского монаха, носившего звание Пагба (1235–1280). [79] Армии Гуюка также расширили монгольские владения в Грузии и Армении. Угроза монгольского вторжения ощущалась даже в Западной Европе: римский папа

почувствовал опасность и отправил для переговоров с монголами Иоанна Плано Карпини, получившего также задание прощупать почву для возможного обращения их в христианство. [80] Так как Гуюк наотрез отказался заключать какие-либо соглашения и потребовал, чтобы европейские монархи изъявили ему покорность, единственным достойным результатом этой поездки стал прекрасный отчет о путешествии, названный автором «Историей монголов». [81]

Военные успехи Гуюка ни в коей мере не ослабили напряженность отношений между потомками Чингис-хана. Соргагтани-беки продолжала исподволь вербовать сторонников из числа монгольской знати, и ее ближайшим и самым могущественным союзником оказался Бату, правитель Золотой Орды. В походе на Русь между Бату и Гуюком вспыхнула открытая вражда. В 1247 г., решив рассчитаться со своим врагом, Гуюк собрал армию, планируя застать Бату врасплох. Однако о его замыслах узнала Соргагтани, предупредившая о них Бату, несмотря на опасность, которой она могла подвергнуться, если бы о ее предательстве стало известно Гуюку. Однако игра стоила свеч, поскольку, к счастью для Соргагтани, Гуюк скончался на пути к стоянке Бату. [82] Своевременным предупреждением об угрозе нападения она подтвердила союз с золотоордынским ханом, который, будучи старейшим представителем третьего поколения потомков Чингис-хана, мог оказать исключительное влияние на выборы нового кагана.

Заручившись поддержкой Бату и располагая голосами своих сыновей, Соргагтани могла быть уверена в том, что новый каган будет избран из рода Толуя. В 1251 г. Бату и Соргагтани созвали в Средней Азии неподалеку от владений Бату курилтай, на котором каганом был объявлен ее старший сын Мункэ. [83] Братья Мункэ —

Хубилай, Хулагу и Ариг-Бука — должно быть, также принимали участие в подготовке выборов, но источники почти ничего не сообщают о роли, которую они играли в этом процессе. Их мать добилась осуществления своих замыслов, поскольку теперь один из ее сыновей стал правителем огромной Монгольской империи. Она прожила еще достаточно долго для того, чтобы пожать плоды своей победы, и умерла в первый месяц 1252 г. (12 февраля — 11 марта). Чтобы выказать свою благодарность и почтить ее память, сыновья Соргагтани и их потомки воздвигли мемориальные стелы в Даду (название Пекина в монгольские времена) и Чжэньдинфу, столице ее удела. В 1335 г. ее портрет был выставлен в несторианской церкви в северокитайском городе Ганьчжоу, но так как церковь не сохранилась, мы лишены возможности представить себе, как выглядела эта замечательная женщина. [84]

Хотя Мункэ пришел к власти в 1251 г., его противники вовсе не собирались так просто отказываться от своих притязаний. Потомки сыновей Чингис-хана Угэдэя и Чагатая утверждали, что Мункэ был избран незаконно, поскольку курилтай проходил в Средней Азии, а не в родных монгольских степях. Вспыхнул конфликт, переросший в первую вооруженную борьбу за престол в истории Монгольской империи. Вдова Гуюка Гаймыш вступила в союз с Бури, сыном Чагатая, чтобы свергнуть Мункэ и посадить на трон Ширемуну, внука Угэдэя. Однако через несколько месяцев с помощью монгольской знати Мункэ разгромил своих врагов и учинил скорую и жестокую расправу. Он казнил 77 начальников отрядов, служивших домам Угэдэя и Чагатая, а некоторым из них «в рот набили камней, так что они умерли». [85] Огул-Гаймыш также была предана казни. Ширемун был передан для наказания Хубилаю и сопровождал его в по-

ездах, пока Хубилай, заподозрив Ширемуна в недобрых намерениях, не приказал его казнить.

Избавившись от соперников, Мункэ стал полновластным повелителем Монгольской империи. Он продолжил политику веротерпимости, проводившуюся его матерью, и выделял средства на строительство мечетей и буддийских монастырей. Один персидский историк, например, отмечал, что Мункэ «оказывал особую честь мусульманам и наделял их подарками и милостыней щедрее, чем прочих». [86] Мункэ также провел перепись населения и установил налоговую систему, которая была для подданных-земледельцев менее обременительной, чем налоги, взыскивавшиеся Торэгэне и Гуюком. При новой системе налоги собирались не монгольской знатью, а государственными ведомствами, что должно было ослабить притеснение покоренных народов. [87]

Подобно своим предшественникам, Мункэ стремился раздвинуть границы Монгольской империи. Следуя примеру своего деда Чингис-хана и своего отца Толуя, он набирал в войска не-монголов, сведущих в областях военного искусства, в которых сами монголы традиционно не были сильны. [88] Военачальники Мункэ получали специальные указания, удерживавшие их от бессмысленного разорения завоеванных земель. Более того, им было приказано перед нападением на ту или иную область посылать ее правителю приказ подчиниться, и прибегать к силе только в случае отказа. [89]

Мункэ назначил своего младшего брата Хулагу командующим войсками, отправленными на запад для «усмирения» мусульманских стран. Выступив в поход в 1256 г., Хулагу повел армию на твердыни могущественной мусульманской секты исмаилитов, известного широкой публике под названием «орден ассасинов», хотя это

наименование не только отличается неточностью, но и способно вызвать неверные ассоциации. [90] В крепости Аламут, расположенной высоко в горах Эльбруса к югу от Каспийского моря, исмаилиты «укрепили защитные сооружения и свезли в замок множество припасов». [91] В уверенности, что им удастся успешно выдержать осаду, исмаилиты отказались выполнить приказ Хулагу сложить оружие. Тогда Хулагу начал бомбардировать Аламут каменными снарядами, и в начале 1257 г. исмаилиты были вынуждены сдаться. Поскольку они оказали сопротивление, Хулагу обошелся с ними без пощады, позволив своим войскам перебить большую часть сдавшихся. Аббасидский халиф в Багдаде, который также отказался покориться Хулагу, в свою очередь испытал на себе всю тяжесть монгольского гнева. В 1258 г. Хулагу разгромил халифат, разграбил Багдад и казнил халифа. [92]

Западный поход увенчался крупным успехом. Однако на востоке Мункэ и его младший брат Хубилай столкнулись с еще большими трудностями. Тем не менее, именно в восточных походах Хубилай прославил свое имя и завоевал выдающееся положение, позволившее ему впоследствии выдвинуть притязания на каганат Монгольской империи.

ГЛАВА 2

ВОЗВЫШЕНИЕ ХУБИЛАЯ

В то время как Хулагу расширял пределы Монгольской империи на западе, Мункэ разрабатывал планы по завоеванию областей Китая, остававшихся под властью династии Южной Сун. Эти захватнические устремления были отчасти обусловлены набегами сунских отрядов на территорию, контролируемую монголами. Например, непосредственно перед тем, как Мункэ взойшел на престол, сунские войска напали на город Юннин в современной провинции Хэнань. Мункэ и его военные советники решили вести наступление сразу в нескольких направлениях, так как лобовой удар с севера на юг вряд ли привел бы к успеху и, скорее всего, наоборот, был бы обречен на полный провал. Одним из вариантов являлось нападение с запада, но препятствием в данном случае служило государство Да-ли в современной провинции Юньнань. Монголам необходимо было покорить эту область, чтобы сделать из нее базу для наступления на Сун. В 1252 г. Мункэ поставил своего брата Хубилая во главе армии, отправившейся в поход на отдаленную провинцию Юньнань, которая по традиции даже не считалась частью Срединной империи.

Поход на Да-ли

До сих пор Хубилай устремлял все силы на укрепление своей власти в Северном Китае. В первые месяцы правления старшего брата Хубилай значительно расширил

границы своих северокитайских владений. Конечно, он должен был получить разрешение Мункэ на увеличение территории, находящейся под его управлением, которую следует отличать от его собственного удела Синчжоу. Его требование было сочтено справедливым. Монгольские войска успешно захватили Северо-Китайскую равнину, но испытывали трудности с постоянным подвозом зерна и других продуктов. Доставка этих припасов оказалась сложным и хлопотливым делом. По предложению своего китайского советника Яо Шу Хубилай попросил позволения устроить военные поселения, получившие китайское название тунь-тянь, в Хэнани и Шэньси. [1] Солдаты-китайцы, служившие в его войсках, должны были выполнять не только военные задания, но и сельскохозяйственные работы в этих областях. Такой план позволял войскам самим обеспечивать себя продовольствием и одновременно укреплял контроль за местным населением. В Бяньцзине (у Кайфэна, столицы династии Цзинь) для управления этими военными поселениями было создано особое ведомство, называвшееся по-китайски Цзин-люэ сы. [2] В результате экономическое положение в области, где были организованы такие хозяйства, значительно улучшилось, и это в свою очередь весьма способствовало осуществлению замыслов Хубилая по созданию сильной базы в Китае.

Между тем Мункэ пожаловал Хубилаю новый удел в дополнение к Синчжоу, предложив ему на выбор Наньцзин (область близ Кайфэна) или Цзинчжао (в области Сиани, одной из древнейших столиц в Китае). Хубилай, не знакомый с этими местами, обратился к своим советникам, особенно Яо Шу. Они объяснили ему, что почвы и орошение в Наньцзине хуже, чем в Цзинчжао. Область Наньцзин иногда страдает от разливов Хуанхэ, а некоторые земли из-за высокого содержания соли не-

пригодны для земледелия. С другой стороны, в Цзинчжао, главном районе в области Гуаньчжун, почвы гораздо плодороднее, но меньше население. [3] Хубилай прислушался к этим разъяснениям и выбрал Цзинчжао. Мункэ, очевидно, не ожидавший, что его брат попросит менее населенные земли, вознаградил его, пожаловав еще один удел в Хуаймэне в Хэнани. В своих новых владениях Хубилай, среди прочих ведомств, учредил Управление по умиротворению (кит.: Сюаньфу сы) для поддержания мира и спокойствия, а также службу для печатания бумажных денег, способствовавшую развитию торговли. [4]

Таким образом, интересы Хубилая оказывались все более и более тесно связаны с Китаем, по мере того как в экономическом и политическом отношении его положение все больше зависело от китайских владений. В то же время он все дальше отходил от ценностей, обычаев и способов управления своих монгольских предков. Тем не менее, он всегда оставался монголом, несмотря на необходимость приспосабливаться к некоторым китайским представлениям и привычкам, чтобы успешно управлять страной.

В конце 1252 г. Хубилай еще глубже погрузился в китайские дела, так как великий хан приказал ему покорить царство Да-ли. Эту страну населяли не-китайские народы, но китайцы на протяжении нескольких веков постепенно продвигались в этом направлении. Захват Да-ли представлял бы собой логичное развитие китайской экспансии, поскольку он устранял бы препятствия для торговли с Бирмой и Южной Азией. Таким образом, это предприятие нельзя считать собственно монгольской инициативой, поскольку такую цель, несомненно, поставила бы перед собой любая китайская династия.

Хотя Хубилай получил приказ Мункэ в июле 1252 г., он выступил в поход только в сентябре 1253 г. Характерно, что он тщательно, даже, может быть излишне тщательно, готовился к войне, не желая оставлять ничего на волю случая. Он считал, что его войска должны быть готовы к любым трудностям и не должны испытывать нехватку в припасах. К походу на Да-ли важно было подготовиться особенно хорошо, так как это была его первая крупная военная кампания. Наконец, в возрасте 36 лет он получил серьезное поручение, имеющее жизненно важное значение для Монгольской империи. Его отец и его старший брат Мункэ возглавляли монгольские армии, когда им не исполнилось еще и двадцати лет. Так как возможность проявить свои военные способности предоставилась Хубилаю в гораздо более зрелом возрасте, он вовсе не хотел ее упустить.

В Да-ли его сопровождали два выдающихся человека. Урянхадай, сын Субэдэя, одного из величайших военачальников, служивших Чингис-хану, встал во главе одной из армий, двигавшихся на юго-запад, а конфуцианец Яо Шу отправился вместе со своим покровителем Хубилаем в Да-ли, область, населенную народами низшей культуры, по мнению китайцев. [5] Урянхадай имел гораздо больший боевой опыт, чем Хубилай, и оказался неоценимым помощником. Согласно китайским источникам, Яо Шу удерживал монголов от чрезмерного кровопролития и помог относительно легко принудить Да-ли к капитуляции. Однако, даже если своими советами он содействовал успеху похода, китайские историки вполне могли дать его действиям и роли в кампании завышенную оценку.

В конце лета 1253 г. Хубилай решил, что подготовка к походу завершена. Собрал войска в Линьтао в северо-западной провинции Шэньси, он выступил в долгий

путь на юг. Чтобы добраться до Юньнани, армия должна была преодолеть сложную гористую местность. Ей пришлось идти через Сычуань, чтобы прибыть в долину Да-ли, которая омывалась тремя крупными реками: Салуин (кит. Нуцзян), верхнее течение Меконга (Ланьцанцзян) и Янцзы (Цзиньшацзян). Из Линьтао Хубилай отправил в Да-ли посольство во главе с тремя посланниками, передавшими правителю Да-ли требование покориться монголам. Царь Да-ли, известный в китайских источниках под именем Дуань Синчжи, в действительности не обладал реальной властью, а страной управлял его главный министр Гао Тайсян. Именно от него зависело, каков будет ответ на требование Хубилая. Гао избрал решение, принесшее несчастье ему самому и всей стране: он приказал казнить всех трех послов. [6]

Эти действия не оставили Хубилаю никакого выбора. Он выступил в карательный поход на Да-ли. Смерть посланников давала ему лишний повод для усмирения народов юго-западного Китая. Стратегия, примененная им для завоевания Да-ли, была обманчиво проста: Урянхадай должен был вести свой отряд с запада на Да-ли, Хубилай шел на лобовое столкновение с неприятелем, а несколько князей со своей частью армии должны были нанести удар с восточного направления. Наступление с трех сторон началось в конце октября 1253 г. Хубилай полагал, что сломить сопротивление Да-ли удастся только в тяжелой и кровопролитной войне. Гао Тайсян, отказавшись сдаться монголам, собрал свои войска в единый кулак на берегу Цзиньшацзян и ожидал приближения врага. Войска Хубилая вышли на противоположный берег реки в ноябре. Нисколько не уstraшенный видом мощных сил, выставленных противников, Хубилай приказал своим воинам соорудить наплавной мост из мешков, чтобы переправиться через реку. [7] Сооружением

моста руководил Баян, один из сопровождавших Хубилая полководцев. Это был первый случай сотрудничества Хубилая и Баяна, впоследствии ставшего одним из самых доверенных и успешных его военачальников. В этих обстоятельствах Баян повел войска в смелый ночной бросок через реку, и монголы застали противника врасплох, быстро нанеся ему полное поражение, вынудив Гао Тайсяна бежать в столицу и перебив значительную часть вражеской армии. Устранив самое сложное препятствие, Хубилай теперь мог сосредоточить свои усилия на взятии города Да-ли.

Согласно китайским источникам, главным героем похода был Яо Шу. Неуклонно следуя конфуцианским принципам, он стремился предотвратить избиение местных жителей. В типичной для конфуцианца манере он прибег к историческим параллелям, чтобы убедить Хубилая в пользе снисхождения. Яо рассказал Хубилаю о Цао Бине (930–999), знаменитом полководце, жившем в те времена, когда недавно основанная династия Сун укрепляла свою власть над Китаем. В 975 г. сунский император отправил Цао усмирить область вокруг современного Нанкина. В пути Цао притворился, будто тяжело заболел. Когда подчиненные собрались, чтобы справиться о его здоровье, он сказал им, что выздоровеет только в том случае, если они поклянутся не разграблять Нанкин и не устраивать в нем резню. Они согласились, и Нанкин был захвачен без излишнего кровопролития. [8] Призывая Хубилая последовать примеру Цао, Яо Шу предложил послать к Да-ли авангард со знаменами, на которых было бы написано, что монголы не собираются устраивать бесчинства и требуют лишь безоговорочного признания монгольской власти. По уверениям Яо, такая миролюбивая тактика непременно побудит Да-ли сдаться без боя.

Впрочем, этот рассказ весьма отдает свойственным китайцам мифотворчеством. Монголы еще до этих событий десятилетиями применяли тактику, якобы предложенную Яо Шу, обещая не причинять вреда жителям и не разрушать город, если враги сдадутся на милость победителя. Хубилай не нуждался в советах, как, не прибегая к насилию, покорить враждебное или, по крайней мере, колеблющееся население. Его дед часто использовал тактику устрашения для покорения других стран. Обрушивая все мыслимые жестокости на непокорного противника, Чингис-хан рассчитывал тем самым устрашить и заставить сдаться прочих врагов на пути следования. Теперь Хубилай действовал в том же ключе. Он разгромил основные силы Да-ли, и теперь ему не нужно было ни истреблять оставшихся защитников, ни бросать монгольские войска на приступ, чреватый большими потерями.

История сдачи Да-ли изложена в китайских текстах несколько туманно. В них сообщается, что Хубилай, последовав совету Яо Шу и стремясь к мирному завоеванию, приказал своим воинам нести шелковое знамя с надписью, обещавшей жителям города пощаду, если они сдадутся без боя. Получив гарантии безопасности, горожане предпочли сдать столицу, а Хубилай сдержал слово, казнив только чиновников, виновных в убийстве монгольских послов, и не причинив вреда прочим жителям. [9] Однако эта версия вызывает много вопросов. Если надпись на знамени была составлена по-китайски, то могли ли ее понять защитники Да-ли? И даже если они ее поняли, стали бы монголы использовать этот китайский обычай, когда у них была своя привычная, проверенная и успешная тактика приказов подчиниться? В сущности, она была очень похожа на стратегию, разработанную Яо Шу, и следовательно, последняя была мон-

голам просто не нужна. Хубилай мог отправить послов с приказом подчиниться прямо к правителю Да-ли, и такой сценарий развития событий выглядит гораздо более правдоподобным, чем версия китайских источников.

В любом случае, войска Хубилая вошли в город без особого сопротивления. Гао Тайсян ночью попытался бежать, но ушел недалеко. Два военачальника Хубилая отправились в погоню и захватили его в плен, но Гао не стал унижаться перед захватчиками. Разгневанный высокомерием пленника, Хубилай приказал отрубить ему голову у башни южных ворот, ведущих в Да-ли. [10] Затем он казнил людей, участвовавших в убийстве монгольских послов. Послам устроили надлежащие похороны, и Хубилай приказал Яо Шу сочинить хвалебную речь покойным. [11] Тем не менее, предав смерти самого Гао Тайсяна, он пощадил его семью. Дети Гао позднее получили китайское образование и не подвергались никаким ущемлениям. [12]

Система управления Да-ли также не претерпела особых изменений. Яо Шу собрал в архивах покоренной страны все печати и книги и, по-видимому, забрал их с собой к монгольскому двору, [13] но Хубилай не стал свергать правящую династию. Род Дуань разделил власть с Лю Шичжуном, ставленником Хубилая, который получил должность Сюань-фу ши (уполномоченного по умиротворению). [14] Отправившись в обратный путь, Хубилай оставил местным жителям скот и зерно.

Выдающийся полководец Урянхадай остался на завоеванных землях, чтобы продолжить поход на юго-запад. Он вел военные действия настолько успешно, что вскоре большая часть юго-западных областей оказалась под властью монголов. Он покорил множество племен и даже проникал в Тибет. В 1257 г. он повернул на вос-

ток, решив завоевать Аннам, но войска в джунглях страдали от жары и насекомых, а битвы с местным населением не давали монголам ощутимого преимущества. Хотя Урянхадаю удалось ненадолго занять Ханой, он не добился здесь столь крупных успехов, как на юго-западе. Тем не менее, правитель Аннама пообещал послать к монгольскому двору дань, несомненно, для того, чтобы монголы ушли из страны. [15]

Таким образом, благодаря помощи Урянхадая, первое военное предприятие Хубилая увенчалось триумфальным успехом. Он выполнил задание Мункэ. Без тяжелых потерь его войска подчинили монгольской власти стратегически важный регион, представлявший собой прекрасную базу для нападения на Южный Китай и важный перевалочный пункт для развития торговли с Бирмой и Индией. Он завоевывал репутацию привычным для монгола способом — в войнах и битвах. Его старший брат Мункэ получил боевое крещение в западных походах 1230-х гг. Поход Хубилая, хотя и не был столь масштабным, принес монголам не меньший успех. Чтобы заслужить признание, монгол должен был проявить свои способности в качестве полководца, и теперь Хубилай высоко поднялся во мнении монгольской знати.

Управление уделом

Доказав свою храбрость в бою, Хубилай мог теперь переключить свое внимание на дела управления. Завоевание Да-ли имело, в частности, еще и то следствие, что владения Хубилая значительно расширились, охватив многие области современных провинций Шэньси и Хэнань. Для столь обширной территории требовалась стабильная административная система. Хубилай назначил уйгура Лянь Сисяня, которому в то время было всего

двадцать лет, уполномоченный по умиротворению округа Гуаньси (в Цзинчжао), одной из самых важных областей в его землях, и обязал его упорядочить систему управления. В Цзинчжао входили некоторые районы Сычуани, населенные не-китайскими народностями и потому представлявшие дополнительные сложности для управления, и Шэньси. Выражаясь словами традиционных китайских династических хроник, задачей Ляня было «обуздать сильных и поддержать слабых». [16] В типично конфуцианской манере для достижения своих целей он прежде всего обратился к образцованию, пригласив знаменитого конфуцианского ученого Сюй Хэна, позднее игравшего видную роль в правительстве Хубилая, поставив его во главе местных школ и поручив ему набрать чиновников из способных ученых. Лянь старался всемерно оградить интересы ученых. Правила, введенные Угэдэем и соблюдавшиеся Хубилаем, запрещали монгольским князьям обращать конфуцианских ученых в рабство. Однако монголы обходили эти законы и принуждали ученых выполнять унижительные работы. Лянь приказал местным властям переписывать ученых, чтобы устранить возможность таких злоупотреблений. [17] Кроме того, прорицатели, также угнетавшие население, подлежали наказанию, а их действия были поставлены под более строгий контроль. Лянь привлекал к делам грамотных и образованных администраторов, покровительствовавших сельскому хозяйству, выпускавших бумажные деньги, поощрявших торговлю и собиравших налоги для Хубилая. Коротко говоря, он стабилизировал положение во владениях Хубилая и в немалой степени способствовал их процветанию.

Обеспечив надлежащее управление своим уделом, Хубилай мог со спокойным сердцем заняться обдумыванием долговременных планов. При этом он обратился за по-

мощью к хитроумному буддийскому монаху по имени Лю Бинчжун, к услугам которого он, очевидно, после этого стал часто прибегать. Их взаимоотношения в китайских источниках идеализированы. По словам автора недавно вышедшей биографии Лю, сложно:

различить настоящее положение дел и преодолеть двойную преграду традиционных стереотипов и народных легенд... В официальной истории эпохи Юань Лю Бинчжун обладает всеми атрибутами идеального советника императора. Полная гармония в отношениях между правителем и его министрами — основная тема в конфуцианской политической философии. Хотя властитель, обладающий мандатом неба, правит благодаря своей мудрости, он зависит от своих мудрых министров, к которым обращается за помощью и советами... Понятия «мудрого правителя» и «добродетельного министра» взаимно дополняли друг друга и были неразрывно связаны. Добродетельные министры становились такими же героями, как и мудрые правители. Ими восхищались, их идеализировали... Только проникнув за занавес традиционных стереотипов и народных легенд, мы можем дать объективную оценку личности и деятельности Лю Бинчжуна[18].

Впрочем, даже принимая во внимание свойственную китайским текстам страсть к преувеличению, нельзя не увидеть, что Лю, несомненно, оказал большое влияние на политику Хубилая в ранний период его государственной деятельности. Великий хан, должно быть, был восхищен многочисленными дарованиями Лю, который был прекрасным каллиграфом и художником, сносным поэтом и замечательным математиком и астрономом. Действительно, в сотрудничестве с несколькими другими китайскими учеными он разработал для монголов новый, более точный календарь. Этот календарь, Шоушили, был обнародован после смерти Лю и высоко ценился за свою исключительную точность. Лю был также весьма

сведущ в учениях и обрядах даосизма, буддизма и конфуцианства. Эти знания оченьгодились ему, когда он принимал участие в диспуте между буддистами и даосами, устроенном при ханском дворе в 1258 г., а затем когда он перерабатывал музыку и ритуальные церемонии для своих монгольских покровителей. Вполне понятно, почему Хубилай включил в круг советников этого человека, своей всесторонностью вызывающего ассоциации с гениями эпохи Возрождения.

Внимание Хубилая к Лю впервые еще в 1242 г. привлек буддийский монах Хайюнь, о котором мы говорили раньше. Лю был на год младше монгольского хана, и, видимо, с самого начала между ними установилось полное взаимопонимание. К своим 26 годам Лю уже успел послужить чиновником в правительстве, изучить математику и астрономию, даосские обряды и магию и вступить в монахи буддийского ордена чань (японский дзен). Его опыт и практический склад ума, а также политическая хватка не могли остаться незамеченными Хубилаем, а сочетание высоких моральных устоев и умения дать конкретный практический совет окончательно его подкупило.

Лю постарался проявить все свои дарования в записке, представленной на рассмотрение Хубилая. [19] По освященному традицией конфуцианскому обычаю он начал с легендарных китайских императоров доисторической эпохи. Эти отсылки к героям древности входили в число риторических средств, призванных убедить китайского правителя в эффективности мер, предлагаемых автором. Лю утверждал, что правитель, если он желает установить в своей стране нечто вроде золотого века, должен следовать советам, которые он изложит и которые представляли собой ряд конкретных рекомендаций. Через

все сочинение красной нитью проходила привычная тема воспитания и защиты ученых чиновников, которые объявлялись национальным достоянием. Лю призывал Хубилая полагаться при осуществлении его программы именно на них. Он предлагал построить во всех владениях хана школы, чтобы готовить молодых людей к экзаменам на гражданский чин. Лю не только настаивал на возвращении к традиционным китайским экзаменам, одновременно он стремился возродить древние китайские ритуалы и музыкальные церемонии. Кроме того, он предлагал ввести фиксированные налоги и судебную систему, которые сняли бы излишнее бремя с китайских подданных. Как типичный китайский ученый, в заключение Лю призывал Хубилая поручить ученым написать историю свергнутой чжурчжэнской династии Цзинь.

В сущности, Хубилай одобрил почти все предложения Лю, за двумя исключениями. Он воспротивился возрождению экзаменационной системы, поскольку такой шаг означал бы привлечение к делам управления исключительно китайских или по крайней мере китаеязычных чиновников и советников. Хубилай же стремился сохранить гибкость в этом вопросе и вовсе не собирался ставить себя в зависимость от китайцев. Также он отложил на неопределенный срок составление истории предшествующей династии. [20] В конце концов, Хубилай еще не был ни правителем монгольских владений, ни императором Китая и не мог отдать приказ о написании династической истории. Повеление написать такой ученый труд могло исходить только от Мункэ. Лю, конечно, понимал, что Хубилай не властен последовать этому его совету, так что довольно сложно представить, какими соображениями он руководствовался. Может быть, он полагал, что младший брат окажет влияние на Мункэ? Или же предвидел, что Хубилай станет великим ханом?

После похода на Да-ли, в котором Лю сопровождал Хубилая, он сосредоточился на разработке долгосрочных стратегических планов. Согласно китайским источникам, Лю вместе с Яо Шу сумел предотвратить избиение жителей Да-ли и разорение страны. Я уже высказывал сомнения в достоверности такой точки зрения. В любом случае, теперь Хубилай и его советники на протяжении нескольких лет могли отдохнуть от войн и посвятить это время воплощению широкомасштабного проекта, свидетельствующего об укреплении связей Хубилая с его подданными-китайцами и растущей заботы о благосостоянии оседлого населения: возведению столицы в новых владениях. Некоторые китайские писатели приписывают Лю заслугу этого замысла, но другие не упоминают его имени в связи с этим решением. Не следует сбрасывать со счетов и самого Хубилая. По-видимому, его вовсе не требовалось убеждать в важности и символической значимости этого проекта. Вероятно, идея принадлежала им обоим.

Для строительства столицы они выбрали местность к северу от реки Луаньхэ в 36 км к западу от города Долон-Нур (Семь Озер), [21] построенного при династии Цин (1644–1911 гг.) примерно в 125 км от Пекина на границе китайских сельскохозяйственных земель и монгольских пастбищ. Монголы-традиционалисты не могли упрекнуть Хубилая в отречении от наследия предков и окитаивании, так как несколько монгольских князей уже строили города в степи. Тем не менее, Хубилай дал понять своим китайским подданным, что времена меняются, приказав, чтобы Лю Бинчжун выбрал место для города на основании принципов «воды и ветра», традиционной китайской геомантии. [22] Не вполне ясно, планировал ли Хубилай сделать из нового города столицу или рассматривал его в качестве летней резиденции.

Сначала он назвал его Кайпин, но в 1263 г. переименовал в Шанду (Верхняя Столица), по контрасту с Чжунду (Срединной Столицей), тогдашним наименованием Пекина. [23]

Еще одним признаком перемен для оседлых подданных монгольского хана было то, что Хубилай строил Кайпин по образу и подобию древних китайских столиц. Если не брать в расчет обширные охотничьи угодья, дань монгольской традиции, планировка города отражает китайское влияние. [24] Город был разделен на три части. Внешний город представлял собой квадрат, обнесенный земляным валом от 12 до 18 футов в высоту. [25] Каждая сторона имела 4500 футов в длину, а войти в эту часть города можно было через шесть ворот: по двое ворот на западной и восточной сторонах, и одни ворота на южной и северной. Со всех четырех сторон земляные стены охраняли сторожевые башни. Именно здесь обитала большая часть жителей, селившихся в мазанках или хижинах. Численность населения оценивается примерно в 200000 человек. Впрочем, представляется невероятным, чтобы в этой местности могло проживать столько жителей, и гораздо правдоподобнее выглядит цифра в 100000 человек, то есть ровно в два раза меньше. Во внешнем городе также находилось несколько буддийских храмов, размещенных в соответствии с китайской традицией. Храм Хуаянь располагался в северо-восточной части города, а храм Цяньюань — в северо-западной. [26] Древняя китайская гадательная книга. И Цзин (Книга Перемен) требовала размещать разные здания в строго определенных местах, и расположение обоих храмов вписывалось в эту модель. [27] Это также говорит о китайском влиянии. Вероятно, были и другие буддийские храмы, как и даосские святилища, и мусульманские мечети, но их точное месторасположение не известно.

Вторая часть Кайпина представляла собой Внутренний Город, в котором находились резиденции Хубилая и членов его свиты. Подобно Внешнему Городу, в основу его планировки был положен квадрат, хотя в действительности стороны его были неравны. С востока на запад его протяженность составляла 1836 футов, а с севера на юг — 2016 футов. Весь Внутренний Город был обнесен кирпичной стеной от 10 до 16 футов в высоту, а с каждой стороны было сооружено по четыре сторожевых башни. Английский путешественник С. У. Бушелл, посетивший это место в 1872 г., и японские археологи, проводившие здесь раскопки в 1930-х гг., нашли только высокую земляную платформу у северной стены. [28] Исследователям не удалось больше идентифицировать ни одного здания, а «в траве остались только камни, использовавшиеся для укрепления почвы перед возведением построек, теперь единственные свидетели славы минувших веков». [29] На этой земляной платформе высился Императорский дворец, по-китайски называвшийся Да-ань-гэ (Павильон Великой Гармонии), имевший около 500 футов в длину с запада на восток и 50 футов с севера на юг. Платформа, укрепленная с разных сторон деревянными балками, была необходима, так как здание строилось на болотистом месте. Под платформой «в подземных резервуарах накапливалась вода, которая со временем выступала на поверхность на лугах в некотором отдалении от дворца, образуя множество ручьев», [30] придававших особую живописность ландшафту. Скорее всего, именно на этой платформе стоял великолепный мраморный дворец, так поразивший воображение Марко Поло, который увидел его в городе «Кианду». «Во дворце, — писал он, — все залы, помещения и переходы покрыты позолотой и прекрасными картинами, изображающими зверей, птиц, деревья, цветы и многое дру-

гое и нарисованными с таким искусством, что на них нельзя смотреть без восторга и удивления». [31] Во внутреннем городе находилось множество дворцов и правительственных учреждений, но японские археологи, работавшие здесь в 1930-х гг., не смогли установить их точного месторасположения. По-видимому, застройка города не была так тщательно распланирована, как в других столицах среднего периода китайской истории, но сами здания блистали роскошью. Дворец был выстроен из мрамора и покрыт бесчисленными изразцами. На его месте были обнаружены глазурованные мозаичные украшения с крыши. [32]

Главной особенностью, в которой Кайпин отклонялся от типичной планировки китайской столицы, были охотничьи угодья, третья часть города, хотя некоторые китайские династии и разбивали небольшие парки для охоты. В этих угодьях, расположенных к западу и к северу от Внешнего Города, были и луга, и леса, и реки. Парк был также окружен земляной стеной и рвом, а войти в него можно было через четыре пары ворот с разных сторон. От этого прекрасного искусственного парка до наших дней не сохранилось практически ничего. Леса, реки и здания — всё исчезло. Мы располагаем ярким описанием чудесных лугов и возведенных здесь построек только благодаря Марко Поло. По его словам, ландшафт был испещрен ручьями и фонтанами. Для развлечения Хубилая здесь содержались разные виды прирученных животных, главным образом олени. Еще одной охотничьей забавой, которой он предавался на этих просторах, была соколиная охота. В центре парка стоял дворец из бамбука. Бамбуковые столбы были покрыты лаком и позолотой, а потолок украшали картины со зверями и птицами. Каждая трость «была прибита гвоздями для защиты от ветра, и они так хорошо умеют скреплять

и соединять эти тростинки, что они защищают дом от дождя, а вода стекает вниз по стенам». В парке паслись особые породы белых кобыл и коров, чье молоко «не смеет пить никто в мире, кроме великого хана и его потомков». [33] И так, «в стране Ксанад», как Кольридж называл Шанду, действительно «благословенный Дворец построил Кубла Хан» (пер. К. Бальмонта). [34]

Во многих отношениях Кайпин был расположен в идеальном месте. Летом здесь было гораздо прохладнее, чем в Северном Китае, и, взойдя на трон великого хана, Хубилай проводил здесь июнь, июль и август, спасаясь от удушливой жары Пекина. Окруженный со всех сторон горами, возведенный в местности, изобилующей деревьями, зверями и птицами, Кайпин был способен прокормить умеренное число жителей. Сложно сказать, считал ли Хубилай Кайпин столицей; возможно, он рассматривал его только как свою летнюю резиденцию. Однако, как бы то ни было, строя этот город, он неизбежно поддавался влиянию вкусов и представлений своих оседлых подданных.

С той же неизбежностью новые веяния порождали противодействие. Монголы, придерживавшиеся традиционных взглядов и разделявшие ценности кочевого уклада, были обеспокоены благосклонностью Хубилая к китайцам и с этих пор стали оказывать сопротивление проводимой им политике. Это противодействие ослабляло монголов и подрывало их попытки управлять огромной завоеванной территорией. Казалось, что Хубилай поддался обаянию китайской цивилизации. Монголы-традиционалисты видели в его возможном «окитаивании» угрозу своему образу жизни, а некоторые даже приняли решение уничтожить Хубилая, пока он не успел разрушить их привычное кочевое скотоводческое хозяйство.

Конечно, Мункэ мог иметь свои причины для того, чтобы прислушаться к обвинениям в про-китайской, чуть ли не предательской политике, выдвигаемым против его младшего брата. Возможно, его настораживал триумфальный успех похода Хубилая на Да-ли. Хубилай, до сих пор остававшийся в тени, теперь быстро выдвигался на первые роли. Возможно, Мункэ завидовал славе, которой совсем недавно покрыл себя младший брат. И вряд ли он мог с одобрением наблюдать за строительством роскошной резиденции в Кайпине, чьи дворцы соперничали или даже превосходили в пышности столицу великого хана в Каракоруме, которая, как, наверное, считал Мункэ, одна должна была представлять фасад великой Монгольской империи. Естественно, он без восторга смотрел, как рядом возникает город-соперник.

Но гораздо реальнее, чем эти мелочные и, возможно, эфемерные опасения, был страх, что Хубилай наладит взаимопонимание со своими подданными. Чиновники Мункэ постоянно пытались возбудить в великом хане подозрения по отношению к младшему брату. Они обвиняли Хубилая в том, что он управляет своими владениями по китайским законам и отходит от традиционных монгольских обычаев. [35] Мункэ все еще считал Каракорум настоящей столицей, а Монголию — истинным центром Монгольской империи, но возведение главной резиденции на землях оседлого населения, предпринятое Хубилаем, шло вразрез с привычками традиционного монгольского общества. Должно быть, советникам удалось убедить Мункэ в том, что необходимо устранить угрозу, исходящую от Хубилая.

В любом случае, в 1257 г. Мункэ послал двух доверенных советников, Аландара и Лю Тайпина, во владения Хубилая для наблюдения за сбором налогов. [36] По словам некоторых китайских источников, цель этой поездки

заклучалась в создании условий для свержения Хубилая. Посланцы якобы получили указания в случае необходимости сфабриковать дело. Проведя спешную инспекцию налоговых записей, они выявили множество отклонений, упущений и нарушений закона. Они немедленно без суда и следствия казнили нескольких высокопоставленных чиновников. Чиновники, поддерживавшие особенно тесные связи с монгольской знатью, избежали этой участи. Одним из таких сановников, спасшихся благодаря могущественным покровителям или благодаря личным заслугам, был знаменитый китайский полководец Ши Тяньцзэ. [37] Другие не были столь же счастливы, хотя говорить о кровавой бане было бы преувеличением. Завершив предварительную чистку, Аландар создал ведомство, носившее китайское название Гоукаоцзюй, для ревизии записей налогового управления и расследования деятельности чиновников Хубилая. [38] В ходе разбирательств было сокращено число китайцев в местной администрации. Чистка, несомненно, продолжалась бы до тех пор, пока угроза не нависла бы над самим Хубилаем. Его уже лишили некоторых властных полномочий, включая такой важный аспект, как сбор налогов, и, судя по всему, его положение в монгольской иерархии заметно пошатнулось.

Таким образом, перспективы Хубилая выглядели не слишком радужными. Он мог вступить в противостояние со старшим братом, изгнать посланников и ожидать последствий. Мункэ, вероятно, в ответ снарядил карательную экспедицию, чтобы наказать непокорного. Эта междоусобная война, несомненно, ослабила бы монголов и, скорее всего, закончилась бы поражением Хубилая. Хубилай не мог рассчитывать на поддержку монгольской знати, поскольку в ее глазах он представал бы в роли

дерзкого и мятежного младшего брата. Следовательно, этот вариант таил в себе много опасностей.

Китайские источники ставят в заслугу конфуцианским и буддийским советникам Хубилая то, что в итоге он предпочел пойти по другому пути. Если судить по их изложению событий, ученый-конфуцианец Яо Шу просил Хубилая воздержаться от резких и необдуманных поступков, а Намо, которого Мункэ назначил главой буддистов в Монгольской империи, побудил Хубилая выказывать еще больше уважения к своему старшему брату. [39] Оба они указывали на то, что Хубилай, проявив враждебность, тем самым просто подтвердит наветы, с помощью которых его пытались очернить советники Мункэ. По их мнению, гораздо разумнее было бы сгладить впечатление, произведенное при дворе Мункэ обвинениями против Хубилая. Последовав этому совету, Хубилай отправил к Мункэ защищать свои интересы китайца Тань Чэна и монгола Кэкэ (кит. Ко-ко). [40] Очевидно, они не справились с поручением, поскольку в декабре 1257 г. Мункэ все еще сохранял крайнее нерасположение к Хубилаю. Требовалась более убедительная демонстрация верноподданности. Тогда помощники Хубилая посоветовали ему лично приехать ко двору Мункэ в Каракорум, чтобы оправдаться в выдвигаемых против него обвинениях. Они рекомендовали ему избегать политических вопросов и воззвать к братским чувствам великого хана, не входя в обсуждение дел, по поводу которых их мнения расходились. [41] По словам китайских источников, Хубилай в точности выполнил эти указания, и встреча двух братьев прошла благополучно. После того, как они обняли друг друга, все недопонимания развеялись без следа.

Однако возникает вопрос, насколько достоверно такое объяснение? И Мункэ, и Хубилай отличались расчетли-

востью и редко позволяли себе поддаваться эмоциям, которые могли бы оказать влияние на их политику. Вряд ли их важнейшие политические решения определялись сантиментами, даже если бы это происходило в форме трогательного братского примирения. Во всяком случае, вовсе не родственными чувствами руководствовался Мункэ при своем восшествии на престол, когда проводил безжалостную чистку, при которой пострадали его двоюродные братья, тетки и другие родичи. Борьба между братьями была знакома монголам, да и сам Хубилай через несколько лет вступит в кровопролитное противостояние за ханский престол со своим младшим братом. Примирение могло состояться на самом деле в том виде, в каком оно описано в китайских источниках, но причины этого события следует искать вовсе не в братской любви.

В январе 1258 г. Мункэ столкнулся с двумя серьезными проблемами, которые могли ослабить его власть. Во-первых, религиозный конфликт между буддистами и даосами вылился в вооруженные столкновения, разрушение храмов и монастырей и захват ценных культовых предметов. Мункэ нужно было примирить противоборствующие стороны или, по крайней мере, установить стабильность, чтобы достичь своих политических и экономических целей. Во-вторых, перед Мункэ стояла задача завоевать Южный Китай, самую процветающую часть Поднебесной. Покорение Юга не только внушило бы китайцам еще больший страх перед Мункэ, но и повысило бы его статус в глазах китайских чиновников и ученых, так как он объединил бы под своей властью Китай, оставшийся раздробленным на протяжении трех столетий. Обе эти задачи приковывали внимание Мункэ к китайским делам, вотчине Хубилая, и без его помощи великий хан мог столкнуться с большими трудностями. Хубилай

завоевал доверие у многих жителей Северного Китая, а его советники-китайцы могли оказаться чрезвычайно полезны в разрешении споров между буддистами и даосами, а также в привлечении симпатий населения Южного Китая. Таким образом, Мункэ не мог себе позволить отстранить Хубилая от управления и тем самым настроить против себя его китайских союзников. Присущий Мункэ прагматизм предостерег его от столь необдуманного шага. Отсюда и трогательное примирение с Хубилаем. Такое видение событий кажется мне более реалистичным, чем версия китайских источников. Хотя я не исключаю возможности, что театральная сцена, изображенная в китайских летописях, действительно была разыграна, я полагаю, что это произошло только после того, как Мункэ и Хубилай трезво оценили все последствия раскола.

Хубилай и диспут между буддистами и даосами

Хотя Мункэ ввел более строгий надзор за землями Хубилая и с большей осторожностью наделял его новыми владениями в Северном Китае, с другой стороны, он предоставил младшему брату дополнительные полномочия. Вскоре после их свидания и примирения Мункэ поручил Хубилаю председательствовать на диспуте между буддистами и даосами, который должен был положить конец их взаимной вражде. Хубилай быстро созвал в Кайпин буддистов, даосов, конфуцианских ученых, которые должны были занимать нейтральную позицию, советников и придворных чиновников. Это собрание впервые дало буддистам и даосам возможность изложить свои взгляды и представить их на суд светских властей. Хубилаю была доверена важнейшая задача: он должен был рассудить притязания обеих сторон.

Столкновения между буддистами и даосами, разгоревшиеся в 1250-х гг., были вызваны не идеологическими причинами, а борьбой за власть. [42] Число даосских сект, которых, по одному свидетельству, насчитывалось 81, неуклонно увеличивалось и включало в свои ряды как аскетический орден Цюаньчжэнь, так и более светскую секту Чжэнъи, которая поощряла предсказания судьбы, астрологию и магию. [43] Некоторые из них не таясь стремились к мирским благам и политической власти, тем самым вступая на путь, который неминуемо должен был привести к столкновению с буддистами. По-видимому, при монголах даосы были более склонны к бунтам, чем буддисты, но это впечатление может быть обманчиво, поскольку оно основывается на тенденциозном освещении буддийских источников, на которые мы вынуждены опираться. [44]

Споры и враждебность обострились со вступлением на арену нового участника — тибетского буддизма. При Мункэ в Северном Китае стало появляться все больше тибетских буддистов. В 1252 г. монгольские войска по приказу великого хана вторглись в Тибет и в конечном итоге покорили эту страну. Тибетские ламы издавна принимали активное участие в политической жизни, прибегая к защите и помощи властей в спорах с представителями местной традиционной религии бон. Одержав верх над шаманами, ламы часто брали в свои руки светское управление в пределах своей юрисдикции. Чтобы укрепить свою власть, они ввели в свой извод буддизма некоторые элементы бона, в том числе и магию. Хотя идеология тантрического буддизма, который исповедовали ламы, была сложна для неподготовленных, простой народ привлекали мистические, магические и астрологические аспекты. Воображение монголов ламы особенно поразили своими притязаниями на магические способно-

сти, так как монголы вообще отдавали предпочтение религиям, способным принести осязаемую пользу или обладающим особыми сверхъестественными силами. Опыт тибетских лам, поднаторевших в политических делах и хорошо сознававших роль политики в религиозных спорах, весьма пригодился их союзникам — китайским буддистам. [45]

Таково было положение дел при монголах. Как буддисты, так и даосы стремились к господству и были готовы призвать на помощь светскую власть. Как буддисты, так и даосы возмущались любыми милостями, оказанными правительством их противникам. Как буддисты, так и даосы искали покровительства при дворе великого хана и стремились снискать расположение монгольской правящей элиты. Поскольку их светские амбиции лежали в одной плоскости, столкновение было неизбежным.

Даосы начали наступление, приняв теорию хуаху (обращение варваров), которая была подробно разработана Ван Фу (иначе Цзи Гунцы) в книге «Хуаху цзин» (Книга об обращении варваров), написанной в IV в. По этой теории, даосский мудрец Лао Цзы умер не в Китае, а в Западных Областях, под которыми подразумевалась Индия. В одной из своих 81 реинкарнаций он явился людям под именем Будды и проповедовал буддийское учение. Он отправился в Индию, где стал обращать в свою веру местное население. В сущности, буддийские сутры происходят из даосских произведений. [46] Из теории хуаху вытекало, что буддизм — упрощенная и искаженная форма даосизма, созданная Лао Цзы для привлечения необразованных западных варваров, а даосизм во всех отношениях выше и значительней буддизма. [47] Естественно, буддисты восприняли это как оскорбление.

Даосы пустили в ход и второе оружие — также сфабрикованное сочинение, известное под названием «Башии хуату» (Изображения 81 превращения). В отличие от «Хуаху цзин», «Башии хуату» состояла не из нападок на буддизм, а из изображений восьмидесяти одной реинкарнации Лао Цзы. На одной иллюстрации он изображен Буддой. Это служило еще одним указанием на то, что священный основатель индийской религии играет второстепенную роль по отношению к китайскому мудрецу. [48] Разгневанные подобным пренебрежением, буддисты вскоре нашли способ отомстить обидчикам.

Они ответили на оскорбительные, даже неприличные выпады, заключающиеся в теории хуа-ху, созданием своей собственной версии отношений между Лао Цзы и Буддой. Они утверждали, что Будда родился в 1029 г. до н.э. и покинул этот мир в 950 г. до н.э. Таким образом, он достиг nirваны по меньшей мере за три столетия до рождения Лао Цзы и потому во всех отношениях стоит выше китайского святого. Однако некоторые тексты заходили еще дальше, изображая Лао Цзы и даже Конфуция учениками Будды, даже приводя отрывки из «Хуаху цзин». По словам буддистов, в этой книге Лао Цзы сам поставил себя ниже Будды, назвавшись Махакашьяпой, главой учеников после смерти Будды и составителем первого буддийского канона. [49]

Даосы первыми нанесли удар. [50] Пользуясь покровительством монгольских ханов, они стремились устрашить буддистов, распространяя множество списков «Хуаху цзин» и «Башии хуату». [51] Буддийские источники, на которые мы вынуждены опираться при освещении этих событий, также содержат жалобы на то, что даосы портили и уничтожали буддийские картины и статуи, захватывали буддийские храмы и монастыри и при-

сваивали земли, прежде обрабатывавшиеся монахами-буддистами. Столь агрессивное поведение не должно было оставаться без отпора, если буддисты хотели отвести от себя угрозу. В буддийских сочинениях излагается история борьбы с даосами, включая бурные диспуты, проводившиеся в 1250-х гг. и периодически возобновлявшиеся до 1281 г. [52] Они быстро расправляются с даосскими теориями и тем самым рисуют самую лестную для буддистов картину.

Главный судья, Хубилай, к тому времени уже был знаком и с буддизмом, и с даосизмом, как и с другими религиями, исповедовавшимися в Китае. Если оценивать его позднейшие поступки и высказывания, он гораздо больше симпатизировал буддистам, чем даосам. Например, в беседе с Марко Поло Хубилай так описывал свои религиозные взгляды:

Есть четыре почитаемых пророка, которым все оказывают уважение. Христиане говорят, что их Бог — Иисус Христос, сарацины — Магомет, евреи — Моисей, а идолопоклонники — Сагамони Буркан (Шакьямуни Будда), который был первым богом среди идолов; и я чту и воздаю уважение всем четверем, то есть тому, кто величайший на небе и самый истинный, и его я молю о помощи. [53]

Он обошел молчанием, вероятно, осознанно, пятого пророка, Лао Цзы, и основанную им религию, даосизм. Со времени своего первого знакомства с буддизмом он в полной мере оценил его достоинства. На него произвела большое впечатление личность Хайюня, первого выдающегося чань-буддийского монаха, с которым свела его судьба. В одной из бесед с ним Хубилай спросил: «Какая из трех религий (буддизм, даосизм и конфуцианство) самая почтенная, самая справедливая и самая высшая?» Хайюнь отвечал:

Из всех мудрецов только буддийские монахи не прибегают к обману. Поэтому с древности буддизм всегда считался выше прочих. Поэтому, согласно указам предков-императоров, императрица-мать (Торэгэне) провозгласила, что буддийские монахи должны стоять впереди всех и что даос не должен стоять перед монахом[54].

Подобными объяснениями Хайюнь пытался настроить Хубилая против даосов. Чаньский монах также познакомил Хубилая с Лю Бинчжуном, ставшим влиятельным советником и использовавшим свое положение на благо буддистам.

Однако Хубилай все больше склонялся к тибетскому буддизму. Поскольку секта Чань отличалась медитативной направленностью и квиетизмом, она не могла предложить своим последователям никаких сиюминутных выгод, а этим понижалась ее привлекательность в глазах прагматичных монгольских князей. Гораздо привлекательнее казались магические силы, которыми, по их собственным уверениям, обладали тибетские буддисты. Кроме того, поднаторевшие в политических делах ламы могли оказаться для Хубилая полезными политическими союзниками. Пожертвования, выделявшиеся Хубилаем тибетским ламам, и покровительство, которое он им оказывал, впоследствии могли вернуться к нему сторицей. Еще в 1253 г. Хубилай послал приглашение Сакья Пандите, самому знаменитому тибетскому монаху. [55] Однако Сакья Пандита скончался двумя годами ранее, в 1251 г., и приглашение принял его племянник Пагба-лама (1235–1280). Как только они встретились, сообщает один тибетский текст, они оказались неразрывно связаны, «как солнце и луна». [56] Хубилай стал покровителем Пагба-ламы, который выполнял при нем функции поверенного в делах религий. Вероятно, великий хан предоставил Пагба-ламе политическую и военную

помощь, когда тот осуществлял свои замыслы по установлению власти над Тибетом, в то время как лама наставлял Хубилая в вероучении.

Однако поначалу Хубилая гораздо больше притягивала личность другого тибетца, путешествовавшего через его владения. Этот тибетский монах по имени Карма Пакши (1204–1283) был главой ордена Черных Шапок, принадлежавшего к секте Кармапа. Прославившийся своей магической силой и сверхъестественными способностями, Карма Пакши, по рассказам, мог входить в транс и совершать чудеса. [57] Когда Хубилай узнал о чудотворце, он пригласил его остаться при его ставке, но Карма Пакши отклонил это предложение и отправился во дворец Мункэ в Каракорум.

Отказ Карма Пакши наконец позволил Пагба-ламе в полной мере продемонстрировать свои способности. Пагба-лама воспользовался этой возможностью, чтобы войти в милость к хану. Не менее важно то, что он сумел снискать благорасположение жены Хубилая, Чаби, ревностной буддистки. Согласно тибетским и монгольским источникам, под воздействием взглядов Пагба-ламы она выступила в роли посредника в споре о старшинстве между Хубилаем и тибетским наставником. Со своей стороны, Пагба-лама выражал готовность служить Хубилаю, пока монгольский хан будет признавать более высокий статус монаха. Пагба-лама считал, что стоит выше светских властей, в то время как Хубилай не признавал никого выше себя в своих владениях. Чаби способствовала примирению этих противоречий и открыла обоим путь к сотрудничеству. По новому укладу Пагба-лама первенствовал в духовных и религиозных делах, а Хубилай — в светском управлении. Когда Хубилай получал частные религиозные наставления от ламы, он должен был садиться ниже тибетского наставника. Но

на публичных придворных церемониях он должен сидеть выше Пагба-ламы. [58] Оба с готовностью согласились принять это компромиссное решение.

В целом, Хубилай подошел к диспуту уже с четко выраженными буддийскими симпатиями, проявляя особое уважение к тибетским ламам. Так как председательствующий уже держал сторону буддистов, естественно, он оказывал им всемерную поддержку. Таким образом, исход диспута был предрешен. Что бы ни делали даосы, они не могли выиграть в споре.

В 1258 г. Хубилай созвал соперников на собрание в своем новом городе Кайпине. Китайские и тибетские буддисты, которым должны были быть прекрасно известны взгляды Хубилая, были полны решимости извлечь из диспута максимальную выгоду, чтобы раз и навсегда избавиться от своих противников-даосов. Китайский настоятель Фуюй и тибетский Пагба-лама были на этом собрании двумя высшими представителями буддийского духовенства. Даосская сторона, во главе с Чжан Чжицзином, который не имел должного опыта и, очевидно, не отличался ораторским искусством, не могла похвастаться столь же внушительным представительством. Прочие же выступавшие от даосов еще больше уступали буддистам, не обладая ни талантом, ни воображением. [59]

Споры вращались вокруг двух уже известных нам даосских текстов. Пагба-лама поставил перед своими оппонентами вопрос об аутентичности «Хуаху цзин». Он потребовал от них доказательств, подтверждающих датировку и авторство произведения, и вынудил даосов признать, что этот текст не упоминался ни Лао Цзы, ни историками древнего Китая. В первой всеобщей истории Китая — «Ши цзи», написанной Сыма Цянем в I в. до н.э., не говорится ни слова о «Хуаху цзин», и это умол-

чание ставит под большое сомнение правдоподобность уверений даосов. Пагба-лама предположил, что оба эти сочинения являются поздними подделками, тем самым нанеся мощный удар, который даосы не сумели отразить. Текстуальных свидетельств ранней датировки «Хуаху цзин» и «Башии хуату» просто не существовало. [60] В данном случае даосская позиция была весьма уязвима.

Хубилай принимал активное участие в диспуте. Не довольствуясь ролью стороннего наблюдателя, он часто ставил важнейшие вопросы, комментировал высказывания спорящих и излагал свои собственные взгляды, не скрывая своих буддийских убеждений. Уверенный в том, что буддисты уже одержали идеологическую победу, он, тем не менее, предоставил даосам последнюю возможность сохранить лицо, предложив им продемонстрировать свои магические и сверхъестественные способности, которыми они хвалялись. Однако даосы не сумели ничего совершить, и вера Хубилая в их особые силы еще больше пошатнулась.

В конце концов Хубилай объявил, что даосы уступили в диспуте, и наказал их вождей. Он приказал побрить 17 главных даосов и принудил их перейти в буддизм. Все списки текстов-подделок должны были быть преданы сожжению, а тексты и картины на стелах, столбах и стенах — стерты и уничтожены. Буддийские храмы, захваченные даосами (около 237), и собственность, присвоенная ими, должны были быть возвращены законным владельцам. [61]

Эти наказания, конечно, нанесли даосам серьезный, но не сокрушительный удар. Даосизм не был запрещен, а ни один даос не был казнен или брошен в тюрьму. Если отталкиваться от выдвинутых против даосов обви-

нений в тяжких преступлениях и нарушениях, нельзя не признать, что Хубилай проявил удивительную снисходительность. Возможно, причина этого лежала в том, что он не хотел вступать в конфронтацию с многочисленной даосской общиной в Северном Китае. [62] Даосизм пользовался широкой популярностью во всех слоях китайского общества, а суровые преследования могли вызвать возмущение у даосов и тем самым существенно осложнить Хубилаю ведение государственных дел. Его мать в свое время советовала ему избегать религиозных раздоров, и, должно быть, Хубилай последовал этому мудрому совету. Для острастки было достаточно слегка припугнуть главных даосских вождей.

На какое-то время конфликт между буддистами и даосами утих. Естественно, успех Хубилая повысил его престиж в рамках монгольской иерархии. Более того, он расположил к себе некоторых китайских ученых, которым импонировало то, какое умение он проявил в роли председателя и посредника на диспуте. На них произвели большое впечатление ум и выдержка монгольского хана, а также его административные способности. Одержав эту победу, он проложил себе путь к следующему важнейшему поручению.

Поход Мункэ на Южную Сун

Задача, исполнение которой Мункэ доверил Хубилаю, действительно имела первостепенное значение. Хубилай был поставлен во главе одной из четырех армий, отправленных на завоевание Южного Китая. Монголам было необходимо уничтожить династию Южную Сун, чтобы укрепить свою власть над Северным Китаем и не дать китайским националистам на севере стать под знамена южан. Само существование Южной Сун служило напо-

минанием, что у китайцев остается альтернативный путь, и тем самым таило в себе угрозу для монголов. Вероятно, Мункэ также руководствовался целью поддержать боеспособность своих войск и дать им возможность обогатиться. Поэтому он принял решение снарядить поход против Южного Китая, в котором Хубилаю будет суждено сыграть главную роль. .

Замысел Мункэ не пользовался единодушной поддержкой. Ряд военачальников в его свите высказывали опасения, что Юг отличается жарким и нездоровым климатом, подразумевая, что монгольские войска будут терпеть гораздо больше лишений, чем в привычных им условиях. По мнению критиков, попав в незнакомую обстановку, монголы увязнут в болотах. Однако Мункэ жестко заявил, что он доведет до конца дело, начатое его предками. [63] Этим ответом и очевидным стремлением завоевать оставшуюся часть Китая он в зародыше подавил любые возражения.

Для победы над Сун требовались более сложные военные методы, чем те, которые обычно применяли монголы. К югу от Янцзы лежало несколько крупнейших городов в мире. Столица Южного Китая Линьань (современное Ханчжоу), например, была первым в мире городом по численности населения: по самым скромным оценкам, здесь проживало приблизительно 1,5 миллиона человек. [64] Для сравнения, Венеция, один из коммерческих центров Европы, насчитывала 100000 жителей. Здесь должны были быть испытаны на прочность методы осадной войны, проверенные монголами во время походов на Северный Китай. Для осады этих городов была необходима тяжелая артиллерия, так как осаждающие не могли обойтись без катапульт, способных метать большие камни. Конница, составлявшая главную силу монголов, не могла успешно действовать в Южном

Китае как из-за особенностей местности, так и из-за наличия больших городов. Успех предприятия зависел от пехоты и осад. [65] За помощью в составлении военных планов и в проведении самой кампании монголы обратились к китайским и мусульманским советникам.

Придя к выводу, что его войска готовы к завоеванию Южного Китая, Мункэ решил разделить их на четыре армии, чтобы не позволить войскам Сун сосредоточиться на защите какой-либо одной области страны и вынудить их рассеяться для отражения монгольского наступления. Несмотря на это преимущество, Мункэ тщательно распланировал поход. Его самый младший брат Ариг-Бука остался в Каракоруме защищать столицу и заниматься повседневными делами правления. По монгольскому обычаю, именно младшему из братьев доверяли семейный очаг и наследственные земли, так что Мункэ просто следовал традиции.

Завершив все необходимые приготовления, в июне-июле 1257 г. Мункэ посетил старые дворцы Чингис-хана. Здесь он совершил ритуальные жертвоприношения, которые должны были принести успех в новых делах. [66] В следующем месяце он принес жертвы Небу, окропив молоком, выдоенным у особого стада кобыл, священную землю вокруг своего дворца. [67] Исполнив все обязанности образцового монгольского правителя, теперь он мог со спокойной совестью выступить в поход. К маю 1258 г. он переправился через Хуанхэ и собрал свои войска у Люпанышань, к юго-западу от современного Гуюаньсянь в провинции Нинся. Точное число воинов, находившихся под его началом, неизвестно. Цифры, приводимые персидскими историками, кажутся сверх всякой меры завышенными. В одном источнике утверждается, что Мункэ вел с собой армию в 600000 человек, а в другом — что один лишь Хубилай возглавлял

отряд в 9 туменов (около 90000 человек). [68] Китайские оценки в целом более умеренны. [69] Когда Мункэ удалось захватить один важный пункт в Сычуани, он оставил в нем гарнизон из 3000 человек. [70] Если бы он на самом деле стоял во главе столь многочисленной армии, как говорится в персидских летописях, он наверняка выделял бы для защиты таких мест более крупные отряды. [71]

Перед каждой из четырех армий были поставлены особые задачи. Армия под личным командованием Мункэ должна была двинуться на юг с лагеря на северо-востоке, занять юго-западную провинцию Сычуань и затем идти на восток. Войска Хубилая получили указание отправиться на юг из недавно отстроенного Кайпина, выйти в центральную часть Китая и переправиться через Янцзы у Эчжоу (Учан в современном Хубэе), где они должны были разбить армию Сун. Там они должны были соединиться с отрядами Урянхада, третьей армией, которой было приказано следовать на северо-восток из Юньнани. Четвертая армия под руководством внука одного из братьев Чингис-хана должна была выступить из лагеря Мункэ в Люпанышане и идти на восток к Сянъяну, находившемуся северо-восточнее Эчжоу. В конце концов ей также следовало соединиться с армиями Хубилая и Урянхада. [72] Очевидно, замысел заключался в том, чтобы отсечь восточные и западные части Южной Сун. Сосредоточив свои силы на покорении юго-западного и центрального Китая, монголы рассчитывали ослабить центр сунской державы, находившийся на востоке. По их планам, быстрая победа на западе могла вынудить Сун капитулировать и снизить возможные потери.

Армия Мункэ столкнулась с серьезными затруднениями. Она двигалась по самому сложному и наименее разведанному маршруту. На юго-западе стояла удушающая

жара, а холмистая местность предоставляла всевозможные выгоды обороняющимся, которые пользовались этим, чтобы задержать продвижение Мункэ. Конница, главная сила монголов, не могла принести им особой пользы в таких условиях. Напротив, военные действия в основном состояли в осадах городов и укрепленных пунктов. Хотя монголы уже успели набраться опыта в осадной войне, этот аспект военного дела не был их сильной стороной. Кроме того, обороняющиеся оказывали, по-видимому, более серьезное сопротивление, чем ожидали монголы. Мункэ вынужден был задержаться на юго-западе гораздо дольше, чем ему хотелось бы. [73]

Тем не менее, начало кампании было успешным. К марту 1258 г. его войска захватили город Чэнду, одну из важнейших крепостей в Сычуани. Следующей целью завоевателей стала область вокруг Чунцина, где главным препятствием был город Хэчжоу. Ван Цзянь, сунский полководец, решил оборонять город и отразить нападение монголов. Он казался вовсе не уstraшенным численностью нападавших и не пожелал сдаться. Вследствие этого войска Мункэ продвигались крайне медленно. [74] В марте 1259 г., через год после взятия Чэнду, Мункэ устроил для своих главных военачальников пир, чтобы обсудить стратегию дальнейших действий. Хорошо поев и выпив, они приступили к совещанию. И вновь один из самых доверенных советников Мункэ высказал сомнения в успешности кампании, проводимой в стране, местность и климат которой так сильно отличаются от областей, захваченных монголами прежде. Он также снова указал на опасность болезней и страшную жару. Однако Мункэ отмел эти возражения и решительно настоял на осуществлении ранее намеченных планов во что бы то ни стало захватить Хэчжоу. Однако его замыслам не суждено было сбыться.

Мункэ провел в области Хэчжоу пять месяцев. Его войска с конца марта до начала мая несколько раз пытались взять город приступом, но так и не могли достичь успеха. По сведениям источников, обе противоборствующие стороны понесли тяжелые потери. Однако Мункэ это не смутило. Они настаивал на продолжении военных действий, но майские и июньские ливни помешали его армии выполнить поставленную задачу. [75] На протяжении сезона дождей война замерла. Как только дожди закончились, монголы пошли на приступ, но натолкнулись на ожесточенное сопротивление войск Ван Цзяня. Во время одной из последних попыток взять город штурмом некий Ван Дэчэнь повел свой отряд на городские стены по приставным лестницам. Взобравшись наверх, он увидел Ван Цзяня и попытался захватить его в плен. В ответ Ван Цзянь приказал метать в нападающих камни, один из которых убил Ван Дэчэня. [76]

11 августа, через несколько дней после этого кровопролитного, но безуспешного приступа, в холмистой местности у Дяюйшаня умер Мункэ. Согласно некоторым источникам, он скончался от раны, которую получил при осаде Хэчжоу. [77] По другим сведениям, включая свидетельство Юань-ши, он умер от дизентерии. [78] Рашид ад-дин утверждает, что Мункэ пал жертвой эпидемии холеры. [79] Как бы то ни было, смерть Мункэ во многом определила будущие судьбы Монгольской империи.

Борьба за престол

Со смертью Мункэ верхние слои монгольского общества оказались в тупике. Поход армии самого Мункэ практически остановился. Его войска удерживали захваченные области, но не предпринимали никаких последующих действий. Они даже не пытались связаться с другими

монгольскими отрядами, воюющими на территории империи Сун. Тело Мункэ отвезли в северо-восточную Монголию и похоронили рядом с его отцом Толуем и дедом Чингис-ханом. Завоевание Южного Китая отсрочилось на два десятилетия.

Смерть Мункэ сорвала не только китайский поход: она приостановила действия монголов даже на Ближнем Востоке. Младший брат Мункэ, Хулагу, расширивший границы монгольских владений до Сирии, свернул наступление и направился обратно в Монголию. Оставив на захваченных территориях символическое прикрытие под началом несторианца Кит-Буки, он поспешил на курилтай, который должен был избрать нового великого хана. Временно приостановив наступление на Ближнем Востоке, Хулагу упустил инициативу. Точно так же, как смерть Угэдэя заставила монголов прекратить поход на Восточную Европу, смерть Мункэ нарушила их планы по захвату всего Ближнего Востока и Малой Азии. Кроме того, как мы увидим, мусульмане воспользовались отъездом Хулагу, чтобы восстановить силы и атаковать монгольские отряды во главе с неудачливым Кит-Букой. Таким образом, они сумели отплатить монголам, нанеся им первое серьезное поражение.

Отсутствие четких правил престолонаследия в очередной раз нанесло удар монгольскому миру. Так как ни одна из ветвей Чингизидов по монгольским обычаям не имела преимуществ перед другой, для выбора нового правителя созывался курилтай. Мы видели, как обстоятельства, на фоне которых происходили выборы Мункэ — споры и последовавшие междоусобицы — обострили противоречия и бросили тень на саму идею курилтая. Оказалось, что его может держать под контролем вождь, располагающий наибольшей военной мощью (как Бату, в случае восшествия на трон Мункэ). Шансы

кандидата определялись грубой военной силой, а вовсе не какими-либо правилами престолонаследия. Если два кандидата расценивали свои шансы как примерно равные, опасность столкновения возрастала. Такая неопределенность не добавляла стабильности монгольской власти. Восшествие Мункэ на престол в 1251 г., очевидно, отдалило потомков Угэдэя и Чагатая, представителей двух из четырех главных ветвей Чингизидов. Естественно, они изыскивали возможности для возобновления притязаний на трон великого хана, и смерть Мункэ пришла им как нельзя кстати.

Однако основная борьба развернулась между потомками Толуя. На трон Мункэ претендовали два его младших брата — Хубилай и Ариг-Бука. Хулагу, третий брат, создавший для себя собственный удел в Западной Азии, не выдвигал притязаний. Хотя он не оказал решающего влияния на исход борьбы, его симпатии были на стороне старшего брата, Хубилая. Вероятно, в некоторой степени эта поддержка обуславливалась тем фактом, что Хулагу, как и Хубилай, связывал свое будущее с оседлым миром. Напротив, в то время, как его братья объезжали центры великих цивилизаций в Южной и Западной Азии, Ариг-Бука оставался в коренных монгольских владениях. Обладая более ограниченным кругозором, он предпочитал пашне степи. Таким образом, он выступил в роли защитника традиционных монгольских ценностей и образа жизни, возглавив самую консервативную часть монголов, которая чувствовала себя ущемленной, изолированной и не разделяла увлечения благами оседлых цивилизаций. В глазах этой части монгольского общества Хубилай и Хулагу относились к числу самых злостных нарушителей устоев, так как они встали на сторону покоренных стран, пользовались советами и услугами местного населения и проводили большую часть времени

не в Монголии, а в Китае и Персии. Устрашенная возможными переменами, провозвестниками которых выступали Хубилай, Хулагу и некоторые другие монгольские вожди, эта недовольная группа консерваторов сплотилась вокруг Ариг-Буки.

Так как Ариг-Бука в конечном итоге проиграл борьбу, источники практически не дают нам информации об аргументах, которыми он обосновывал свои притязания. Они изображают его двуличным и властолюбивым узурпатором, устроившим заговор с целью незаконного захвата власти и тем самым породившим династический кризис. По наущению своих советников он плел подковерные интриги, чтобы вопреки желаниям монгольской знати наследовать престол, прежде чем на него заявит права кто-нибудь еще. Однако это описание событий выглядит весьма упрощенным и выставляет Ариг-Буку в неоправданно мрачном свете. Несмотря на свои возражения, Хубилай столь же стремился стать великим ханом, как и его младший брат. В Юань-ши сообщается, что Хубилай трижды отказывался от предложения занять престол, но эти отказы носили церемониальный характер. [80] Он просто следовал этикету, введенному его непосредственными предшественниками. Слишком явно выраженное желание было бы сочтено неприличным, и Хубилай вел себя в соответствии с ожиданиями монгольской знати. Он с не меньшей готовностью, чем Ариг-Бука, прибегал к любым ухищрениям, чтобы достичь своей цели и стать великим ханом. Краткий пересказ событий, приведших к восшествию Хубилая на престол, не оставляет сомнений в его стремлении обрести власть любой ценой.

В 1258 г. Хубилай узнал о планах Мункэ относительно завоевания империи Сун. В декабре 1258 г. он отправился из Кайпина на юг, выслав вперед авангард под нача-

лом Бахадура, который должен был собрать и подготовить припасы для войска. Стремясь повторить успех своего похода на Да-ли, Хубилай предостерег своих полководцев от неоправданного истребления китайского населения и предупредил, что за невыполнение этого указания н будет строго наказывать, вплоть до смертной казни. [81] Очевидно, снисходительностью и мягкостью он рассчитывал заручиться поддержкой китайцев. К августу 1259 г. он переправился через реку Хуайхэ (в современной провинции Хэнань) и послал своего доверенного советника, уйгура Лянь Сисяня в область Тайшань (близ Хуанъаньсяня в современном Хубэе), где тот должен был призвать местное население покориться монголам. После отъезда Ляня Хубилай продолжил двигаться на юг, в начале сентября выйдя к северному берегу Янцзы. Через десять дней он узнал о смерти Мункэ от вестника, посланного его сводным братом Мугэ, который просил его вернуться на выборы великого хана. Согласно Юань-ши, Хубилай отказался выполнить эту просьбу, сказав: «Я получил приказ императора идти на юг. Как же я вернусь без заслуг?» [82] Рашид ад-дин пересказывает тот же эпизод, приводя слова Хубилая: «Мы прибыли сюда с войском, [многочисленным], как муравьи и саранча. Как же мы вернемся, ничего не сделав из-за ложных слухов?» [83]^а

Сложно определить, действительно ли Хубилай произнес такие слова, или их вложили в его уста летописцы, желавшие подчеркнуть его преданность делу и героизм. Мотивы, побудившие его продолжать войну с империей Сун еще два месяца, неясны. Безусловно, он не мог не понимать необходимости спешного возвращения на

^а Рашид ад-дин, Сборник летописей, т. 2, пер. Ю.П. Верховского, с. 157. — далее Рашид ад-дин — прим. пер.

выборы великого хана. Возможно, победой над Сун он хотел доказать свои способности. Ни Угэдэю, ни Мункэ не удалось нанести поражение Южному Китаю, и, естественно, покорение страны произвело бы благоприятное впечатление на курилтай. Более того, если бы началась борьба за престол, Хубилай смог бы рассчитывать на ресурсы Южного Китая. По этим причинам он не принял во внимание призывы сводного брата повернуть на север.

Таким образом, Хубилай решил переправиться через Янцзы и захватить земли на другом берегу реки. Через несколько недель после получения известий о смерти Мункэ он приказал войскам начать переправу. Полководцы, указывая на сильный ветер и грозы, бушевавшие над рекой в это время, советовали Хубилаю обождать с наступлением, пока не стихнет непогода. Однако тот отверг все советы и приказал немедленно приготовиться к атаке. [84] Взвились знамена, забили барабаны, и войска переправились на другой берег. Как только они высадились, небо прояснилось и начался бой. Обе стороны несли тяжелые потери, но монголам удалось создать плацдарм к югу от Янцзы.

Их следующей целью был Эчжоу. Этот город на берегу Янцзы представлял собой серьезное препятствие. Он был хорошо укреплен, и монголы оказались перед перспективой долгой осады. Канцлер (Чэн-сян) Южной Сун, Цзя Сыдао, отправил в осажденный город подкрепления. [85] Сунский военачальник Люй Вэньдэ прибыл из Чунцина и, как ни удивительно, сумел избежать столкновения с монгольскими войсками и провести свой отряд в Эчжоу. [86] Этот прорыв осады говорит о том, что монголы не контролировали всю округу. Однако Хубилай стремился во что бы то ни стало захватить Эчжоу, так как это достижение повысило бы его престиж

среди монголов, и не хотел размениваться на компромиссы. Цзя Сыдао, желавший любой ценой сохранить целостность территории Южной Сун, послал для переговоров с Хубилаем полководца Сун Цзина. Цзя обратился к условиям соглашения, принятого в 1005 г. киданями, племенем из Маньчжурии, угрожавшим уничтожить династию Северной Сун. По договору, заключенному в Шаньюане, кидани согласились не вторгаться на китайскую территорию в обмен на ежегодную дань, выплачиваемую шелком и серебром. [87] Теперь Цзя Сыдао надеялся заключить с монголами сходное соглашение и поручил Сун Цзину предложить Хубилаю ежегодную дань, выплачиваемую серебром и тканями, в обмен на обещание не переходить Янцзы, которая признавалась бы нерушимой границей, но Хубилай отверг эти условия. Чжао Би, советник-конфуцианец, выступавший от имени Хубилая на переговорах с Сун Цзином, насмешливо спросил посланника: «Теперь, когда мы уже на другом берегу Янцзы, что толку в этих словах?» [88] Монголы уже захватили силой те территории, которые сунский император милостиво соглашался им даровать. Зачем же заключать мир и прекращать войну накануне победы? Хубилай не нуждался в компромиссах: время играло ему на руку, а военные действия разворачивались благоприятно для монголов.

В этой тяжелой ситуации империю Сун спас кризис, вызванный спором о престолонаследии. За несколько месяцев, истекших со смерти Мункэ, разгорелась борьба за престол великого хана, и Ариг-Бука заручился значительной поддержкой. На его сторону встали одна из жен Мункэ, а также сыновья Мункэ Асутай и Урунгташ. [89] Помощь Ариг-Буке среди прочих обещали также внук Угэдэя Дурчи, внук Чагатая Алгу и внук Джучи Хурумши. Кроме того, у Ариг-Буки были влиятельные союзники

и не из числа Чингизидов, например, Болгай, самый могущественный человек в монгольской администрации при Мункэ. При такой расстановке сил Ариг-Бука сделал первый ход, назначив Аландара командующим своей армией и приказав ему собрать войска к северу от Гоби, в то время как Дурчи должен был набрать армию к югу от этой пустыни. В конце ноября Дурчи направился в Янь, область у современного Пекина, которую он рассчитывал захватить. [90] Аландар пошел на новый город Хубилая Кайпин. Чаби, жена Хубилая, которую муж, отправляясь в поход, оставил дома, попыталась задержать продвижение Аландара. Она же отправила гонца, чтобы известить Хубилая о действиях его младшего брата. У Хубилая не было выбора. Он должен был снять осаду с Эчжоу и выступить на север, чтобы вступить в борьбу с Ариг-Букой. Приняв это неизбежное решение, он отвел большую часть войск от Эчжоу, оставив для удержания некоторых завоеванных пунктов символические силы под началом Бахадура. [91]

В изложении Рашид ад-дина действия Ариг-Буки предстают в еще более мрачном свете. Персидский историк сообщает, что Ариг-Бука собирал войска (чериг и туркак), но стремился сохранить это в тайне. Когда Хубилай спросил посланцев Ариг-Буки о темных слухах, ходящих по поводу этих приготовлений, те отвечали: «Мы — слуги, ничего не знаем, очевидно [это] ложь». [92]^a Однако у Хубилая уже пробудились подозрения, и он отправил Ариг-Буке послание, в котором их высказывал. Ариг-Бука немедленно послал к Хубилаю гонца со «сладкими речами», сообщая брату, что «он отменил требование ратников и чарика». [93]^b На самом же деле

^a Рашид ад-дин, с. 158

^b Рашид ад-дин, с. 159

он продолжал набирать армию для войны с Хубилаем. Развязка наступила, когда, стремясь заманить своего противника в ловушку и захватить его, Ариг-Бука пригласил Хубилая и «всех царевичей» на поминки по Мункэ. Однако, понимая, что его схватят, как только он вступит во владения Ариг-Буки, Хубилай отклонил приглашение под предлогом того, что «мы еще не вернулись из похода». [94]^а Тогда Ариг-Бука осознал, что ему не удастся обмануть Хубилая, и приготовился к войне. Распустив слухи, будто Хулагу и Берке, хан Золотой Орды, поддерживают его кандидатуру, он привлек на свою сторону многих монгольских князей. Теперь столкновение стало неизбежным. Можно ли доверять рассказу Рашид ад-дина? Очевидно, действия Ариг-Буки в нем освещаются предвзято. На мой взгляд, обе стороны провоцировали друг друга, так как занять престол было заветным желанием обоих соперников.

Весной 1250 г., когда Хубилай приехал в Кайпин, по сообщениям источников, многие князья обратились к нему с просьбами возглавить Монгольскую империю. Наконец он уступил, и 5 мая спешно созванный в Кайпине курилтай провозгласил его великим ханом. Это были необычные выборы, поскольку во всех предыдущих случаях каган избирался на собраниях, проводившихся в Монголии или Средней Азии. Поэтому, как и следовало ожидать, их легитимность не раз ставилась под сомнение. Однако, приняв решение вступить в борьбу со своим младшим братом, Хубилай сделал первый шаг к трону самой могущественной на тот момент империи в мире, а через несколько лет оспаривать его легитимность уже никто не решится.

^а Рашид ад-дин, с . 159

ГЛАВА 3

ВЕЛИКИЙ ХАН

Избрание Хубилая на курилтае в мае 1260 г. было оспорено. [1] Ариг-Бука первым опротестовал законность выборов, но его примеру последовали и другие. Аура иллегитимности окутывала правление Хубилая до самой его смерти, побуждая некоторых китайских и монгольских вождей идти на попытки свергнуть его с престола великого хана и императора Китая. Главными его противниками были монголы-консерваторы, с неодобрением воспринимавшие его очевидную склонность к китайщине, и коренные китайцы, ненавидевшие иноземную власть. Какие бы действия он ни предпринимал, они неизбежно отдаляли от него какую-либо из этих двух групп. Ни одну из них нельзя было полностью ублаготворить, и обе они, раздраженные тем или иным решением Хубилая, могли выставить неправомерность его избрания в качестве повода для восстания. Столкнувшись с этой опасностью, Хубилай не оставлял стремления утвердить свою легитимность. Вероятно, именно желание добиться всеобщего признания со стороны китайских и монгольских подданных стояло за некоторыми его военными походами более позднего времени. Мы подробно рассмотрим историю избрания Хубилая, так как впоследствии ее не раз будут использовать его противники.

Борьба с Ариг-Букой

В июне 1260 г. Ариг-Бука был провозглашен великим ханом. [2] Теперь великими ханами были формально признаны оба главных претендента — Ариг-Бука и Хубилай, притязания которых поддерживали противоборствующие группировки Чингизидов, хотя преимуществом, по-видимому, владел Ариг-Бука, который пользовался поддержкой трех ветвей правящей династии. На его стороне выступил Берке, ставший ханом Золотой Орды с 1257 г., после недолгих периодов правления сына и внука Бату. К этому решению его отчасти подтолкнули враждебные отношения, установившиеся у Берке с союзником и братом Хубилая Хулагу. Берке перешел в ислам, а мусульмане считали Хулагу своим врагом. [3] И Берке, и Хулагу претендовали на владение территориями современного Азербайджана, и эти территориальные споры, естественно, только подогревали взаимную враждебность. По этим причинам они оказались в разных лагерях и при выборах великого хана. Кроме того, Ариг-Бука заключил союз с улусом Чагатай в Средней Азии, хан которого, Алгу, был одним из тех, кто энергично побуждал Ариг-Буку заявить свои права на престол. К сторонникам претендента присоединились и многие представители дома покойного великого хана Мункэ. Главным приверженцем Хубилая, на помощь которого он действительно мог рассчитывать, был ильхан Персии Хулагу, однако тот оказался в крайне сложном положении.

Получив известие о смерти Мункэ, Хулагу решил вернуться в родные монгольские степи. Он только что одержал одну из самых важных побед в своей жизни, захватив с помощью царя Хетума и его армянских войск город Алеппо (25 января 1260 г.). По данным армянских

источников, Хетум, правитель христианского государства, окруженного мусульманскими и про-мусульманскими державами, поставил в монгольское войско, осадившее сирийский город, 40000 пехоты и 12000 конницы. [4] Армянский царь больше опасался мусульман, чем монголов. Несомненно, на решение Хетума оказать помощь монголам повлиял и тот факт, что Хулагу был женат на христианке. Одержав эту победу, Хулагу считал, что достаточно обезопасил свои ближневосточные владения, чтобы отправиться в Монголию на курилтай по случаю выборов великого хана. Он поручил своему заместителю Кит-Буке захватить Дамаск и оставшуюся часть Сирии. [5] Казалось, монгольскому наступлению невозможно противостоять, и Хулагу решил, что его войска под началом Кит-Буки могут обойтись без его личного присутствия.

Однако эти расчеты оказались ошибочными. Мамлюки, правившие в Египте (и сначала бывшие тюрками-рабами, служившими в египетском войске, но в XIII в. захватившие власть), вскоре узнали, что Хулагу ушел на восток, оставив лишь малочисленное прикрытие под командованием Кит-Буки. [6] Бейбарс, один из мамлюкских военачальников, понял, что им предоставляется прекрасная возможность разгромить ослабленное монгольское войско и тем самым развеять ореол непобедимости монголов, одновременно повысив уверенность мусульманского мира в своих силах. [7] Бейбарс и мамлюкский султан Кутуз отправились в поход на север, чтобы сразиться с армией Кит-Буки. 6 сентября 1260 г. противники сошлись в исторической битве при Айн-Джалуте в Галилее. Монгольские войска, насчитывавшие примерно 10000 воинов, потерпели сокрушительное поражение. Мамлюки использовали тактику ложного отступления, часто с успехом применявшуюся самими монголами.

Вступив в бой, через несколько часов мамлюки стали отходить, и монголы в уверенности, что обратили врага в бегство, бросились в погоню и попали в ловушку. [8] Преследуя отступающий мамлюкский отряд, они внезапно заметили, что со всех сторон окружены мамлюками. К концу дня монгольская армия была уничтожена, а Кит-Бука захвачен в плен и обезглавлен. [9] Наступление монголов наконец было остановлено.

Получив известие о поражении при Айн-Джалуте, Хулагу спешно двинулся обратно, чтобы отомстить мусульманам, но оказался втянут в столкновение с Золотой Ордой. Он встретил серьезного противника в лице Берке, правителя захваченной монголами России, который под впечатлением от победы мамлюков над войсками ильхана объявил войну Хулагу. [10]

Между тем, поскольку руки Хулагу были связаны войной с золотоордынцами, Хубилай остался с врагами один на один. Будучи вынужден полагаться только на собственные силы, он прежде всего позаботился о том, чтобы оправдать свои притязания на престол и очернить своего младшего брата, изобразив его неправомерным узурпатором. Несомненно, под влиянием своих китайских советников, он изложил свое видение событий в истинно китайском духе. Через месяц после восшествия на престол он выпустил манифест (на самом деле составленный его советником Ван Э), в котором стремился представить себя в роли наследника древних китайских императоров. Он признавал, что, несмотря на военную мощь монголов, в искусстве управления они не столь преуспели. Для объединения китайского народа и предотвращения бесчинств, которые несет армия Ариг-Буки, необходим мудрый правитель. Эту функцию принимает на себя Хубилай, отмечая, что он всегда выступал защитником добродетели и справедливости и не раз

помогал простому народу. Он обещал снизить налоги и облегчить бремя, лежащее на плечах китайцев. Он подчеркивал, что первейшей его задачей будет накормить голодных, но также упирал на то, что он будет править в соответствии с традициями, установленными его предшественниками, тем самым явно обращаясь к сердцам своих китайских подданных. Манифест завершался призывом ко всем воинам и простым жителям, как в его владениях, так и за их пределами, действовать в интересах империи. [11] Это обращение практически ничем не отличалось от привычных воззваний китайских императоров.

Он призывал своих китайских подданных помочь ему объединить Китай, но этот призыв был выдержан в совершенно китайском ключе. Через несколько дней после обнародования манифеста он принял китайский девиз правления Чжунтун (срединное правление), подобно типичному китайскому императору. [12] Кроме того, он создал правительственные учреждения, либо напоминавшие, либо повторявшие традиционные китайские институты. Чжуншу шэн (секретариаты) и Сюаньвэй сы (управления по умиротворению), которые в количестве десяти штук были учреждены в его владениях, лишь немногим отличались от структур, существовавших в Китае при династии Сун и ранее. [13] Хубилай ясно давал понять, что он принимает все атрибуты и сам стиль правления китайских императоров.

Хотя Хубилаю удалось завоевать симпатии множества китайцев в Северном Китае, его усилия не увенчались успехом в Южной Сун. В действительности, китайская династия воспользовалась трудным положением, в котором оказался Хубилай на севере, чтобы вернуть под свою власть земли, ранее захваченные монголами. Первый министр империи Сун Цзя Сыдао приказал войскам напасть на малочисленные отряды, оставленные Хубила-

ем на недавно завоеванных владениях. Они изгнали монголов и вернули эти земли под власть императора. Цзя намеренно завысил важность этой победы, введя в заблуждение императорский двор и укрепив решимость не идти на компромисс с «северными варварами». [14] Как бы то ни было, Хубилай отреагировал достаточно вяло. Его армии были задействованы в войне с Ариг-Букой, и поэтому он не имел возможности снарядить карательный поход против Сун. Напротив, 21 мая 1260 г. он направил к императорскому двору посольство во главе с Хао Цзином, одним из своих советников-конфуцианцев, с которым поехали Хэ Юань и Лю Жэньцзе, чтобы уладить конфликт дипломатическим путем. Ответ Цзя Сыдао был предсказуем, хотя и неблагоприятен: он задержал Хао Цзина и всех остальных послов. [15] Однако это наглядное свидетельство враждебности со стороны Сун могло только пробудить в Хубилае стремление отомстить обидчикам. Так в конечном счете и случилось. Однако в данный момент внимание Хубилая было приковано к войне с Ариг-Букой.

Стратегия Хубилая заключалась в том, чтобы не дать Ариг-Буке воспользоваться ресурсами земледельческих владений. Опираясь на базу в Каракоруме, Ариг-Бука должен был обеспечить поставку продовольствия для своей армии, а Хубилай стремился отрезать его от центров снабжения. Одним из таких центров была страна уйгуров с главным городом Бешбалыком. [16] Монгольский правитель Бешбалыка, сын Угэдэя и двоюродный брат Хубилая Хадан поддерживал Хубилая. К 1262 г. Хадан одержал верх над сторонниками Ариг-Буки. Кроме того, он защищал от вторжений войск Ариг-Буки территорию древнего Тангутского царства в северо-западном Китае. Его отряды захватили Ганьсу, тем самым преградив Ариг-Буке доступ к ресурсам этой области.

Армия самого Хубилая стала лагерем в Яне (близ современного Пекина, позднее сюда Хубилай перенес свою столицу в Северном Китае), третьем возможном центре снабжения каракорумских монголов. Ариг-Бука сохранил под своей властью лишь одну область — долину Енисея к северо-западу от Каракорума. [17] Исследования советских ученых показывают, что в верховьях Енисея земледельцы выращивали пшеницу, просо и ячмень, а ремесленники производили для монголов бытовые изделия, оружие и сельскохозяйственные орудия. [18] Именно эта область поставляла Ариг-Буке необходимые припасы.

Однако эта единственная база в верховьях Енисея оказалась весьма ненадежным поставщиком припасов для армии, противостоящей войскам, имевшим в своем распоряжении ресурсы Северного Китая и Средней Азии. Тем не менее, с осени 1260 г. Ариг-Бука мог рассчитывать только на нее. Хубилай повел войско на Каракорум, и Ариг-Бука спешно отступил к Усу, притоку Енисея. [19] Обе армии расположились на зимних квартирах, чтобы начать военные действия с наступлением весны. Рашид ад-дин обвиняет Ариг-Буку в коварстве, утверждая, будто тот хотел обмануть Хубилая лживыми уверениями в готовности подчиниться старшему брату. По словам персидского историка, Ариг-Бука признался Хубилаю в том, что «мы, младшие братья, согрешили, и они [тоже] совершили преступление по невежеству, [ты] мой старший брат и можешь за это судить, я прибуду, куда бы ты ни приказал, приказа старшего брата не преступлю, подкормив животных, я направлюсь [к тебе]». [20]^a Рашид ад-дин пишет, что вместо этого Ариг-Бука готовил вероломное нападение на армию Хубилая. Даже

^a Рашид ад-дин, с. 162

если эти обвинения справедливы, вряд ли столь бесхитростная уловка могла ввести Хубилая в заблуждение. Обещания не Ариг-Буки помешали Хубилаю подготовиться к битве. За короткое время он обеспечил защиту своей базы в Яне, разместив там армию в 30000 человек; он приказал гражданским чиновникам купить 10000 лошадей и переправить их в Кайпин для пополнения конницы; кроме того, по его приказу из области современного Пекина в Кайпин было доставлено 100000 ши (пикулей) риса. [21] Спустя несколько недель он затребовал еще 15000 войск из Северного Китая и 10000 единиц обмундирования — меховые шапки, сапоги и штаны — из своего старого удела в Чжэньдине, а также из Пекина и Иду (округ в провинции Шаньдун). [22] Одновременно он укрепил оборону рубежей Северного Китая. Армия в 7000 человек отправилась в Яньань, а другая армия во главе с конфуцианским советником Хубилая Лянь Сисянем выступила в Сиань. Лянь Сисянь близ Сианя одержал победу над Лю Тайпином, главным сторонником Ариг-Буки в этой области, и захватил склады с зерном, которые могли быть использованы для снабжения войск Ариг-Буки. [23] После этого он двинулся на запад и вытеснил приверженцев Ариг-Буки из городов Лянчжоу и Ганьчжоу, располагавшихся на северо-западе. В то же время он отрядил отборные войска в поход на Сычуань, чтобы обеспечить преимущество в этой важнейшей провинции. [24] Таким образом, Хубилай очистил от противников практически всю территорию Северо-западного и Юго-западного Китая и щедро наградил за успешные действия своих подчиненных, возможно, в частности, и для того, чтобы привязать их к себе и не дать перекинуться на сторону врага. Лянь Сисянь был назначен правым министром в Секретариате, а Хадан получил 5000 ляней серебра

и 300 отрезов шелка. Чиновники и военные низшего ранга были наделены менее значительными подарками. [25] Между тем и Ариг-Бука не сидел сложа руки. Он всеми силами стремился сохранить доступ в Среднюю Азию, и его основные наступательные действия служили достижению именно этой цели. Армия под руководством Аландара должна была охранять дороги в Среднюю Азию. Однако войска Хубилая были готовы к такому повороту событий. В конце 1260 г. Хадан застиг Аландара под Силянгом, стратегически важным пунктом в Северо-западном Китае, и, разгромив его армию, обезглавил незадачливого приверженца Ариг-Буки. [26] Вслед за этим Ариг-Бука решил заключить непосредственный союз с улусом Чагатай в Средней Азии. [27] Так как внук Чагатай Алгу входил в свиту Ариг-Буки, Ариг-Бука в действительности поддерживал тесные отношения со среднеазиатскими монгольскими правителями. Он убедил Алгу заявить о своих правах на Среднюю Азию, где только что скончался хан Кара-Хулагу, еще один внук Чагатай. Хубилай, имея в виду те же цели, стремился заполнить вакуум, образовавшийся в Средней Азии, посадив на престол Чагатайского улуса своего ставленника, также внука Чагатай Абишку, которому он помог туда вернуться. Однако войска Ариг-Буки перехватили, задержали и в конце концов убили Абишку. [28] Алгу оказался удачливее. Ему удалось пробраться к месту назначения и стать ханом. Теперь в Средней Азии у Ариг-Буки появился незаменимый союзник, который мог снабжать его зерном и другими припасами, в которых тот так отчаянно нуждался. Пока Алгу оставался у власти и поддерживал дружественные отношения с Ариг-Букой, последний сохранял шансы в борьбе с Хубилаем. Таким образом, контроль над улусом Чагатай или, по крайней

мере, союз с его правителем имел для Ариг-Буки жизненно важное значение.

Прежде чем Ариг-Бука смог извлечь из союза с Алгу какую-либо пользу, состоялась решающая битва с Хубилаем. Рашид ад-дин не преминул вновь упрекнуть Ариг-Буку в двуличности и провокации, приведшей к столкновению. Он пишет, что Ариг-Бука не собирался заключать с Хубилаем мир и вместо этого готовил людей и лошадей к войне. К осени 1261 г. Ариг-Бука, по словам персидского историка, «откормил лошадей» и тайно провел все необходимые приготовления к военным действиям. Он «не сдержал своего слова, нарушил обещание и еще раз выступил на войну с кааном. Когда он приблизился к Йисункэ [одному из военачальников Хубилая], который стоял на границе области, то послал гонца [передать]: «Я иду с покорностью», и, усыпив этим его бдительность, неожиданно напал на него, обратил его вместе с войском в бегство». [29]^a Узнав о вероломстве Ариг-Буки, Хубилай собрал свое войско для битвы, и в ноябре 1261 г. противники сошлись при Шимултае, недалеко от китайской границы. Армия Ариг-Буки была разбита и бежала. [30] И все же через десять дней она уже успела перегруппироваться, чтобы вновь противостоять Хубилаю. Это сражение, состоявшееся севернее на западном склоне Хинганских гор в восточной Монголии, не принесло победы ни одной из сторон. Хубилай не принимал в нем личного участия, а войско Ариг-Буки, вероятно, вступило в бой лишь с небольшой частью армии Хубилая, так как, несмотря на неопределенный исход битвы, Хубилай захватил полный контроль над Монголией и получил возможность оказывать серьезное давление на базу Ариг-Буки в верховьях Енисея.

^a Рашид ад-дин, с. 162

Теперь Ариг-Бука был вынужден обратиться за помощью к своему «союзнику» в Средней Азии. За истекший год Алгу успел сломить сопротивление своих противников и полностью овладеть ресурсами своих новых владений. Ариг-Бука был одержим столь страстным желанием получить доступ к припасам из улуса Чагатай, что передал Алгу все полномочия по сбору налогов, упустив из виду, что тот мог воспользоваться этим для укрепления своей собственной власти. Естественно, Алгу вовсе не хотел расставаться с товарами, конями и драгоценными металлами. Осознав уязвимость положения Ариг-Буки, он повернул против бывшего союзника, отказавшись делить с ним доходы от налогов, которые он назначал и собирал. Когда посланцы Ариг-Буки явились к Алгу и потребовали раздела прибыли, он тянул с ответом, пока они не вышли из терпения и не стали настаивать на перераспределении налогов. Вынужденный действовать, Алгу казнил послов, пойдя на неизбежный конфликт с Ариг-Букой. [31]

Ариг-Бука выступил из Монголии в Среднюю Азию, чтобы утвердить свою верховную власть. Хубилай заполнил вакуум, образовавшийся после отъезда Ариг-Буки, заняв Монголию, перевезя сюда часть припасов и предупредив своих чиновников, чтобы они не особо обременяли жителей только что захваченных областей. Хубилай не стал преследовать Ариг-Буку, поскольку, как пишет Рашид ад-дин, «прибыли гонцы и доложили, что в Хитае, ввиду отсутствия каана, обнаружились промахи и расстройство в [делах]. По этой причине он вернулся в столицу Хитая». [32]^a Он был вынужден отправиться на подавление восстания, вспыхнувшего в самом Китае, и вернулся в Кайпин, чтобы посвятить все внимание

^a Рашид ад-дин, с. 164

этой угрозе, представлявшейся более опасной, чем война с Ариг-Букой. Теперь Ариг-Бука мог воевать с Алгу, не опасаясь удара с тыла. Он повел свои войска к реке Или в северном Синцзяне. Его авангард под командованием Кара-Бухи столкнулся с силами Алгу и был наголову разбит. Кара-Буха был убит, а Алгу весьма ободрился, одержав эту победу. Впрочем, его радость была недолгой, так как вскоре его армия была обращена в бегство. Ариг-Бука занял базу Алгу в Алмалыке, вынудив Алгу бежать в западные оазисы Средней Азии — Хотан и Кашгар. [33]

Тем не менее, блестящий успех, которым увенчался поход Ариг-Буки, оказался пирровой победой. Алмалык, место его новой ставки, располагался в степях, и ему по-прежнему не хватало необходимых припасов для ведения войны на истощение, которую навязал ему Хубилай. Он так и не приобрел надежных источников поставок зерна и оружия, а войска Алгу блокировали подходы к южным, более плодородным областям Синцзяна. Похоже, Ариг-Бука оказался в еще более тяжелом положении, чем раньше. Своими действиями, если судить по предвзятому изложению Рашид ад-дина, он только усугублял эти трудности. Он крайне жестоко обращался с пленными, захваченными на войне с Алгу, предавая их пыткам и казнив многих, даже тех, кто не поднимал против него оружия. Такая ничем неоправданная жестокость отвращала от него сторонников, побуждая их дезертировать. Дезертирство значительно усилилось во время особенно суровой зимы 1263 г. Воины Ариг-Буки и мирное население страдали от голода, погибло много людей и лошадей. К весне его покинули даже некоторые самые ярые приверженцы. Один из сыновей Хулагу, Джумухур, сославшись на болезнь, уехал в среднеазиатский город Самарканд. Сын Мункэ Урункташ потребовал

у Ариг-Буки яшмовую печать своего отца (тамгу). Когда посланцы Ариг-Буки привезли ему печать, он забрал ее и переметнулся к Хубилаю. Алгу, осведомленный о трудностях, с которыми столкнулся Ариг-Бука, перегруппировал свои войска и приготовился изгнать своего бывшего союзника и нынешнего врага из бассейна реки Или.

К 1264 г. Ариг-Бука оказался в безвыходной ситуации. Из-за дезертирства своих сторонников он не мог продолжать борьбу с Алгу, а отступать можно было только во владения Хубилая, который, несомненно, воспользуется случаем отомстить сопернику. Вместо этого Ариг-Бука решил сдаться. Он приехал в Кайпин (в 1263 г. переименованный в Шанду) и предстал перед Хубилаем. После некоторой заминки, вызванной неловкостью, братья обнялись и примирились. Рашид ад-дин и тут не преминул уколоть Ариг-Буку. Он рассказывает, что Хубилай утер слезы с лица брата и мягко спросил его: «Дорогой братец, кто был прав в этом споре и распре — мы или вы?» Ариг-Бука со злобой ответил: «Тогда — мы, а теперь — вы». [34]^a Этим кратким диалогом Рашид ад-дин показывает неблагодарность Ариг-Буки и отсутствие у него братских чувств, которые только что столь ярко проявил Хубилай. Однако, учитывая предвзятость персидского историка по отношению к Ариг-Буке, скорее всего, этот разговор — лишь плод авторского воображения. В любом случае, Хубилай поначалу не стал подвергать брата никакому наказанию. Однако такая снисходительность оттолкнула многих его сторонников, которые считали, что Ариг-Бука и его приверженцы не должны остаться безнаказанными. Некоторые открыто высказали свое недовольство, но особое впечатление на Хубилая произве-

^a Рашид ад-дин, с. 166

ли возражения Хулагу. Тогда Хубилай, согласно Рашид ад-дину, попытался унять недовольных монголов, приказав Ариг-Буке «не показываться на его глаза целый год». Очевидно, монголы сочли это наказание слишком мягким; они требовали чистки в рядах изменников, поддержавших Ариг-Буку. Допросив Ариг-Буку и выяснив, кто побудил его оспорить права старшего брата, Хубилай объявил одним из главных вдохновителей заговора Болгая, влиятельнейшего саювника при Мункэ, и казнил его. Та же участь ждала еще девятерых важнейших приспешников Ариг-Буки.

Теперь пришло время судить самого Ариг-Буку. Однако Хубилай не захотел брать на себя ответственность за единоличное решение судьбы своего брата и созвал курилтай для суда над Ариг-Букой и, что не менее важно, для подтверждения собственного избрания на трон великого хана. Чтобы созвать монгольских правителей на курилтай, были отправлены гонцы в главные улусы в Персии, России и Средней Азии. Они привезли неутешительные ответы: все три хана наши извинения, оправдывающие поддержку с явкой на судилище. Берке, правитель монгольских владений в России, и Хулагу, хан Персии, вели междоусобную войну и не могли покинуть свои уделы. Хан Чагатайского улуса Алгу сам еще не был утвержден на престоле и потому не мог выступать судьей в деле Ариг-Буки. Впрочем, все три хана вскоре скончались. Хулагу умер в 1265 г., спустя краткое время после прибытия к нему гонцов Хубилая, а Берке и Алгу пережили его всего лишь на год. Таким образом, судьба Ариг-Буки оказалась в руках одного Хубилая.

Однако Ариг-Бука тяжело заболел и умер в начале 1266 г., избавив Хубилая от затруднений, связанных с необходимостью устраивать суд над родным братом. Его смерть

пришлась как нельзя кстати и уже одним этим вызвала подозрения. Неожиданная болезнь и ее быстрое течение также наводили на размышления. Ариг-Бука был крепким мужчиной, не достигшим еще и 50 лет, и, по-видимому, не страдал никакими серьезными заболеваниями. Некоторые ученые высказывают сомнения в том, что он умер естественной смертью, а некоторые уверены в том, что он был отравлен. Конечно, само его присутствие служило постоянным напоминанием сомнительности избрания Хубилая великим ханом, и устранение бывшего противника могло способствовать укреплению стабильности во владениях его старшего брата. Однако все эти рассуждения о причинах смерти Ариг-Буки являются лишь домыслами. Имеющиеся в нашем распоряжении источники не позволяют разрешить эту загадку. [35]

Даже одержав верх над Ариг-Букой, Хубилай не обезопасил себя от угроз со стороны других претендентов. Его права на престол не представлялись неоспоримыми. На курилтае, избравшем Хубилая, отсутствовали многие важнейшие монгольские князья. Его избрание состоялось в Кайпине, а не в Монголии, как требовалось освященной временем традицией. Когда он предпринял попытку созвать второй курилтай, три главных монгольских хана уклонились, сославшись на проблемы, возникшие в их собственных владениях. Тем не менее, они по-прежнему признавали верховенство Хубилая, а при избрании нового хана в каждом улусе спрашивали его одобрения. И все же он так и не смог избавиться от ауры иллегитимности, лежавшей на его правлении. В самом деле, некоторые его позднейшие шаги во внутренней и внешней политики, вероятно, были продиктованы желанием завоевать единодушную поддержку, которой ему столь долго не хватало.

Восстание Ли Таня

Далеко не все признавали Хубилая и китайским императором. Пока в Ханчжоу правили императоры династии Сун, многие китайцы хранили им верность. Чтобы завоевать единодушное признание китайских подданных, Хубилаю было необходимо низвергнуть Сун. Кроме того, императорское достоинство Хубилая оспаривалось и в его северных владениях. В первые два года его правления в Северном Китае увеличивалось число недовольных, и в 1262 г. это вылилось в восстание.

Восстание вспыхнуло в провинции Шаньдун, в которой округом Иду управлял вождь восставших Ли Тань. [36] На страницах китайских источников его имя практически не появляется до похода Мункэ на Южный Китай. В 1258 г. Мункэ пригласил Ли присоединиться к его войскам в Центральном Китае, чтобы выступить на юг против династии Сун. Ли сослался на важное стратегическое положение округа Иду, который не следует оставлять без защиты, и получил разрешение Мункэ не участвовать в общем походе. [37] Он водил свои войска в набеги на сунские прибрежные города, захватив Хайчжоу и Ляньчжоу. Китайские летописи, враждебно настроенные по отношению к Ли (в Юань-ши он именуется «мятежным министром»), проводят мысль, что его набеги служили прежде всего его возвеличению и укреплению личной власти. Сунские войска были отвлечены ударами с разных направлений, нанесенных армиями Мункэ, Хубилая и Урянхада, и прибрежные города прикрывались немногочисленными отрядами. Согласно Юань-ши, Ли едва ли желал успеха монгольскому предприятию. Он прежде всего был озабочен расширением территории, находящейся под его непосредственным управлением, но монголы не подозревали о его истинных намерениях.

Хубилай после своего восшествия на престол в 1260 г. не питал никаких подозрений относительно деятельности Ли на востоке. Правда, он назначил Уполномоченным по Умиротворению (кит. Сюаньфу ши) Иду, Цзинани и сопредельных земель в Шаньдуне Сун Цзычжэня, но повысил Ли до должности Военного Уполномоченного (военного губернатора, кит. Да дуду) области Цзян-Хуай. [38] После этого повышения Ли сообщил Хубилаю, что, по словам захваченных им сунских пленников, главные сановники Южного Китая Цзя Сыдао и Люй Вэньдэ снарядили 2000 лодок и армию в 75000 человек для нападения на Ляньчжоу. Он объяснил, что для отражения атаки требуется починить стены и подготовить город. Хубилай выделил ему 300 слитков (кит. дин) серебра, чтобы покрыть стоимость этих оборонительных мер. Кроме того, Ли попросил разрешения переправиться через реку Хуайхэ, чтобы совершать набеги на владения Сун. Однако, хотя Хубилай высоко ценил рвение Ли, он не позволил ему перейти к наступательным действиям, возможно, опасаясь чрезмерного усиления своего китайского подданного. [39] Хубилай понимал, что Ли и так уже занимает важное положение благодаря своей армии и ресурсам, доверенным его распоряжению. Запасы соли и меди, которыми располагала провинция Шаньдун, давали Ли средства, необходимые для снаряжения военных походов. Возможно, именно решение Хубилая оттолкнуло Ли, но, скорее всего, он в любом случае намеревался выступить против монголов. На сей раз он не осмелился послушаться и отправился навстречу наступающей сунской армии. В начале 1261 г. он сообщил Хубилаю, который предоставил ему зерно и прочие припасы, что ему удалось разгромить сунские войска под Ляньчжоу. Хубилай наградил Ли и его главных военных помощников. [40] За последующие не-

сколько месяцев Ли извещал о других своих победах над силами Сун.

Затем, в конце 1261 г., Ли начал отдаляться от Хубилая. Возможно, он получил от сунских сановников обещание оказать ему помощь в случае, если он порвет с монголами, и, должно быть, осознавал, что торговля и прочие виды экономических отношений с Сун принесут ему больше выгоды, чем связь с Северным Китаем. Кроме того, будучи китайцем, он мог испытывать симпатии к коренной китайской династии. Впрочем, каковы бы ни были причины, Ли подготовился к разрыву с Хубилаем. Он не выполнил своих обязанностей, не поставив лошадей войскам Хубилая, сражавшимся с Ариг-Букой, и устроил побег своему сыну Ли Яньцзяню, который содержался в заложниках при монгольском дворе, а после побега приехал к отцу в Иду. [41]

Теперь, обеспечив безопасность сыну и, вероятно, получив уверения в поддержке со стороны Сун, Ли мог позволить себе порвать отношения с Хубилаем и монголами. 22 февраля 1262 г. он поднял мятеж против тех, кого раньше признавал своими верховными правителями. Он «разворовал» (если использовать уничижительные выражения, свойственные Юань-ши) склады в Иду, «истребил» монгольских воинов в округе и передал Ляньчжоу и Хайчжоу империи Сун. Его войска «опустошили» города близ Иду, а через месяц «разграбили» город Цзинань.

Хотя Хубилай был поглощен борьбой с Ариг-Букой, он быстро оценил размеры опасности, исходящей от Ли, и принял все необходимые меры для ее устранения. Он послал против Ли в Шаньдун своих самых доверенных полководцев. Вместе с ними отправился Чжао Би, один из его самых приближенных советников. [42] Хубилай

стремился подавить китайское восстание, прежде чем анти-монгольские настроения перекинутся на остальное население Северного Китая. Его войска укрепили оборону городов, которые могли подвергнуться нападению армии Ли, и стали в них гарнизонами. Покончив с оборонительными мероприятиями, Хубилай приказал Ши Тяньцзэ и Ши Чу перейти в наступление. В конце марта или начале апреля противники сошлись в бою неподалеку от Цзинаня. Армия Ли была разбита, потеряв 4000 человек убитыми. [43] Ли отступил в Цзинань с оставшимися войсками. Его армия была вынуждена обороняться, а наступавшие монголо-китайские объединенные силы не ослабляли давления.

К середине апреля Ли начали покидать его главные приверженцы. Они переметнулись к монголам, заявляя, что Ли принудил их присоединиться к восстанию. Стремясь побудить к дезертирству прочих сторонников мятежника, Хубилай простил первых перебежчиков. Он также предупредил своих военачальников, чтобы они не допускали притеснения местных жителей в этих областях и не причиняли ненужного ущерба, надеясь таким образом переманить на свою сторону больше мятежников. Этот план сработал, и ряды восставших все больше редели. Одновременно Ши Тяньцзэ осадил Цзинань, главный город Ли Таня. Отрезанные от припасов и складов оружия, войска Ли стали покидать осажденный город и сдаваться на милость противника. К началу августа Ли Тань понял, что проиграл. Он отправился к близлежащему озеру Дамин и попытался утопиться, но монголы спасли неудачливого самоубийцу, чтобы предать его подобающей казни. Они упрятали его в мешок и растоптали лошадьми. [44] По монгольскому обычаю, не следовало проливать крови вражеского вождя. Гибель под

копытами лошадей была излюбленным способом казнить чужеземных правителей.

Казнь ожидала также Ван Вэньтуна. Хубилай принял этого талантливое китаец в круг своих советников-конфуцианцев еще до восшествия на престол. [45] В начале правления Хубилая Ван был назначен Главным Управляющим (кит. Пинчжан чжэнши) в Секретариате (Чжуншу шэн). Он подчинялся всего двум главным министрам и стал одним из самых влиятельных чиновников в правительстве. Он принимал участие в создании системы округов (лу), которые управляли Китаем, предложив использовать бумажные деньги и поддерживая торговлю. Он также внес свой вклад в разработку налоговой системы, введенной Хубилаем и его советниками, чтобы увеличить доходов, необходимых как для борьбы с Ариг-Букой, так и для организации правительственной структуры. Хубилай стал оказывать Вану высокое доверие, привлекая его к решению важных государственных дел. Однако, к несчастью для Вана, его дочь вышла замуж за Ли Таня, и Ван оказался замешан в мятеж, поднятый его зятем. [46] Он несколько раз отправлял к Ли Таню своего сына, извещая мятежника о передвижениях и действиях Хубилая. Суд также обнаружил у Вана компрометирующие письма от Ли Таня. Ван был снят с должности, и Хубилай созвал своих приближенных советников-конфуцианцев, включая Яо Шу и Доу Мо, чтобы узнать их мнение о том, какого наказания заслуживает Ван. Советники решили, что Ван должен быть казнен, а один особенно рьяный советник предложил разрубить его на части. [47] При их единодушной поддержке Хубилай приказал казнить Ван Вэньтуна и его сына, служившего посредником между отцом и Ли Танем. «Измена» Вана была широко обнародована, а его предательские действия во всех подробностях доведены

до сведения китайцев. Он осуждался не только за вероломство по отношению к монгольским властителям, но и за предательство интересов своего народа. Конечно, не случайно Хубилай просил совета относительно подходящего наказания у своих китайских сановников. Хубилай хотел показать, что Ван предал не только хана, но и китайцев, и нашел наилучший способ продемонстрировать это, переложив ответственность за его осуждение на плечи его соотечественников.

Несмотря на единодушное одобрение со стороны советников-конфуцианцев, эти события не изгладились из памяти Хубилая, ставшего все более настороженно относиться к своим китайским подданным. Восстание в области, игравшей ключевую роль в китайской экономике, было возглавлено высокопоставленным китайцем при тайной поддержке одного из самых доверенных и ценных Хубилаем сановников. С этого времени он перестал безоговорочно доверять управлению Китаем китайским советникам. Опасаясь попасть в зависимость от китайцев и тем самым ослабить свою власть, он прибег к услугам иностранных советников. Еще до избрания великим ханом он остерегался полагаться в государственных делах исключительно на китайских чиновников. Однако мятеж Ли Таня подтолкнул его к более решительным действиям. Теперь Хубилай понял, что ему нужно привлечь на службу чужеземных специалистов, чтобы уменьшить влияние китайцев в своем окружении и снизить опасность новых восстаний. Кроме того, в число главных врагов Хубилая входила империя Южная Сун. Мог ли он рассчитывать на верность своих китайских приближенных в борьбе с их же соотечественниками? Хубилай не был в этом уверен. С другой стороны, привлечение к делам управления иноземцев также таило в себе угрозу, так как могло вызвать еще большее недо-

вольство среди китайцев. Положение Хубилая всегда было довольно двусмысленным, но мятеж Ли Тан, тем не менее, явился переломным моментом.

В физическом плане он был готов к необходимым политическим решениям. На китайском портрете, написанном примерно в этот период, изображен крепкий решительный человек, одетый в простую одежду из белой ткани, не украшенной ни шелком, ни мехами. На нем обычная черно-белая шапка, усы и борода подстрижены и ухожены. Но, что важнее всего, по этой картине можно судить, что на то время Хубилай еще не предался плотским удовольствиям. Хотя, конечно, его нельзя назвать худым, но он не был и тучным, как к концу своего царствования. [48] Вероятно, он еще не был подвержен чревоугодию и пьянству, которым предавался впоследствии столь безоглядно. Здоровый и крепкий мужчина, изображенный на этом портрете, разительно отличается от того, который предстает перед нами на картине 1280 г. Спустя два десятилетия после восшествия на китайский императорский трон Хубилай ужасно растолстел. Он также начал утрачивать контроль над государственными делами, тогда как в начале правления он принимал самое активное участие в управлении и находился в хорошей физической форме, чтобы взять на себя столь важную задачу, как создание административной системы в Китае, ставшем главной драгоценностью в его короне.

Роль Чаби

Чаби была для Хубилая идеальной женой и одновременно помощницей в китайских делах. Например, именно она побудила его вернуться на север из похода на Сун, чтобы отразить угрозу, исходящую от Ариг-Буки. Если бы не ее своевременное предупреждение, Хубилай мог

Портрет Хубилая. Национальный музей, Тайбэй

оказаться в гораздо более сложной ситуации. Она стремилась стать императрицей могущественного государства; роль жены племенного вождя ее не устраивала. У нее был широкий круг интересов, далеко не ограничивавшийся монгольскими скотоводческими традициями. Например, в первые годы правления Хубилая четыре члена императорской гвардии, как сообщает Юань-ши, выдвинули предложение превратить области вокруг

Портрет Чаби. Национальный музей, Тайбэй

столицы в пастбище для монгольских табунов. Это предложение полностью укладывалось в рамки традиционного монгольского хозяйства, но не имело смысла в условиях земледельческой экономики Северного Китая. Чаби оценила бессмысленность подобного шага и резко выступила против. Она сделала выговор Лю Бинчжуну, одному из самых влиятельных советников Хубилая, за то, что тот не высказался против этого предложения,

сказав ему: «Вы, китайцы, очень образованы. Когда вы говорите, император слушает. Почему же вы не возразили?» [49] В итоге Хубилай отверг этот проект. Таким образом, монгольской знати не было позволено захватить пашни китайских крестьян, живших в окрестностях столицы.

Личность Чаби, ее деятельность и ее интересы задавали стиль жизни при дворе. Ее считали крайне бережливой, и Юань-ши донесла до нас многочисленные, возможно, стереотипные анекдоты о ее скупости. При ее поощрении придворные дамы собирали тетивы со старых луков и делали из них нитки для новой пряжи. Она подбирала старые шкуры и использовала их вместо ковриков. Ее практичность проявилась также во введенной ей моде. Хубилай был озабочен тем, что у монгольских шапок не было «переда», и поэтому они не защищали от палящего солнца пустыни. Тогда Чаби придумала шапки с козырьком, и Хубилай отдал приказ, чтобы все новые шапки делались по этому образцу. Позднее она придумала одежду без рукавов, которую было удобно носить в сражении. [50]

Она задавала тон и тогда, когда заинтересовалась древними правителями Китая. Подобно Хубилаю, она восторгалась великим императором Тайцзуном (624–649) из династии Тан и побудила одного китайского ученого выступить перед двором с рассказом о деяниях и характере этого императора. Так как Тайцзун был самым знаменитым императором последней действительно могущественной китайской династии, Хубилай, естественно, стремился ему подражать, а Чаби приветствовала сравнения, проводимые между ее супругом и блестящим танским государем. [51] Должно быть, Чаби и Хубилай прекрасно сознавали, что Хубилаю будет проще управлять Китаем, если ему удастся связать свое имя с именем ге-

роя китайской традиции. В целом, Чаби не меньше своего супруга потрудилась для создания системы управления Китаем.

Административная система в начале правления Хубилая

В начале царствования Хубилая китайские советники также забрасывали его проектами по организации системы управления. Многие из них были похожи друг на друга, так как брали за основу традиционное китайское устройство администрации. Типичными для этого жанра выглядят шестнадцать пунктов, предложенных Хао Цзиню, посланником Хубилая, задержанным властями Южной Сун. Во-первых, Хао предлагал Хубилаю созвать совет из ученых и чиновников для обсуждения новой политической системы. Важнейшей темой, которую должны будут изучить собравшиеся, будет оборона; наказанием для предателей и перебежчиков должна быть смертная казнь, хотя при начале правления новой династии следует объявить частичную амнистию тем, кто отречется от изменников. Правитель должен быть открытым в общении, обладать полной единоличной властью и четко определить награды и наказания. Тем не менее, ему потребуется центральная администрация и министры, облеченные определенными властными полномочиями, поскольку он не может сам решать все дела. Центральное правительство следует разместить в Северном Китае, поскольку здесь находится сердце империи, но в Каракоруме нужно содержать дополнительную администрацию, а по границам учредить военные округа. Правителю следует уделять особое внимание поддержанию добрых отношений с принцами крови; но и при выполнении этого условия необходимо организовать

инспекторскую службу, чтобы контролировать княжеские уделы и ограничивать возможные злоупотребления властью. Правитель также должен стремиться к снижению числа чиновников и объединять должности так, чтобы держать под контролем расходы и не допускать создания отдельных группировок в чиновничьем классе. Налоги следует удерживать на минимальном уровне, а чрезвычайные сборы, введенные Сун и другими династиями, чтобы покрыть свои затраты, нужно отменить. Надо запустить в широкое обращение бумажные деньги и сохранить государственную монополию на соль и железо, одновременно уменьшив число чиновников, ведающих этими монополиями. Предприняв все эти шаги, правитель должен назвать имя наследного принца, чтобы обеспечить престолонаследие. [52]

В конечном итоге Хубилай взял на вооружение многие предложения Хао, совпадавшие с идеями многих других конфуцианских ученых. Однако в его планы не входило восстановление традиционной системы китайского управления, как того хотели его советники-конфуцианцы. Он желал, чтобы его администрация пользовалась поддержкой со стороны китайцев, но вместе с тем отражала и защищала интересы монголов. Хубилай не собирался делиться властью со своими советниками. Его не устраивали предложения построить весь административный аппарат по образу и подобию прежних китайских династий. Он стремился создать структуру, отвечающую его собственным требованиям. Например, у него не было намерений вернуть экзамены на гражданские чины, хотя он не запрещал вести оживленные дискуссии на эту тему. Эти тяжелые экзамены, требовавшие глубокого знания классической конфуцианской литературы, должен был сдавать каждый будущий чиновник. Однако Хубилай не имел ни малейшего желания связывать себе

руки при назначении угодных ему чиновников какими-либо китайскими традициями. Для подготовки к экзаменам было необходимо длительное изучение и приверженность конфуцианскому учению, а Хубилая совсем не привлекала мысль о том, что он окажется в окружении советников, объединенных одной господствующей идеологией. [53] Один из его советников-конфуцианцев, Ван Вэньтун, уже ступил на путь измены. Сколько же еще чиновников, не горящих желанием помогать монголам в управлении китайцами, последуют его примеру? Хубилай не хотел, чтобы конфуцианцы оккупировали все правительственные должности, а экзамены на гражданский чин были единственным путем в чиновничий класс. Так как экзамены составляли одну из самых характерных черт китайской цивилизации, их отсутствие во время царствования Хубилая знаменовало собой существенное отклонение от китайских традиций.

Хубилай не следовал китайским обычаям и в некоторых других важных вопросах. Он разделил население на три, а позже четыре группы, среди которых монголы, естественно, занимали первое место. За ними шли так называемые Сэму жэнь (иностранцы) — по большей части выходцы из Персии и Средней Азии — которым в награду за службу был предоставлен более высокий статус, чем местным жителям. На третьем месте стояли северные китайцы, а также чжурчжэни прежней династии Цзинь, которые именовались Ханьжэнь и до завоевания монголами Южной Сун в 1279 г. представляли собой низший класс населения. Ниже их находились южные китайцы, Наньжэнь, самая ненадежная и угнетаемая часть подданных Хубилая. [54] Представители обеих китайских групп не могли занимать некоторых важнейших гражданских постов, закрепленных за монголами и их среднеазиатскими подчиненными. Хотя китайцы, привлеченные

ко двору в качестве советников, подчас пользовались большим влиянием, чем высшие сановники, их статус не был столь четко определен.

Хубилай прибег к такой политике отчасти из простых прагматических соображений: китайцы во много раз превосходили монголов по численности. По оценкам одного из источников, в Китае проживало несколько сотен тысяч монголов, тогда как китайское население Северного Китая насчитывало около 10 миллионов, а в Южной Сун их число достигало 50 миллионов. [55] Учитывая такое численное неравенство, монголам было необходимо держать в своих руках контроль над главными должностями, чтобы избежать поглощения китайцами. Они должны были захватить главенствующее положение, чтобы сохранить власть и свое уникальное культурное наследие. Ввиду численного превосходства китайцев Хубилай осознавал, что он должен особо подчеркивать монгольское политическое превосходство.

Однако сначала ему нужно было обеспечить контроль над самими монголами. Многие монгольские князья владели уделами (кит. фэнь-ди) со времен Угэдэя. Они считали себя самодержавными правителями в своих владениях и не терпели никакого вмешательства в свои дела. Хубилай, стремившийся утвердить власть центрального правительства над этими фактически автономными областями, не был склонен и дальше поддерживать такой порядок вещей. Уделы нужно было поставить под надзор центрального правительства, и Хубилай, следуя курсу своего брата Мункэ, намеревался ограничить их самостоятельность соответствующими учреждениями. [56]

Таким образом, перед Хубилаем, в отличие от типичного китайского императора, стояла более сложная задача поставить под контроль не только китайцев, но и монго-

лов. Кроме того, он претендовал на более высокое положение и хотел быть повелителем вселенной, а не только императором Китая. Однако этим надеждам не суждено было сбыться. Главные монгольские улусы — Средняя Азия, Персия и Россия — начали утверждать свою независимость еще в начале его царствования. Хотя титул великого хана еще пользовался уважением, они уже уверенно стали на путь самоуправления. Так называемая Монгольская империя разваливалась на ряд обособленных политических образований — Золотую Орду (Россия), улус ильханов (Персия), Чагатайский улус (Средняя Азия) и великое ханство Северного Китая и Монголии. Хубилай не мог рассчитывать на единодушные монгольской элиты, символом которой служил курилтай, обсуждавший важнейшие направления военных походов и провозглашавшие новых великих ханов. [57] Тем не менее, он не довольствовался положением Китайского императора и принял все атрибуты правителей Монгольской империи, хотя под его властью в общем оставались только Китай и Монголия. Впрочем, в конце концов ему хватило благоразумия смириться с обстоятельствами и создать систему управления, рассчитанную на монгольские владения в Восточной Азии.

Таким образом, введенные им институты были хорошо знакомы его китайским подданным, так как напоминали китайские, хотя и не являлись их копиями. Спустя месяц после своего восшествия на престол в мае 1260 он учредил Секретариат, поставив во главе его Ван Вэньту, на и назначив его главным помощником Чжан Вэньцяня. [58] В ведении Секретариата находилось большинство гражданских дел. В 1263 г. он создал Тайный Совет (кит. Шуми юань) для решения военных вопросов. Через пять лет было учреждено Управление Цензуры (Юй-шитай), последнее из главных ведомств, надзиравшее за

чиновниками во всех китайских владениях Хубилая. У всех трех учреждений имелись отделения (син) в различных провинциях для проведения в жизнь решений, принятых в столице. Наряду с этими институтами, полномочия которых распространялись на всю страну, существовало бесчисленное количество особых служб при хане и его дворе, например, Служба Снабжения Императорского Двора и Палата Императорских Регалий. [59]

Хубилай упростил и упорядочил гражданскую администрацию. Он упразднил Канцелярию и Государственный Департамент, существовавшие со времен династии Тан, но сохранил Секретариат, доверив ему все гражданские дела. При единственном оставшемся ведомстве гражданское управление, скорее всего, осуществлялось более четко. Все доклады на высочайшее имя проходили через Секретариат, который также разрабатывал проекты законов и решал «судебные дела, касающиеся преступлений, караемых смертной казнью, для разбирательства которых к нему была приставлена коллегия судей (дуаньши гуань), чтобы помогать в этой работе». [60] Глава Секретариата (Чжуншу лин), с одобрения Хубилая, принимал важнейшие внутривластные решения, которые затем проводились одним из ведомств. Левый министр (Цзо чэнсян) и правый министр (Ю чэнсян) выступали в качестве императорских советников и возглавляли работу шести функциональных министерств, проводивших политику правительства, а также замещали Главу Секретариата, когда он болел, путешествовал или был недоступен по каким-то другим причинам.

Глава Секретариата также напрямую контролировал работу шести функциональных министерств, которые составляли характерную черту китайской правительственной структуры со времен династии Тан. Министерство кадров надзидало за гражданскими чиновниками. Мини-

стерство доходов проводило переписи, собирало налоги и дани и регулировало денежное обращение. Министерство обрядов ведало придворными церемониями, праздниками, музыкой, жертвоприношениями и развлечениями, а также обеспечивало прием иностранных послов. Военное министерство управляло военными округами и поселениями, а также почтовыми станциями, снабжало военных припасами и обучало армию (хотя большая часть военных дел была передана Тайному Совету). Министерство юстиции следило за соблюдением законов и ведало тюрьмами. Наконец, министерство общественных работ чинило укрепления, заведовало дамбами и государственными землями и разрабатывало правила для ремесленников. [61]

При структуре местной администрации, введенной Хубилаем и его советниками, Китай был разделен на провинции, каждая из которых управлялась особым отделением Секретариата. После завоевания Южной Сун в 1279 г. Китай состоял из десяти таких провинций, а столичная провинция, личные владения хана, которая включала в себя современный Хэбэй, Шаньдун, Шаньси и часть Внутренней Монголии, являлась важнейшей частью империи. [62] Главным чиновником в каждой провинции был начальник (министр, кит. Чэнсян), которому помогали чиновники, занимавшие должности, по названиям сходные с чинами центрального Секретариата. Провинции далее делились на примерно 60 управлений по умиротворению (Сюаньвэй сы), которые состояли примерно из 180 округов (лу). На пост Главного Управляющего (Цзунгуань) часто назначались китайцы. Параллельно с Главным Управляющим действовали местные уполномоченные (монг. даругачи), часто посылавшиеся в эти округа. Должность даругачи обычно занимали монголы или выходцы из Средней Азии, а их функции

пересекались с функциями Главных Управляющих. В сущности, они должны были следить друг за другом. Одной из главных особенностей, отличавших монгольское управление от административной системы китайских династий, было стремление к всестороннему контролю. Борьба с Ариг-Букой, мятеж Ли Таня и сомнительные обстоятельства собственного восшествия на престол научили Хубилая остерегаться всецело доверять своим чиновникам, будь то монголы или китайцы. Хубилай требовал от должностных лиц, многие из которых не были монголами, чтобы они были верными, честными и неподкупными. Кроме того, даже в монгольских землях он стремился ограничить самостоятельность удельных князей. Таким образом, он наделил Управление Цензуры большей властью, чем все предшествующие китайские династии. Подобно Секретариату, Управление Цензуры имело отделения, надзиравшие за чиновниками на местах. Цензоры периодически объезжали страну, чтобы выискивать финансовые и политические нарушения, допущенные придворными, военными или местными чинами. Как пишет один ученый, «монгольская система цензуры проникала гораздо глубже, чем любая предшествующая, а степень ее централизации не имеет себе равных в китайской истории. Монгольский инспекционный аппарат можно считать одним из институционных чудес китайской истории». [63] Подавив мятеж Ли Таня, Хубилай возымел желание создать такую структуру, чтобы обезвреживать и уничтожать любое сопротивление еще до того, как недовольство перерастет в вооруженное восстание. В этой связи надзор и контроль приобретали жизненно важное значение.

Другими весьма показательными отклонениями от китайской традиции являлись его установки и внутренняя политика. Главная цель Хубилая состояла в контролиро-

вании чиновников и ограничении их злоупотреблений властью. Его указы и эдикты были направлены на то, чтобы не дать чиновникам, пользуясь своим положением, угнетать местное население и подрывать престиж центрального правительства. Чиновников, плохо или медленно выполнявших свои обязанности, ждали палки или даже смертная казнь. Те из них, кто принимал от населения дары или взятки или же был уличен во лжи вышестоящим, подвергались бичеванию. За тяжелые проступки чиновник снимался с занимаемой должности. За различные формы взяточничества и нарушений долга были установлены четко определенные наказания. Суровые наказания несли чиновники, использовавшие общественную собственность или военных в своих целях. Столь же строго взыскивалось с должностных лиц, вводивших тяжелые налоги или трудовые повинности или любым другим путем угнетавших своих подчиненных. [64]

Судя по данным некоторых последних исследований, в действительности попытки Хубилая установить полный контроль за подданными были безуспешны. Центральный Секретариат эффективно функционировал только в Столичной Провинции, личных владениях Хубилая. По-видимому, он почти не имел влияния в других областях страны. Один современный ученый пишет, что «за важным исключением назначения чиновников, участие [центрального правительства] в управлении всей территорией империи была в лучшем случае краткосрочным или же было ограничено отдельными сферами деятельности». [65] Могущественные отделения Секретариата часто игнорировали указания центрального ведомства. Функции многих служб пересекались, приводя к многочисленным проволочкам в принятии решений. Хубилай вовсе не столь уж безраздельно контролировал местные дела, как он бы того хотел. Таким же ограниченным был

и его контроль над чиновниками. На всем протяжении своего царствования он выпускал указы, направленные против коррупции, но, как мы увидим в 7 главе, взяточничество продолжало оставаться проблемой, которую не удавалось искоренить Управлению Цензуры. И все же к началу 1260-х гг. Хубилай создал для Китая административную систему, которая, по крайней мере, на бумаге, казалась вполне эффективной.

Теперь Хубилай мог осуществить свои экономические и социальные планы. Он разработал систему, которая в теории обеспечивала монгольскую власть над Китаем. Правительственные учреждения были в целом знакомы китайцам, так как многие из них являлись лишь видоизмененными вариантами привычных ведомств. Хубилай намеревался предоставлять должности в администрации своим китайским подданным, но надзирать над ними должны были монголы и выходцы из Средней Азии. Чтобы предотвратить саботаж или измену со стороны китайских чиновников, было учреждено Управление Цензуры и выпущены строгие законы. Таким образом, Хубилай тщательно подготовился к проведению нужной ему политики.

ГЛАВА 4

ЗАВОЕВАТЕЛЬ

Подобно своим предшественникам на монгольском престоле, Хубилай понимал, что должен продолжать территориальную экспансию. Его войска были готовы к дальнейшим завоеваниям. В глазах монголов успешность правителя определялась по крайней мере отчасти его способностью увеличивать богатства и расширять пределы своих владений. Сходным образом, по китайским представлениям, добродетель истинного правителя и слава его государства должны принуждать иноземцев подчиниться китайской цивилизации. [1] Чтобы оправдать ожидания как монгольского, так и китайского мира, Хубилаю было необходимо проводить активную, даже агрессивную внешнюю политику. Спорные обстоятельства воцарения Хубилая также вынуждали его доказывать свою состоятельность, чтобы искоренить любые сомнения относительно его прав на престол. Поскольку легитимность Хубилая была оспорена его родным братом, его правомочность в качестве повелителя Монгольской империи вызывала серьезные вопросы. А чем лучше всего подтвердить свой авторитет, как не территориальными приобретениями?

Главная цель Хубилая заключалась в покорении Южной Сун. Хотя под его властью находился традиционный центр китайской цивилизации, земли к югу от Янцзы не входили в его владения. Со времен ранней Тан юг приобретал все большее значение. Эти области были гораздо

плодороднее, чем север страны, а морская торговля обогащала прибрежные города. Хубилаю нужно было покорить Южную Сун и для того, чтобы завоевать уважение китайцев, и для того, чтобы устранить постоянную угрозу, исходящую от враждебной династии, которая выдвигала притязания на земли, уже завоеванные монголами.

Еще одна причина состояла в обеспечении безопасности границ. Положение на южной границе с Сун было нестабильным и требовало укрепления. Северо-западная граница с Кореей не вызывала опасений, но ко времени воцарения Хубилая Корея только начинала признавать верховную власть Монгольской империи. На среднеазиатской границе существовала реальная угроза устремлениям Хубилая, так как Хайду, внук Угэдэя, отвергал верховенство великого хана в Средней Азии и время от времени предпринимал пограничные набеги. Хайду, хан среднеазиатских кочевников, также создавал напряжение на рубежах самой северной области владений Хубилая — Монголии. Вынужденный заботиться об обороне, Хубилай должен был увеличивать численность войск и снаряжать военные походы на север и северо-запад.

Завоевание Южного Китая

Но самым важным направлением оставался Южный Китай. Хубилай стремился получить доступ к ресурсам империи Сун. Кроме того, хотя в военном отношении Южный Китай был относительно слаб и не представлял непосредственной угрозы, он оставался потенциальным источником опасности. Китайцы стремились к восстановлению единства своей страны. В случае, если бы Южной Сун удалось укрепить свою военную мощь, одной из ее первых целей, несомненно, стало бы завоевание Северного Китая. При Мункэ уже предпринималась

безуспешная попытка захватить Сун. Так как в 1260-х гг. инициатива перешла к Хубилаю, он решил покорить Южный Китай, прежде чем тот успеет восстановить силы. Таким образом, захват Китая сулил большие политические и стратегические выгоды. Кроме того, следует учитывать и экономические перспективы. Южнокитайские купцы вели прибыльную торговлю с Юго-Восточной Азией, Индией и Ближним Востоком. Несомненно, желание поставить под свой контроль товары и доходы также служило дополнительным стимулом. Земли империи Сун были более плодородны, чем в Северном Китае, население которого часто испытывало нехватку запасов продовольствия. Завоевав юг, Хубилай мог обеспечить своим северокитайским подданным необходимые поставки зерна.

Однако завоевание Южного Китая обещало быть нелегкой задачей. Монгольские войска и конница не привыкли к южному климату и ландшафту. Монгольских коней ждали тяжелые условия. Они не могли приспособиться к жаре и лесной местности, столь отличным от их родных степей. Кроме того, им могло не хватить фуража, так как на юге любой клочок пахотной земли отводился под зерновые. [2] Сами монголы не были готовы к болезням, характерным для тропиков и субтропиков, где насекомые разносили заболевания, к которым у монголов не было устойчивости. [3]

Ко всему прочему, монгольские войска должны были использовать военную технику, которую раньше едва ли применяли, если применяли вообще. Как и полагается государству, ведущему широкую морскую торговлю, империя Сун располагала мощным флотом и, что не менее важно, ряд главных городов следовало атаковать также с моря. Монголам требовалось строить корабли, набирать моряков и учиться вести морскую войну. И действительно,

с помощью китайских, корейских и чжурчжэньских подданных они создали флот, способный одолеть Южную Сун. С другой стороны, так как граница с Сун проходила и по суше, Южный Китай не мог избежать сухопутных сражений, в которых монголы на тот момент практически не знали себе равных. Тем не менее, покорение Сун требовало огромных финансовых и военных ресурсов.

Несмотря на относительную слабость своей армии, в конце XIII в. Сун все еще представляла собой опасного противника. В Ханчжоу и других крупных городах кипела культурная жизнь. Здесь было множество роскошных ресторанов, чайных и театров. «Тяга к роскоши и удовольствиям была особенно заметна в Ханчжоу. Ни в одном другом городе не было сосредоточено столько богатств. Изящество и изысканность, свойственные высшему классу и преуспевающим купцам, объясняют важное место, которое занимала торговля предметами роскоши». [4] В многочисленных ресторанах, которыми был усеян Ханчжоу, подавались тонкие и экзотические блюда, включая «сладкий соевый суп на рынке, свинины, испеченной в золе, перед Дворцом Долголетия и Милосердия, ароматных моллюсков, приготовленных в рисовом вине, гусей в абрикосах, суп из семян лотоса, суп с перцем и мидиями и рыбу с изюмом». [5] Южная Сун владела огромными богатствами, черпая основные доходы прежде всего из сельского хозяйства, но также и из морской торговли. [6]

Сунское правительство, осознавая потенциал, заложенный в торговле, всеми силами развивало эту отрасль, назначая купцов управляющими государственными монополиями и наделяя их относительно высоким общественным статусом. [7] Двор назначал в порты Управляющих Морской Торговлей (Тицзюй шибо ши) для надзора за ввозом товаров и поступлением пошлин. Управляющие

Морской Торговлей открыли для внешней торговли девять портов, из которых самым крупным стал Цюаньчжоу, в современной провинции Фуцзянь. [8] Одновременно двор активно поощрял торговлю на множестве озер и рек в своих владениях. Таким образом города в юго-восточных прибрежных областях связывались с внутренними районами, предоставляя рынок для выращиваемых там товарных культур. Значительно увеличился объем лодочных перевозок по каналам, озерам и рекам. Несмотря на многочисленные ограничения на внешнюю и внутреннюю торговлю, введенные сунским двором, купцы продолжали извлекать значительную выгоду.

Так как морская торговля процветала, власти Сун уделяли особое внимание увеличению и укреплению как торгового, так и военного флота. Поразительные успехи были достигнуты в технологии. Было создано несколько разновидностей крупных судов. Такие виды вооружения, как «горящие стрелы, ракеты, огнеметы и бомбы, метаемые катапультами», а также осколочные бомбы — лишь незначительное число из общего списка нововведений, разработанных сунскими изобретателями. [9] Хотя изначально мотивом для развития военного флота послужила борьба с пиратами, еще одной причиной являлась угроза со стороны северных «варваров», сначала династии Цзинь, а затем монголов. Правительство понимало, что военно-морские силы способны уравновесить опасность, исходящую от мощных, даже по-видимому непобедимых, сухопутных армий противника. Господство на море могло сгладить преимущество монголов в коннице и пехоте.

Сунский двор основал верфи в таких городах, как Ханчжоу, Гуанчжоу (нынешний Кантон), Минчжоу и Вэньчжоу, для строительства судов, которые можно было бы использовать как в прибрежных районах, так и на реке Янцзы. После изгнания из Северного Китая, захваченного

династией Цзинь в 1126 г., империя Сун учредила правительственные должности для управления обороной по Янцзы (Яньцзян чжичжи ши, Военный Уполномоченный Обороны Реки) и прибрежных областей (Яньхай чжичжи ши, Военный Уполномоченный Прибрежной Обороны). [10] Флот оставался мощной и эффективной силой на протяжении примерно ста лет, пока не начал приходить в упадок по мере ослабления самой Сун. Коррупция и пренебрежение обязанностями способствовали снижению боевого духа у офицерского состава, ухудшению обучения и падению боеспособности корабельных команд и нехватке полностью обеспеченных необходимым снаряжением боевых кораблей. Как писал один чиновник в 1239 г., «они [моряки] не умеют ни плавать, ни сражаться. Таковы последствия тридцати лет небрежения». [11] Чтобы побудить правительство к действиям, автор этой записки прибег к некоторым преувеличениям. Несмотря на ослабление сунского флота, монгольские военно-морские силы все еще ему уступали.

Наглядные свидетельства упадка были обусловлены экономическими и политическими проблемами, которые испытывала империя Сун. Правительство столкнулось с теми же трудностями, которые подтачивали прежние китайские династии. Подобно династиям Хань и Тан в различные периоды их истории, сунское правительство оказалось в тяжелом финансовом положении. Крупные землевладельцы сосредоточили в своих руках огромные имения, будь то благодаря сутяжничеству, угнетению крестьян или умелому управлению. Многие представители этого класса либо сами занимали чиновничьи должности, либо состояли в тесных родственных связях с бюрократией. В любом случае, вследствие особой близости к правительственным кругам, они были освобождены от уплаты налогов. Из налоговых списков исчезало

все больше земель, усугубляя финансовый кризис. Двор был не в состоянии покрывать быстро возраставшие военные расходы. К 1260 г., когда в Северном Китае воцарился Хубилай, злоупотребления, в которых погрязли землевладельцы и чиновники Южной Сун, поставили под угрозу само существование империи. Для того, чтобы выжить, империя должна была решить проблему уклонения от налогов. Кроме того, точно таким же образом, как и ранние китайские династии, Южную Сун расшатывали бесчинства и властолюбие придворных. Хотя евнухи уже не обладали такой политической властью, как при династиях Поздней Хань и Тан, они состояли при дворе и при благоприятных условиях вполне могли принять участие в борьбе за власть. [12] Ко всему прочему, родственники каждой императрицы и члены императорского клана стремились к высшим должностям, используя свои родственные связи с правящим домом. [13] Если Южная Сун собиралась выдержать натиск монголов, следовало ограничить честолюбивые устремления этих разнородных групп.

В 1260-х и 1270-х гг. канцлер Цзя Сыдао пытался провести реформы, чтобы устранить злоупотребления. Подобно многим другим реформаторам на протяжении всей китайской истории, он подвергался жестоким нападкам на страницах официальных летописей. [14] Эти исторические сочинения, составлявшиеся членами землевладельческого и чиновничьего класса, и не могли положительно отзываться о сановнике, стремившемся ограничить привилегии и искоренить нарушения, к которым эти классы уже так привыкли. Цзя изображается в них самыми черными красками, и только логика и тщательный анализ тенденциозных источников могут помочь нам нарисовать более беспристрастную картину. [15] Цзя, в соответствии с современными оценками, пытался

убедить императора издать ряд указов, направленных против чиновничьих спекуляций. Он также использовал общественные ящики для писем, «куда люди могли положить свои жалобы и обвинения», [16] в качестве одного из средств выявления противозаконных действий чиновников. Его предложения натолкнулись на ожесточенное противодействие со стороны чиновников и выступавших в союзе с ними землевладельцев. Цзя расправился со своими противниками, сняв с должностей особо рьяных врагов и даже предав несколько человек казни. На замену опальным он выдвинул собственных друзей и чиновников низшего ранга, обошедших по службе более опытных людей. Такие меры, в свою очередь, привели к пополнению оппозиции. Политические потрясения и расколотость общества не добавляли империи стабильности и понижали ее шансы на успех в противостоянии с единой сплоченной силой, которую представляли из себя монголы.

Как мы знаем, Хубилай, исходя из своих соображений, намеревался покорить Южный Китай. Однако поначалу он не проявлял особой воинственности. В главе 3 мы уже говорили о том, что в 1260 г. он отправил на юг посла Хао Цзина с мирными предложениями. Если Сун согласятся признать его Сыном Неба и правителем всего Китая, взамен он готов был предоставить им ограниченную автономию и возможность сохранить свое благосостояние при благорасположении монголов и благодаря свойственному им поощрению торговли. Хао Цзин дополнил предложения Хубилая собственным хвалебным письмом, в котором он изображал монгольского государя типичным китайским императором, правящим в окружении конфуцианских советников в полном соответствии с идеалами добродетели. [17] С другой стороны, он предупреждал об опасных последствиях, в случае неже-

лания сунских властей вступить в переговоры. Он напоминал императорскому двору о непревзойденной военной мощи монголов. Вооруженное сопротивление бессмысленно. Хао Цзин приводил примеры из китайской истории, когда та или иная китайская династия, включая и саму Сун, шла на соглашения с варварами, обычно договариваясь о выплате им дани. Мы уже знаем, что в ответ империя задержала Хао. Цзя Сыдао и его сторонники в правительстве решили вступить в противостояние с монголами. Весной 1261 г. Хубилай направил к императорскому двору двух послов, Цуй Миндао и Ли Цюань, требуя освободить Хао, но те получили отказ.

Это не помешало Хубилаю продолжать делать примирительные жесты. В 1261 г. он самолично отпустил на свободу 75 сунских купцов, которых его войска захватили на границе; в следующем году разрешение вернуться на родину получили еще 40 торговцев, а два года спустя Хубилай освободил 57 купцов. [19] Так же он поступил уже в 1269 г. еще с 45 купцами. [20] В 1264 г. сделал выговор своим военачальникам, казнившим двух плененных сунских полководцев без суда и следствия. Хубилай, стремившийся переманить как можно больше дезертиров из сунской армии, был крайне недоволен такой бессмысленной жестокостью. Сам он награждал перебежчиков землями, тканями и стадами. [21] Эта политика приносила успех, так как с начала 1260-х гг. приток перебежчиков из Южного Китая не ослабевал. Самым знаменитым из них был Лю Чжэн, позднее проявивший себя в войне с Сун. [22]

И все же эти миролюбивые шаги не привели к спаду напряжения. В китайских летописях постоянно встречаются упоминания о стычках между монгольскими и сунскими войсками. Армия империи Сун предпринимала пограничные набеги в августе 1260, ноябре 1261, марте,

мае и июне 1262 г. [23] Войска Хубилая ответили вторжениями на территорию Сун в феврале 1261 и июле 1262 г. [24] В начале 1265 г. состоялось первое крупное сражение. Противники сошлись в битве близ Дяюйшань (в провинции Сычуань), и монголы не только победили в бою, но и захватили 146 кораблей. [25]

Захват кораблей свидетельствует о том, что Хубилай все больше осознавал необходимость обзавестись собственным флотом. К этому времени ему стало ясно, что для победы над Сун требуются мощные военно-морские силы, и поэтому нужно захватывать корабли противника и строить свои собственные. Он добился на этом пути больших успехов. Как пишет один историк китайского флота, «скорость, с которой монголы, пастушеский народ, не знакомый с морем, обучились ведению морской войны, поражает воображение». [26] Сунский перебежчик Лю Чжэн был одним из самых рьяных поборников судостроительной программы. Он утверждал, что без кораблей монголам не удастся покорить Сун. Убедительность его доводов и поддержка со стороны Хубилая привели к созданию четырех отделов или «крыльев» (кит. *и*) во флоте и заложили основы для будущих морских побед.

Столкновение под Сянъяном, начавшееся в 1268 г., ознаменовало собой переломный момент в борьбе. [27] Это была самая длительная кампания в ходе войны; она достаточно подробно описана в Юань-ши и сочинениях Рашид ад-дина и Марко Поло. Марко Поло даже утверждал, что принимал личное участие в осаде города, хотя этого не могло быть, так как осада окончилась победой монголов за два года до того, как он прибыл в Китай. Сянъян и соседний город Фаньчэн располагались на северной границе современной провинции Хубэй. Они лежали на разных берегах реки Ханьшуй, которая впадала

в Янцзы южнее, у современного города Учан. Они занимали важное стратегическое положение, так как были последними крепостями на пути к бассейну Янцзы и прикрывали дороги, ведущие к среднему течению реки, а также к западным областям Южной Сун. Захватив эти два города, монголы могли создать плацдарм для дальнейшего продвижения на юг. Как сообщили Рашид ад-дину его информанты, китайцы возвели в Сянъяне впечатляющие укрепления — «мощный замок, высокие стены и глубокий ров». [28] Сунские власти назначили комендантом этого хорошо укрепленного, по видимости неприступного города Люй Вэньхуаня.

Чтобы сломить сопротивление сунских войск в Сянъяне, монгольские войска должны были показать все, чему они научились в новых для себя областях — осадном деле и морской войне. Сначала они рассчитывали уморить защитников голодом, но вскоре обнаружили, что для этого им нужно перекрыть снабжение Сянъяна по реке. Поэтому им было необходимо добиться преимущества во флоте на реке Ханьшуй, желательно по всему течению. Припасы и подкрепления поступали в Сянъян водным транспортом. Войска Хубилая должны были перерезать этот путь. В конечном итоге они должны были штурмовать город и крепость, но осажденные окопались столь прочно, что монголы неизбежно понесли бы тяжелые потери. Во избежание этого им требовалась артиллерийская поддержка.

В выборе военачальников для этой кампании вновь оказалась кадровая политика, свойственная Хубилаю. Он не набирал командный состав исключительно из монголов, но и не предоставил все высшие посты в армии представителям какой-либо одной этнической группы. Самыми высокопоставленными полководцами из китайцев были Лю Чжэн, недавний перебежчик, представивший

Хубилаю сведения о политических и военных слабостях империи Сун, и Ши Тяньцзэ, перешедший на службу к монголам еще до воцарения Хубилая. Ариг-Хайя, проявивший себя в качестве одного из лучших полководцев, был уйгуром; [30] Ачжу (монг. Аджу) был главным монгольским командующим при осаде Сяньяна; [31] а Исмаил и Ала ад-дин, руководившие действиями артиллерии при взятии города, были мусульмане с Ближнего Востока. [32] Корабли, использовавшиеся монгольской армией, строились корейцами и чжурчжэнями. Полководцы и войска, собравшиеся под стенами Сяньяна, составляли, говоря современным языком, международные силы. Хубилай прекрасно умел привлекать к себе на службу людей разных национальностей и использовать их способности. Он назначал не-монголов на самые ответственные должности, даже в своей армии. Войска, которыми они командовали, также состояли из разных этнических групп.

Полководцам, которым Хубилай доверил выполнение столь важной военной задачи, потребовалось почти пять лет, чтобы взять Сяньян. Они постепенно сжимали кольцо вокруг города, но не могли предвидеть, что сама осада затянется на такой длительный срок. Жители Сяньяна заблаговременно запаслись огромным количеством продовольствия, а нескольким кораблям удалось проскользнуть мимо монгольских заслонов и доставить осажденным необходимые припасы. Эти спорадические успехи затягивали осаду. Китайские летописи не сообщают ее подробностей. Тем не менее, из них можно узнать, что осада иногда на краткое время снималась или же ее кольцо размыкалось. К сожалению, в источниках не обсуждаются причины этих неудач.

Подготовка к осаде велась с начала 1268 г., когда чиновники в Шэньси и Сычуани получили приказ построить

500 лодок. Лю Чжэн рассчитывал использовать эти суда, чтобы захватить контроль над рекой Ханьшуй. Через несколько месяцев он начал возводить укрепления в Бохэкоу и Лумэньшане, к югу от Сянъяна, намереваясь перекрыть пути снабжения и не позволить лодкам с припасами добраться до города. [33] В октябре Хубилай поручил монгольскому полководцу Ачжу обложить также Фаньчэн. [34] Узнав об этом, сунские войска в Сянъяне заволновались. 6 декабря они попытались прорвать блокаду, но эта попытка была обречена на провал, и, как сообщают китайские летописи, монголы захватили и обезглавили множество вражеских воинов. [35] После этого какое-то время осажденные воздерживались от подобных безрассудных предприятий. Они ожидали припасов и пополнений с юга, и им не пришлось долго ждать. В августе 1269 г. сунский военачальник Ся Гуи с 3000 лодок атаковал Лумэньшань. Однако монгольские войска не только отразили нападение, но и захватили 50 вражеских лодок. [36]

К тому времени, очевидно, Хубилай начал проявлять недовольство ходом осады. Уже в феврале 1269 г. он послал одного из своих самых доверенных военных советников Ши Тяньцзэ изучить расстановку войск под Сянъяном и представить свои соображения относительно возможных улучшений. В следующем месяце он приказал направить Ачжу и Лю Чжэну подкрепления в 20000 человек, [37] а в апреле, следуя совету Ши Тяньцзэ, эти два полководца соединили укрепления Бохэкоу и Лумэньшаня, еще более затруднив вход и выход из Сянъяна. Однако этих шагов оказалось недостаточно, так как в апреле 1270 г. Ачжу и Лю Чжэн попросили 70 000 человек и 5000 судов. [38] Но и получив требуемые подкрепления, они не могли принудить осажденных к сдаче. Положение оставалось тупиковым.

Сунский двор не собирался идти на уступки. Китайские источники осуждают Цзя Сыдао за то, что он не желал отказываться от своей ошибочной политики и осознанно вводил императора в заблуждение относительно истинных размеров угрозы, исходящей от монголов. Согласно летописям, Цзя успокаивал двор, преуменьшая монгольскую мощь и утверждая, будто в 1260 г. ему удалось разбить армию Хубилая. Он упорно продолжал обманывать власти Сун, но поражение при Сянъяне подорвало бы доверие к его словам, поэтому он не мог позволить своим войскам сдать город. Некоторые источники уверяют, будто он скрывал от императора сам факт осады Сянъяна. Подобные утверждения просто нелепы. Высшие придворные чины были прекрасно осведомлены о положении осажденных, и, по наблюдению одного си-нолога, «в Главной Летописи Сун-ши часто отмечаются награды и дары, полученные войсками, стоявшими в Сянъяне и других пунктах, а императорским указом были награждены несколько храбрых офицеров, доставивших правительственные письма в осажденный город Сянъян и получивших за это повышение по службе и денежные подарки». [39] Нельзя вменять в вину единственному человеку непреклонную позицию, занятую двором, который, по-видимому, был единодушен в нежелании уступать монголам хоть пядь родной земли. В общем и целом, все сунские сановники недооценивали монгольские силы и не намеревались сдавать Сянъян. Они стремились снабжать гарнизон необходимыми припасами. Осажденные войска также были полны решимости не сдаваться без боя. Они были вполне обеспечены продовольствием и питьевой водой и испытывали нехватку лишь в одежде, соли и некоторых других припасах, без которых в принципе можно было обойтись. Таким образом, они могли сидеть в осаде достаточно длительное

время. Тем не менее, время от времени они отправляли отряды на прорыв окружения. Типичным примером подобных попыток может служить вылазка 18 марта 1270 г. [40] Отряд из пехоты и конницы, числом в 10 000 человек, которому было придано 100 лодок, попытался прорваться сквозь монгольские укрепления. Однако монголы хорошо подготовились. В распоряжении Лю Чжэна находилось несколько сотен лодок, заграждения в Лумэньшане были заблаговременно усилены, а недавно прибывшее пополнение было готово к вражескому нападению. После ожесточенной битвы сунские войска, понеся тяжелые потери, были вынуждены вернуться в Сяньян.

Сунский двор, осознавая свою ответственность, продолжал отправлять в осажденный город лодки с припасами. Большая часть этих лодок не доходила до цели, так как монгольская блокада оказалась почти безупречной. И все же двор не оставлял попыток ее преодолеть. В августе 1269 г. сунский полководец Ся Гуй выступил к Лумэньшаню с 3 000 лодок, но был разгромлен и потерял более 2000 человек и 50 судов. [41] В октябре следующего года Фань Вэньху попытался сделать то, что не удалось Ся. Его потери составили 1000 человек и 30 лодок. [42] Еще одно зафиксированное в летописях предприятие по доставке припасов осажденным относится к августу 1271 г. Оно потерпело полный провал; погибло 2000 сунских воинов. В сентябре 1272 г. отряд в 3000 человек все же пробился в город, но этот успех оказался пирровой победой, так как один из двух командующих отрядом, Чжан Шунь, был убит, а вместе с ним пало значительное число его людей. Припасы, которые они везли, были по большей части уничтожены или перешли в руки неприятеля. Когда остатки отряда попытались покинуть город, в который они только недавно прорвались

с таким трудом и с такими потерями, они обнаружили, что попали в ловушку. Их начальник был захвачен в плен, как и многие его воины. [43]

Конечно, монгольская блокада была в высшей степени эффективной, но монголам так и удавалось преодолеть сопротивление осажденных. Они отрезали Сянъян и Фаньчэн от остальных областей империи Сун, но не могли сломить запершиеся в этих городах гарнизоны. Взять крепости штурмом без тяжелых потерь представлялось невозможным, и, более того, сомнительным предприятием, так как оно могло кончиться и неудачей. И все же, если бы монгольские войска продолжали осаду, не предпринимая никаких активных действий, они могли стоять под стенами города до бесконечности. Чтобы выйти из тупика, им требовалась помощь.

И эта помощь пришла в лице двух мусульманских инженеров. Хубилай обратился к своему племяннику, ильхану Персии Абаке, с просьбой прислать специалистов в осадном деле для покорения Фаньчэна и Сянъяна. В 1271 г. Абака направил к Хубилаю Исмаила и Аладдина. [44] Ненадолго задержавшись при монгольском дворе, в конце 1272 г. оба мусульманина прибыли в область боевых действий, оценили обстановку и принялись за строительство военных машин. Они построили баллисту и катапульту, способные метать громадные камни на значительное расстояние. [45] В декабре монголы применили эту технику под Фаньчэном. При такой артиллерийской поддержке Ариг-Хайя наконец мог идти на приступ. Под градом камней и снарядов сунские войска не могли выстоять под натиском монголов, и через несколько дней Фаньчэн был взят. Когда слухи о падении Фаньчэна дошли до Люй Вэньхуаня, он понял, что и его солдаты в Сянъяне не выдержат такого мощного артиллерийского обстрела. Однако он медлил со сдачей города. Поэто-

му мусульманские инженеры «осмотрели укрепления и установили машину у юго-восточного угла города. Снаряд весил 150 катти. Когда машина выстрелила, грохот сотряс небо и землю; он [снаряд] разрушил и уничтожил все на своем пути». [46] В конце марта, признав вражеское превосходство в «огневой» мощи, Люй сдался. [47] Закончилась осада, длившаяся почти пять лет, а с ее окончанием исчез и важнейший символ сунского сопротивления «варварам».

Естественно, эти события не могли поднять дух сунского двора. Империя потеряла одну из важнейших оборонительных позиций. Авторитет Цзя Сыдао, определявшего стратегию и политику государства, пошатнулся. Он попытался восстановить утраченный престиж, лично возглавив сунскую армию. Стремясь собрать дополнительные средства на растущие военные расходы, он предпринял попытку впервые обложить налогами буддийские и даосские монастыри. Однако оба этих шага ничего ему не дали. Буддисты и даосы, ранее либо поддерживавшие Цзя, либо сохранявшие в отношении него нейтралитет, отныне превратились в его врагов. Военные действия также закончились фиаско. После падения Сяньяна монголы должны были двинуться на юго-восток к сунской столице Ханчжоу, и Цзя решил встретить вражеское наступление к северо-западу от города.

К тому времени Цзя ожидала встреча с единой монгольской армией под руководством блестящего монгольского полководца. В записке, которую написал Хубилаю Ши Тяньцзэ через несколько месяцев после взятия Сяньяна, китайский советник рекомендовал отдать все монгольские войска под начало одного верховного командующего. По мнению Ши, отсутствие верховного командования привело бы к задержкам, распрям и беспорядку. Ши, страдавший от смертельной болезни, вовсе не думал при

этом о собственной карьере; он знал, что единоначалие является важнейшим залогом военных успехов. [48] Хубилай согласился с мнением своего верного старого друга и соратника и летом 1273 г. назначил главнокомандующим экспедиционными войсками Баяна, вероятно, самого даровитого и успешного военачальника своего поколения. Баян был тюрком и происходил из рода военных, издавна служивших великим ханам. В юности он сопровождал младшего брата Хубилая, Хулагу, в походах на Персию и Ближний Восток. Он вернулся из странствий в середине 1260-х гг. и вскоре сумел выдвинуться на первые роли. Хубилай отмечал, что «когда он [Баян] участвовал в обсуждении государственных дел, он часто превосходил [прочих] придворных». [49] Хубилай доверял ему все более ответственные посты, пока, наконец, не поставил его главнокомандующим монгольской армией в Китае.

В конце 1274 — начале 1275 гг. Баян неумолимо продвигался вглубь Сунской империи. Он применял ту же тактику, которая многие десятилетия безотказно служила монголам. Приблизившись к городу или укреплению, он требовал покориться. Если жители или военные отказывались подчиниться приказу, они подвергались обстрелу из катапульт и огнеметов, построенных для монголов двумя инженерами-мусульманами. Некоторые переходили на монгольскую службу или сдавались без особых раздумий. Такие военачальники, как Люй Вэньхуань и Фань Вэньху, осознавая военное превосходство монголов, просто присоединились к ним, чтобы избежать напрасного и самоубийственного кровопролития. Некоторые сунские чиновники, озлобленные реформами Цзя Сыдао, полагали, что при монголах им будет лучше, а некоторые считали монголов единственной силой, способной объединить Северный и Южный Китай. Как бы

то ни было, число перебежчиков и сдавшихся увеличивалось по мере продвижения Баяна на юг.

Казалось, армию Баяна невозможно остановить; так оно и было. В январе 1275 г. монгольский командующий решил переправиться через Янцзы у Ханькоу. Разгорелось ожесточенное сражение на реке и на суше, и «обезглавленных и утонувших было без счета». [50] Сунские войска были вынуждены отступить с берегов Янцзы. В середине марта Баян наконец встретился со своим главным противником Цзя Сыдао при Динцзячжоу, неподалеку от Янчжоу. Сообщается, что под началом Цзя было 130 000 человек. Численность армии Баяна определить сложнее, но основное различие между двумя армиями заключалось не в числе войск, а в снаряжении. Катапульты, использовавшиеся монголами, не только устрашали врага, но и причиняли ему тяжелые потери. В армии Цзя началось дезертирство, и в конце концов он был вынужден собрать оставшиеся силы и отступить. [51]

Теперь его врагам при императорском дворе предоставилась удобная возможность, которой они так долго ждали. Они не винили в поражениях китайских солдат; вместо этого нападали на Цзя, упрекая его за то, что он пытался умиротворить монголов еще в 1259 г., а когда решил вступить в противостояние с «варварами», назначал на военные должности неопытных и неспособных людей. Чиновник по имени Чэнь Вэньлун, например, требовал не только отставки Цзя, но и снятия с постов некоторых его военных назначенцев. Даже ставленники Цзя теперь обратились против него. Чэнь Ичжун, чиновник в Управлении Военных Дел, обязанный Цзя своим возвышением, призвал двор строго наказать своего бывшего покровителя. Фан Хуэй, поэт и чиновник, льстиво угодничавший перед Цзя во времена его могущества, теперь требовал его казни. [52] Обвинив Цзя в поражениях

сунской армии, эти сановники добились его отставки с занимаемых правительственных должностей и лишения сана, но не успокоились, пока он не был отправлен в изгнание в южную провинцию Фуцзянь. По дороге начальник конвоя убил бывшего сунского канцлера. Личность, вызывавшая столько противоречивых суждений, исчезла, но как сторонники, так и противники Цзя были столь разочарованы, что спешили сдаться Баяну. Чтобы привлечь еще больше перебежчиков, Хубилай, через своего конфуцианского советника Лянь Сисяня, послал Баяну приказ не допускать разграбления недавно завоеванных областей. Очевидно, это был один из немногих случаев, когда Хубилай обращался с наставлениями к своему главнокомандующему, поскольку, по его же словам, «твердый военный закон — полководец в походе не должен следовать приказам двора». [53] Проведя несколько операций по зачистке местности, Баян подошел к Янчжоу, оставил нескольких военачальников осаждать город и двинулся к своей конечной цели — Ханчжоу. [54]

Императорский двор в Ханчжоу пребывал в полном смятении. Молодой император, Ду-цзун, правивший с 1264 г., скоропостижно скончался 12 августа 1274 г. Он оставил троих малолетних сыновей. Ему наследовал второй сын Сянь (1270–1323), которому исполнилось 4 года, поскольку его мать, императрица Цюань, была законной женой Ду-цзуна; его старший сводный брат был рожден от наложницы. Тем не менее, реальная политическая власть осталась в руках бабки Сяня, вдовствующей императрицы Се (Се Хуанхоу, 1208–1282). [55] Однако она была уже стара и больна, а в результате политического кризиса 1274–1275 гг., завершившегося падением Цзя Сыдао, круг надежных советников, на которых она могла положиться, заметно поредел. Кроме того, стабильности не способствовали и участвовавшие случаи пе-

рехода высокопоставленных чиновников на сторону монголов. По мере продвижения монгольской армии к Ханчжоу беспокойство императрицы все больше возрастало. Теперь она была озабочена уже спасением самой династии. Вэнь Тяньсян (1236–1283), к тому времени выдвинувшийся на главные роли в сунской администрации, предложил вывезти императорскую семью из города и отправить ее в более безопасное убежище где-нибудь в южных районах страны. [56] Чжан Шицзе (1236–1279), самый выдающийся сунский полководец, поддержал предложение Вэня, но вдовствующая императрица, по-видимому, не желала уезжать из столицы. Однако когда войска Баяна подошли к Ханчжоу, она наконец согласилась с мнением приближенных. Братьев императора вывезли из города на юг, но сама правительница и император задержались, чтобы воодушевить местное население.

Между тем армия Баяна занимала один город за другим. В большинстве случаев сунские войска и горожане просто сдавались на милость монголов. Оборона полностью развалилась. Но и при всем при этом вдовствующая императрица желала заключить мир с монголами на равных, не помышляя о капитуляции. 23 декабря 1275 г. она отправила к Баяну посла, пытаясь убедить его прекратить военные действия и обещая взамен выплачивать дань. Однако монгольский командующий был слишком близок к победе, чтобы удовольствоваться такими подачками. Ссылаясь на вероломство, проявленное сунским двором, задержавшим Хао Цзина и убившим одного из послов Хубилая, отправил китайское посольство обратно. [57] Подстегиваемый отказом Баяна идти на переговоры, сунский двор решил сделать ему более привлекательное предложение. 11 января 1276 г. условия были уточнены: Сунская империя обязывалась выплачивать ежегодную дань в 250 000 монет серебром и 250 000 отрезов

шелка. [58] Однако Баян не соблазнился и этим. Его устраивала только безоговорочная капитуляция. Лишь в конце января, после того, как сунский император признал себя подданным Хубилая, Баян согласился на переговоры. После нескольких безуспешных встреч между представителями обеих сторон вдовствующая императрица передала печать династии Сун Баяну, тем самым символически подтвердив капитуляцию. [59]

Впрочем, через неделю Баяну стало известно, что Чжан Шицзе сопровождает двух сводных братьев императора в их бегстве на юг. Подчиненные Баяна устремились в погоню, но сунскому отряду удалось избежать преследования. [60] Монгольский командующий решил на время оставить без внимания очевидную двуличность сунского двора, позволившего бежать части императорской семьи. Поэтому, когда сунский император лично явился, чтобы изъявить свою покорность новым хозяевам города, Баян принял его со всей возможной любезностью. Позднее он отметил, что в результате капитуляции «Юг и Север стали одной семьей». [61] Он поручил своим офицерам провести перепись населения Ханчжоу и поставить на учет все амбары и хранилища. Одновременно он приказал оказывать уважение сунской императорской семье. Баян запретил своим воинам грабить усыпальницы сунских императоров и разворовывать их сокровищницы. [62] Отдав эти указания, Баян вместе с императором и вдовствующей императрицей вернулся на север ко двору Хубилая в Шанду.

Хубилай обошелся с императорской семьей довольно вежливо. Хотя он изъясил у бывших правителей Сун часть императорских одеяний, короны, нефритовые императорские регалии, драгоценности и другие сокровища, но при этом не проявил особой злопамятности. [63] Он пожаловал низложенному императору Сяню титул «князя

Ин» и предоставил молодому человеку возможность жить в роскоши, к которой тот привык с младенчества. В конечном итоге Сянь был отправлен в изгнание в Тибет и в 1296 г. принял монашество. [64] Хубилай обещал обращаться столь же милостиво и благосклонно со всеми сунскими чиновниками и простым народом. Он объявил прощение всем покорившимся его власти и приказал оказывать уважение конфуцианцам, буддистам и даосам. Он провозгласил правительственную поддержку вдовам, сиротам и бездетным старикам. [65] Тем самым он давал понять, что не допустит разграбления недавно завоеванных земель. Напротив, он будет проводить на юге такую же политику, которой следовал на севере, чтобы восстановить опустошенные войной области и способствовать экономическому росту и развитию.

Рассказ из официальной летописи династии Юань, достоверность которого трудно установить, доносит до читателя тот образ отношения к свергнутым сунским правителям, который желали создать Хубилай и его жена Чаби. После приема у Хубилая вдовствующей императрице Се и императрице Цюань были предоставлены резиденции в Даду (современном Пекине). Двое их слуг — Чжу и Чэнь — повесились, не в силах видеть унижение, которому подверглись их госпожи. Хубилай, взбешенный и, возможно, обеспокоенный этими самоубийствами, приказал выставить их тела и повесить их головы в покоях императрицы Цюань. [66] Чаби была возмущена проявлением такого варварства и потребовала, чтобы императрице Цюань и вдовствующей императрице Се было дозволено вернуться в Южный Китай. Хубилай, пристыженный упреками жены, тем не менее, ответил, что отпустить императриц на юг будет неразумно, так как китайские лоялисты устроят беспорядки, которые поставят под угрозу их безопасность. Вместо этого Хубилай

предложил оставить их в Даду и пообещал, что им будет обеспечен хороший уход. Чаби взяла на себя заботу о их нуждах и, по-видимому, была с ними весьма обходительна. Вдовствующая императрица Се прожила в Даду до самой своей смерти в 1282 или 1283 г., а императрица Цюань ушла в буддийский монастырь, где и скончалась после 1296 г. Подобное внимание к сунской императорской семье неизмеримо повышало репутацию монгольских правителей. [67]

Несмотря на захват Ханчжоу, война еще не закончилась. Получив известие о падении столицы, сунские лоялисты, бежавшие в южные области страны, 14 июня 1276 г. собрались в Фучжоу на церемонию коронации 7-летнего императора Ши (1268–1278), старшего сводного брата плененного императора Сяня. Таким образом, на трон взошел еще один ребенок, и именно в то время, когда империи требовался властный, энергичный правитель. Общее управление страной взял в свои руки Чэнь Ичжун, а важнейшие посты заняли Чжан Шицзе, Вэнь Тяньсян и Лу Сюфу (1238–1279). Все четверо стремились к единоличной власти, и не было высшей силы, способной направлять и сдерживать их устремления. Следствием борьбы стало изгнание Лу Сюфу, осмелившегося поставить под сомнение правильность проводимой Чэнем политики. [68] Так как оставшиеся высшие чины так и не могли придти к согласию между собой, прочие сановники, уставшие от их междоусобиц, начали толпами перебегать к монголам. Например, сунский военачальник Ся Гуй, перешел на сторону монголов вместе с тремя крупными и шестью малыми префектурами и 36 округами в восточной области Хуайнань, граничившей с монгольскими владениями. [69] Отсутствие единства подрывало доверие к Сун со стороны простого населения.

Такая разобщенность способствовала быстрому продвижению монгольских войск в южном направлении. Покорение юго-западных областей империи Сун было доверено уйгуру Ариг-Хайя. Имея под своим началом 30 000 человек, в июле 1276 г. он двинулся к современной провинции Гуанси. [70] По дороге он захватил Чанша, и к апрелю 1277 г. вступил в северные районы Гуанси. Очевидно, он хорошо запомнил наставления Хубилая, поскольку уже через несколько дней после того, как его войска заняли Гуанси, он установил гражданскую администрацию и устремил свои силы на восстановление экономики. [71] Между тем на востоке монгольские войска под командованием Соду продолжали преследовать остатки императорской семьи, добравшись до самого южного побережья. [72] Из порта Чучжоу, который он захватил в конце 1275 г., Соду быстро двинулся на юг. [73] К концу 1276 г. его войска начали собираться вокруг города Фучжоу, в котором совсем недавно искал убежища император Ши. Когда монгольская армия была на расстоянии всего нескольких дней пути, высшие сановники Сун решили вновь обратиться в бегство. Они отвергали саму мысль о капитуляции. Выйдя в море, они поплыли на юг и высадились в оживленном порту Цюаньчжоу.

По прибытии они вступили в переговоры с Пу Шоугэном, замечательным человеком, занимавшим пост Управляющего Морской Торговлей в Цюаньчжоу. [74] Происходивший из рода богатых арабских купцов, осевших в Гуанчжоу, Пу был назначен Управляющим Морской Торговлей в Цюаньчжоу в благодарность за помощь, которую он оказал в успешной борьбе с пиратами, разорявшими город. Его положение предоставляло ему множество возможностей для обогащения. Благосостояние Пу росло за счет подарков от благодарных купцов и чинов-

ников, а также взяток и казенных средств, которые он присваивал. [75] Его власть и богатство придавали ему особое значение в глазах Хубилая и императорской семьи. Обе стороны стремились заручиться его поддержкой, в том числе и потому, что Пу располагал кораблями, которые должны были весьма пригодиться в морской войне. Когда сунские лоялисты прибыли в Цюаньчжоу, нои первым делом потребовали лодок и припасов, но Пу нашел их слишком высокомерными и заносчивыми. Они требовали, а не просили. Обуздав свой гнев, он пригласил их задержаться в Цюаньчжоу. Одновременно он все больше склонялся к монголам. Однако Чжан Шицзе и другие сунские советники с подозрением относились к Пу, сомневаясь в его преданности. Как отмечает один исследователь, «вполне вероятно, приглашая императора вступить в город, Пу Шоугэн замышлял взять его под стражу». [76] Поэтому в начале 1277 г. сунские лоялисты бежали из Цюаньчжоу. К апрелю, если не раньше, Пу принял окончательное решение вступить в сотрудничество с монголами и послал ко двору Хубилаю извещение о своих намерениях. [77] Хубилай был очень обрадован этим известием, так как переход Пу на монгольскую сторону значительно усиливал его флот. Он отблагодарил чиновника-араба, назначив его военным командующим провинций Минь (современный Фуцзянь) и Гуан (современный Гуандун). [78] Тем самым Хубилай обеспечил за собой корабли, находившиеся в распоряжении Пу. В том же году Пу довелось оказаться в затруднительном положении, поскольку Чжан Шицзе собрал большой флот и блокировал порт Цюаньчжоу. Однако через два месяца Хубилай отправил к Пу подкрепления, и Чжан был вынужден отступить на юг.

Сунские лоялисты продолжали вести жизнь беглецов. Выехав из Цюаньчжоу, они странствовали из одного

порта в другой, сначала остановившись в Чаочжоу, а затем перебравшись в Хуэйчжоу. Большую часть 1277 года они провели в Гуанчжоу. Однако они нигде не находили безопасного убежища. Соду неумолимо преследовал поставленную перед ним задачу уничтожить остатки сунского двора. [79] Встречая сопротивление, он подавлял его катапультами и другими военными машинами, построенными мусульманскими инженерами. [80] В ноябре 1277 г. он попытался завязать переговоры, но Чжан Шицзе наотрез отказался выслушивать какие-либо предложения. Получив отказ, Соду атаковал и захватил Гуанчжоу, а к февралю 1278 г. его войска вступили в Чаочжоу. [81] Вновь обратившись в бегство, 6 января 1278 г. сунский двор попал в сильный шторм. Императорский корабль затонул, а императору и Чжан Шицзе чудом удалось спастись. Измученный постоянными переездами, потрясениями, сменой климата и мест, юный болезненный император скончался 8 мая 1278 г., накануне своего десятого дня рождения. [82]

Его смерть нанесла тяжелый удар сунским лоялистам, но Чжан Шицзе сумел вновь сплотить их, хоть и в последний раз. Он возвел на трон сводного брата покойного императора Ши — Бина — и, вместе с Лу Сюфу, стал править от имени малолетнего императора. К тому времени беглецы обосновались на юго-восточной оконечности Китая. Они поселились на острове Наочжоу у берега полуострова Лэйчжоу. Им было ясно, что здесь они смогут лишь на время укрыться от монголов. Встал вопрос о том, что делать дальше. Чэнь Ичжун предложил отправить императора в Чампу (южные области Вьетнама). Так как многие народы Чампы происходили от китайцев и так как они также опасались монгольского нашествия, вероятно, они с радостью примут юного императора. Кроме того, возможно, им будет льстить

мысль о том, что они спасут правителя великой империи. Чэнь отправился в Чампу, чтобы выяснить, согласны ли ее правители дать приют сунскому императору. [83] Пока Чэнь был в отъезде, над сунским двором в Наочжоу нависла опасность. Монгольские войска заняли Лэйчжоу, перекрыв путь в Чампу. Лоялисты вновь вышли в море и нашли временное убежище на острове Яйшань, недалеко от Гуанчжоу, уже захваченного монголами.

Монголы подготовились к нападению на окруженную сунскую армию. В начале 1279 г. монгольские войска собрались на юге под Яйшанем. Сознвая превосходство монголов в огневой мощи, Чжан Шицзе попытался избежать окружения, но 19 марта лишь 16 судам удалось прорвать блокаду. [84] В ходе морской битвы с монгольским флотом получил повреждения и императорский корабль. Сообщается, что Лу Сюфу, увидев, что корабль идет ко дну, взял императора на руки и прыгнул вместе с ним за борт на верную смерть. Последний сунский император утонул, и династия Сун наконец прекратила свое существование.

Большинство сунских лоялистов сдались или покончили с собой, однако небольшая их часть поклялась продолжить борьбу. Чжан Шицзе, самый выдающийся представитель непокорных, задумал разыскать потомков сунской императорской семьи в Чампе или Аннаме, чтобы возвести кого-либо из них на императорский престол. С этими мыслями он отправился в Юго-Восточную Азию. Однако, должно быть, он выехал в несчастливый час, так как его корабль в июне 1279 г. попал в бурю, и Чжан Шицзе погиб. Чэнь Ичжун к тому времени уже находился в Чампе, но не мог вернуться после известия о гибели последнего императора. Он остался в Чампе, подготовив почву для прибытия прочих беглецов. В 1283 г., когда монголы вторглись в Чампу, он бежал в Сиам, где

и прожил до самой смерти. [85] Вэнь Тяньсян, попав в плен к монголам, отказался служить новым хозяевам и в конце концов был предан казни.

К 1279 г. Хубилай уничтожил остатки династии Сун. Однако теперь перед ним встала, возможно, еще более сложная задача, так как ему нужно было завоевать расположение местного населения. Чтобы привлечь туземцев на свою сторону, он должен был развеять образ завоевателя-«варвара», которого не интересует ничего, кроме ресурсов Южного Китая. Хубилаю следовало создать правительство, которое служило бы монголам, но вместе с тем не слишком угнетало бы местных жителей. Преемственность во внутренней и кадровой политике также облегчила бы переход к установлению монгольского владычества. Почти одновременно с падением Сун Хубилай начал прилагать усилия, чтобы не допустить жестокого обращения с простым народом. В сентябре 1278 г. он приказал Соду и Пу Шоугэну обходиться со своими новыми подданными с должным уважением и отдал военным чиновникам указание не препятствовать простолюдинам заниматься торговлей и земледелием. [86] Он предупредил, что их собственность должна считаться неприкосновенной. Хубилай издавал сходные распоряжения относительно земель, ранее контролировавшихся Южной Сун, и в начале своего правления. Этот курс принес несомненные успехи. В летописях почти не зафиксированы случаи крупных мятежей и восстаний, а многие талантливые южане перешли на монгольскую службу. Некоторые чиновники и ученые отказались сотрудничать с завоевателями и отошли от дел, но лишь немногие продолжали хранить в душе верность свергнутой династии. Удивительно, с какой легкостью Хубилаю удалось установить монгольскую власть над страной с самым многочисленным в мире населением. Ни одна

другая область, завоеванная монголами, не могла сравниться с Южным Китаем по численности населения и богатству. Монголы сумели взять управление в свои руки именно благодаря проводившейся Хубилаем политике. Это замечательный успех, который не следует недооценивать. Задним числом мы знаем, что монголы властвовали над Китаем менее столетия. И все же это не умаляет достижений Хубилая. С точки зрения его современников, как монголов, так и не-монголов, он блестяще управлял Южным Китаем.

Покорение Кореи

Безуспешные попытки покорить Корею предпринимали еще предшественники Хубилая. Чингис-хан в 1218 г. и Угэдэй в 1231–1233 гг. снаряжали туда походы, и хотя им удалось подчинить своей власти обширные области полуострова, в 1233 г. король Кореи укрылся на острове Канхвадо у восточного берега. Клан Чхой, главы которого управляли страной именем короля, оставался неприимимым врагом монголов и не допускал мысли о капитуляции. На какое-то время внимание монголов было отвлечено от Кореи спорами о престолонаследии и другими военными предприятиями, и карательная экспедиция против непокорных корейцев состоялась только при Мункэ. В 1253 г. Мункэ приказал некоему Чжалаэрдая выступить в поход на корейский королевский двор. Монгольские армии вторгались в Корею в 1253 и 1258 гг. [87] В обоих случаях корейцы были разбиты на материке, а местное население, уже пострадавшее от ужасной засухи, было доведено до бедственного положения. Те, кто переходил на сторону монголов или изъявлял им покорность, получали возможность вести нормальную жизнь, а ремесленники, подобно своим собратьям в дру-

гих монгольских владениях, пользовались особыми условиями и часто нанимались завоевателями на службу. [88] Монгольские войска, сознавая недостаток опыта в морской войне, не пытались захватить остров Канхвадо. Следует признать, что это было мудрое решение, учитывая позднейшие неудачи в Японии и на острове Ява. К счастью для монголов, в это время вспыхнуло возмущение против деспотичного правления клана Чхой. В 1258 г. вследствие военного переворота был лишен власти Чхой Ый, глава клана, а новый правитель стремился наладить отношения с монголами. Наследник престола Чхон отправился в Китай, чтобы изъявить покорность монголам и предложить себя в заложники. [89] Первым монгольским князем, которого Чхон встретил в Китае, был Хубилай. Так как Мункэ находился в Сычуани и готовил вторжение в империю Сун, Хубилай остался главным лицом в Восточном Китае. Он тут же без раздумий принял корейского принца в свою свиту и обошелся с ним весьма благосклонно.

Через несколько месяцев отошли в мир иной и Мункэ, и корейский правитель. Хубилай, при поддержке своих китайских советников, решил сделать ставку на наследника престола. Он отпустил молодого принца, наказав ему вернуться на родину и отстаивать свои права на корону. [90] Новому королю дозволялось сохранить часть властных полномочий, но вместе с ним в делах правления должен был участвовать постоянный представитель монгольского двора. Хубилай рассчитывал на верность и «добродетель» (в конфуцианском смысле слова) будущего корейского государя. В конце 1259 г. принц в сопровождении монгольских войск прибыл в Корею и возшел на престол, приняв имя Вонджон. Он вскоре доказал свою преданность и «добродетель», отправив наследника заложником ко двору Хубилая. Хубилай, в свою очередь,

наделил корейского принца нефритовым поясом и прочими подарками. [91] На протяжении последующего десятилетия отношения между корейским королем и монгольским ханом неизменно улучшались. Корейский правитель время от времени отправлял ко двору Хубилая посольства с данью; а Хубилай отвечал щедрыми дарами и предоставлял корейским купцам всевозможные льготы. [92] Во времена экономического спада Хубилай прибегал за помощью корейцев, поставлявших империи хлеб и мясо. Он также постоянно напоминал своим пограничным войскам о запрете грабить корейские земли и устраивать прочие бесчинства. [93] Точно так же его чжурчжэньские подданные в Маньчжурии получили указания воздерживаться от набегов на Корею. [94] Вследствие этого между Вонджоном и Хубилаем поддерживались дружеские отношения, так что, например, в 1266 г. монгольский император послал приболевшему корейскому королю лекарства. [95]

Когда Хубилай узнал о мятеже против корейского правителя, он немедленно принял меры для оказания помощи своему союзнику или, в его понимании, «вассалу». В 1269 г. военачальник по имени Им Ён попытался последовать примеру клана Чхой и установить контроль над королевским престолом. Он устроил переворот, свергнув Вонджона и выдвинув своего кандидата на трон, которым, по иронии судьбы, оказался младший брат Вонджона, согласившийся действовать в интересах Им Ёна. [96] Через месяц после того, как до монгольского двора дошли вести об успешном путче, Хубилай направил в Корею отряд в 3000 человек под началом сына Вонджона, содержавшегося в заложниках у монголов. [97] В начале следующего года монгольская армия разгромила войска Им Ёна и вернула Вонджону королевскую корону. Тем не менее, угроза не была полностью устранена. Только в 1273 г. мятежники, укрывшиеся на

острове Чеджудо у южного побережья Кореи, были окончательно разбиты. Между тем Хубилай еще больше укрепил отношения с королем Вонджоном, применив тактику, издавна использовавшуюся в Восточной Азии — династический брак. Его дочь, именуемая в китайских летописях Ху-ду-лу Цзе-ли-ми-ши, была просватана за наследника корейского престола; таким образом, будущий король Кореи был бы внуком Хубилая. [98] На всех протяжении правления монгольской династии Юань преемники Хубилая продолжали ту же политику, укрепляя связи с корейским правящим домом.

К 1273 г. Хубилай полностью включил Корею в сферу влияния своей династии. Он возложил на корейцев ряд повинностей, но одновременно оказывал им ощутимую экономическую помощь. Корейцы обязывались выплачивать дань шкурами сурков и выдр, серебром, тканями и бумагой. Кроме того, они учредили особое Управление по Соколиной Охоте, чтобы поставлять к императорскому двору соколов, с которыми любил охотиться Хубилай. [99] Корейские гончарные изделия, превосходившие китайские образцы в техническом отношении, также весьма ценились в Китае. По наблюдению одного историка, «корейцы начали использовать окись меди [для придания керамике ярко-красного цвета] на столетие раньше китайцев». [100] Таким образом, китайцы высоко ставили искусство корейских гончаров. В корейских источниках мы находим любопытную историю, показывающую, что сам Хубилай был поражен изысканностью и дороговизной корейской керамики. Корейский посол Чхо доставил в дар Хубилаю прекрасную вазу, и великий хан спросил:

«Для чего рисовать золотом по фарфору — чтобы сделать фарфор крепче?»

Чхо ответил: «Нет, это только для украшения вазы».

Тогда хан спросил: «Можно ли это золото использовать снова?»

Чхо ответил: «Фарфор так легко бьется, а вместе с ним, естественно, и золото. Как же можно использовать его снова?»

Тогда Хубилай-хан сказал: «Отныне не используйте золота и не дарите мне его». [101]

Это необычное, почти пуританское заключение, очевидно, расходится с описаниями роскоши императорского двора, содержащимися в сочинениях иностранцев, в том числе и Марко Поло. И все же не следует забывать о том, что большая часть этих сообщений относится к последним годам правления Хубилая. В первые годы царствования он был всерьез озабочен государственными делами и утверждением собственной легитимности и еще не привык к пышности, свойственной китайским императорам. Таким образом, разговор с корейским посланником отражает образ мыслей, присущий Хубилаю на начальном этапе правления, прежде чем его стандарты и ценности успели измениться.

В любом случае, с 1264 по 1294 гг. корейские правители направили ко двору Хубилая 36 посольств с данью. [102] Иногда Хубилай высказывал особые пожелания. Например, в 1267 г. он попросил Вонджона послать ему шкуру определенного вида рыбы, которая была необходима для отделки его туфель. Волдырь, вскочивший у него на ноге, один из первых симптомов подагры, от которой он позже страдал, причинял ему сильную боль и требовал особой обуви из рыбьей кожи, которую могли доставить только корейцы. В дальнейшем, когда Хубилай состарился и утратил былое здоровье, корейцы часто присылали ему различные лекарства. [103]

Ко всему прочему, Хубилай выдвинул требования, типичные для монгольских ханов. Он приказал корейцам прислать данные переписи населения (первый шаг при формировании системы налогообложения), создать почтовые ямы и предоставлять припасы монгольским войскам, стоящим в Корее. [104] В дополнение он возложил на корейцев ряд особых обязанностей. Они были обязаны поставлять ко двору женщин, которые либо определялись в гарем, либо становились рабынями и служанками. Члены королевской семьи до 1283 г. также несли службу при дворе Хубилая, где они находились в качестве заложников. [105] Корейские короли из династии Корё, правившей с 936 г., были вынуждены разместить в стране постоянных монгольских представителей. Эти представители иногда делили властные полномочия с королями, но чаще обладали большей властью, чем монархи. [106] Служба переводчиков, существовавшая и ранее в истории династии Корё, заработала еще активнее, теперь перенесся упор на знание монгольского. [107] Часть острова Чеджудо была превращена в пастбище для лошадей и овец. Коней, вскармливавшихся на этом южном острове, часто продавали монголам или отправляли к ним в качестве дани. [108] Таким образом, к 1273 г. Корея была усмирена, и Хубилаю не приходилось тревожиться по поводу возможных мятежей на северо-восточной границе. Также он обязал корейцев выполнять монгольские экономические и военные требования.

Первое вторжение в Японию

Возможно, самым обременительным для Кореи было требование Хубилая оказать монголам помощь в войне с Японией. Это островное государство уже четыре столетия не поддерживало практически никаких связей

с Китаем. Гонения, которым подверглись буддисты в Китае в середине IX в., отдалили японцев и побудили их разорвать почти все торговые и культурные отношения с материком. [109] Таким образом, если бы Хубилаю удалось заставить японцев вновь выплачивать дань Китаю, это значительно повысило бы его престиж в глазах китайцев. Несомненно, свои взоры на страну восходящего солнца Хубилай обратил не в последнюю очередь именно из желания заслужить одобрение китайских подданных. До сих пор монгольские ханы никогда не вступали в морскую войну. Таким образом, Хубилай первым принял роковое решение покорить заморское государство. Хотя он и не имел намерения вести военные действия на море, планы в отношении Японии вынудили его решиться на этот шаг, не суливший монголам ничего хорошего.

Хотя корейцы имели основания недолюбливать японцев, они не были готовы выступать в качестве активных помощников в планах покорения Японии. С 1223 г. Корея подвергалась набегам японских пиратов (япон. вако, кор. вэгу, кит. вокоу), грабивших прибрежные области страны. Разбойники пользовались тем, что основные корейские силы были направлены на борьбу с монголами. [110] Эти набеги продолжались до 1263 г. И все же корейские правители, сознавая, что пираты занимаются своим делом, не имея одобрения со стороны ни японского двора, ни военного правительства, не объявляли Японии войну. Они ограничивались тем, что отправляли послов с жалобами на грабителей. Когда пиратам стало известно, что Корея покорилась монголам и на Корейском полуострове установилась твердая власть, они прекратили свои нападения. Поэтому у корейцев не было особых причин поддерживать монгольские планы по вторжению в Японию.

Однако Хубилай вел свою игру. Осенью 1266 г. он отправил в Японию посольство, чтобы уведомить японцев о воцарении в Китае новой династии и побудить их выплачивать императору дань. [111] Корейцы должны были оказать послам помощь в морском путешествии, но вместо этого, приняв эмиссаров Хубилая, они постарались отговорить их от мысли переправиться в Японию, указывая на всевозможные опасности — бурное море и плохую погоду. [112] На самом деле, корейцы просто не хотели оказаться втянуты в осложнения, которые могли возникнуть в отношениях между японцами и монголами. Напуганные описаниями опасностей, подстерегающих их на пути в Японию, монгольские послы поспешили обратно в Китай. Их отчет привел в гнев Хубилая, заставив его также усомниться в верности корейцев. Летом 1267 г. он направил корейскому двору письмо, полное колкостей и упреков, ставя своим «подданным» в вину не только то, что они не оказали требуемой помощи, но и то, что по их наущению монгольское посольство не выполнило возложенной на него миссии. [113] Хубилай не собирался отказываться от своих планов и давал понять, что больше не потерпит никаких помех со стороны Кореи. В 1268 г. он снарядил следующее посольство, и на сей раз корейцы не подвели. Посольство возглавляли два сановника — из министерства обрядов и военного министерства, получившие от Хубилая указание сообщить японцам о его восшествии на престол и о том, что новый император ожидает увидеть у себя японское посольство с данью. [114]

Японцы встретили посланников холодно и своими действиями окончательно восстановили против себя Хубилая, дав ему повод прибегнуть к более жестким мерам. Японский императорский двор, находившийся в Киото, не обладал реальной властью, которая была сосредоточена

в руках бакуфу, военного правительства во главе с сегуном, пребывавшего в Камакуре. Страна фактически управлялась не сегуном, а регентом Ходзё Токимунэ, который и не думал уступать требованиям монголов. Опираясь на силу самурайского (воинского) сословия и полагаясь на выгоды, предоставляемые островным положением Японии, он и его со-регент Ходзё Масамура отвергли все попытки монгольского посольства установить дипломатические отношения. [115] Обсудив возможные варианты ответа на письмо Хубилая, в котором японский император именовался «царем маленькой страны», [116] бакуфу просто отослало монголов обратно без каких-либо объяснений. Хотя придворные чиновники написали послание, составленное в миролюбивых и примирительных тонах, и представили его на рассмотрение бакуфу, регент запретил передавать его монгольским эмиссарам. [117] Не смущаясь неудачей, в начале 1271 г. Хубилай отправил в Японию еще одно посольство с тем же посланием, что и в предыдущий раз. [118] Сопровождавшие послов корейцы тайно предупредили японцев об угрозе, которую представляет монгольская военная мощь, но японцы вновь отказались допустить послов ко двору. На обратном пути послы захватили двух японских рыбаков и привезли их с собой в Китай. Хубилай принял рыбаков и наказал им передать своему государю, чтобы он проявил должное уважение к императору Китая и монгольскому хану, направив к нему посольство с данью. Затем он отпустил их, дав им сопровождение до Кореи, откуда они должны были переправиться в Японию. Однако возвращение задержанных рыбаков не вызвало у японского правительства никакой реакции.

К этому времени Хубилай уже начало раздражать «высокомерие» японцев. Он не мог до бесконечности терпеть такое пренебрежение. В обеих своих ипостасях,

и как великий хан, и как император Китая, он не мог допустить унижительного обращения со стороны другого государства. Монгольский обычай требовал подобающего приема послов, а в соответствии с китайской традицией император являлся верховным властелином всех стран на земле. Столь четкие требования, предъявлявшиеся к правителю обеими традициями, означали, что Хубилай не должен был смотреть сквозь пальцы на прием, который был оказан его послам в Японии. Однако, прежде чем перейти к более жесткой политике, он направил к японскому двору еще одного посланника. На эту роль он избрал Чжао Лянби (1217–1286), который выехал весной 1272 г. и высадился в Имадзу на восточном берегу острова Кюсю в октябре того же года. [119] Потребовав допустить его к императору и получив немногословный отказ, посол выдвинул ультиматум: у японского императора есть два месяца, чтобы ответить на письмо Хубилая. Императорский двор хотел составить ответ в самых вежливых и туманных выражениях, но военное правительство отвергало всякую мысль о компромиссе. Это мнение восторжествовало, и китайские послы были изгнаны из страны. Грубость, проявленная бакуфу, оценивается как «равнозначная объявлению войны». [120] Чжао Лянби вернулся в Китай в шестой месяц 1273 г. и представил Хубилаю доклад о Японии и обычаях ее жителей, а также, вероятно, о системе обороны страны. [121] Рассказ Чжао об оскорбительном приеме посольства разгневал Хубилая. Он не мог больше медлить, так как от отсрочек дерзость японцев лишь возрастала. За несколько месяцев до возвращения Чжао монголы одержали важную победу над Южной Сун, взяв Сяньян, и теперь Хубилай получил возможность отрядить небольшую часть своей армии на усмирение японцев. В то же время поход на Японию

можно было представить частью кампании против Сун, так как японцы вели оживленную торговлю с южнокитайскими врагами Хубилая. Разгромив японцев, он мог перерезать торговые связи между двумя своими неприятелями, тем самым ослабив Сун. [122]

Хубилай затратил некоторое время на подготовку к вторжению в Японию. Он приказал корейцам постороить корабли для перевозки монгольских войск через Японское море. Монголы намеревались высадиться на самом южном из островов Японского архипелага. В ноябре 1274 г. войско, состоявшее из 15000 монгольских, китайских и чжурчжэньских воинов и 6000–8000 по большей части недовольных корейских солдат, которые вовсе не горели желанием участвовать в этом походе, при помощи 7000 корейских моряков, вышло в море из Хаппо (близ современного Пусана). [123] Флотилию составляли 300 больших и 400–500 небольших судов. Войска сначала высадились на островах Цусима и Икисима, где с легкостью разгромили японцев. И все же силы, отправленные Хубилаем на завоевание Японии, никак нельзя назвать внушительными. Очевидно, он недооценил степень возможного сопротивления. [124]

Решающая битва должна была состояться, естественно, на острове Кюсю. Хотя японцы знали о выступлении монгольской армии, они плохо подготовились к отпору. Они не могли содержать на Кюсю большое войско по экономическим причинам, и кроме того, чтобы выставить против монголов мощную армию, японскому государству не хватало политического единства и централизации. Им было нечего противопоставить монгольскому дальнобойному оружию, в том числе арбалетам и разного рода метательных машин. Их военачальники не могли сравниться с монгольскими ни по военному опыту, ни по боевой закалке. Японцы были искусны в рукопашном

бою, но монголы сражались в тесно сомкнутом строю, а с такой тактикой ведения боя японцы были незнакомы. [125] Поэтому 19 ноября, когда монголы высадились на восточном берегу Кюсю у Хакаты, они имели неоспоримое преимущество над японским войском. Монгольские боевые порядки и тактика привели японцев в замешательство, равно как и использование ими при наступлении барабанов и колоколов. К исходу первого вечера японская армия понесла ощутимые потери в людях и снаряжении и, кроме того, заняла очень слабую позицию. Единственным выходом оставалось бегство, и только ночь спасла японцев от позора.

Однако тут свое слово сказала природа. Той самой ночью разразилась ужасная буря. Корейские моряки убедили монгольских военачальников в том, что им следует вернуться на корабли и выйти в открытое море, пока не стихнет шторм. В противном случае суда разобьются о прибрежные скалы, и монголы потеряют единственное средство к отступлению. Монголы нехотя согласились с этими доводами и начали отводить свои войска от Хакаты. [126] Некоторые японские воины бросились в погоню и убили какое-то число отступавших монголов. Однако наибольшие потери той ночью монголы понесли в море. Ветер, волны и скалы потопили несколько сотен кораблей и, по некоторым сведениям, погибло 13000 человек. [127] Эта буря спасла Японию. Экспедиция закончилась для монголов катастрофой, а выжившие отплыли на родину, чтобы сообщить Хубилаю о неудаче.

Так как великий хан уделял все свое внимание покорению Южной Сун, он не мог отвлечься на японские дела и отомстить японцам. Вместо этого, в 1275 г. он направил к ним очередное посольство во главе с Ду Шичжунем и Хэ Вэньчжу, чтобы добиться своих целей, не прибегая к новому вторжению. [128] Японские власти,

гордые своим недавним успехом и полагавшиеся на волю богов, спасших Японию в последний раз, усугубили разрыв с китайской династией, казнив несчастных послов. [129] В глазах монголов это было одно из самых страшных преступлений. Хубилай не мог оставить такое оскорбление безнаказанным. Однако прошло еще несколько лет, прежде чем он получил возможность послать в Японию карательные войска.

К середине 1270-х гг. он окончательно усмирил Корею и даже привлек корейцев на свою сторону, сколь бы отрицательно они не относились к его стремлению покорить Японию. Тем не менее, он не достиг успеха. У него было много других, более важных поводов для беспокойства, например, угрозы территориальной целостности своего государства. Серьезную озабоченность вызывала Средняя Азия. Хубилаю следовало заняться в первую очередь этими землями, прежде чем вновь обратить внимание на Японию.

Походы против Хубилая

В Средней Азии у Хубилая появился враг, намеревавшийся захватить верховную власть над Монгольской империей. В данном случае, в отличие от корейских и японских дел, не связанных с непосредственной угрозой его трону, он столкнулся с претендентом на его собственный престол. В Корее и Японии Хубилай стремился расширить монгольские владения и достичь определенных экономических выгод, но в Средней Азии его противник намеревался завладеть землями, завоеванными великими ханами — предшественниками Хубилая. Опасность усугублялась тем, что главный неприятель был не просто монголом, а еще и членом правящего дома, потомком великого хана Угэдэя. От своих восточно-азиатских

соседей Хубилай требовал лишь формального признания своей верховной власти, и при этом условия практически не вмешивался в их внутренние дела. С другой стороны, Средняя Азия имела общую границу с владениями Хубилая и управлялась монгольским ханом. Не контролируя этот регион или, по крайней мере, не наладив с ним мирных взаимоотношений, Хубилай не мог быть спокоен за безопасность северо-западных областей Китая, которые тогда подвергались бы набегам азиатских кочевников, от которых в прошлом постоянно страдали оседлые китайцы. Совершив набег, кочевники могли скрыться от погони в необозримых просторах среднеазиатских степей и пустынь. [130] Еще большую угрозу несли близость Средней Азии к Монголии, так как коренные монгольские земли были уязвимы для нападений из Средней Азии. Хубилай же не допускал и мысли о возможности утратить власть над родными краями.

Кроме того, Средняя Азия играла важнейшую роль в грандиозных планах великого хана по установлению торговых связей. Здесь перекрещивались торговые пути между Китаем и Индией, Ближним Востоком и Европой. Караваны, везущие товары через Евразию, делали остановки в среднеазиатских городах и оазисах, чтобы торговать с местными жителями и пополнить свои припасы. Эти стоянки имели большое значение для поддержания караванной торговли. Сходным образом, города и оазисы нуждались в пашнях.

За вражду между Средней Азией и Китаем ответственность лежала на Хайду, двоюродном брате Хубилая. Хайду, внук Угэдэя, род которого уступил престол великих ханов дому Толуя, высоко ценил традиционные добродетели. [131] Некоторые сведения о его мировоззрении можно почерпнуть из рассказов, ходивших о его дочери Хутулун. Даже если эти истории относятся к разряду

апокрифов, они все же несут определенную информацию о качествах, особенно ценившихся Хайду. [132]

Как и ее отцу, Хутулун нравилась военная жизнь, и она сама принимала участие в сражениях. По словам Марко Поло, она была «очень сильна; не было в целом царстве ни юноши, ни витязя, кто мог бы ее побороть». [133]^a Хотя родители хотели выдать ее замуж, она поставила условие, что выйдет только за того, кто превзойдет ее в состязаниях физической силой, выносливостью и боевым искусством. Она принимала вызов от любого, кто готов был поставить на кон табун в сто лошадей. Как говорят, со временем у нее оказался табун в 10000 голов, проигранных неудачливыми соперниками.

Наконец, в 1280 г. ко двору Хайду прибыл красивый, самоуверенный и ловкий молодой князь, пожелавший состязаться с Хутулун. Он был настолько уверен в своей победе, что поставил 1000 лошадей. Родители Хутулун обрадовались богатому и привлекательному жениху и «велел царь Кайду сказать дочери тайно, чтобы она поддалась; а дочь отвечала, что ни за что на свете этого не сделает». [134]^b Она не собиралась отклоняться с раз выбранного пути. В китайском обществе того времени молодежь подчинялась старшим, а женщины мужчинам, но у монголов женщины высокого рода имели свободу действий и не задумываясь отстаивали свои взгляды. Хутулун не намеревалась поддаваться; царевич должен был одолеть ее в честной борьбе. Великий день настал и в окружении огромной толпы они вступили в схватку. Долгое время никто не имел преимущества, но внезапно ловким движением Хутулун бросила юношу на пол и вы-

^a Книга Марко Поло, пер. И.П. Минаева. М., 1956. С. 214. Далее — Марко Поло.

^b Марко Поло, с. 215

играла состязание. Расстроенный поражением, которое ему нанесла женщина, царевич спешно уехал, оставив свой залог — 1000 лошадей.

С этих пор отец и дочь вместе ходили в походы. Хайду был поражен и восхищен военной доблестью своей дочери: «не раз отправлялась дева к врагам, силою захватывала витязя и приводила его к своим». [135]^a В Хутулун воплощались добродетели, наиболее высоко ценимые ее отцом. Она отличалась храбростью и гордостью, физической силой и выносливостью. Она вела жизнь воина, а не богатой наследницы. Она жила в степях, а не в пышном дворце в многолюдной, хотя и прекрасной столице. Она искала супруга, искусного в военном деле, а не в управлении страной или в науке. Коротко говоря, она предпочитала кочевое, пастушеское общество оседлому земледельческому обществу, управляемому центральным правительством и раздутым чиновническим аппаратом. Естественно, ее отец не мог не вступить в конфликт с Хубилаем.

В сохранившихся источниках представлены предвзятые взгляды на эту борьбу. Естественно, предпочтение отдается Хубилаю. Хайду изображается скорее мятежником, чем защитником традиционных монгольских ценностей. Он выставлен в образе двуличного и жестокого человека, а противостояние с Хубилаем, согласно летописям, было вызвано его вероломством. Вот типичный пример таких описаний:

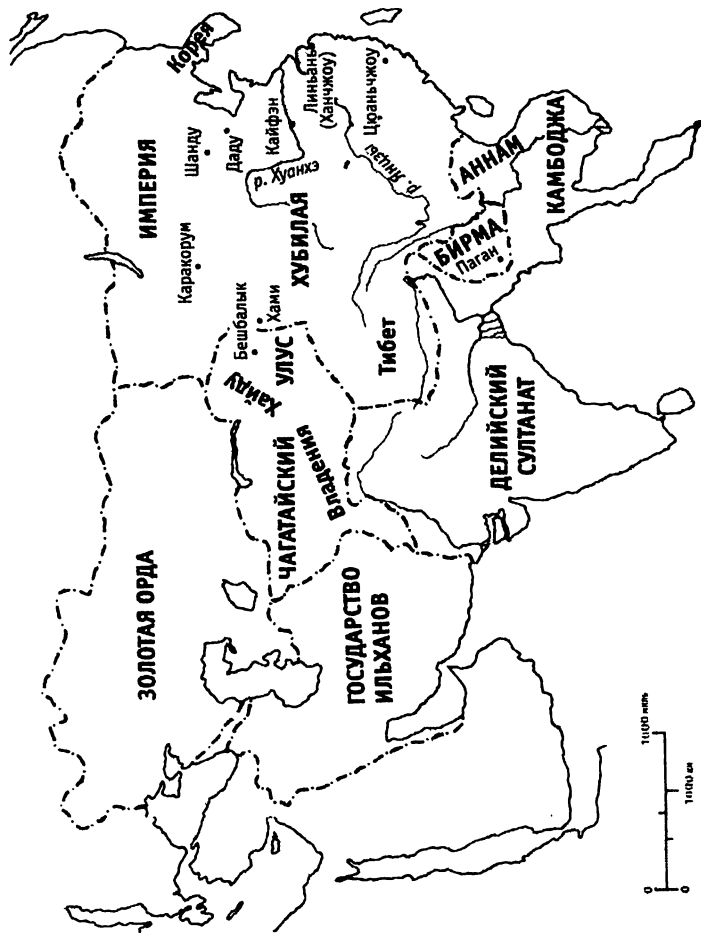
«Хубилай-хан послал к ним гонцов, стремясь воздействовать на них уговорами, и гонцы передали его слова: «Все прочие князья являлись сюда, почему же ты не пришел? Я бы желал от всего сердца, чтобы мы порадовали наши глаза видом друг друга. Затем, когда мы обсудим вместе

^a Марко Поло, с. 215

наши дела, ты получишь все возможные почести и вернешься домой». Хайду не собирался подчиняться и передал следующее извинение: «Наши животные оголодали. Когда они растолстеют, мы подчинимся приказу». Под этим предлогом он мешкал три года». [136]

Однако подобные картины, несомненно, не дают правильного представления о личности Хайду. Он не был ни лицемером, ни изменником, хотя он часто обвиняется в этих грехах китайскими источниками. [137] Грабеж не был его единственной или первейшей целью. Важнейшая задача, которую он ставил перед собой, состояла в сохранении кочевнического общества и ограждении его образа жизни от посягательств со стороны Хубилая. Он вовсе не намеревался разрушать процветающие поселения или подрывать торговлю. На самом деле, он основывал новые города и перестраивал старые, пострадавшие от монголов на разных этапах монгольских нашествий. Он нашел новое место для Андижана, к северо-западу от будущего главного торгового центра Кашгара, и перенес туда город. [138] Вскоре он стал средоточием деловой активности западных областей Средней Азии. Еще одним городом, в который программа экономического возрождения, задуманная Хайду, вдохнула новую жизнь, был Термез. Расположенный к юго-западу от Андижана, он вернул себе былую славу центра мусульманской теологии и важнейшей караванной стоянки на торговых путях, пересекающих Среднюю Азию. [139] Уже эти примеры доказывают, что в планы Хайду вовсе не входило безжалостное опустошение среднеазиатских городов и оазисов или расширение пастбищ за счет традиционной экономики региона. Он просто стремился продолжить курс Угэдэя.

Принципы, которых он придерживался в управлении подвластной ему областью, также свидетельствуют

Азия в год смерти Хубилая (1294 г.)

о некоторой взаимной притирке с оседлыми среднеазиатскими культурами. Конечно, он не создал централизованного правительства из тщательно отобранных, способных чиновников и не ввел четких правил и законов, которыми должно было бы руководствоваться такое правительство в своих действиях. Компромиссы подобного рода были для него немыслимы. И все же он стремился обеспечить на своих землях безопасность оседлому населению. Он не позволял своим подчиненным разграблять города и угнетать их жителей. Вместо этого он обложил города налогами, а получаемые доходы шли на содержание армии. [140]

Такая политика укрепляла положение Хайду в Средней Азии. Конфликты между кочевниками и горожанами, разобщавшие его подданных, стихли. Однако, несмотря на шаги к примирению с земледельцами, Хайду признавал себя настоящим кочевником и упрекал Хубилая в капитуляции перед оседлой культурой. В глазах Хайду, главного поборника традиционного монгольского образа жизни, Хубилай предал свое прошлое и недостойн доверия.

Сложно определить, когда именно между Хайду и Хубилаем началась вражда. Хубилай не раз призывал Хайду к своему двору, но тот постоянно уклонялся от этих приглашений. Оба понимали, что столкновения не миновать. Хубилая все сильнее беспокоили намерения Хайду. Еще 9 июля 1266 г. Хубилай назначил своего сына Номухана Бэйпин-ваном (Князем Северного Спокойствия), несомненно, имея в виду, что в свое время молодой человек возьмет в свои руки военные дела в Северном Китае. [141] Как и его старший брат Чжэнь-цинью, Номухан был сыном Хубилая и Чаби. Как и Чжэнь-цинью, он проходил обучение у китайского наставника, но его ученичество началось лишь в 1264 г. Похоже, ему про-

сто не хватило времени, чтобы многому научиться; Чжэнь-цзинь имел время получить гораздо более глубокое традиционное китайское образование. В отличие от Чжэнь-цзиня, Номухану, очевидно, была предназначена военная, а не правительственная карьера. Он казался человеком, вполне подходящим для того, чтобы доверить ему беспокойную западную границу, и в 1271 г. Хубилай отправил Номухана в Алмалык, один из западных форпостов владений великого хана, [142] и отрядил под его начало нескольких князей, его двоюродных братьев. Это решение привело к печальным последствиям, поскольку между братьями вспыхнули ссоры, которые, естественно, не пошли на пользу общему делу и в конечном итоге обусловили провал похода.

Как часто бывает, когда война идет за пределами оседлого мира, армии противников почти не вступали в непосредственное столкновение. По большей части дело ограничивалось небольшими стычками. Номухан редко участвовал в этих боях, если ему вообще доводилось принимать в них участие. Когда Номухан приехал в Алмалык, Хайду отвел свои войска на запад, оставив заграждение под началом Чагатай-хана. По словам Поля Пеллио, «поведение Хайду на протяжении нескольких лет больше напоминало скрытое противодействие, чем открытый мятеж». [143] Номухан с Чагатай-ханом несколько раз сталкивались между собой, и сын Хубилая, по-видимому, выходил победителем из этой борьбы, но эти победы, судя по всему, не приносили особых плодов. Это были именно спорадические стычки, больше похожие на партизанскую войну, чем на традиционные сражения между двумя армиями. [144] Хубилай постоянно посылал Номухану продовольствие и прочие припасы, но оба они рассчитывали установить путь снабжения по Средней Азии. [145] Как только Номухан получил назначение,

он постарался обрести определенную самостоятельность. В 1271 г. он занял город Хотан и быстро провел там перепись, которая играла важнейшую роль при установлении налогообложения и приобретения припасов. В последующие несколько лет она начал расширять свои владения в области к югу от Тянь-Шаня, гораздо более плодородной, чем область Алмалыка в северных степях, где располагалась его ставка, и обустривать линию снабжения. И все же давление со стороны ханов Чагатайского улуса не ослабевало.

Несмотря на создание путей снабжения, Номухан достиг достаточно скромных успехов в борьбе с противниками в Средней Азии. В 1275 г. Хубилай отправил на помощь Номухану племянника своей жены Аньтуна (1245–1293), способного военачальника, занимавшего в то время должность правого министра (Ю чэнсяна). [146] Хубилай уже потребовал вернуть ему 34 золотых и серебряных пайцзы, которые он ранее даровал Хайду и Чагатай-хан Бараку, но не получил ответа. [147] Прибыв в ставку Номухана, Аньтун быстро оценил ситуацию и выяснил причины, из-за которых сын Хубилая не преуспел в борьбе с Хайду и прочими врагами. Армию Номухана раздирали споры и распри между сопровождавшими его князьями. Аньтун допустил оплошность, неосмотрительно втянувшись в эти междоусобицы и выступив против Тог-Темура, внука Толуя и племянника Хубилая. [148] Возможно, Тог-Темур был недоволен тем, что его ветвь рода Толуя была отстранена от верховной власти сыновьями Соргагтани-беки, особенно Хубилаем. Впрочем, наши источники хранят молчание относительно мотивов его действий.

В конце 1276 г. положение ухудшилось, так как князья сговорились сорвать поход Номухана. В число заговорщиков входили Тог-Темур, сыновья Ариг-Буки Юбукур и

Мелик-Темур, и сын Мункэ Ширеги. Каждый из них, вероятно, в глубине души считал, что имеет больше прав на престол, чем Хубилай и его сыновья. [149] Во главе заговора, по-видимому, стояли Тог-Темур и Ширеги. Как сообщает Рашид ад-дин, «на охоте Тук-Тимур и Ширеки встретились и порешили совместно: “Захватим Нумугана и выдадим неприятелю”». [150]^a Однажды ночью они пробрались в лагерь Номухана и захватили его самого, его младшего брата Кокочу и Аньтуна. Номухана и Кокочу отослали к хану Золотой Орды Мункэ-Темуру (Менгу-Тимур), а Аньтуна выдали Хайду. Ответ Хайду не внушал особого оптимизма. Он уклонился от предложений заключить союз с заговорщиками, передав им через гонца: «Мы вам очень признательны и на это уповали; оставайтесь на месте, так как в тех краях хорошие вода и трава». [151]^b Иными словами, он не хотел видеть самозванных союзников в своих владениях. Возможно, он не испытывал к ним доверия, а может быть, не ощущал необходимости в помощи с их стороны. В любом случае, он не стал вступать с ними в соглашение. Заговорщики, потеряв надежду на поддержку Хайду, должны были опасаться возможного нападения отрядов Чагатай с запада и войск Хубилая с востока. Получив мало обнадеживающее послание Хайду, они вскоре отошли в более безопасную, по их представлениям, местность — монгольские степи и область Верхнего Енисея. [152]

Судьба трех пленных вождей кажется на первый взгляд удивительной, так как никто из них не пострадал. Их просто держали в плену — почти десять лет. Хайду отпустил Аньтуна в 1284 г., и 4 января следующего года он был восстановлен в прежней должности премьер-министра

^a Рашид ад-дин, с. 169

^b Рашид ад-дин, с. 169

правой стороны. [153] К счастью Номухана и Кокочу, доставленных в качестве пленников в Золотую Орду, при дворе Мункэ-Темура большим влиянием пользовалась Кельмиш, внучка Толуя и их двоюродная сестра. По-видимому, она облегчала им жизнь во время плена и в какой-то мере способствовала их освобождению. По словам Рашид ад-дина, «когда Нумуган был схвачен своими двоюродными братьями и отправлен ими к Мункэ-Темуру, Кельмиш-Ака приложила все усилия, чтобы вернуть его отцу с изъявлениями всяческого уважения». [154] Ее настойчивость и, вероятно, желание самого хана наладить отношения с Хубилаем и домом Толуя в конце концов привели к освобождению Номухана и Кокочу. Они прибыли в Дадугу 26 марта 1284 г. Через два месяца Хубилай даровал Номухану титул князя Бэй-аня (Северного спокойствия) в знак признания его заслуг и тягот, которые он претерпел в Средней Азии и России. [155]

Те десять лет, которые протекли между пленением и освобождением Номухана, Хубилай не сидел сложа руки. Узнав о несчастливой судьбе Номухана, он отправил к нему на выручку Баяна, своего самого способного и удачливого полководца. Однако Баян, несмотря на блестящие победы, одержанные им в походах на империю Сун, в данном случае не сумел добиться успеха. [156] Он пытался вынудить врагов, особенно заговорщиков, выдавших Номухана, вступить в сражение, но они постоянно уклонялись от столкновения. В августе 1277 г. он разбил войска Ширеги в битве на берегах Орхона. [157] Тем не менее, Ширеги удалось бежать. Армия Номухана, оставшаяся без начальника, предприняла несколько отважных попыток его вызволить, нанеся ряд поражений предателям в 1280 и 1281 гг. И все же они не достигли своей цели. [158]

В конечном итоге Хубилай был вынужден признать безнадежность попыток установить контроль над Средней Азией. Ему пришлось признать Хайду фактическим правителем этой области. Даже самый выдающийся и заслуженный полководец оказался неспособен одолеть Хайду и подчинить Среднюю Азию власти Хубилая. Он неохотно снялся с позиций в степях к северу от Тянь-Шаня и очистил базу Номухана в Алмалыке. Тем не менее, он стремился удержать под своим контролем оазисы к югу от Тянь-Шаня, располагавшиеся на важнейших торговых путях. Его планы требовали выделения значительных ресурсов, но в конце концов он отступил к границам китайских поселений, оборонять которые было гораздо проще.

Между тем, шансы на успех зависели от того, удастся ли Хубилаю обеспечить самодостаточное развитие городов и оазисов. Весьма важно было увеличить объем сельскохозяйственного производства, так как местные жители и китайские гарнизоны должны были отражать набеги Хайду. Хубилай был вынужден действовать одновременно в двух направлениях, с одной стороны обеспечивать снабжение войск, а с другой оказывать покровительство местным земледельцам. Чтобы создать благоприятные условия для развития земледелия в северо-западных областях современной провинции Ганьсу и в оазисах к югу от Тянь-Шаня, следовало обуустраивать военные поселения, предоставлять налоговые льготы и оказывать помощь при стихийных бедствиях. [159] Ни в Ганьсу, ни в оазисах на реке Тарим земли не отличались особым плодородием. Хубилай должен был пойти на значительные затраты для осуществления своих замыслов. В 1276 г. он основал военные поселения в Шачжоу и Гуачжоу, выделив им семена и орудия. Примерно в это же время он приказал Лю Энью, одному из своих

военных советников, провести перепись населения и топографическую съемку в Сучжоу и вывести туда несколько военных поселений. [160] Лю выполнил приказ, но обеспечить полную безопасность новым поселениям не удавалось, и они все еще подвергались нападениям отрядов Хайду.

Сходным образом потерпели неудачу и планы относительно Уйгурии. В борьбе с Хайду Хубилай намеревался использовать земли уйгуров в южной части современной провинции Синьцзян как военную базу. Одновременно он стремился прибрать к рукам ресурсы этой области и оградить их от посягательств противника. В 1280 г. китайский полководец Ци Гунчжи получил задание восстановить контроль династии Юань над этими территориями и отвоевать уйгурские земли, ранее захваченные Хайду. [161] Через год Ци во главе отряда в 1000 человек занял Бешбалык, столицу Уйгурии, и организовал там военные поселения. [162] Однако переход на полное самообеспечение оставался далекой, почти призрачной целью. В течение нескольких последующих лет Хубилай не раз, откликаясь на просьбы Ци, отправлял ему необходимые припасы. Хотя монголы обложили местное население налогами и повинностями, доходы были достаточно низкими. Хайду устраивал набеги, нанося большой вред поселениям уйгурских земледельцев и отнимая у уйгуров накопленные припасы и ценности. [163] Хубилай был не в состоянии предотвратить эти нападения, а отряды Хайду избегали столкновений с неприятелем.

«Вторжения Хайду в Уйгуристан вызывали серьезные социальные и экономические проблемы. Земледельческая экономика, основанная на широкомасштабном использовании ирригации, крайне чувствительна к превратностям войны. Такие жизненно важные сооружения, как дамбы и каналы, разрушаются не только непосредственно в ходе

военных действий, но и вследствие рассеяния земледельческого населения, которое приводит к нарушению постоянного обслуживания и прекращению ремонтных работ, необходимых для устранения наносов». [164]

В отсутствие надежной защиты от кочевников некоторые уйгуры переселились в Китай, а в какой-то момент (до 1283 г.) их правитель, идук-кут, переехал в Юнчан в Ганьсу. [165] Последним ударом стала потеря Бешбалыка в 1285 г. и пленение Ци Гунчжи, полководца, которому было поручено восстановить власть династии Юань над Уйгурией. [166]

Эти события окончательно перечеркнули все планы Хубилая, который утратил всякую надежду когда-либо захватить контроль над Средней Азией. Подобно многим китайским правителям, начиная с императоров династии Хань (206 г. до н.э. — 220 г. н.э.), Хубилай столкнулся с огромными трудностями, пытаясь утвердиться в степях и оазисах современной провинции Синьцзян. [167] Линии снабжения, необходимые для содержания армии и поддержки дружественного местного населения, были растянуты и ненадежны; постоянная угроза со стороны кочевников и их неуловимость раздражали и устрашали солдат и союзников Хубилая, а перевести поселения в оазисах на полное самообеспечение так и не удалось. Отправлять войска на защиту местных жителей и подвозить им продовольствие оказалось чрезвычайно дорого и ложилось тяжелым бременем на императорскую казну. Шаги, предпринятые Хубилаем, не увенчались успехом. Однако ему удалось удержать Хайду в Средней Азии, не позволяя ему совершать набеги на территорию собственно Китая.

В борьбе со своими противниками в Монголии Хубилаю повезло больше. [168] После поражения Ариг-Буки

здесь наступил период спокойствия и восстановления, длившийся более десяти лет. Гражданская война, которую развязал Ариг-Бука, нанесла серьезный удар по экономике Монголии, и Хубилаю требовалось облегчить жизнь местного населения, чтобы добиться расположения соплеменников. Он принял меры в этом направлении, раздавая зерно неимущим, снижая налоги и создавая военные поселения. Тем самым Хубилай рассчитывал облегчить бремя, гнетущее местное население, и дать монголам возможность достичь некоторой самодостаточности. Он обустроил почтовые станции, чтобы обеспечить связь со своей столицей в Северном Китае и послал в Монголию ремесленников, которые должны были помочь коренным жителям освоить навыки ремесел. [169]

Одна из главных задач Хубилая заключалась в содействии развитию земледелия в степях. Он издал указ, которым степные земли, пригодные для возделывания, отводились под пашни. Чтобы облегчить этот переход, Хубилай предоставлял земледельцам быков и сельскохозяйственные орудия. В тяжелые времена стихийных бедствий он направлял в пострадавшие районы зерно из запасов на чрезвычайный случай. По-видимому, он прилагал особые усилия, чтобы развивать сельское хозяйство в Каракоруме. Великий хан Угэдэй в свое время поощрял земледелие в окрестностях города, и Хубилай пошел по его стопам, стремясь перевести Каракорум на самообеспечение. Сельскохозяйственное производство в районе первой монгольской столицы увеличилось, но, тем не менее, Хубилай и его преемники были вынуждены периодически поставлять сюда зерно из Китая. Поэтому, чтобы удовлетворить запросы Монголии в целом и Каракорума в частности, Хубилай способствовал расширению земледельческих поселений в северных областях Китая, особенно в районе Нинся, откуда продовольствие

должно было доставляться в Монголию. Все эти меры принесли плоды, так как эти города снабжали зерном и ремесленными изделиями Каракорум. Хотя Хубилай иногда получал просьбы направить в монгольские земли припасы, чтобы покрыть нехватку зерна, обустройство крестьянских деревень связало Нинся с Монголией и обе этих области с Китаем. •

Кроме того, Хубилаю удалось подавить мятеж, поднятый монгольскими князьями. Заговорщики, предавшие его сына Номухана, после того, как Хайду уклонился от предложения заключить союз с ними, откочевали в Монголию и район Верхнего Енисея. Руководители заговора, Ширеги и Тог-Темур, попытались превратить эту область в базу для нападений на Каракорум. [170] В отличие от среднеазиатских походов, действия Хубилая в Монголии увенчались полным успехом, отчасти благодаря уже осуществлявшейся экономической программе. Конечно, задачу Хубилаю облегчили также распри и соперничество во вражеском лагере. Хотя Тог-Темур, Ширеги и другие вожди мятежа на первый взгляд казались союзниками, каждый из них вынашивал собственные честолюбивые замыслы. У мятежников не было единого руководителя, а это приводило к разобщенности, тогда как для успешного сопротивления войскам Хубилая им была необходима сплоченность. Рашид ад-дин приводит многочисленные случаи предательства и двоедушия, раздиравших стан заговорщиков. [171] В 1271 г., воспользовавшись этими неурядицами, армия Хубилая разгромила Тог-Темура в сражении под Каракорумом. Впоследствии Тог-Темур был захвачен в плен и казнен своим союзником Ширеги. [172] После столь вопиющего свидетельства раскола положение мятежников осложнилось еще больше. За последующий год мятеж прекратился сам собой; восставшие князья либо пе-

ребежали к монгольским правителям в Средней Азии и Китае, либо сдавались на их милость. Ширеги покорился Хубилаю, который, по словам Рашид ад-дина, не допустил племянника к себе на глаза, а вместо этого отправил его в изгнание «на один остров, где был совершенно гнилой воздух» [173] и где он вскоре после этого закончил свои дни. К 1279 г. Хубилай мог быть уверен в том, что Монголия останется частью его владений. Тем не менее, в Средней Азии господствовал его главный противник, время от времени прерывавший торговые и дипломатические связи Хубилая с западными странами.

Хубилай доказал свое военное искусство; теперь вставал вопрос, сумеет ли он управлять завоеванными землями.

ГЛАВА 5

ИМПЕРАТОР КИТАЯ

Хубилай хотел, чтобы его признавали одновременно законным великим ханом монголов и императором Китая. Хотя к началу 1260-х гг. его главные интересы сосредоточились на китайских землях, некоторое время он продолжал притязать на верховное владычество над всеми странами, захваченными монголами. Однако Золотая Орда поддержала Ариг-Буку, а среднеазиатские ханы часто предпочитали выжидать, на чьей стороне окажется перевес. Хубилай поддерживал хорошие отношения с персидскими ильханами, но монгольские правители Персии, начиная с его брата Хулагу, по сути были независимыми государями. Хотя в царствование Хубилая ильханы обращались к нему за формальным назначением на престол, на самом деле они обладали всей полной властью. Таким образом, несмотря на успехи, достигнутые Хубилаем в Китае и Корее, ему так и не удалось добиться признания своего верховенства во всех монгольских владениях.

Главной базой Хубилая был Китай, и это становилось для него все очевиднее с тех пор, как он взошел на трон великих ханов. Ему следовало сосредоточить внимание на китайских делах. Хотя, возможно, он и считал китайцев «колониальными подданными», он осознавал, что ему следует наладить управление этой страной, а для этого пользоваться услугами китайских советников и чиновников. И все же он не мог полностью полагаться на

китайцев, так как перед ним стояла задача поддерживать равновесие между оседлым миром, представленным китайской цивилизацией, и миром кочевым, воплощенным в самосознании и ценностях монголов. Будучи императором Китая, он заботился о благополучии китайских подданных, но вместе с тем использовал ресурсы империи для собственного возвышения. На протяжении своего правления он поочередно менял приоритеты.

Социальные и экономические проблемы

В 1260-х гг., в начале царствования Хубилая, Китай испытывал серьезные трудности. Страна еще не восстановилась от ущерба, нанесенного монголами в ходе войн с династией Цзинь с 1211 по 1234 гг. Сражения с Южной Сун и междоусобная борьба за власть между монгольскими ханами только усугубляли разруху в Северном Китае. Несмотря на деятельность Елюй Чуцая в 1230-х гг. и законы, изданные Мункэ в 1250-х гг., налоговая система не отличалась ни последовательностью, ни единообразием. Китайские крестьяне не знали, чего ожидать от монгольских правителей. Может быть, они попросту отнимут у них землю и превратят ее в пастбища для своих стад? Может быть, они обложат крестьян произвольными и непосильными налогами? Войны с Ариг-Букой в Монголии и Средней Азии, а также враждебные отношения с Южной Сун вредили внешней торговле, а внутренняя торговля страдала от беспорядков в самом Китае. Монголы не дали Северному Китаю свода законов. По-видимому, действовало какое-то сочетание кодекса династии Цзинь и монгольского обычного права, но в целом положение оставалось запутанным; требовалось четкое разъяснение того, что законно, а что незаконно.

В плачевном состоянии находилась и система образования. В прошлом целью образования была подготовка к сдаче экзаменов на гражданский чин. После отмены экзаменов как китайцы, так и монгольские правители начали задумываться, в чем же, собственно, теперь заключается задача обучения. Общее смятение затронуло и религиозные общины. Буддисты чувствовали, что Хубилай настроен к ним благожелательно, но даосы не знали, насколько суровых мер можно ожидать от правительства. Конфуцианцы беспокоились, не откажутся ли монгольские императоры от их обрядов и кодекса поведения. Приверженцы менее популярных религий, например, ислама, также опасались монголов. Кроме того, неясной была судьба монгольских и китайских военных. Какие отношения установятся между двумя этими столь различными силами? Будет ли армия продолжать играть столь же важную роль, какую она играла в традиционном монгольском обществе? Не были четко определены обязанности и сфера ответственности иностранцев, прежде всего выходцев из Средней Азии, привлеченных на службу Хубилаем и его предшественниками. Какое положение они займут в правительстве, только что учрежденном Хубилаем? Введенная им система четырех классов — монголов, мусульман и чжурчжэней, северных китайцев и южных китайцев — нуждалась в дальнейшей разработке. Какими привилегиями будут пользоваться представители этих групп и какими будут их обязанности? Будут ли проведены еще какие-либо разграничения? [1]

Одной из самых тяжелых проблем было сокращение численности населения в Северном Китае. На 1195 г. при династии Цзинь Северный Китай населяло более 45 миллионов человек (из них 6 миллионов чжурчжэней), а вместе население Южного и Северного Китая

превышало 100 миллионов. [2] К 1393 г., в начале правления местной китайской династии, наследовавшей монголам, общая численность населения Китая сократилась до 60 миллионов. [3] Это разительное сокращение остается без объяснения. Отчасти его можно отнести на счет войн, сопровождавших падение монгольской династии. Возможно, еще большее значение имеют ошибки, допущенные при переписях вследствие уклонений и продажности переписчиков. [4] И все же снижение численности населения в Северном Китае невозможно отрицать, а оно, в свою очередь, указывает на бедственное состояние страны. [5]

Если Хубилай хотел упорядочить китайское общество, он должен был ответить на эти вопросы и разрешить связанные с ними проблемы. Созданные им правительственные учреждения были ценными инструментами, но они требовали умелого руководства. Хубилаю нужно было обозначить политический, экономический и социальный курс, которому они должны следовать. Чем четче и яснее будут определены задачи, тем эффективнее будут работать ведомства. Хубилаю следовало изложить программу действий, а не просто выкачивать из Китая ресурсы, и тогда чиновники могли оказать ему помощь и поддержку в управлении оседлой цивилизацией. В 1230-х и 1240-х гг. Хубилай уже защищал интересы китайских крестьян в своем уделе, но теперь он должен был оповестить о своих намерениях весь Китай.

Однако, прежде чем заняться составлением четкой программы, которая прояснила бы его социальные, политические и экономические идеалы, Хубилай должен был облегчить положение беднейших слоев населения. Записи о первых годах его правления полны сообщениями о его действиях в этом направлении. На его рассмотрение представляли просьбы о помощи и освобождении от на-

логов из многих областей Северного Китая, и он часто соглашался на пожелания просителей. В 1261 г. он освободил от уплаты налогов Хуаймэн в Хэнани и другие районы, поскольку до него дошли известия об их экономических затруднениях. [6] В апреле 1262 г. он даровал те же льготы области Гуаннин вокруг современного Пекина и другим местностям, пострадавшим от северных войн. [7] Он также облегчил налоговое бремя для крестьян, которые занимались разведением тутовых деревьев и шелковичных понесли ущерб в ходе военных действий. В том же году он пожаловал бумажные деньги крестьянам в Хэси, земли которых были разорены стихийными бедствиями. [9] Хубилай часто предоставлял зерно вдовам и сиротам, не имеющим средств к пропитанию. В 1262 г. он приказал своим уполномоченным-монголам не возлагать тяжелые трудовые повинности на крестьян, особенно на тех, кто вернулся на заброшенные земли. [10] С этих пор он запретил чиновникам и военным угнетать китайцев непосильными работами. [11] Он даже вознаграждал покоровшихся его власти китайцев, ранее не признававших его императором, даровав им одежды и другие подарки. [12] С другой стороны, китайцы, осознанно уклонявшиеся от уплаты налогов, подлежали суровым наказаниям. И все же от первых лет правления Хубилая до нас дошло множество сведений о снижении или освобождении от налогов и о мерах, направленных против жестоких и корыстолюбивых чиновников. Хубилай заботился о благосостоянии своих китайских подданных и экономическому возрождению страны.

Некоторые ученые обсуждали вопрос о том, насколько самостоятельно Хубилай принимал решения в политической, социальной и экономической сферах, определявшие курс первых лет его правления. Принимал ли он активное

участие в разработке программ, осуществлявшихся в этот период? Или же китайские советники представляли ему проекты, которые он утверждал без особых раздумий? Конечно, Хубилай не мог выступать в роли инициатора многих мероприятий, осуществлявшихся впоследствии. Несмотря на тесную связь с оседлым миром, его относительная неопытность в управлении империей ставила его в определенную зависимость от советников. Однако он не сидел сложа руки в ожидании, когда ему поступят какие-либо предложения и проекты, он настоятельно их требовал. Один из чиновников приводит его слова: «Те, кто представляет докладные записки с предложениями, могут представлять их в запечатанных конвертах. Если предложения невозможно принять, наказания не последует. Но если предложения полезны, двор щедро вознаградит и возвысит человека, представившего их, чтобы поощрить верных и честных». [13] Ван Юнь, живший в то время, сообщает, что Хубилай участвовал в совещаниях и что советники и чиновники имели к нему свободный доступ. За одну неделю в мае 1261 г. Вану было дано три аудиенции с императором для обсуждения государственных дел. Другие, более влиятельные советники, конечно, имели возможность видеть хана еще чаще. В те времена Хубилай, по-видимому, пристально следил за событиями, происходившими при дворе и в стране в целом и был прекрасно о них осведомлен. Как мы уже говорили, он не был инициатором многочисленных нововведений, но все они проходили через него, и при случае он вносил в них поправки, чтобы привести их в соответствие с монгольскими обычаями.

Проекты и предложения выдвигались не только китайцами. В начале 1260-х гг. Хубилай пользовался услугами интернационального штаба. Его доверенный тибетский

советник Пагба-лама в 1260 г. получил титул Гоши (Государственный Наставник), и в конце концов император пожаловал ему власть над Тибетом. [15] Хубилай приглашал на службу мусульман из Средней Азии для надзора за торговыми делами, а некоторые из них были назначены финансовыми управляющими. Еще более выдающееся положение при Хубилае занимали турки, служившие монголам со времен Чингис-хана. Они не только принимали участие в военных походах: из 73 тюрков-уйгуров, состоявших на службе у Хубилая, только 7 были военными. 21 занимали должности постоянных представителей (монг.: даругачи) или местных чиновников, несколько уйгуров были наставниками монгольских князей, а прочие — придворными переводчиками. Также на разных постах в правительстве Хубилая служили представители других тюркских племен (канглы, кипчаки и др.). [16] В сущности, он собрал интернациональную группу советников, и его экономическая программа отражала более глобальный взгляд на мир, чем программы прежних китайских династий.

Экономическая программа Хубилая

Одним из ключевых пунктов программы было развитие сельского хозяйства. В 1261 г. Хубилай учредил Ведомство Поддержки Сельского Хозяйства (кит.: Цюаньнун сы) и назначил 8 чиновников для разработки программы по земледелию. [17] Во главе ведомства был поставлен Яо Шу, а этот выбор многое говорит о значении, которое император придавал этому вопросу. [18] Эти чиновники в свою очередь подобрали людей, сведущих в сельском хозяйстве, чтобы помочь крестьянам с землей. В конечном итоге был создан мощный бюрократический аппарат, задача которого заключалась в обеспечении более

эффективного использования пахотных земель. [19] Пашни в Северном Китае сильно пострадали от беспрерывных войн, разорявших страну на протяжении полувека, и Хубилай должен был предпринять все возможное для их восстановления. Предоставить льготы, включая освобождение от уплаты налогов, было бы недостаточно. Следовало также строить амбары для излишков зерна на случай нехватки продовольствия в этих опустошенных областях. В конце концов в столице Хубилая насчитывалось 58 таких амбаров, в которых хранилось 145 000 ши (ши равнялось примерно 133 фунтам) зерна. [20] Однако это были паллиативные меры. Для поддержки китайских крестьян необходимо было предпринимать более серьезные усилия.

По указам и действиям Хубилая видно, что он пытался защитить интересы крестьян. Одна из его инструкций, адресованная монголам, была направлена на защиту самой большой ценности, какая находилась в собственности крестьянина — его земли. В начале 1262 г. император запретил кочевникам пасти стада на пахотных землях. [21] Он не позволял своим соплеменникам захватывать крестьянские участки и причинять им ущерб. Этот указ и другие постановления раскрывают его растущую озабоченность благосостоянием оседлого населения. Однако эти меры не означают, что Хубилай занимался исключительно крестьянскими проблемами. Тем не менее, Хубилаю было очевидно, что китайскими владениями невозможно надлежащим образом управлять без процветающего или по крайней мере твердо стоящего на ногах крестьянского класса.

Таким образом, Хубилай стремился всемерно содействовать самоорганизации крестьян для возрождения экономики. К 1270 г. он обнаружил подходящее орудие для подобной организации, шэ, который, по-видимому, воз-

ник еще при династии Сун. Эта новая сельская организация, поддерживаемая государством, состояла из примерно 50 хозяйств под управлением сельского старосты, шэчжана, и имела своей главной целью поощрение сельскохозяйственного производства и возвращение крестьян на заброшенные земли. [22] Хубилай возложил на шэ обязанность помогать крестьянам возделывать землю, сажать деревья, расчищать пустоши, налаживать ирригацию, увеличивать производство шелка и разводить рыбу в озерах и реках. [23] Староста шэ должен был принуждать к работе ленивых и награждать работающих. Тот факт, что управление шэ было передано самим китайцам, в каком-то смысле был равнозначен дарованию им права самоуправления.

Однако Хубилай и его советники намеревались наделить шэ и другими функциями. Главной целью было установление стабильности. Похоже, что «многие крестьяне желали объединиться не в революционные группы, стремящиеся изменить существующее социальное устройство, а в организации, ставящие перед собой задачу возродить прежнее социальное устройство и вернуть в села стабильность». [24] Хубилай также планировал превратить шэ в орудия надзора и проведения периодических переписей. Возможно, самым крупным нововведением была мысль использовать эту новую единицу в образовательных целях. Каждая шэ получила задание устроить школы для крестьянских детей. Школы должны были обучать их наилучшим и наиболее эффективным способам ведения сельского хозяйства, а также преподавать им начатки грамоты. [25] Хотя эта программа развития образования, выходящая за рамки традиционной подготовки к экзаменам на гражданский чин, не была осуществлена, [26] она свидетельствует о том, что Хубилаю и его советникам были близки представления о грамотном

крестьянстве, чьи интересы будет защищать правительство. Руководство страны больше не ограничивало свои заботы нуждами одних лишь кочевников. Часть его внимания перешла крестьянам. [27] Например, Хубилай потребовал, чтобы шэ обустроили «благотворительные амбары» (кит.: ицан) для помощи беднякам при неурожае или засухе, а также для обеспечения зерном сирот, вдов и стариков. [28]

Другим средством защиты крестьянского населения служила разработка четкой и постоянной системы налогообложения. Хубилай собирался отказаться от налогов на земледелие, которые с трудом поддавались контролю и давали повод к многочисленным злоупотреблениям. Столь же важное значение имело его намерение ограничить власть удельных князей. При системе, введенной Хубилаем, деньги, которые крестьяне ранее выплачивали удельным князьям, теперь должны были передаваться правительству, а затем поровну делиться между центральным правительством и уделом. Крестьяне должны были платить ежегодные налоги, не озабочиваясь удельными податями, часто устанавливавшимися совершенно произвольно. [29]

Трудовые повинности лежали на крестьянах столь же тяжким бременем, как и налоги. По приказу Хубилая начали проводить общественные работы, такие как расширение Великого Канала, которые требовали вложения громадных средств и труда: Система почтовых станций, соединявшая монгольскую столицу с китайскими областями, также порождала особые повинности, предоставления лошадей, продовольствия и фуража. Очевидно, эти повинности были весьма обременительными, но Хубилай на всем протяжении своего правления стремился облегчить угнетение простого населения. Иногда он освобождал от уплаты налогов тех, кто был занят выпол-

нением повинностей. Он неоднократно выпускал постановления, в которых требовал от своих посланников и военных не обременять народ незаконными поборами. Конечно, эти указы, обращенные к императорским служащим, сами по себе показывают, что злоупотребления не исчезли. [30] И все-таки ясно, что Хубилай, в отличие от более консервативно настроенной части монголов, не желал ни просто выжимать все соки из местного населения, ни сгонять его с земли, чтобы расчистить ее под пастбища.

Хубилай не обходил вниманием и нужды ремесленников. Он учредил несколько ведомств, которые должны были налаживать их работу и охранять их благосостояние. Эти ведомства должны были поставлять для двора украшения, одежды и ткани. [31] Кроме того, без мастеров высокого уровня нельзя было обойтись на общественных работах. Чтобы завоевать их доверие и обеспечить им заработок, Хубилай даровал им различные льготы, закрепленные указами. Правительство предоставляло ремесленникам пищу, одежду и соль, а также освобождало их от трудовых повинностей. Им было позволено продавать некоторые виды товаров на рынке. [32] Таким образом, при Хубилае ремесленники находились в привилегированном положении. [33] Хотя обычные жалобы на засилье чиновников усугублялись обременительным вымогательством и казнокрадством надсмотрщиков за ремесленниками, [34] двор, несомненно, стремился пресекать эти нарушения и не допускать чрезмерного угнетения мастеровых, так что в общем и целом монгольское правление пошло ремесленникам во благо.

Не могли пожаловаться на Хубилая и торговцы. Предшествующие китайские династии иногда вводили ограничения на торговлю, а достаточно влиятельная часть

конфуцианцев пренебрежительно относилась к торговой деятельности. Сложилось обыкновение считать купцов хитрым и жадным сословием, паразитирующим на теле государства. Многие китайские императоры пытались поставить торговлю и приносимые ею доходы под свой контроль. [35] Хубилай не разделял этих предубеждений; напротив, он присвоил торговцам высокий общественный статус. [36] Как внутренняя, так и внешняя торговля от этого много выиграла. Мусульманские купцы выступали в роли посредников, обеспечивавших торговые связи Китая со Средней Азией, Ближним Востоком и Персией. Они ввозили верблюдов, лошадей, ковры, лекарства и пряности и вывозили китайские ткани, керамику, лакированные изделия, имбирь и корицу. [37] В юговосточных портовых городах Цюаньжоу и Фучжоу они закупали китайскую кермику, шелк и медные монеты, продавая взамен драгоценные камни, рог носорога, лекарства, благовония, перец, мускатный орех и другие пряности. [38] Некоторые виды китайской керамики, на самом деле, были специально предназначены для экспорта. Китайцы «очень охотно изготавливали товары на мусульманский вкус». [39]

Частные торговцы и купеческие гильдии, называвшиеся по-монгольски ортог, весьма способствовали развитию монгольской экономики в Китае. Постановления, изданные новой династией, требовали, чтобы при пересечении китайской границы чужеземные купцы меняли драгоценные металлы на бумажные деньги. [40] Эти условия приносили двору значительную прибыль и соблюдались самими купцами, поскольку открывали для них доступ к выгодной торговле с Китаем. Ортог также оказывали важные услуги императорскому двору и пользовались его особой благосклонностью. Например, во времена монгольского завоевания они предоставляли

монгольской знати ссуды, в которых она остро нуждалась. [41] В 1268 г. в награду за эту помощь Хубилай учредил Верховное Ведомство Надзора за Ортог. Это управление ссужало ортог деньгами (во-то-цзянь, «деньги ортог»), получаемые от монгольской верхушки и правительства, под 0,8 месячных процентов, то есть, значительно меньше 3 процентов в месяц, установленных для большинства заемщиков. [42] Ортог вкладывали эти деньги в финансирование караванов или же пускали их в оборот, предоставляя займы христианским купцам под большой процент. Таким образом, политика Хубилая приносила торговцам высокие дивиденды. Налоги на торговые операции составляли всего одну треть процента. [43] Власть снисходительно относилась даже к злоупотреблениям купцов. Некоторые, например, незаконно формировали отряды сопровождения из солдат на военной службе, другие применяли запрещенные методы для сбора денег с должников. [44] Источники доносят до нас многочисленные жалобы на самоуправство торговцев, но власти обычно ограничивались строгими предупреждениями нарушителям, вместо того, чтобы прибегнуть к суровым наказаниям.

Чтобы упростить торговлю и обеспечить благосостояние торговцев, Хубилай ввел бумажные деньги в обращение на всех подвластных ему землях. Он был первым монгольским государем, распространившим эту систему на всю страну. Согласно китайским источникам, использовать бумажные деньги в Северном Китае Хубилая убедил Лю Бинчжун. Однако Хубилай не нуждался в убеждениях Лю, чтобы осознать пользу и выгоду бумажных денег. В данном случае летописи вновь рисуют картину, по которой складывается впечатление, что мудрый китайский советник побудил невежественного и необразованного монгольского хана санкционировать проведение

новой блестящей реформы. Сложно определить, соответствует эта картина действительности или нет. Как бы то ни было, Хубилай отменил местные бумажные деньги, имевшие хождение при прежних монгольских ханах и призвал население Северного Китая сдавать правительству золотые, серебряные и медные монеты. [45] Он был решительно настроен ввести государственный контроль над денежным обращением и заменить монеты бумажными деньгами.

В первый год после восшествия на трон Хубилай ввел три типа бумажных денег, один из которых продержался все время его правления. Первый тип, называвшийся по-китайски сычао, был обеспечен шелком, а два других — Чжунтун юаньбаочао и Чжунтун иньхо — обеспечивались серебряным запасом. В конечном итоге возобладал Чжунтун юаньбаочао, завоевавший доверие населения. [46] Эти деньги, по-видимому, печатались в большом количестве и широко использовались, так как Марко Поло приводит их подробное описание в рассказе о своем пребывании в Китае. [47] Система действовала без сбоев по крайней мере до 1276 г., отчасти благодаря тому, что Хубилай внимательно следил за объемом печатаемых денежных средств. До завоевания Южной Сун правительство если и увеличивало ежегодное производство бумажных денег, то незначительно. Однако в 1276 г. двор, столкнувшись с ростом расходов на военные походы в Южный Китай и Японию, резко повысил выпуск банкнот. [48] И все же при Хубилае инфляция не выходила из-под контроля. [49]

Правительство оказывало торговцам помощь и другими способами, прежде всего улучшением транспортной системы. Хубилай поощрял строительство дорог, по обеим сторонам которых «сажались ивы и другие деревья, так

что их тень падала на дорогу». [50] Кроме того, император обустроил почтовые станции, которые также облегчали торговлю, несмотря на то, что первоначально были предназначены для передачи и доставки правительственной почты. [51] Они служили постоянными дворами не только для путешествующих чиновников и иностранных гостей, но и для купцов. К концу правления Хубилая в Китае насчитывалось более 1400 почтовых станций, при которых числилось около 50000 лошадей, 8400 быков, 6700 мулов, 4000 повозок, почти 6000 лодок, больше 200 собак и 1150 овец. [52] Станции значительно отличались одна от другой по степени благоустройства, но в каждой обязательно была гостиница для проезжающих, кухня, общий зал, загон для скота и амбар. [53] В отсутствие каких-либо помех гонцы, состоящие при почтовых станциях, могли проезжать 250 миль в день, чтобы доставить важное сообщение, а это прекрасный показатель для почтовой службы не только XIII, но и любого другого столетия. [54]

Таким образом, Хубилай содействовал развитию торговли, используя разные приемы и рычаги и демонстрируя свою благосклонность к торговцам, которой он существенно отличался от многих своих китайских предшественников. Свидетельства современников показывают, что он преуспел в своих замыслах: торговля процветала. Например, Марко Поло пишет о том, что в столице «пристают и живут и купцы, и все, кто приходит по делам; а приходит многое множество ради великого хана; и купцы, и другие люди приходят сюда по своим делам, потому что город торговый. <...> Ни в какой другой город в свете не свозится столько дорогих и богатых вещей». [55]^a

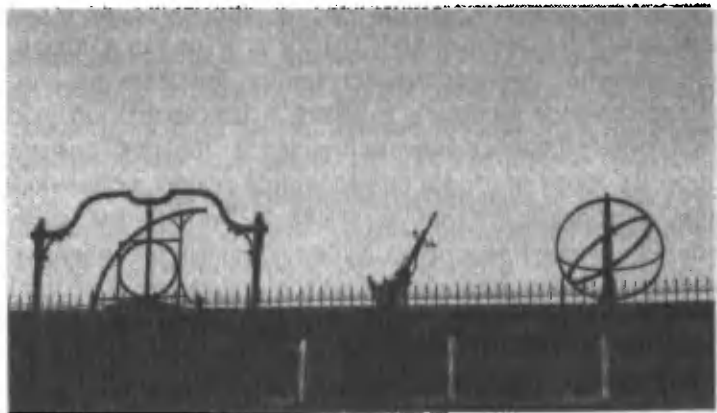
^a Марко Поло, с. 118–119

По-видимому, при Хубилае свободнее вздохнули и некоторые другие профессиональные группы. Например, при дворе весьма высоко ценилось искусство врачевания. Прагматичные монгольские правители придавали медицине важное значение и ставили ее в ряд самых нужных и привлекательных профессий. [56] Хубилай, страдавший подагрой и другими заболеваниями, проявлял к врачам особое расположение. На него произвели большое впечатление эффективность лечения и лекарств, назначаемых придворными врачами. В 1285, 1288 и 1290 гг. посланники, отправляемые в Южную Индию, получали задание искать не только ценные товары, но и искусных ремесленников и врачей. [57] В Кайпине и Северном Китае для нужд императора и придворных, а также лечения простолюдинов были созданы два отдела Гуанхуэй сы («Управления общераспространенного милосердия»), в которых служили по большей части врачи-мусульмане. [58] Другие монгольские должностные лица также обращались к мусульманским врачам, а в придворной библиотеке было собрано 36 томов мусульманских медицинских рецептов. Например, в 1268 г. из Самарканда было привезено лекарство, называвшееся шарбат по-персидски (кит.: шэлибе), которое применялось как слабительное, а также использовалось против колик. [59] Хубилай учредил Великую палату медицины (кит.: Тайи юань), которая определяла критерии для отбора учителей медицины и надзидала за обучением врачей и подготовкой медицинских текстов. [60] Установления поддерживали высокие стандарты, так как профессия лекаря стала гораздо более привлекательной, чем во времена прежних китайских династий. Врачебное дело было весьма прибыльным, оно доставляло определенное влияние и соответствовало конфуцианским представлениям о праведности и человеколюбии. [61] Кроме того, врачи часто

освобождались от трудовых повинностей и прочих служебных и налоговых обязанностей. [62] При государственной поддержке социальный статус врачей значительно повысился. [63]

Столь же благосклонно Хубилай относился к астрономам и другим ученым. Он приглашал в Китай многих иностранных специалистов. В 1258 г. персы построили в Мараге (Азербайджан) обсерваторию, в которой было опробовано новое астрономическое оборудование и сделаны важные открытия. [64] В 1267 г. Хубилай направил приглашение персидскому астроному Джамаль ад-дину, предложив ему приехать в Китай и рассказать об этих открытиях. Джамаль ад-дин привез в подарок императорскому двору чертежи армиллярной сферы, солнечные часы, астролябию, глобус земли и глобус звездного неба. Он также представил Хубилаю новый, уточненный календарь, получивший китайское название Ваньнянь ли (Календарь десяти тысяч лет). [65] Через четыре года, в 1271 г., Хубилай наконец основал Инспекцию астрономов-мусульман (Хуэйхуэй сытянь цзянь). Здесь китайский астроном Го Шоуцзин (1231–1316) использовал персидские чертежи и расчеты для создания собственного оборудования и разработки нового календаря, Шоууши ли (Календарь дающий время), который с незначительными изменениями применялся при династии Мин. [66]

Мусульмане внесли большой вклад в географию и картографию того времени. Благодаря арабским и персидским путешественникам и купцам, доставлявшим сведения о Средней Азии и Ближнем Востоке, «география в Китае [достигла новых высот], получив информацию о не-китайском мире, заимствованную из арабских источников». [67] Карта мира, составленная при монгольской династии и, вероятно, основанная на сведениях мусульманских источников, дает достаточно верное представление об

**Астрономическая обсерватория в Пекине.
Фотография Мориса Россabi**

Азии и Европе. [68] Создавая благоприятные условия для ученых, Хубилай не забывал и о духовенстве и художниках, которым благоволили и прежние китайские династии. Положение обеих этих групп мы обсудим подробнее ниже.

В целом, Хубилай отменил некоторые дискриминационные установления и прилагал усилия, чтобы устранить предубеждения в отношении некоторых профессий, не пользовавшихся особым почетом при китайских династиях. Хотя он и стремился укрепить положение земле-

дельцев и способствовать повышению сельскохозяйственного производства, больше внимания со стороны двора уделялось группам населения, не имеющим отношения к крестьянскому труду — торговцам, врачам и ученым, которые извлекали из этого значительные выгоды. Очевидно, Хубилай хотел заручиться их поддержкой. Больше всего при монголах пострадали интересы землевладельцев, представители которого составляли ядро чиновничьего сословия, управлявшего Китаем. После монгольского завоевания они утратили контроль над страной. Отмена экзаменов на гражданский чин значительно сузила возможности китайской элиты. Часть ее смирилась и перешла на службу к монголам; некоторые отказались от активного участия в общественных делах, занявшись искусством или уйдя в отшельники; некоторые же, недовольные монгольским правлением, образовывали потенциально опасную группу, противостоящую установившемуся строю, особенно в Южном Китае. Тем не менее, Хубилай пытался завоевать их расположение, сохранив правительственные учреждения, предоставлявшие работу ученым-чиновникам. В их число входили Академия Ханьлинь (Академия Достойных), под началом которой состояли: 1) Институт Распространения словестности, 2) Императорская библиотека, 3) Историографический институт. [69]

Хубилай и военные

Занимаясь социальными и экономическими вопросами, Хубилай не забывал и о военных делах. Он передал управление армией Тайному Совету (кит.: Шуми юань), учреждению, созданному династией Сун и возрожденному Хубилаем в 1263 г. Император намеревался подчинить Тайному Совету все военные силы, но его устремления

натолкнулись на мощное сопротивление со стороны монгольских военачальников, пользовавшихся, по обычаю, значительной независимостью. Хубилай пошел на уступки, создав для монголов отдельное ведомство. Монгольские войска, полностью подчинявшиеся Хубилаю, были выделены в особую организацию, получившую название Мэнгу цзюнь (Монгольская Армия), а те войска, над которыми у него не было полного контроля, назывались по-монгольски таммаджи. [70] Два этих подразделения состояли прежде всего из конницы, а третье, набиравшееся из китайцев, формировало пехоту.

Все взрослые монголы до 70 лет были военнообязанными. Кроме того, некоторые китайские кланы были приписаны к армии и должны были поставлять в нее солдат и припасы. Однако теперь, создав бюрократический аппарат и выступив в роли покровителя оседлых земледельцев, Хубилай лишился возможности мобилизовать на войну все мужское население страны. Он жаловал монгольским воинам землю за службу, и они просто не могли бросить свое хозяйство, чтобы выступить в поход. Тем не менее, по-видимому, они сохраняли боеготовность, и в случае необходимости на них всегда можно было положиться. Военные, как монголы, так и китайцы, платили лишь половину налогов, которыми облагались простые граждане, но были вынуждены сами производить необходимые припасы, тем самым снижая расходы двора. По словам одного исследователя, «военные дома ... образовывали наследственную военную касту, обремененную тяжелыми физическими и финансовыми тяготами». [71]

При Хубилае эти тяготы еще можно было терпеть. Армия поддерживала высокую боеспособность, как показывают позднейшие успехи в Маньчжурии и Юго-Восточной Азии. Однако при этом возникали многочисленные

возможности для взяточничества и других злоупотреблений. Офицеры вымогали деньги у солдат. Кроме того, власть военной администрации была ограниченной. Хотя Тайный Совет контролировал столичный округ, военные нужды большинства прочих областей находились в ведении местных подразделений, которые часто были практически автономны. [72]

Некоторые части традиционной монгольской военной системы продолжали пользоваться большим влиянием и после того, как Хубилай стал императором Китая. Хубилай сохранил кесиг, отряд телохранителей Чингис-хана, и предоставил им особые привилегии и награды. Воины, служившие в кесиге, обычно происходили из знатных монгольских родов и сохраняли свое положение в монгольской иерархии. Хубилаю они были нужны в качестве противовеса китайским военным. Так, он доверял личную охрану и охрану своих приближенных не китайцам, а кесигу. [73] Сходным образом, расставляя в своих владениях гарнизоны, Хубилай чувствовал необходимость поддерживать монгольское господство. Начальниками гарнизонов, стоявших в столице, на границах, во Внутренней Азии и в потенциально взрывоопасных областях Китая, назначались монгольские полководцы.

Хубилай также понимал, насколько важно поставить под монгольский контроль военное снабжение. Он ввел государственную монополию на бамбук, не для того, чтобы увеличить доходы, а с целью не допустить его свободного использования для изготовления оружия. Так как из бамбука изготавливались луки и стрелы, этот материал перешел в полную собственность монгольского правительства, а китайцам строго запрещалось его покупать и продавать. [74]

Столь же хорошо Хубилай осознавал ценность лошадей для военного дела и необходимость создания разумной системы для их получения. Монголы, жившие теперь в оседлом мире, начали испытывать те же сложности с лошадьми, что и китайцы. Для расширения пределов своих владений и защиты от врагов Хубилаю требовалось наладить поставку боевых коней. Поэтому он учредил «конную администрацию» и издал постановления для охраны табунов. Он создал Двор императорских конюшен, чтобы пасти своих коней, а также содержать лошадей, приписанных к почтовым станциям, императорской гвардии и войскам. [75] По указам, выпущенным двором, одна из каждых ста лошадей, находящихся в собственности граждан, должна была передаваться правительству. Хубилай также присвоил себе право покупать лошадей, а владельцы были вынуждены продавать их по установленным ценам. Иногда он даже забирал коней, не выплачивая возмещения владельцам, [76] под следующим предлогом: «Лошади уже были реквизированы у буддийских монахов, христиан, даосов, мусульманских наставников в Северном Китае... Зачем лошади монахам и даосам, сидящим в своих храмах?» [77] Китайским семьям, укрывавшим коней, грозили суровые наказания. Такие же кары были предусмотрены для китайских и мусульманских купцов, переправлявших их контрабандой через границу на продажу врагам Хубилая. Хубилай придавал большое значение предотвращению этой контрабанды.

Хубилай и правовая система

Хубилай с ранних пор осознавал необходимость переустройства правовой системы. Он унаследовал от чжурчжэньской династии Цзинь ее свод законов, который не-

которое время оставался в употреблении, но был отменен в 1271 г. Еще раньше, в 1262 г., Хубилай поручил своим доверенным советникам Яо Шу и Ши Тяньцзэ разработать новый кодекс, который, в частности, учитывал бы нужды китайских подданных. [78] К 1264 г. такой кодекс был подготовлен, но цзиньские законы продолжали использоваться до 1271 г. Тем не менее, новый свод не был введен в силу даже после этой даты. И все же китайцам не навязывались монгольские законы. При разбирательстве дел, представленных правительству или судам, использовались прецеденты, извлеченные из решений, вынесенных с 1260 по 1271 гг. Впрочем, эти решения, несомненно, принимались под влиянием монгольских обычаев и законов. Монголы, с благословения Хубилая, очевидно, привнесли в китайскую правовую систему дух большей снисходительности. При них было определено 35 преступлений, караемых смертной казнью, в два раза меньше числа подобных видов преступлений по своду законов династии Сун. Кроме того, ежегодные списки казненных в первые годы правления Хубилая показывают, что монголы редко прибегали к такой каре. В 1263 г., например, было казнено 7 человек; в 1265 г. 42; в 1269 г. вновь 42. Стоит отметить, что это крайне мало, если учитывать численность населения, остроту конфликтов и общий уровень насилия в ту эпоху. [79] Как часто бывало в китайской истории, смертные приговоры отправлялись на рассмотрение императора, и Хубилай серьезно относился к этой обязанности. Однажды, когда на казнь было осуждено несколько заключенных, он сделал выговор чиновникам: «Заключенные — не стадо овец. Как можно казнить их внезапно? Подобаает, чтобы вместо этого они были обращены в рабство и отправлены намыывать золото». [80]

Хубилай часто объявлял помилования, даже своим политическим противникам. По монгольскому обычаю, он позволял преступникам уклоняться от наказания, внося штраф в государственную казну. Этот вид денежного возмещения был характерен для монгольского права. При Хубилае он был распространен на некоторые более тяжелые преступления. С этих пор компенсаторные штрафы, коренящиеся в монгольских обычаях, вошли в китайскую систему правосудия. Разбирательство дел также претерпело определенные изменения под влиянием монгольских образцов. Большинство дел разбиралось на местном уровне, но наиболее серьезные пересматривались чиновниками на уровне провинциальных управлений или даже центрального правительства. Эта система была призвана предотвращать нарушения прав обвиняемых.

У нас не хватает сведений о правовой системе, сложившейся при Хубилае, чтобы с уверенностью говорить о том, действительно ли реформы законодательства и изменения в обычаях привели к созданию более гибкой и мягкой системы. Необходимо продолжать исследования, чтобы ответить на вопрос, насколько эффективными в действительности были эти нововведения. Тем не менее, нет никаких сомнений в том, что Хубилай способствовал созданию правовой системы, сочетавшей монгольскую и китайскую традиции, а его представления о правосудии отличались большей гибкостью и мягкостью, чем подход его китайских предшественников. Хотя система ставила монголов в наилучшие условия, она особо не ущемляла прав китайцев и не вводила против них жестких дискриминационных ограничений.

Таким образом, к середине 1260-х гг. Хубилай заложил основы социальной стабильности в Северном Китае. Сражаясь со своим братом Ариг-Букой и мятежником

Ли Танем, он одновременно дал ответы на несколько важнейших вопросов по устройству страны и начал раскрывать свои планы относительно управления Китаем. Он использовал методы и создавал учреждения, защищающие интересы крестьян, ремесленников и торговцев; он ввел фиксированные налоги и повинности; он поощрял использование бумажных денег для облегчения торговли и обустроивал почтовые станции для налаживания путей сообщения в своих владениях. Его двор награждал врачей, ученых и представителей других профессий, ранее находившихся в пренебрежении у китайцев. Он достиг успехов в развитии военной и правовой систем, удачно сочетая китайские и монгольские устои. В целом, по-видимому, ему удалось примирить между собой монгольские и китайские элементы.

Хубилай и конфуцианцы

Хубилай понимал, что для эффективного управления страной ему надо завоевать доверие конфуцианцев. Одним из шагов, предпринятых с этой целью, был перенос столицы в Северный Китай. Китайские летописцы приписывают честь возведения нового столичного города императорскому советнику Лю Бинчжуну. [81] Согласно этим источникам, город был построен по образцу идеальной столицы, изображенной в древнем тексте Чжоу ли. Лю изображается истинным вдохновителем строительства, а Хубилай выставлен в образе правителя, всего лишь одоббившего планы своего советника. Однако представляется совершенно невероятным, чтобы Хубилай сам не мог оценить важность такого предприятия, как перенос центра государства в самую густонаселенную и бесспорно самую процветающую часть своих владений. Он, несомненно, осознавал всю символическую

нагрузку этой меры и вряд ли нуждался в особых уговорах со стороны Лю Бинчжуна.

В 1266 г. Хубилай приказал начать строительство столицы близ современного Пекина. [82] Этот город первоначально при династии Цзинь назывался Чжунду (Центральная Столица), а в 1272 г. он получил название Даду (Великая Столица); тюрки называли его Ханбалык (Город Хана), а монголы — Дайду. [83] Обычно место расположения будущего города определялось китайцами с помощью геомантии (фэншуй). [84] Однако город Чжунду уже существовал; новый город строился чуть северо-восточнее столицы династии Цзинь. Кроме того, от большинства других китайских городов его отличало то, что на строительстве работало множество иноземных мастеров. [85] На самом деле надзор за работами был доверен мусульманину. [86] Тем не менее, город вышел китайским по духу и стилю, так как планировщики следовали китайским образцам и возводили большую часть зданий в китайской архитектуре. По желанию Хубилая, новая столица должна была символизировать его благосклонность к традиционной китайской учености и конфуцианству.

Хубилай избрал для своей столицы местность, удаленную от центров коренных китайских династий. Три древние столицы Китая — Сиань (в современной провинции Шэньси), Лоян и Кайфэн (обе в современной провинции Хэнань) — располагались у Хуанхэ или одного из его притоков, значительно южнее современного Пекина. [87] Столицей династии Цзинь был Чжунду, но это была чужеземная, чжурчжэньская династия. Хубилай также пошел наперекор китайским традициям и возвел свою столицу за пределами области, которую можно назвать колыбелью китайской цивилизации. Причиной этому послужило, отчасти, его стремление показать, что Ки-

тай — лишь часть его владений. Желая удерживать в своих руках контроль над коренными монгольскими землями, он построил город гораздо севернее древних китайских столиц. [88] Административный центр на севере представлял собой прекрасный пост сбора информации и базу, позволявшую осуществлять контроль над монгольскими степями. Подобно китайским императорам, Хубилай при выборе места будущей столицы преследовал и другие цели. Город должен был располагаться в удобной для обороны местности, служить транспортным, торговым и информационным узлом для различных областей империи и иметь доступ к необходимым запасам воды и продовольствия. [89] Главный недостаток Чжунду заключался в нехватке зерна, который Хубилай пытался восполнить, наладив поставки продовольствия из южных областей страны. Чтобы облегчить подвоз припасов, он в конце концов приказал продлить Великий Канал до самой столицы.

В 1267 г. мусульманский архитектор, в китайских источниках фигурирующий под именем Е-хэй-де-эр, со своими подмастерьями и помощниками, начал возводить новую столицу Хубилая. Город должен был быть прямоугольным в плане, 28600 м в периметре, и окружен земляным валом. [90] За этой внешней стеной должны были находиться еще две внутренние стены, которые вели к Императорскому Городу и дворцам Хубилая. Стена Императорского Города отделяла Хубилая и его свиту от чиновников, поселившихся за другой внутренней стеной, и от простых китайцев и выходцев из Средней Азии, живших в районах, располагавшихся за внешней стеной. По городу протекали реки Гаолян, Цзиньшуй и Тунхуэй, снабжавшие Императорский Город водой в большем объеме, «чем когда-либо раньше в одной из китайских столиц». [91] Город был распланирован по

симметричным осям север-юг и запад-восток, а широкие улицы в строгом геометрическом порядке расходились от 11 городских ворот — по три с южной, восточной и западной, и двух с северной стороны. [92] Улицы были настолько широки, что по ним «могли проскакать 9 всадников в ряд». [93] На всех воротах высились трехэтажные сторожевые башни, служившие для оповещения о возможной опасности. Близ восточной стены была обустроена астрономическая обсерватория для персидских астрономов на службе Хубилая. [94] В Императорском Городе находились зал для приема иностранных послов, личные покои хана и покои его супруг и наложниц, склады и Двор Ученых (кит.: Сюэши юань), в котором проходились обучение молодые принцы. Эти и другие здания весьма напоминали свои аналоги в древних китайских столицах времен династии Тан или еще ранее. Императорский Город, также подобно древним китайским столицам, был украшен озерами, садами и мостами. Одним из самых примечательных украшений был парк Бэйхай.

И все же монгольское влияние ощущалось в декоре некоторых зданий. Например, в опочивальне Хубилая висели занавеси и ширмы из меха горностая, служившие напоминанием об охотничьей и пастушеской жизни. В главном парадном зале находилось возвышение, на котором были размещены изображения сидящих тигров, которые «приводились в движение каким-то механизмом, так что казались живыми». [95] В Императорских Парках были раскинута монгольские шатры, в которых жили сыновья Хубилая и их родственники, предпочитая их роскошным дворцам. Когда одна из жен Хубилая готовилась родить, она переехала в такой шатер. [96] Наконец, Хубилай поручил набрать для ханского алтаря травы и земли в монгольских степях, чтобы не забывать

о монгольских традициях. [97] Но, несмотря на эти элементы монгольской культуры, в столице доминировал китайский стиль. В декоративных мотивах были представлены финиксы и драконы, а сами украшения отделялись шелком и нефритом в типично китайской манере. Холмы, дворцы, павильоны, мосты и парки придавали новой столице облик настоящего китайского города.

Возможно, самым ярким показателем китайского влияния являлись храмы, которые Хубилай приказал построить рядом с дворцами. В особенности Великий Храм (кит.: Таймiao, также известный под названием Цзунмiao или «Храм предков») служил наглядной демонстрацией его желания снискать расположение конфуцианской элиты. Уважение к предкам составляло важнейшую черту китайского мировоззрения, и строительство Великого Храма показывало, что Хубилай намеревался сохранить ритуалы, связанные с культом предков. Хотя сам император уклонялся от исполнения этих обрядов, он собирался поощрять культ предков у китайцев, а это, несомненно, не понравилось бы наиболее консервативной части монголов. Если и существовали какие-либо опасения в связи с возможным недовольством, по-видимому, Хубилаю удалось предотвратить противостояние.

Великий Храм по приказу Хубилая принялись строить еще до того, как появились планы о переносе столицы. [98] В мае 1263 г. начались работы, а в следующем году были изготовлены поминальные таблички предков императора. К 1266 г. было построено 8 камер для его предков, в каждой из которых была помещена такая табличка. Одна камера была предназначена для его прабабки и прадеда Оэлун и Есугэя, другая для Чингис-хана (получившего посмертное имя Тайцзу), а четыре остальных — для Джучи, Чагатая, Угэдэя и Толуя (получившего

императорское имя Жуицзун); две последние были отведены для предшественников Хубилая на троне великих ханов — Гуюка (Динцзун) и Мункэ (Сяньцзун). [99] Когда в камеры были поставлены таблички, здесь стали проводиться обряды и жертвоприношения в рамках отправления культа предков. Хубилай придерживался китайских верований в то, что предки могут вмешиваться в человеческие дела, а их советов следует спрашивать в важных случаях, но сам редко принимал участие в ритуалах, поручая представлять свою персону принцам и китайским советникам.

Несомненно, теми же мотивами Хубилай руководствовался при установке алтарей различным силам Природы и проведении церемоний, призывающих их покровительство. По-видимому, наибольшее значение придавалось Алтарям Земли (кит.: шэ) и Зерна (цзи), установленным в 1271 г. В том же году Хубилай повелел проводить на этих алтарях ежегодные жертвоприношения. [100] Сам он нечасто присутствовал на этих ритуалах. Чаще он отправлял вместо себя китайских чиновников. Символика, окружавшая эти алтари, соответствовала чисто китайской традиции. Например, Алтарь Земли был разделен на участки пяти цветов — зеленого, красного, белого, черного и желтого, которые соотносились с пятью стихиями китайской космологии.

Еще ярче стремление привлечь ученую чиновничью элиту выразилось в строительстве святилища Конфуция. [101] Жертвоприношения китайскому мудрецу и ритуалы в святилище проводили представители двора. Сам Хубилай так и не стал приверженцем кофуцианской системы; как мы увидим далее в этой главе, в его глазах большей привлекательностью обладали буддизм и шаманизм. И тем не менее, он понимал, насколько важно проявлять внешние знаки благосклонности к конфуцианцам.

По образцу древних китайских городов возводилась и столица Даду. Монголы совсем недавно вышли из своих стойбищ и никогда прежде не жили в постоянных резиденциях. Естественно, за образцами они обратились к самой близкой цивилизации — китайской. И хотя в отдельных чертах декора проскальзывали монгольские элементы, доминировал китайский стиль. Хорошим примером могут служить каменные черепahi в Каракоруме. Стелы, воздвигнутые на основании в виде каменных черепah, с надписями, представлявшими собой конфуцианские изречения или восхваления предков и героев, были широко распространены в Китае. Монголы просто заимствовали эту идею. В действительности, несколько каменных черепah и фундаменты нескольких зданий — это все, что осталось от Каракорума, разрушенного в XIV в. китайской армией. [102]

Даду был настоящим китайским городом, а первая летняя столица Хубилая, Шанду, стала главным местом проведения шаманских обрядов. Здесь поддерживался традиционный монгольский образ жизни, а Хубилай все больше использовал его скорее в качестве охотничьей резиденции, чем столицы. К тому времени, когда Шанду посетил Марко Поло, город в сущности превратился в охотничий заповедник. [103] Шанду, сохранявший скорее монгольский, чем китайский дух и не служивший местом пребывания постоянного бюрократического аппарата, также был прекрасным местом для отдыха монгольского хана, где он мог не чувствовать себя обремененным обязанностью вести стиль жизни, подобающий китайскому императору.

И все же главный нерв старны переместился в Даду. Хотя большую часть простых рабочих составляли китайцы, здесь работали и иноземные ремесленники, такие как Е-хэй-де-эр, мусульманин, один из главных архитекторов

и, по сообщениям некоторых источников, главный планировщик города. Важную роль играли при строительстве города также и другие мусульмане и иностранцы. Иноземные ремесленники внесли большой вклад в возведение столицы, но главная заслуга в его создании принадлежит китайцам. [104]

Сам город строился с поразительной скоростью. В восьмую луну 1267 г. рабочие расчистили место для городских стен, а год спустя стены Императорского города уже высились. В марте 1271 г. начались работы по строительству самого Императорского города, на которые императорским приказом было направлено 28000 рабочих. [105] В первую луну 1274 г. Хубилай дал первую аудиенцию в главном зале Императорского Города. [106]

Хубилай стремился создать себе образ подлинного конфуцианского императора, чтобы завоевать доверие китайцев. Одним из способов достичь этой цели было следовать примеру основателей древних китайских династий. Важную роль играл сам выбор названия династии. Имя, которому отдал предпочтение Хубилай, позволяло оценить, в каком направлении он собирался двигаться. Выбрав китайское название, нагруженное множеством символических смыслов, Хубилай, скорее всего, хотел показать свое желание влиться в русло китайской традиции. [107] Монгольское название, конечно, не могло пользоваться популярностью у китайцев. В 1271 г. Хубилай, по предложению Лю Бинчжуна, выбрал для своей династии китайское название Юань, которое означает «начало», но также имеет и другую смысловую нагрузку. В «Книге Перемен» юань передает «истоки вселенной» или «первопричину», так что это имя напрямую связано с одним из классических произведений китайской традиции и одновременно с центральным понятием традиционной китайской философии. [108]

Одним из важнейших дел императоров древнего Китая было отправление конфуцианских ритуалов. Хубилай следовал конфуцианским заветам, выставив поминальные таблички своих предков в Великом Храме, построив святилище Конфуция и установив алтари земли, гор и рек. Еще одна задача, стоявшая перед китайскими императорами и имевшая важное значение для земледельческого общества, заключалась в исправлении календаря. Император, будучи звеном, соединяющим человечество с природой, должен был дать людям точный календарь, чтобы они могли вовремя сеять и собирать урожай. Хубилай унаследовал календарь династии Цзинь, который был введен в 1137 г. После прибытия персидского астронома Джамаль ад-дина в 1267 г. образовался круг ученых, способных создать точный календарь. [109]

Кроме того, в обязанности конфуцианского императора входило покровительство ритуалов, связанных с музыкой и танцами. Древние китайцы верили, что правильное исполнение музыки и танца обладает магической властью над силами природы и что пренебрежение со стороны двора или неправильное исполнение этих ритуалов приводит к нарушению равновесия в природе, которое вызывает наводнения, землетрясения, засухи и другие катаклизмы. Сам Конфуций называл ритуалы «прежде всего орудием образования. Они возвышают добродетель; они составляют неотъемлемую часть Пути, который побуждает одного благородного человека любить другого и облегчает управление простыми людьми». [110] Конфуцианский император был обязан следить за сохранением этих обрядов и участвовать в них, но после падения империи Цзинь в 1234 г. они перестали соблюдаться. Китайские источники и на сей раз приписывают заслугу восстановления и поддержания традиционных ритуалов Лю Бинчжуну. В 1269 г. он предложил

Хубилаю ввести при дворе музыку и танцы. [111] По другому китайскому источнику, восстановить церемонии с музыкой и танцами предложил в 1262 г. Яо Шу, но чаще всего главным поборником возрождения этой традиции считается Лю. [112] Хубилай с энтузиазмом откликнулся на предложение и поручил эту задачу самому Лю, который, в свою очередь, дал нескольким ученым-конфуцианцам указание изучить ритуалы, соблюдавшиеся при прошлой династии. По завершении изысканий они должны были создать подобающую музыку и танцы для монгольского двора. Вероятно, показательнее всего тот факт, что им было приказано обучить церемониалу группу из 200 монголов, которые, по-видимому, должны были привить эти китайские ритуалы своим сородичам. К 1271 г. конфуцианская придворная музыка и танцы были введены в церемониал монгольского двора. Учреждение Службы Императорских Жертвоприношений и Ритуалов также свидетельствовало о поддержке, которую оказывал Хубилай в этом начинании. [113]

Однако это толкование событий, связанных с восстановлением придворной музыки и танца, вновь принижает роль Хубилая. Судя по сведениям источников, получается, что Хубилай просто действовал по подсказке своих китайских советников. Однако летописи монгольской династии показывают, что еще до вмешательства Лю и даже еще до своего восшествия на трон Хубилай приказал некоему Сун Чжоучэню написать подходящую музыку для церемониалов, проводившихся в его только что отстроенной столице Кайпине. [114] Вполне естественно, что, став великим ханом, он решил возродить ритуалы, подобающие его сану. Вряд ли ему требовалась при этом чья-то подсказка. Вероятно, предложение, исходившее от Лю, в очередной раз подняло вопрос о церемониале, но на самом деле Хубилай задолго до этого пре-

красно представлял себе, какое символическое значение имеют музыка и танцы в глазах китайцев.

Еще одним доказательством восприимчивости Хубилая к китайским традициям может служить его отношение ко второму сыну, которого он назначил своим наследником, и воспитание, которое он ему дал. Уже в 1242 г., то есть в самый год рождения ребенка, Хубилай согласился дать ему китайское имя. Советник-буддист Хайюнь выбрал ему имя Чжэнь-цзинь, «Чистое Золото». [115] Решив дать Чжэнь-цзиню лучшее китайское образование, Хубилай назначил наставниками мальчика своих советников Яо Шу и Доу Мо. [116] Позже он поручил обучать Чжэнь-цзиня китайским классическим произведениям Ван Сюню (1235–1281), ученому-конфуцианцу. [117] Эти ученые сначала прошли с ним «Сяо цзин» (Книга о сыновьем долге), простой текст, подчеркивающий добродетель сыновних чувств. [118] Когда наследник одолел это сочинение, наставники перешли к более сложным произведениям. В конце концов Чжэнь-цзинь выучил наизусть «Ши цзин» (Книгу стихов). Правительственный чиновник Ван Юнь составил для Чжэнь-цзиня описание взглядов на управление государством нескольких императоров и министров древних китайских династий. [119] Кроме того, ему пересказывали изречения и истории, призванные утвердить в нем дух конфуцианских добродетелей. Ван Сюнь написал типичное поучение: «Человеческое сердце подобно печати. Если печать верна, то даже если проставить ее на десяти миллионах страниц, ошибки не будет. Если печать неверна, то сколько бы ее ни ставить, будут только ошибки». [120] Сообщают, что Чжэнь-цзинь погрузился в глубокие размышления над этим емким наблюдением Ван Сюня.

В конечном итоге Чжэнь-цзинь был также ознакомлен с другими культами и религиями, распространенными на

территории Китайской империи. Он подружился с главным наставником даосов, который обратился к нему с просьбой «объяснить даосское учение кагану [т. е. Хубилаю]». [121] Позже он прошел ученичество у Пагба-ламы и, подобно своей матери Чаби, был весьма впечатлен учением тибетских буддистов. Пагба-лама написал небольшой трактат «Шейчжа рабсал» (Объяснение познаваемого) специально для того, чтобы преподать Чжэнь-цзиню основные положения того течения буддизма, к которому принадлежал сам наставник. [122] Он называл сына Хубилая «принцем-бодхисаттвой», и, вероятно, это говорит о том, что Чжэнь-цзинь все больше увлекался буддизмом. Хубилай, довольный тем, как легко Чжэнь-цзиню удалось завоевать сердца китайцев, оказывал ему все большее доверие и поручал все более важные посты. В начале 1263 г. он назначил его князем Янь, дав в управление область, где впоследствии была построена столица Дадун. [123] Очевидно, это было важное назначение. В том же году Хубилай поставил молодого 24-летнего принца наблюдателем над Тайным Советом, тем самым поручив ему важнейшую государственную должность. А в 1273 г. он назначил Чжэнь-цзиня, которому тогда исполнилось 30 лет, своим наследником. [124] Таким образом, Хубилай первым из монгольских правителей сам назвал своего преемника.

Хубилай не нуждался в побуждениях со стороны, чтобы дать своей династии китайское название или восстановить китайские придворные ритуалы. Точно так же ему не требовалось подсказок, как воспитывать будущего наследника китайского престола. Он почти инстинктивно понимал, что монгол, хорошо знакомый с китайской классикой, сведущий в китайских обычаях и этикете, а также в конфуцианском учении и других культах и религиях Поднебесной, будет пользоваться популярностью

у китайцев и поможет Хубилаю завоевать их расположение. Он осознанно давал Чжэнь-цзиню именно такое образование, чтобы привлечь к нему сердца китайских подданных.

Еще один способ привлечь ученых-конфуцианцев заключался в предоставлении им реальной поддержки по пропаганде их взглядов. Например, Хубилай одобрил перевод китайских сочинений на монгольский. Естественно, он отобрал тексты, которые могли пригодиться в делах правления, особенно сочинения по административному устройству и истории. В этом выборе явно проявился его прагматизм; источники, которые он приказал перевести, могли принести непосредственную пользу монгольской элите. [125] Однако, если он хотел приобрести влияние среди китайских ученых, он должен был поощрять также перевод конфуцианских текстов. Под его покровительством были переведены такие сочинения, как «Книга о сыновьем долге» и «Книга истории». Среди прочих трудов, переведенных его конфуцианскими советниками, было произведение «Дасюэ яньи», написанное Чжэнь Дэсю (1178–1235), который применил учение нео-конфуцианца Чжу Си, жившего в эпоху Сун, к практическим вопросам управления. [126] Обеспечив перевод этих текстов для ознакомления монгольской элиты, Хубилай показал китайцам, что он с уважением относится к конфуцианским воззрениям и вовсе не собирается чинить препятствия их распространению. Кроме того, он инициировал перевод историй правления Угэдэя и Мункэ, известных под названием «Правдивые записи» (Ши-лу), а также сборники собственных указов. Он стремился добиться одобрения китайцев, поощряя переводы их политических и нравственных поучений. Для претворения в жизнь более прагматических задач он учредил монгольскую академию Ханьлинь, которая должна

была заниматься переводами его указов и постановлений с монгольского на китайский. [127]

Хубилай также привлекал на службу и оказывал покровительство ученым, ярым приверженцам нео-конфуцианства, опять же с целью завоевать симпатии этой группы, приобретающей все большее влияние. Хотя многие из них отказывались идти на службу к монголам, некоторые считали задачу «цивилизовать» северных кочевников своей особой миссией. Это новое поколение нео-конфуцианцев, привлеченных ко двору Хубилая и пользовавшихся расположением императора, нашло своего яркого представителя в лице Сюй Хэна. [128] Сюй снискал репутацию одного из величайших ученых своего времени. В молодости он изучил основные сочинения и заповеди нео-конфуцианства под руководством Яо Шу и Доу Мо. [129] Они же представили его Хубилаю, и к 1267 г. он уже был назначен Начальником Образования в Императорском Училище. На этой должности Сюй занимался обучением многих выдающихся монголов и выходцев из Средней Азии и, таким образом, имел возможность внушать свои идеи иноземцам, захватившим власть над Китаем. Он заслуженно пользовался славой замечательного преподавателя, делавшего главный упор на служении государству и обществу, что не могло не вызвать одобрения со стороны монгольских правителей Китая. Еще более привлекательной в глазах Хубилая и монгольского двора выглядела склонность Сюя к практическим вопросам. В отличие от многих других нео-конфуцианцев, в своих речах и сочинениях он не уносился в высокие сферы. Одна из причин его успеха при монгольском дворе заключалась в том, что он «не вдавался в умозрительные, метафизические предметы или “высшие материи”». [130] Напротив, он давал Хубилаю практические и полезные советы. [131]

В одной истории из китайских источников рассказывается, что Хубилай требовал от Сюя всегда только честных и откровенных ответов, даже если такая правдивость вынуждала критиковать самого императора. Когда Сюй только поступил на службу ко двору, главным светилом там являлся Ван Вэньтун, которого никак нельзя назвать обычным ученым сановником. Напротив, Ван был умелым администратором, весьма сведущим по части финансов. На самом деле, он пытался ограничить влияние конфуцианцев при дворе и прибегнул для этого к ловкому ходу. Он побудил Хубилая назначить Яо Шу Главным Наставником, Доу Мо Главным Воспитателем, а Сюй Хэна Главным Хранителем наследника, тем самым лишив их возможности занять какие-либо административные должности. [132] Разгадав умысел Вана, все трое отказались от этих назначений и на время удалились с государственной службы. В 1262 г. Ван оказался замешан в мятеж своего зятя Ли Таня и был казнен. Затем Хубилай призвал Сюя и упрекнул его в том, что тот не выступил против Вана:

В то время вы знали об ошибках Вана, так почему вы ничего не сказали? Разве учение Конфуция предписывает поступать так? Поступая так, вы скорее не соблюдали учение Конфуция! Что было, то было; не повторяйте в будущем этих ошибок. Называйте правое правым, неправое неправым. [133]

Конечно, Хубилай понимал, что такой подход понравится его советникам-конфуцианцам.

Точно так же одобрение со стороны конфуцианцев не могло не вызвать его благосклонное отношение к написанию династической истории в традиционном китайском духе. Конфуцианство, всегда с почтением смотрящее в прошлое и использующее исторические события как примеры для подражания, давало толчок к осуществлению

подобных официально одобренных историографических замыслов. В августе 1261 г. Ван Э, уже составивший (в 1234 г.) историю падения Цзинь, предложил собрать исторические записи о династиях Ляо и Цзинь, включив сюда и историю первых монгольских властителей. [134] Он следовал традиционным китайским воззрениям, повторив тезисы о том, что история содержит образцы для настоящего и что как добродетели, так и пороки предшествующих династий служат прекрасными примерами. Подразумевалось, что Хубилаю следует подражать великим императорам древности. [135] Чтобы обеспечить правильный сбор записей и архивную работу, Ван предложил учредить Историческое Управление, которое дополнило бы уже существующую академию Ханьлинь, в которой трудились ученые-конфуцианцы. [136] По-видимому, это новое учреждение должно было «использовать влияние ученых Ханьлинь для ускорения работы над историческими проектами». [137] Новое ведомство, получившее название Ханьлинь гошй юань, должно было собирать записи и затем составлять истории династий Ляо и Цзинь, а также истории монгольских правителей до Хубилая. Император, похоже, в отличие от китайцев не испытывавший никакой склонности к историческим трудам, тем не менее, одобрил предложение Вана и санкционировал создание Управления написания государственной истории. Скорее всего, он сделал это с целью успокоить конфуцианцев и позволить им заниматься своим традиционным делом. Какими бы ни были соображения Хубилая, Ван Э собрал в Управлении написания государственной истории редакторов, составителей и ученых. [138] Хотя ни история Ляо, ни история Цзинь так и не была завершена при Хубилае даже в черновом варианте, Ван Э разработал организационную схему для «Истории Цзинь». Однако заслуга самого

замысла и начала претворения его в жизнь принадлежит Хубилаю и его советникам.

Хубилай и религия

Естественно, если Хубилай хотел выступать в роли правителя всего Китая, он должен был завоевать доверие не одних лишь конфуцианцев. Следовало прислушиваться к представителям других религий и культов. Хубилай проводил политику, направленную на привлечение симпатий всех религий в его владениях. Перед китайскими учеными он выдавал себя за поборника конфуцианской системы; перед тибетскими и китайскими монахами он стремился выглядеть ярым буддистом; европейцам, таким как Марко Поло, он предрекал массовое обращение своих подданных в христианство, а мусульманам он обещал свое покровительство. Такое хамелеоноподобное поведение весьма помогало Хубилаю управлять этнически и религиозно разнородным населением империи.

Одной из религиозных групп, которые Хубилай стремился привлечь на свою сторону, были мусульмане. Начиная с 1261 г. он все чаще доверял им правительственные должности и даровал особые привилегии. Например, мусульмане были освобождены от постоянных налогов. [139] Двор редко вмешивался в религиозные дела мусульман. Упоминания о мусульманских общинах часто можно встретить в китайских и персидских источниках. [140] Мусульмане жили в летней столице Хубилая Кайпине и в главной столице Даду. [141] Среди них были ремесленники, торговцы и архитекторы; как известно, Хубилай высоко ценил эти профессии.

Хубилай терпимо относился к мусульманам, которые во многих областях страны создали практически самоуправляемые сообщества, и иногда даровал им награды.

Общины часто возглавлялись лицом, носившим звание шейх ал-ислам (кит.: хуэйхуэй тайши), которое часто выступало в роли посредника между общиной и монгольскими властями. Мусульманские законы толковались кади (кит.: хуэйцзяоту фагуань). В мусульманских районах были свои базары, больницы и мечети. [142] Хубилай не препятствовал мусульманам соблюдать такие религиозные заповеди, как обрезание и воздержание от свинины. Он также не пытался навязать им китайский или монгольский язык. Многие члены общины продолжали говорить на арабском, персидском и тюркском. Хубилай выказывал свою благосклонность мусульманам, поскольку они приносили ему большую пользу в делах правления. Они налаживали торговые связи с другими азиатскими странами и служили сборщиками налогов и управляющими финансами, ослабляя зависимость Хубилая от китайских советников и чиновников. Так как мусульмане полностью зависели от императорского двора, наделявшего их должностями и властными полномочиями, император мог рассчитывать на их верность больше, чем на преданность китайцев.

Политика Хубилая приносила успехи. На службе у двора состояло несколько человек, пользовавшихся уважением в мусульманском мире; самым знаменитым из них был Саид Аджаль Шамс ад-дин (кит.: Сай-тянь-чи Шань-сы-дин), который происходил из знатной бухарской семьи и вместе со своим отрядом в 1000 всадников сдался монголам во время похода Чингис-хана на Среднюю Азию. [143] Очевидно, на монголов произвели впечатление его способности и преданность, так как вскоре после пленения они стали назначать его на все более ответственные должности. Мункэ сделал его главным управляющим округа Яньцзин. [144] В 1260 г. Хубилай назначил его уполномоченным по умиротворению (сю-

аньфу ши) в Яньцзин, а через год он получил должность в Главном Секретариате. [145] Очевидно, он хорошо себя проявил, поскольку к 1264 г. Хубилай дал ему пост фактического губернатора области, расположенной на территории современных провинций Шэньси, Ганьсу и Сычуань. Здесь он по поручению двора провел перепись населения, которая повысила сбор налогов, и занимался организацией армии.

Хубилай также оказывал покровительство буддистам, которых поддержал на диспуте с даосами в 1258 г. Ко времени восшествия на престол Хубилай уже испытывал влияние со стороны нескольких школ китайского буддизма, особенно школы Чань. Однако ее учени отличалось крайней возвышенностью и не обещало осязаемых и практических выгод, к которым Хубилай был отнюдь не равнодушен. С другой стороны, идеальным орудием для практических целей служил тибетский буддизм. Он мог подвести идеологическую базу под захват власти монгольскими правителями. Хубилая привлекали его магические атрибуты, его многоцветность и внешний блеск, но больше всего его связь с мирскими делами. Многие тибетские буддийские секты издавна принимали самое активное участие в мирской жизни. Главы сект были также светскими вождями, а монастыри зачастую являлись центрами местной власти. Тибетские секты были не столь далеки от политики, как буддисты течения Чань.

Тибетец Пагба-лама из секты Сакья оказал Хубилаю ценную помощь, поддержав его устремления легитимизировать свою власть над Китаем. В ходе длительных контактов с монголами он усвоил многие их представления. Одновременно, будучи племянником одного из главных вождей секты Сакья и буддийским монахом, он пользовался уважением, граничившим с почитанием,

у многих тибетских буддистов. Так как другой ценный тибетский союзник Хубилая Карма Пакши был обвинен в сочувствии Ариг-Буке, этот так называемый «кудесник» отошел в тень. [146] Пагба-лама казался гораздо более надежным союзником.

Придя к власти, Хубилай осыпал Пагба-ламу почестями. В 1260 г. он назначил тибетца на новый пост Государственного Наставника (Гоши), а в начале следующего года поставил его во главе буддийского духовенства. [147] В 1264 г. император даровал буддистам так называемый жемчужный указ, которым даровал буддийским монастырям освобождение от налогов. [148] Впрочем, Пагба-лама не нуждался в особых поощрениях со стороны властей, поскольку он настолько проникся монгольским духом, что даже носил монгольскую одежду, навлекая на себя упреки соплеменников. И все же Хубилай продолжал укреплять с ним дружеские связи. В 1264 г. он основал Цзунчжи юань для управления Тибетом и надзора за отношениями правительства с буддистами, и первым начальником этого нового ведомства стал Пагба-лама. [149] Их связи еще больше укрепились, когда младший брат Пагба-ламы женился на монгольской княжне, а позднее его примеру последовали его племянник и один из его внучатых племянников. [150]

Последним шагом на этом пути была передача по крайней мере номинальной власти над всем Тибетом Пагба-ламе и настоятелям секты Сакьяпа. В 1264–1265 гг. Хубилай отправил Пагба-ламу в Тибет, чтобы убедить местное население признать монгольскую власть. Его младший брат Чагна-Дорчжэ-лама, который также воспитывался при монгольском дворе, прибыл в Тибет, получив от монголов титул «Главы всего Тибета» (тибет.: Bod-spyi'i steng-du bkos). [151] Как распределялись пол-

номочия между двумя братьями, не вполне ясно. Возможно, Хубилай хотел, чтобы Пагба-лама, как глава буддистов на всей территории империи, остался в Китае, а его младший брат, выполняя функции его агента, поселился в Тибете. Какие бы замыслы ни вынашивал Хубилай, предоставляя двум братьям по-видимому перекрывающие друг на друга сферы влияния в Тибете, они вскоре рухнули с неожиданной смертью Чагна-Дорчжэ-ламы в 1267 г. Секта Дигуп, являющаяся подсектой Кагьюпа, главного противник секты Сакьяпа, воспользовалась этим и подняла восстание против своих соперников и монгольского владычества. Хубилай отправил в Тибет карательный отряд и к 1268 г. монгольская власть была восстановлена. В том же году Хубилай начал укреплять связи с Тибетом. Он приказал провести перепись населения и создать систему почтовых станций. [152] Хотя в источниках мы практически не найдем подробностей относительно дополнительных повинностей, возложенных на тибетцев, по-видимому, Хубилай ввел здесь систему налогообложения и военного призыва. В 1268 г. была создана и структура управления Тибетом. Во главе ее должен был стоять член секты Сакья (на тот момент Пагба-лама), который ведал делами буддистов на всей территории империи и должен был жить в Китае. Кроме того, монголы назначали особого тибетского чиновника (тибет.: *drön-chen* — пончен, «Великий правитель»), который жил в самом Тибете и осуществлял непосредственное управление страной. [153]

Хубилай ожидал, что в ответ Пагба-лама и его сторонники-буддисты окажут ему религиозную поддержку. Пагба-лама действительно выполнил эту часть сделки. Он разработал такую систему отношений между светскими правителями и религиозными иерархами, которая четко

разграничивала сферы влияния Церкви и Государства. Пагба-лама стремился развести их функции следующим образом:

Мирское и духовное спасение — это то, к чему стремятся все люди. Духовное спасение состоит в полном освобождении от страданий, а мирское благополучие — это светское спасение. Оба зависят от религиозного устройства и государственного устройства. В религии главный — лама, в государстве — правитель. Священник должен наставлять в религии, а правитель — поддерживать порядок, который позволит всем жить в мире. Главы религии и государства равны, хотя и обладают разными функциями. [154]

Пагба-лама оплатил своему покровителю, отведя ему место в буддийском пантеоне. Хубилай стал отождествляться с Манджушри, бодхисаттвой, олицетворяющим мудрость, и считался воплощением этого «просветленного». [155] В монгольских источниках, следующих этим представлениям, Хубилай именовался «Сэчэн-хан» (Мудрый хан). [156] Пагба-лама и другие тибетские буддисты обожествили Хубилая, увидев в нем Императора Вселенной (санскрит.: Чакравартин) в буддийской традиции. [157] В одном сочинении, написанном в ту эпоху и, возможно, принадлежащем Пагба-ламе, а затем переведенном на монгольский (Чаган Теуке «Белая летопись»), Хубилай изображен одновременно бодхисаттвой и великим правителем. [158]

Чтобы еще больше укрепить связи между своей религиозной сектой и императором, Пагба-лама предложил ввести при дворе буддийские ритуалы. Ежегодные шествия и торжества, призванные уничтожать «злых духов» и охранять государство, проводились в пятнадцатый день второго месяца, а другие сходные обряды отправлялись в первый и шестой месяцы года. [159] В глазах Пагба-ламы эти ритуалы должны были служить альтернати-

вой конфуцианскому придворному церемониалу; в глазах Хубилая они дополняли, но не подменяли этот церемониал. И все же, по-видимому, Хубилай считался приверженцем буддизма. По крайней мере в одном позднем тексте, который тем не менее отражает взгляды того времени, содержится такой отрывок:

Так он [Хубилай] возжег солнце религии во тьме Монголии и привез почитаемый образ Будды из Индии, мощи Будды и патры и сандаловое дерево ю, подарок Четырех Махарадж. Он правил в соответствии с десятью славными учениями и принес в мир порядок и своей силой осчастливил всех в этом огромном мире, и таким образом стал знаменит во всех концах света как мудрый царь Чакраварти, вращающий тысячу золотых колес. [160]

Демонстрируя свое покровительство буддистам, Хубилай, конечно, повышал в их глазах свой престиж. Усилия Пагба-ламы начали приносить плоды. Многие буддисты стали воспринимать Хубилая одновременно как правителя вселенной и императора Китая.

Хубилай стремился укрепить свое положение, даровав буддистам особые привилегии. Сначала он предоставил Пагба-ламе управление тринадцатью военными мириархиями в Тибете, сделал его наставником своего сына Чжэнь-цзиня и наконец в 1270 г. дал ему высочайшее звание Ди-ши (Императорского Наставника). [161] Затем он освободил буддийских монахов от уплаты налогов, хотя семейные буддисты и буддисты, занимавшиеся земледелием и торговлей, продолжали их выплачивать. [162] Однако истинные монахи, не стремившиеся увеличить свое благосостояние торговлей или земледелием, пользовались чрезвычайно широкими правами. В 1261 г. Хубилай подарил 500 циней (цинъ = примерно 15 акров) земли двум буддийским храмам (один из которых носил имя монаха Хайюня), которые располагались близ буду-

щей столицы Даду. [163] Пять лет спустя он выделил 15000 ляней серебра одному буддийскому храму на проведение семидневной религиозной церемонии. Император жертвовал средства на возведение новых храмов и монастырей, а также на починку старых, пострадавших во время неурядиц между буддистами и даосами. [164] Правительство переводило ремесленников и рабов в некоторые монастыри для работы на земле и в мастерских. [165] Правительственная поддержка, субсидии и льготы позволили монастырям превратиться в процветающие центры экономики, часто владеющие собственными гостиницами, лавками, лодочными станциями и ростовщическими конторами. Таким образом, благодеяния, которыми Хубилай осыпал буддийские храмы и монастыри, принесли свои плоды, взамен обеспечив императору ощутимую поддержку со стороны советников и чиновников-буддистов.

Кроме того, Хубилай стремился заручиться одобрением даосов. Участие, которое Хубилай принял в диспуте между буддистами и даосами в 1258 г., конечно, не могло расположить даосов в его пользу. [166] И все же они не могли обойтись друг без друга. Монгольского хана привлекали знаменитые чудодейственные силы даосизма, прославленная способность даосов вызывать духов и призраков, а также их навыки в алхимии и астрологии. К тому же, ему была известна популярность, которой они пользовались среди низших слоев населения, которые он также хотел привлечь на свою сторону. В рамках самой даосской иерерхии некоторые важные лица уже пришли к осознанию необходимости примириться с конфуцианцами и буддистами, чтобы избежать ненужных и приводящих лишь к взаимному ослаблению споров, которые разделяли Три Учения (конфуцианство, буддизм и даосизм) со времен захвата Китая монголами. Один выдающийся даосский мудрец даже создал «Диа-

граму Единого Истока Трех Учений», которая предлагала путь к примирению этих трех религий. [167] Подобная эклектичность не предотвращала конфликтов между даосами и представителями других религий, особенно буддистами. И все-таки на протяжении первых десятилетий царствования Хубилая эти конфликты утихли.

Хубилай предоставлял различным даосским сектам имущества, чтобы получить их поддержку. Он жертвовал средства на строительства храмов, особенно принадлежавших секте Цюаньчжэнь, которая пользовалась расположением монголов со времен Чингис-хана. Одним из главных сооружений, возведенных при помощи Хубилая, был храм Чанчунь, названный по имени даосского мудреца, почитавшегося самим Чингис-ханом. Глава этой секты, Чжан Чжицзин, получал от двора деньги на содержание храмов и на ограждение интересов своего течения. [168] За эти благодеяния даосы оплатили Хубилаю, предоставив ему идеологическую поддержку и помогая ему исполнять некоторые обязанности, положенные китайскому императору. Одной из этих обязанностей было участие в культе Тайшаня, священной горы, который должен был отправлять китайский император. Даосам было передано руководство этим культом, и Хубилай каждый год отправлял даосских вождей проводить необходимые обряды и жертвоприношения. [169] Их согласие исполнять эти обязанности означало своего рода поддержку, которая так и воспринималась рядовыми последователями даосизма.

Хубилай и семейство Поло

И, наконец, Хубилай стремился наладить связи с христианами. Так как христианство было западной религией, у Хубилая имелась дополнительная причина для

этого. Чтобы укрепить свои притязания на легитимность и продемонстрировать свои «заслуги» подданным-конфуцианцам, ему требовались приезжие из дальних краев, которых можно было бы выдать за иностранных послов, приехавших выразить ему свое почтение. Поэтому он с радостью приветствовал при своем дворе европейских христиан.

В истории отношений между Западом и Востоком во времена Хубилая наибольшей известностью пользуется Марко Поло. [170] Некоторые ученые полагали, что он никогда не бывал в Китае, а события, о которых он повествует в своей книге, он мог узнать из разговоров с персидскими и арабскими путешественниками и купцами. Эти сомнения вызваны собственными его словами. По его утверждению, он помогал монголам при осаде сунской базы в Сянъяне, но эта осада закончилась в 1273 г., за два года до его предполагаемого прибытия в Китай. [171] Он также пишет, что три года занимал должность губернатора Янчжоу, а это не находит подтверждения в источниках, китайских или иноземных, хотя один современный комментатор высказал предположение, что таким образом Марко Поло обозначал пост надзирающего за торговлей солью в городе. [172] По этому толкованию, так как соляная торговля приносила огромные доходы, Марко Поло, возможно, считал себя истинным губернатором Янчжоу. Несмотря на всю привлекательность подобной интерпретации, на определенные мысли наводят и интересные пропуски, допущенные в книге Марко Поло. Так, например, он не упоминает о чае и чайных, акупунктуре, бинтовании ног и других характерных чертах китайской культуры. Впрочем, его сторонники полагают, что он вжился прежде всего в монгольскую среду и поэтому мог не придавать значения этой китайщине. В том же духе они отвечают и тем кри-

тикам, которые приводят в свидетельство того, что Марко Поло не доехал до Китая, отсутствие в его книге упоминаний о китайском письме. Наиболее взвешенный подход, на наш взгляд, избрал Герберт Франке: «Пока не приведены неопровержимые доказательства того, что книга Марко Поло представляет собой описание мира, в котором главы, посвященные Китаю, заимствованы из какого-то другого, вероятно, персидского источника (некоторые выражения, используемые Поло, персидские), мы должны толковать эти сомнения в его пользу и предполагать, что все же в Китае он был». [174]

Как пишет Марко Поло, его путешествию на восток предшествовала поездка к монгольскому двору его отца Николо и дяди Маффео. [175] До их прибытия отношения между монголами и Западом оставляли желать лучшего. Дипломатические миссии Иоанна Плано Карпини и Вильгельма Рубрука не увенчались успехом, хотя отчеты, написанные ими по итогам поездок, доставили европейцам первые достоверные сведения о монголах. Описания восточных товаров привлекли внимание таких европейских купцов, как братья Поло, и навели их на мысль о путешествии на Ближний Восток, а затем еще дальше.

Николо и Маффео Поло выехали из Венеции в 1252 г., не зная о том, что вернуться в родной город им доведется лишь спустя почти двадцать лет. Сначала они остановились в Константинополе, а потом через земли Золотой Орды направились ко двору Хубилая, к которому прибыли в конце 1265 или начале 1256 г. [176] Хубилай с радостью принял приезжих. По словам Марко Поло, великий хан «принял их с почетом, с весельями да с пирами; был он очень доволен их приходом». [177]^а Из описаний

^а Марко Поло, с. 46

Братья Поло на аудиенции у Хубилая. Из Книги Марко Поло.
Рукопись из Национальной библиотеки, Париж

аудиенций, которые император давал братьям, можно видеть его огромное любопытство. Хубилай определял ход разговоров, расспрашивая собеседников о их королях, системе правосудия, методах ведения войны, их обычаях, и, что самое важное, христианской религии. Он попросил братьев убедить папу, чтобы он прислал вместе с ними сто ученых христиан, когда они вернутся в Китай. Учитывая эклектичное отношение Хубилая к религии, скорее всего, он был заинтересован не столько в прибытии миссионеров для обращения своих подданных в христианство, сколько в пополнении числа образованных людей, которые помогали бы ему управлять своими владениями в Китае. Его просьба была лишь уловкой, направленной на достижение этой цели. Хотя он и принимал христиан на службу, но вовсе не горел желанием обратить в христианство население своих земель. Однако ему нужно было как-то убедить братьев Поло и христианских владык в том, что образованные европейцы требуются ему именно для этого.

Портрет Марко Поло. Из книги A.C. Moule and Paul Pelliot,
Marco Polo: The Description of the World

Однако на Западе, куда братья Поло вернулись в 1269 г., их ждали сплошные разочарования. Они узнали, что папа умер в прошлом году, а конклав так и не сумел избрать преемника. И только когда они уже решились, взяв с собой Марко, отправиться обратно без папского благословения, новый папа был все-таки избран, и они получили у него аудиенцию. Тем не менее, им так и не удалось собрать сотню образованных христиан, которых ждал Хубилай. Несмотря на это, они отправились в путь и в 1275 г. прибыли к императорскому двору.

Должно быть, Хубилай был недоволен тем, что его пожелания не выполнены, но, как бы то ни было, он все равно оказал трем гостям прекрасный прием. В конце концов, это было дополнительное доказательство того, что иностранцы готовы преодолевать огромные расстояния, чтобы заплатить дань великому хану. По словам Марко Поло, при первой аудиенции «стали братья перед ним на колени и, как умели, поклонились ему». [178]^a Раболепие, проявленное приезжими, несомненно, укрепило авторитет Хубилая в глазах его подданных. Хотя он и не получил обещанной сотни европейцев, в лице Марко он нашел достойную замену: способного и умного молодого человека, овладевшего несколькими языками, включая персидский и, вероятно, монгольский, еще на пути в Китай.

Как утверждает Марко Поло, он множество раз беседовал с Хубилаем. Ему удалось нарисовать живой словесный портрет великого хана. Поло застал Хубилая на вершине его могущества и описывал его деяния в весьма подобострастных тонах. В его глазах, «не было в свете прежде и нет теперь более могущественного государя».

^a Марко Поло, с. 50

[179]^a Хвалебным стилем отдает и описание внешности императора, которое можно датировать первыми годами пребывания молодого европейцы в Китае, так как оно сильно расходится с образом Хубилая, каким он предстает на портрете, нарисованном Лю Гуандао в 1280 г. [180] Марко пишет, что Хубилай «не мал и не велик», а в изображении Лю он выглядит тучным. [181]^b По описанию Марко, у него были черные глаза и «хороший нос». [182]^c С большой симпатией он изображает празднование императорского дня рождения и нового года, его охотничьи увеселения, а также жен и наложниц Хубилая.

Должно быть, Хубилаю понравился молодой европеец. При его дворе появился умный христианин, и вскоре великий хан понял, что в его же собственных интересах проявить к нему благосклонность. Если он хотел утвердить легитимность своего правления и одновременно привлечь к своему двору больше европейцев, ему следовало с открытыми объятьями встречать тех, кто отваживался на столь тяжелую поездку.

Кроме того, Хубилай мог добиться расположения европейцев, выказав свою терпимость к христианству. В беседах с Марко Поло он стремился создать впечатление, будто он относится к христианству благосклонней, чем ко всем другим религиям в своем государстве. Он уверял Марко в том, что, когда в Китай придут сто ученых христиан, начнется обращение в христианство, и обещал креститься сам. [183] Он принял на службу при своем дворе нескольких христиан, в том числе астронома и врача, носившего китайское имя Айсюэ. [184]

^a Марко Поло, с. 99

^b Марко Поло, с. 104

^c Марко Поло, с. 104

Хубилай на охоте

На благоволение Хубилая к христианам указывает также и отправка на Запад послов-несториан. Самым выдающимся из них был Раббан Саума, который совершил паломничество в Святую Землю, но был отправлен дальше ильханом Аргуном и был принят французским королем Филиппом Красивым в Париже и английским королем Эдуардом I в Бордо. Миссия Раббана Саумы подтвердила, что Хубилай может поддерживать связи с христианским Западом. Императору нужны были европейцы и для того, чтобы наладить торговлю, и для того, чтобы показать своим подданным-китайцам, что его признают великим ханом во всех концах света.

К 1279 г. Хубилай утвердился на престоле китайских императоров. Он стремился завоевать популярность у широкого спектра профессиональных и социальных групп, а также различных религий и культов в своих владениях. Он построил столицу в Китае и восстановил некоторые ритуалы, связанные с конфуцианством. Все эти действия обеспечили ему значительную поддержку со стороны китайского населения.

ГЛАВА 6

ПОКРОВИТЕЛЬ ИСКУССТВ

Утверждаясь в роли китайского императора, Хубилай стремился также создать особое культурное самосознание. Он не мог отказаться от атрибутов монгольской культуры. С другой стороны, он не мог позволить себе показаться грубым неотесанным «варваром», если хотел, чтобы его воспринимали истинным Сыном Неба. Китайские императоры повышали свой престиж, оказывая покровительство литературе и искусствам. У монголов не было такой традиции, хотя испокон веков они высоко ценили изделия искусных мастеров. Это отношение к красивым и полезным вещам давало Хубилаю возможность и повод поддерживать искусства, особенно ремесла, в Китае. Но и при этих условиях он прилагал усилия, чтобы сохранять равновесие между высокоразвитой культурой Китая и менее изысканной монгольской культурой.

Дополнительные сложности возникали вследствие притязаний Хубилая на всемирное господство. Будучи ханом ханов, он, естественно принимал на себя обязанность способствовать культурному развитию разных стран и народов и не мог ограничивать свой кругозор одной лишь китайской культурой. Подобная узкая направленность могла повредить его образу владыки всех захваченных монголами земель. Хубилай должен был поддерживать те культурные начинания, которые не выделяли бы какую-либо одну страну из прочих монгольских

владений. Слишком глубокая погруженность в китайскую культуру могла принести столь же большой вред, как и чрезмерно активное поощрение монгольского наследия. Необходимость уравнивать все эти разнообразные культурные течения приводила к тому, что Хубилай не мог избежать частых смен курса. Более того, они даже были ему нужны. Выбор между культурами представлял собой важный политический вопрос, так как он мог либо способствовать, либо помешать его признанию в качестве легитимного правителя.

Письменный язык

Характерный для Хубилая подход к вопросам культуры проявляется в отношении к письменному языку. Для управления великой цивилизацией был необходим подходящий письменный язык. Фискальная, военная и социальная деятельность правительства требовала должного ведения записей, к которому монголы не были приучены. Сами монголы создали письменный язык только в начале XIII в. Таким образом, у них практически не было опыта в составлении и хранении налоговых, военных и других видов записей. И все же со времен Чингис-хана они уже записывали налоговые и военные отчеты, указы и законы только что введенным монгольским письмом. К ханскому двору для записи решений, приказов и повелений хана привлекались писцы или секретари. Когда монголы завоевали Китай, они поручали подготавливать китайский перевод письменных документов писцам-китайцам или окитаенным чжурчжэням и киданям. Так как китайцам запрещалось учить монгольский, писец нуждался в переводчике-монголе или мусульманине, который переводил бы с монгольского тексты и помогал писцу перелагать их на разговорный

китайский (байхуа). Монголы в приказном порядке ввели использование разговорного китайского вместо бывшего прежде официальным классического, поскольку «принятие классического языка подразумевало бы культурное подчинение Китаю». [2] Сходным образом, подключение мусульман и прочих посредников не-китайского происхождения к процессу перевода отчасти имело своей целью обеспечить контроль за работой китайских писцов и секретарей. Эта политика бдительности продолжалась, как мы видели, и в царствование Хубилая. Первые монгольские ханы, и даже Хубилай, не хотели попадать в зависимость от состоящих на их службе китайцев или предоставлять им слишком обширные полномочия. Коротко говоря, исходящие от двора документы до времени Хубилая составлялись на монгольском, а затем многие из них переводились на китайский. Очевидно, монгольский и китайский были самыми важными языками в восточных владениях монголов.

Когда Хубилай пришел к власти и принял осознанное решение перенести центр своей империи в Китай, вопрос о письменном языке встал еще более остро. Монгольское письмо основывалось на уйгурском, которое, в свою очередь, происходило от согдийского и, в конечном счете, арамейского. Уйгурское письмо не вполне точно передавало звуки монгольского языка, не различая некоторые из них и иногда обозначая разные звуки одним знаком. [3] Некоторые монгольские звуки не могли быть точно переданы уйгурским письмом, а некоторые знаки уйгурского письма было сложно отличить друг от друга. [4] Все эти свойства уйгурского письма препятствовали его широкому распространению.

А Хубилай требовал от официального письма гораздо более широкой сферы применения. Прежде всего, ему было нужно такое монгольское письмо, которое могло

бы использоваться для перевода с китайского и передавало бы китайское звучание имен, титулов и должностей в Китае. Уйгурское письмо просто не походило для точной транскрипции китайского. В нем отсутствовали некоторые китайские звуки, так что в уйгурской передаче было нелегко распознать стоящее за ней китайское название. Ученые, которым было поручено переводить китайские классические и исторические произведения, а также сочинения об искусстве управления государством, вскоре осознали недостатки уйгурского письма. Иногда они затруднялись донести смысл китайских текстов или воспроизвести звучание китайских терминов и имен. Столь неудобная письменность могла серьезно помешать осуществлению замыслов Хубилая.

Хубилай хотел ввести новое официальное письмо, которое способствовало бы сплочению его государства и позволило бы ему подтвердить свои притязания на всемирное господство. Он стремился выйти за рамки двух систем письменности — уйгурского и китайского письма, имевших официальный статус при прежних монгольских ханах. Обе системы были несовершенны в фонологическом отношении. Однако Хубилай не устраивали в них не только технические недостатки. Управляя государством, населенным разными народами, говорившими на множестве разных языков, Хубилай нуждался в письменности, которая была бы способна передавать звуки всех этих наречий. В общем и целом, он рассчитывал создать ни больше ни меньше как универсальное письмо. Такая письменность не только облегчила бы контакты на территории его владений, но и помогла бы теснее связать между собой разноязычные и разноплеменные общины, составлявшие их население. Хубилай намеревался использовать новое письмо в собственных политических целях. Однако он не знал, что люди с трудом при-

выкают к любой искусственно созданной письменности, как бы точна или эффективна она ни была.

Тем не менее, Хубилай был полон решимости создать более широко применимую и хорошо разработанную систему письменности. Через несколько лет после того, как Пагба-лама получил высочайшее звание и должность Государственного Наставника, именно ему была доверена задача придумать новое письмо. Подключив к работе других монахов и ученых, Пагба-лама создал алфавит, который был представлен на рассмотрение великого хана в 1269 г. [6] Этот алфавит, построенный на основе тибетского, состоял из 41 буквы, которые по большей части имели квадратный вид. Поэтому иногда он называется «квадратным письмом», хотя чаще в честь его создателя его именуют письмом Пагба. [7] Считается, что это «тибетский алфавит, приспособленный к требованиям монгольской фонетики». [8] Новое письмо мало чем отличалось от тибетского алфавита, за исключением того обстоятельства, что, как и в случае с уйгурским письмом, буквы писались сверху вниз. Он гораздо точнее передавал звуки разговорного монгольского языка XIII в., чем уйгурская письменность, и состоял из гораздо большего количества знаков. Поэтому на первый взгляд он имел неоспоримое преимущество перед старым алфавитом. Кроме того, новое письмо было способно более точно передавать звуки других языков, распространенных во владениях Хубилая, включая китайский. Так как при создании алфавита за основу был взят разговорный монгольский язык, [9] этот принцип вполне укладывался в рамки политики Хубилая, поощрявшего использование разговорного языка в письменных документах, даже разговорного китайского в официальных правительственных бумагах. Коротко говоря, алфавит Пагба казался идеально подходящим для транскрипции прочих

Сравнительная таблица алфавитов. Из учебника по письму Пагба-ламы, хранящегося в собрании рукописей Института востоковедения РАН. Справа налево: китайский, монгольский, тибетский, санскрит и письмо Пагба-ламы

систем письменности, как алфавитных, так и иероглифических. Он вполне мог служить универсальным письмом и способствовать укреплению связей между народами, оказавшимися под монгольской властью и часто не питавшими симпатий друг к другу.

Хубилай был восхищен новым алфавитом и возлагал на него большие надежды. В 1269 г. он издал указ, в котором высказал свои намерения относительно этого универсального письма. Вероятно, для того, чтобы оправдать свои ожидания и планы по введению алфавита Пагба во всеобщий обиход, Хубилай объяснял, что и чжурчжэни, и кидани, прежние завоеватели и правители Китая (основавшие, соответственно, династии Цзинь и Ляо) также создавали свои особые алфавиты. Теперь эту задачу могут решить и монголы. Он гордо именовал алфавит Пагба монгольским письмом (кит.: мэngu цзы) и в конечном итоге дал ему название «государственной письменности» (гоцзы). [10] Император приказал использовать его при составлении официальных документов двора, но, следуя здравому смыслу, говорил, что им следует пользоваться в сочетании с китайским. Конечно, Хубилай надеялся, что в конце концов алфавит Пагба если не вытеснит, то по крайней мере превзойдет в популярности китайскую иероглифику, но сознавал, что для этого потребуются определенное время. Очевидно, он не сомневался в том, что новое письмо когда-нибудь получит универсальное распространение, но тем не менее прилагал большие усилия для этого. Вскоре после обнародования этого указа он основал училища, перед которыми была открыто поставлена задача содействовать популяризации алфавита. В 1272 и 1273 гг. он подтверждал свой приказ записывать документы, исходящие от двора, государственным письмом. [11] Наконец, в 1275 г. два его самых приближенных советника

Фарфоровое блюдо эпохи Мин с надписью письмом Пагба-ламы

предложили учредить особую Монгольскую Академию (Мэнгу Ханьлинь юань) по образу и подобию Китайской (Ханьлинь юань) для изучения и обучения монгольскому письму и перевода императорских речей. [12]

И все же надеждам Хубилая не суждено было осуществиться, так как письмо не привилось. Его ожидания относительно быстрого распространения алфавита Пагба в его владениях оказались завышенными. Даже императорские чиновники обходили указы о использовании нового письма в официальных документах, попросту их игнорируя. В ответ Хубилай выпускал новые предписания. В 1279 г. он потребовал от секретариата (Чжуншу шэн) составлять все официальные доклады и документы квадратным письмом, но в 1284 г. он был вынужден повто-

рить тот же приказ для того же ведомства. [13] Очевидно, его прежние указания не принимались во внимание. Точно так же не оправдали его ожиданий и училища, учрежденные им в 1269 г. Доклад, представленный в 1272 г. одним служащим, показывал, что дети и родственники китайских чиновников не учили новое письмо. [14] И Хубилаю пришлось вновь призывать своих подчиненных посылать своих сыновей в школы для обучения монгольскому алфавиту.

Несмотря на все усилия и неоднократные увещевания, алфавит Пагба так никогда и не смог вытеснить уйгурское письмо или китайскую иероглифику. До нас дошло лишь несколько текстов, написанных новым письмом. Весьма ограничено было распространение переводов, выполненных алфавитом Пагба, некоторых китайских сочинений, таких как «Книга о сыновьем долге» и исторического произведения «Цзычжи тунцзянь». [15] Другие надписи содержат указы и постановления, составленные по приказу монгольского правящего дома. [16] Высеченные на каменных плитах, они состояли из заветов и ограничений, адресованных ханским чиновникам и военным. Квадратным письмом было высечено и несколько буддийских текстов; два из них в Цзюй-юн-гуане, воротах в Северный Китай. [17] Алфавит Пагба также использовался на пайцзах, металлических дощечках, выполнявших роль паспортов или охранных грамот в монгольских владениях. [18] Краткие надписи появляются также на печатях, монетах, бумажных деньгах и фарфоровых изделиях. [19] Типичным примером таких кратких надписей служит выражение *sayin darasun* («хорошее вино») на кувшине эпохи династии Юань, ныне хранящемся в Восточном собрании Британского музея. [20] Эти высеченные, выгравированные и нарисованные надписи составляют лишь малую долю

Пайцца с надписью письмом Пагба-ламы. Музей провинции Ганьсу

текстов, созданных при династии Юань, большая часть которых выполнена китайским или уйгурским письмом. Нежизнеспособность алфавита Пагба объясняется не его техническими недостатками, а методами его внедрения. Несмотря на свои достоинства, это письмо натолкнулось на общее неприятие, отчасти в связи с тем, что оно было создано на официальном уровне и «спущено сверху». И несмотря на увещевания, призывы и указы Хубилая и высших придворных чинов, неприятие не шло на убыль. Новое монгольское письмо применялось лишь на официальных печатях, стелах и монетах; образованные китайцы и монголы в массе своей не приняли этот алфавит. Это предприятие Хубилая можно расце-

нить как провал. [21] И все же оно свидетельствует о внимании, которое он уделял разработке универсального письма и письменного языка, который отражал разговорный язык его эпохи.

Театр и другие литературные формы эпохи Юань

Во времена Хубилая и его непосредственных преемников особого процветания достиг театр. Рост городов при династиях Сун и Юань обеспечивал питательную среду для развития драматического искусства, расширяя аудиторию и предоставляя средства, необходимые для представлений. Театры не могли бы процветать вне городской культуры и без покровительства со стороны государства и частных лиц. [22] Эпоха Юань действительно была периодом расцвета городов, а в глазах многих китайцев драма эпохи Юань представляет собой высшую точку развития китайского театра. До нас дошло по меньшей мере 160 пьес, кроме того, о существовании еще 500 мы знаем лишь по сохранившимся названиям. [23] Во многих городах разрастались целые театральные кварталы с десятками театров. [24] Актеры и актрисы, до сих пор бывшие в обществе изгоями, улучшили свое положение, по крайней мере в ранний период монгольского владычества. Правители династии Юань, похоже, «относились к актерам как к людям, исполнявшим важные функции в их системе ценностей». [25] Театральные труппы, часто состоявшие из отдельных семей, кочевали с места на место, давая представления, в которых сочетались пение, танец, пантомима и акробатические упражнения. Такие спектакли нравились массовому зрителю. Один выдающийся западный ученый назвал драмы эпохи Юань «варьете», поскольку именно

этот жанр подходит для обозначения представлений, в которых скетчи перемежаются песнями и плясками. [26] Наибольшей популярностью пользовались «судебные драмы», хотя ставились также и комедии, и трагедии, и другие виды драм. [27]

Традиционные взгляды на социальное значение драмы эпохи Юань недавно были поставлены под сомнение. По устоявшимся представлениям, первоначальный толчок развитию театра придала отмена экзаменов на гражданский чин. Утратив этот важнейший инструмент социальной мобильности, китайские ученые обратились к другим культурным сферам, включая и драматургию. Так как их надежды на чиновничью карьеру наталкивались на серьезные препятствия, они направили свою эрудицию и литературные способности в область театрального искусства. [28] Тем не менее, не следует забывать, что и профессиональные драматурги, которые в прежние времена не могли бы пробиться в чиновники, также имели успех в драме эпохи Юань. Драматурги больше не были скованы экзаменами на гражданский чин и конфуцианскими правилами и потому обращались к разным темам и предметам.

В драме также использовался разговорный язык. Как заметил один критик XVII в., в этом отношении юаньские драматурги впали в заблуждение [слишком часто используя народный язык]; этот изъян происходил от излишне острой реакции на искусственный изящный стиль». [29] Однако от внимания критика ускользнуло то обстоятельство, что разговорный язык все больше становился естественным способом выражения в драме. Профессиональные драматурги были лучше знакомы с просторечием, на котором изъяснялись даже чиновники. Так как Хубилай и монголы требовали от чиновников использовать разговорный язык, драматурги, зани-

мавшие чиновничьи должности, естественно, также хорошо им владели. В этом смысле монгольские установления облегчали драматургам работу и способствовали развитию юаньского театра.

Кроме того, Хубилай и монгольский двор содействовали расцвету театральной жизни своим невмешательством в дела театра. Они отличались настолько эклектичными воззрениями, что драматурги могли поднимать практически любую тему, не опасаясь правительственных мер. [30] Это позволило некоторым китайским критикам позднейшей эпохи предположить, что «пьесы многих драматургов гунъань содержали скрытые выпады против монгольских правителей и изображали преступников членами высшего класса, неподсудными обычному закону». Однако такое толкование представляется сомнительным, так как «для подтверждения такой точки зрения не было до сих пор приведено никаких конкретных свидетельств». [31] Монголы обычно не фигурировали в качестве действующих лиц и не изображались в виде угнетателей. Точно так же не заслуживают доверия попытки увидеть в этих пьесах выражение социального протеста.

К тому же, если бы в театре ощущались какие-то анти-монгольские веяния, Хубилай не стал бы оказывать ему покровительство и, вероятно, не придерживался бы политики благосклонной отстраненности. Судя по всему, за все время правления он никогда не подвергал цензуре театральные постановки. Хотя, скорее всего, он не умел ни читать, ни писать по-китайски, он вполне понимал разговорную речь и мог говорить на этом языке. По его приказу при дворе давались представления, на которых он иногда присутствовал лично, не вмешиваясь в ход действия и не налагая никаких ограничений на драматургов. Чиновники также не отказывали театру в своем покровительстве, и при Хубилае, как и при его

преемниках при дворе продолжали ставиться фарсы цзацзюй, которые со временем превратились в серьезные драматические произведения. [32] Еще одним косвенным подтверждением благосклонного отношения Хубилая может служить происхождение самых знаменитых драматургов. Многие из них родились в старом уделе Хубилая Чжэньдине. Из 45 известнейших писателей эпохи Юань семеро происходили из этой относительно узкой местности; только столица Даду, давшая Китаю 17 драматургов, могла похвалиться первенством в этом отношении. [33]

Это не означает, что Хубилаю и монголам принадлежит заслуга развития и успехов юаньского театра, которыми он обязан самим китайским драматургам и, в меньшей степени, их аудитории. И все же заслуга Хубилая состоит в том, что он создал ту среду, которая питала юаньский театр или по крайней мере не мешала ему. Он создал, что, по представлениям китайцев, хороший император должен поддерживать культуру в своем государстве и что театр, как развивающаяся форма искусства, также нуждается в поддержке. Поощряя употребление разговорного языка в письменности он в каком-то смысле содействовал созданию драматических произведений, использующих просторечие.

Вряд ли Хубилаю можно приписывать и выдающуюся роль в развитии романа или увеличении объема печатных текстов в Китае. И все же, как и в случае с театром, наверное, можно сказать, что этому благоприятствовала инициированная императором культурная политика. Его благосклонность к разговорной речи послужила стимулом для романистов, которые часто выводили в своих произведениях героев низкого происхождения. [34] Использование просторечия позволяло им передавать манеру изъясняться простых людей, расширять круг дейст-

вующих лиц и свободнее выражать эмоции. Впрочем, лишь некоторые романы обрели свою окончательную письменную форму в эпоху Юань; большая их часть относится уже к эпохе династий Мин и Цин. [35]

Тексты, создававшиеся при Хубилае и его непосредственных преемниках, имели широкое хождение. В эпоху Юань «печатное дело стало играть важную роль с точки зрения количества, если не качества». [36] В 1269 г. Хубилай учредил особое ведомство для печатания книг на государственные средства, а к 1286 г. училища, пускавшие доход на производство печатных текстов, получили во владение земельные наделы. [37] Развитие книгопечатания привело к большей доступности книг и вызвало рост грамотности при династиях Мин и Цин. [38]

Китайцы не ценили драму и роман, относительно молодые литературные жанры, столь же высоко, как традиционно более престижные поэзию и философские сочинения. Поэзия при династии Юань не достигала такой высоты, как при династиях Тан и Сун. Не объясняется ли сравнительный застой в поэзии упадком классического языка, идеального средства поэтического выражения, остается только гадать. Монголы не отрицали и не стремились принизить значение поэтического творчества, однако они с трудом могли понимать китайскую поэзию. Классический язык китайских поэтов был недоступен пониманию Хубилая, владевшего китайским лишь на самом примитивном уровне. И все же поэты встречали при его дворе и дворах его преемников радужный прием. В императорском дворце с почестями принимали даже поэтов-мусульман Али Яоцина и его сына Ли Сиина. [39] Подобно поэзии, ученые сочинения, в которых китайцы упражнялись испокон веков, в эпоху Юань также снизили свой уровень и не пользовались популярностью у авторов такого калибра, как во времена предшествующих

династий. Конечно, Хубилай привлекал и поддерживал таких ученых-конфуцианцев, как Сюй Хэн, которые могли бы писать и действительно писали подобные произведения, но основная масса текстов, созданных юаньскими учеными, не может сравниться с произведениями мудрецов времен Тан и Сун. Вероятно, относительная бедность ученой эссеистики при Юань также может объясняться изменившимся социальным статусом ученых при монголах. Хубилай и монголы не понимали изысканного языка и скрытых отсылок таких сочинений, которые, скорее, даже отталкивали их своей утонченностью. Кроме того, при монголах изменилась культурная среда и утратила свое господство чиновничья ученая элита, ранее с восторгом принимавшая такие литературные формы, как поэзия или ученые сочинения.

Живопись

Однако к живописи монголы относились иначе. Изобразительное искусство, также традиционно входившая в сферу интересов ученых чиновников, было более доступно для Хубилая и монголов, так как для его восприятия им не требовалось преодолевать такое существенное препятствие, как языковой барьер. К тому же, живопись находила в их сердцах живой отклик благодаря тщеславию, свойственному Хубилаю, который приказал написать свой официальный портрет, а затем поручил художнику Лю Гуаньдао изобразить себя на охоте. [40] Завоевав Южную Сун, он все больше стал интересоваться живописью. По его приказу Сунское Императорское Собрание Картин было перевезено в Даду, где несколько китайских знатоков составили его каталог. Эти картины легли в основу собственной коллекции Хубилая, которая разрослась вследствие того, что импера-

тор начал приобретать произведения художников, которым оказывал покровительство. [41] Коротко говоря, Хубилай и позднее некоторые его преемники ценили китайскую живопись и прилагали все усилия, чтобы сохранить лучшие ее образцы. Эпоха Юань произвела на свет группу выдающихся живописцев, позволив одному современному ученому окрестить этот период «революцией» в живописи. [42]

И все же часть искусствоведов склонны либо подчеркивать негативное воздействие Хубилая и монгольских правителей на китайскую живопись, либо отказывать им в каком-либо влиянии на него. По словам одного из ученых, «императорская семья не подарила миру ни одного значительного писателя, каллиграфа или живописца, а те художники, которым она покровительствовала, специализировались лишь в портретах и архитектурной живописи». [43] Шэрман Ли дает более позитивную оценку монгольскому влиянию. Пытаясь объяснить, почему до 1968 г. юаньское искусство почти не привлекало к себе внимания специалистов, он пишет, что «правлящий дом династии Юань был чужеземным, монгольским по происхождению, и это обстоятельство всегда служило помехой объективному рассмотрению его деятельности со стороны китайцев... Врожденная и преувеличенная гордость потомков империи Хань не позволяла выносить взвешенных, а уж тем более благоприятных суждений об эпохе, когда страна находилась во власти варваров-иноземцев». [44] Этот здравый подход позволяет нам примирить отрицательное отношение некоторых искусствоведов к монголам с тем простым фактом, что Хубилай нанимал на службу художников, оказывал им покровительство и заложил основу выдающейся коллекции китайской живописи эпохи династии Юань и предшествующих династий, которую он завещал своим преемни-

кам. Умаление той роли покровителей искусства, которую играли Хубилай и монголы, входит в противоречие с фактами, а воззрения, согласно которым успехи китайских живописцев при династии Юань отчасти объясняются именно их неприятием монгольского владычества, попросту играют на националистических чувствах.

Конечно, некоторые великие художники действительно отказывались идти на службу к монголам или сотрудничать с ними. Как мы видели, часть ученых, не пожелавших принять должности из рук иностранных захватчиков, ушли в такие специальности, как медицина. Другие становились отшельниками (иньши), но мотивы, которыми они руководствовались, удаляясь от мирской суеты, были различными. Как пишет один искусствовед, «их добровольное затворничество отчасти происходило от общего утомления мирской жизнью, но в гораздо большей степени это было бегство от невыносимого налогового бремени, принудительных общественных работ и политических преследований». [45] Некоторых можно считать «внутренними беженцами» (иминь); они отличались от прочих отшельников тем, что выбирали такую жизнь по политическим мотивам. Они сохраняли верность поверженной династии Сун, но скрывали свою неприязнь к монголам. И действительно, они не могли открыто выразить свое недовольство, не подвергая себя опасности. [46] Одним из способов уклонения был переход к частным занятиям, в которых несогласные иногда могли отвести душу и высказать свое отношение к монголам. Для ученых таким естественным и характерным занятием была живопись. Они образовали группу художников-любителей, получившую такое название в противопоставление официальной Императорской Академии художников эпохи Сун. Они вели отшельническую жизнь и не создали особой школы.

Конечно, их искусство ни в коем случае не поощрялось монголами. Напротив, согласно некоторым искусствоведом, эти художники создавали свои величайшие творения несмотря на монголов. Лишь небольшое их число выбрало местом уединения озерный край (озеро Тай, Западное озеро) в области Цзяннань, который впоследствии притягивал к себе множество инакомыслящих художников. [47] Чжэн Сысяо (1241–1318), непримиримый противник монголов, не желавший никак с ними соприкасаться, был типичным представителем этой группы иминь, оплакивавшей падение династии Сун и восхвалявшей ее добродетели. «Картины образованных мужей» (вэньжэнь хуа), а именно под таким названием стали известны их произведения, отличались от картин сунской Академии постепенным отходом от реализма в сторону все более субъективного восприятия. Эти перемены давали художникам возможность иносказательно выражать свою враждебность к монголам. Чжэнь, например, прославился изображениями китайской орхидеи, и когда его «спросили, почему он рисует орхидеи без земли, прикрывающей корни, он ответил, что землю украли варвары». [48] Гун Кай (1222–1307), Цянь Сюань (около 1235-около 1301) и другие живописцы направления иминь в той или иной степени использовали свое искусство как средство выражения социального протеста. [49]

Однако после покорения Южной Сун монголы никоим образом не вынуждали художников становиться отшельниками. На самом деле, Хубилай предлагал нескольким живописцам должности в своем правительстве, которые они отвергли. Должно быть, он действительно хотел взять их на службу и предоставить им возможность заниматься живописью. Однако художники, к чести своей сохранявшие верность местной династии, отвергли предложения Хубилая. С другой стороны, Хубилай и его преемники

с осторожностью принимали ко двору ученых, все еще испытывавших сильные симпатии к Сун. Они подозревали этих отшельников, «иногда с полным основанием, в соблюдении верности павшей династии». [50] Впрочем, конечно, было бы неправильно обвинять Хубилая в том, что он осознанно поощрял гонения на китайских художников и чинил препятствия развитию китайской живописи.

Напротив, Хубилай оказывал покровительство некоторым великим художникам эпохи Юань. Чжао Мэнфу (1254–1322), самый знаменитый художник того времени, получил должность военного министра и переехал в Даду. После смерти Хубилая Чжао продолжал занимать правительственные должности и в конце концов был назначен президентом академии Ханьлинь, самого престижного научного учреждения в Китае. [51] Гао Кэ-гун (1248–1310), выдающийся художник, в 1275 г. получил назначение в министерстве общественных работ. [52] Он также сделал хорошую карьеру при преемниках Хубилая и на склоне лет стал министром юстиции. Ли Кань (1245–1310), самый знаменитый художник по бамбуку, добился поста министра кадров. [53] Сянькюй Шу (1257?–1302), живший в Северном Китае и входивший в число трех лучших каллиграфов эпохи Юань, занимал, наряду с другими должностями, посты в Управлении Цензуры и Ведомстве Императорских Жертвоприношений. [54] Четверо поименованных были самыми выдающимся людьми из тех, кто пользовался благоволением Хубилая; император предоставлял синекуры многим другим менее заметным художникам. Хубилай не ждал, пока способные ученые и художники предложат ему свои услуги, а посылал на их поиски своих людей. Например, в 1286 г. он отправил конфуцианца Чэн Цзюйфу в Усин в области Цзяннань, чтобы найти и принять на прави-

тельственную службу новые таланты. [55] Чэн вернулся из поездки с великим художником Чжао Мэнфу.

Несомненно, в лице Чжао Хубилай нашел надежную опору в художественной среде. Так как Чжао происходил из императорской династии Сун, его переход на службу к монголам повысил авторитет и устройчивость власти Хубилая в глазах китайцев. Как бы то ни было, в данном случае отказался от своего наследия и склонился на сторону «варваров» не кто-нибудь, а родич последнего императора. За этот поступок Чжао навлек на себя суровую критику китайских ученых. У Чжао также возникали определенные опасения, но он оправдал свое решение в стихотворении, написанном на одном из рисунков:

Каждый человек проживает жизнь в этом мире в соответствии с эпохой;

Выйти из тени и служить или отступить в тень — не случайное решение. [56]

По некоторым рассказам, мать Чжао, возлагавшая на сына весьма честолюбивые надежды, побудила его вступить в сотрудничество с монголами, увидев в этом возможность сделать хорошую карьеру. [57] Однако узы дружбы, связывавшие его с Цянь Сюанем, художником старшего поколения, хранившего нерушимую верность династии Сун и непреклонно отвергавшем все заигрывания монголов, некоторое время мешали ему перейти к Хубилаю. Чжао и Цянь жили в Усине, и благодаря противоположному подходу к вопросу о сотрудничестве с монголами стали образцами поведения для прочих ученых и живописцев, обитавших в этом центре искусств. Как отмечает Ли Чжуцзин:

«Статус имени или лоялиста, которым пользовался Цянь Сюань, снискал ему уважение многих интеллектуалов той

эпохи. Достигнув зрелости при Южной Сун, которой они служили верой и правдой, они не имели возможности или желания переходить на службу к иностранной династии. Таким образом, Цянь превратился в символ их преданности Сун и недовольства новой властью. С другой стороны, Чжао Мэнфу, самый выдающийся южанин среди чиновников династии Юань, восхвалялся теми, кто питал надежду получить назначение в юаньском правительстве». [58]

По-видимому, позиции обоих художников отражают взгляды разных поколений: старшее, вероятно, сильнее упорствовало в своем нежелании признавать легитимность Хубилая. В любом случае, Чжао действительно стал служить монголам. Однако прибыв в Даду, он натолкнулся на ощутимое сопротивление со стороны тех, кто считал недопустимым давать важные посты потомку недавно уничтоженной династии. [59] Хубилай не обратил внимания на предостережения и назначил Чжао военным министром. Чжао отблагодарил императора, с усердием принявшись за доверенную ему работу. Он особенно ревностно взялся за преобразование почтовой службы, выступив против частного, незаконного использования почтовых привилегий и злоупотребления этими привилегиями со стороны иностранных посольств. Позже Чжао стал призывать к снижению налогов, особенно в тех областях, которые пострадали от ряда землетрясений. Коротко говоря, Чжао стал ценным советником императора, сохранявшим свое положение до самой смерти Хубилая.

Картины Чжао, как и произведения некоторых его современников, свидетельствовали о свободе, которой пользовались художники при Хубилае. Чжао неоднократно упрекал живопись эпохи Сун в поверхностности и предлагал вернуться к классическим образцам. Он утверждал, что стандарты сунской Императорской Акаде-

мии сковывают воображение художника. [60] При монголах, которые не вмешивались в дела искусства, Чжао не встретил таких ограничений.

Хубилай и монголы сыграли не только негативную роль в развитии китайской живописи в эпоху Юань. Они оказали определенное влияние на темы и сюжеты произведений художников, так как живописцы, желавшие угодить монгольскому вкусу, выбирали такие сюжеты, которые, по их мнению, могли понравиться монгольской элите. Очевидным примером такого приспособления могут служить изображения лошадей, так как китайские художники отлично понимали, насколько высоко монголы ценили своих коней, и поэтому полагали, что такие картины покажутся им привлекательными. Так как Хубилаю и монголам также нравились изображения птиц, цветов и людей, которые рисовали художники эпохи Сун, юаньские живописцы не преминули обратиться к тем же темам. [61] Самой важной заслугой монголов, тем не менее, явилось то, что они помогли китайским художникам освободиться от формализма, присущего сунской Академии. Таким образом, не следует упускать из виду пользу, которую принесла монгольская династия художественному искусству в Китае.

Ремесла

На ремесла монголы оказали еще более осязаемое влияние. С древнейших времен монголы высоко ценили искусных ремесленников и предоставляли им особые льготы. Захватив власть над Китаем, Хубилай продолжил политику своих предшественников, обеспечив постоянный приток мастеровых, способных создавать изделия, в которых нуждался императорский двор и монголы в целом. Он учредил при министерстве общественных

работ особые ведомства для надзора за ремесленниками в Китае. Главным административным органом было Главное Управление ремесленниками-рабами и всеми классами гражданских ремесленников, располагавшее тридцатью отделениями. [62] В этих управлениях существовали особые ведомства для надзора за разными отраслями — металлообработке, кожевенному, ткацкому и гончарному делу. К Ведомству Императорских Мануфактур были приписаны ремесленники, производившие товары для хана и его свиты. Китайские чиновники нанимали как китайских, так и иностранных ремесленников. Двор назначал некоторые семьи потомственными ремесленными хозяйствами, ограничивая возможность выбора профессии для молодежи. И все же ремесленники располагали многочисленными льготами, включая освобождение от большей части налогов, а их общественное положение заметно повысилось по сравнению с тем статусом, которым они пользовались во времена предшествующих династий. Таким образом, вовсе не удивительно, что монголы оказали, по крайней мере, косвенное влияние на технологический и эстетический прогресс в этой области. [63]

Хубилай высоко ценил китайские гончарные изделия, поставлявшиеся к его двору и вывозившиеся на экспорт. Тем не менее, одна выдающаяся исследовательница китайской керамики писала, что «в истории китайского гончарного дела период Юань в прошлом считался гадким утенком... Также сложилось мнение, будто монголы не проявляли интереса к искусствам, будто им был чужд китайский вкус, и будто поэтому они пренебрежительно относились к творчеству». [64] Однако она утверждает, что «это никоим образом не соответствует действительности». Хубилай, видя в экспорте керамики весьма доходную статью, начал упорядочивать производство кера-

мики. Он приказал переписать все обжигательные печи и обложить их налогами. [65] Двор получил необходимый фарфор и после этого поддерживал оживленную внешнюю торговлю, особенно с Юго-Восточной Азией и Ближним Востоком. Китайская керамика пользовалась большим спросом в странах Юго-Восточной Азии, а также у арабов и персов, которые покупали ее в больших количествах, прежде всего для своих правителей и высших слоев общества. [66] Гончарные центры в Китае находились в местах, как нельзя лучше подходящих для внешней торговли. Они располагались на юго-востоке, неподалеку от больших портовых городов. Главными из них были Дэсин, Аньфу, Дэхуа и, самый знаменитый, Цзиндэчжэнь. Все они были связаны с южными портами, цепь которых тянулась от Ханчжоу через Вэньчжоу до Цюаньчжоу.

Хубилай и его преемники способствовали развитию гончарного дела главным образом тем, что предоставили гончарам свободу, которой те были лишены при диктатуре сунского двора и китайской ученой элиты. Теперь они получили возможность экспериментировать с формой и украшениями. Сунские стандарты вели к изготовлению превосходной керамики, но рабское их соблюдение сковывало творческую мысль и влекло за собой производство довольно однообразных товаров. [67] Юаньские гончары, освободившись от гнета сунских канонов, воспользовались этим для изучения различных новшеств, и это привело к созданию новых прекрасных видов фарфора. Бело-голубой фарфор, часто ассоциируемый с династией Мин, на самом деле возник в монгольскую эпоху, когда китайцы впервые получили доступ к кобальтовой сини, необходимой для производства голубой глазури. [68] В этот же период также появился белый фарфор, пришедший на смену сунской глиняной посуде, а также новые виды селадона.

Монгольское влияние, прямое или косвенное, распространялось также и на другие ремесла. Монголы ввели монополию на текстильное производство и торговали текстилем с иностранными государствами. Китайские ремесленники ткали прекрасные одежды; некоторые из их изделий предназначались для европейских прелатов. Некоторые виды лаков, которые, как считалось ранее, были введены при династии Мин, на самом деле могут восходить к монгольскому периоду. [69] Продолжался расцвет каменной скульптуры, особенно буддийской. Самыми выдающимися примерами юаньской каменной скульптуры были изваяния в Цзюйюн-гуане, воротах в Северный Китай, а также Фэйлай Фэн в Ханчжоу. В целом они относятся к позднему периоду династии Юань. [70] Хотя имя самого Хубилая не связано с двумя этими местами, он оказывал поддержку буддийскому искусству и принимал на службу тибетских монахов и ремесленников, которые впоследствии немало потрудились над созданием наскальных изображений.

Влияние, которое Хубилай оказал на китайскую архитектуру, заключается, в основном, в приглашении непальского мастера, которого рекомендовал великому хану Пагба-лама. В одну из своих поездок на родину тибетский монах увидел недавно возведенный буддийский храм, который произвел на него большое впечатление. Архитектором был непальский ремесленник Анигэ (1244–1306). [71] Несмотря на возражения мастера и его желание вернуться в Непал, Пагба-лама в 1265 г. привез его с собой в Китай. Вскоре он устроил ему аудиенцию у императора, во время которой у обоих сложилось благоприятное мнение друг о друге. Сначала Хубилай решил испытать мастерство Анигэ, приказав ему починить поврежденное медное изваяние человека, использовавшееся для акупунктуры. Анигэ с честью вы-

держал испытание. [72] Восхищенный талантами Анигэ, Хубилай дал ему несколько важных поручений. Анигэ, в числе прочего, спроектировал и построил буддийский храм Дахугожэньван сы и павильон в парке Даду, храм предков в Чжочжоу и храм в Шанду. [73] Он также создал прекрасные ювелирные украшения из золота и нефрита. Хубилай был весьма доволен его трудами и осыпал молодого непальца наградами. В 1273 г. он был назначен начальником Главного Управления ремесленниками и стал главным распорядителем над всеми ремесленниками в Китае. Позже он получил дом и землю в Даду, в районе Сяньили. Чаби, жена Хубилая, также благоволившая Анигэ, устроила его свадьбу с женщиной из благородной семьи, происходившей от сунского императорского дома. [74] Таким образом Хубилай и его семья оценили великого архитектора и вознаградили его за труд. Ремесленники-иностранцы имели такие же шансы добиться успеха при ханском дворе, как и китайцы.

Было бы ошибочно полагать, что развитию китайских искусств и ремесел непосредственно способствовали Хубилай и монголы. И все же нельзя отрицать роли, которую сыграло их покровительство. Оказывая поддержку отдельным мастерам и освободив их от жестких канонов и рамок, Хубилай вдохновлял художников на поиски новшеств и эксперименты. Он не был заинтересован в соблюдении какой-то определенной традиции и позволил людям искусства следовать собственному воображению. При такой политике живописцы, драматурги и гончары вздохнули свободнее. Будучи иноземцем, Хубилай не проявлял враждебности к проникновению не-китайских форм и идей в китайское искусство. Поддержка и покровительство, которые он оказывал Анигэ, например, привели к введению непальских и тибетских мотивов в китайскую архитектуру. Более того, благосклонное

отношение как к китайцам, так и к иностранцам, поддерживало его притязания на всемирное господство.

Сохранение монгольского наследия

Хубилай стремился быть императором Китая, но вместе с тем и ханом монголов, и правителем всех владений, завоеванных монголами. В глазах китайцев он хотел выглядеть несколько окитаенным. И все же он не мог перенять слишком много китайских обычаев и представлений, чтобы не оскорбить чувства консервативной части своих соплеменников. Хубилай был вынужден балансировать на тонкой грани. В качестве хана монголов он должен был исполнять ритуалы и следовать правилам своих предков-кочевников. Однако, стремясь к всемирному господству, он не мог ограничивать свой кругозор культурой какого-либо одного народа (например, китайского). Хубилаю следовало проявлять широту и терпимость к нравам и обычаям разных племен, признававших его власть.

Хубилай пытался уравновесить влияние китайской цивилизации. Один из способов предотвратить полную ассимиляцию он видел в различном отношении к монголам и китайцам. Его политика была направлена на сохранение монгольской уникальности и монгольского самосознания. Хотя и сам он, и его преемники иногда выдавали монгольских принцесс за иностранных правителей, в целом они стремились не допускать браков с китайцами. Хубилай прилагал все усилия, чтобы не дать китайцам учить монгольский язык. [75] В качестве китайского императора он продолжал отправлять конфуцианские ритуалы, праздники и жертвоприношения и в действительности поручил Аньтуну, одному из своих ближайших монгольских советников, и другим доверенным лицам из

своего окружения, изучить и отобрать китайские каноны и обряды, которые можно было ввести при дворе. [76] Однако он неоднократно пытался снизить расходы на подобные церемонии.

В делах правления он проводил строгое разграничение между собственными методами и тем, что было дозволено китайцам. Были отменены экзамены на гражданский чин и тем самым уничтожен традиционный путь вступления в ряды бюрократии. [77] Китайцы в целом не могли быть назначены на пост местного уполномоченного (монг.: даругачи). Управление финансами находилось в руках иностранцев. [78] Некоторые ученые видели в этих изменениях свидетельство того, что введенная Хубилаем и его преемниками административная система склонялась в сторону большей автократии. Они утверждали, что в эпоху Юань при разрешении тех или иных проблем гораздо чаще прибегали к физическому насилию. С этой точки зрения, император приобрел больше власти, так как не осталось независимых гражданских служб, способных ее ограничить. При дворе воцарился более грубый и жестокий военный дух. [79] По всей империи за чиновниками наблюдали цензоры. Некоторые императоры, включая непосредственных преемников Хубилая, подвергали высших чиновников бичеванию, нанося им унижение, которого они не знали при предыдущих династиях. Однако ученые, выдвигавшие подобные обвинения, не подкрепляли их достаточной документацией, которая доказывала бы, что монгольское правление ознаменовало собой наступление более жестокой и деспотичной эры в китайской истории. Напротив, предварительные исследования и свидетельства, по-видимому, противоречат этим воззрениям. Похоже, центральное правительство при монголах было не сильнее, чем в предшествующую эпоху. Местные власти в некоторых

областях пользовались фактической автономией. [80] Вопрос о деспотизме, присущем династии Юань, кажется, по меньшей мере, неоднозначным. Сходным образом, сложно обосновать и доказать точку зрения, согласно которой монголы несут ответственность за более широкое использование насильственных методов. И ранее китайские императоры жестоко обходились со своими чиновниками. Бичевание и издевательства над чиновниками возникли не в монгольскую эпоху. Подобные обвинения, возможно, объясняются стремлением Хубилая разграничивать монголов и китайцев, тем самым сохраняя монгольские обычаи и одновременно не позволяя китайским чиновникам подчинить центральное правительство своему влиянию.

Хубилай предпринимал также конкретные действия для поддержания монгольских обрядов и обычаев, например, отправляя традиционные монгольские ритуалы. Каждый август, перед отъездом из Шанду в Даду, где он проводил осень и зиму, Хубилай проводил обряд разбрызгивания кобыльего молока, в котором также участвовало четыре шамана и который должен был обеспечить удачу в следующем году. Он заключался в жертвоприношении кобылы и овец, затем участники кланялись Небу, призывали имя Чингис-хана и разбрызгивали кобылье молоко, взятое у специально для этого выращенных лошадей. [82] Таким образом Хубилай воздавал почести своим предкам и спрашивал у них благословения для хорошей зимовки. Еще один обряд, с помощью которого монголы избавлялись от неудачи, проводился в конце года. Участники пускали стрелы в чучела людей, сделанные из соломы и травы и изображавшие врагов монгольского народа, и собак, символ благополучия. Затем шаманы молились о ниспослании процветания и защите от невзгод. Если заболел член императорской семьи, его от-

носили в юрту и каждый день приносили в жертву двух овец, пока больной не выздоровеет. [83] Перед сражением Хубилай совершал возлияние кумысом, призывая Небо оказать ему помощь против врагов. Шаманы также произносили заклинания, чтобы привлечь Небеса на сторону монголов. Хубилай и его преемники продолжали совершать жертвоприношения горам, рекам и деревьям. О том, что Хубилай не собирался отказываться от монгольских традиций, можно судить хотя бы тому, как часто он обращался к шаманам. [84] В то же время он поощрял отправление буддийских и конфуцианских обрядов и по меньшей мере однажды советовался с женщиной-шаманом из Кореи. [85]

Хубилай поддерживал монгольские традиции и другими способами. Монгольские женщины сохранили свои права; они не приняли китайский обычай перевязки ног. Многие монголы продолжали носить традиционные одежды из кожи и меха, хотя сам Хубилай часто облачался в одеяния китайских императоров. [86] В день рождения Хубилая и на Новый год задавались пышные пиры, более напоминающие праздники кочевых народов, когда еда и выпивка потреблялись в неограниченных количествах. По словам Марко Поло, на подобных пирах сходились тысячи гостей. Все блюда, которые перечисляет Марко Поло, были мясными; это также можно считать наследием кочевого образа жизни. [87] Судя по огромным объемам выпивки, монголы и при Хубилае не избавились от алкоголизма, свойственного им на ранних этапах истории.

Охотничья страсть, возможно, являлась самым заметным признаком жизнеспособности монгольских устоев. Хубилай менял охотничьи сезоны с осени до весны. По словам Марко Поло, на охотах Хубилая сопровождали обученные львы и леопарды, с которыми он охотился на кабанов, ди-

ких быков, медведей и диких ослов. Также он брал с собой пятьсот охотничьих птиц. В охотах великого хана участвовало множество сокольников, охотников и солдат. Сам великий хан при этом «ездит всегда в прекрасном деревянном покое, на четырех слонах; внутри покой обит сукном, вытканном золотом, а снаружи обтянут львиной кожей». [88]^a

В личной жизни он также следовал обычаям родных степей. Все четыре его жены были монголками. Впрочем, он не ограничивал себя рамками супружеской жизни. У него был большой гарем, замечательное описание которого оставил Марко Поло:

«Нужно знать, что есть татарский род миграк; народ красивый; выбирают там самых красивых в роде сто девок и приводят их к великому хану; великий хан приказывает дворцовым женщинам смотреть за ними, а девкам спать с теми вместе на одних постелях, для того чтобы разведать, хорошо ли у девок дыхание, девственны ли они и всем ли здоровы». [89]^b

Коротко говоря, он даже наложниц выбирал только из монголов.

Хубилаю удалось наметить такую культурную политику, при которой сохранялось монгольское наследие, принимались некоторые китайские черты и подчеркивалось стремление к универсальности. Как и в случае с религиозной политикой, Хубилай надевал разные личины перед разными зрителями. В глазах монголов он старался выглядеть ревностным поборником монгольских традиций. Он участвовал в охотах, брал в жены и наложницы только монголов и стремился поддерживать монгольские воинские доблести. Перед китайцами он выступал в роли покровителя искусств, оказывая покровительство

^a Марко Поло, с. 116

^b Марко Поло, с. 104

Хубилай на охоте. Картина Лю Гуаньдао.
Национальный музей, Тайбэй

китайским художникам, гончарам и другим ремесленникам и предоставив свободу выражения китайским драматургам и романистам, которой они воспользовались для проведения экспериментов в соответствующих сферах. Хубилай часто сравнивал себя с одним из величайших императором в истории Китая, Тайцзуном из династии Тан, прекрасно осознавая, что такое сравнение повышает его авторитет у китайцев. [90] Для других народов, населявших его владения, он представал в образе космополитичного правителя, создавшего универсальное письмо и охотно принимающего ремесленников-иностранцев. Космополитизм, который он вдохнул в культуру эпохи Юань, несомненно, способствовал созданию образа правителя, властвующего не только над Китаем.

ГЛАВА 7

ОШИБКИ В УПРАВЛЕНИИ И РЕАКЦИЯ КИТАЙЦЕВ

1279 год стал поворотным пунктом в царствовании Хубилая. До этого времени практически все его начинания были успешными. И хотя до сих пор его правление нельзя было назвать победным шествием, тем не менее, Хубилай не испытывал горечи серьезных поражений. До восшествия на престол он сумел так хорошо наладить управление своим уделом, что завоевал доверие подданных-китайцев и обеспечил бесперебойную выплату налогов и исполнение повинностей. Поход на Да-ли в юго-западном Китае увенчался полным успехом. Заручившись поддержкой группы способных и преданных советников, помогших ему организовать административную систему, он уже был готов возглавить более крупное государство. Он председательствовал на диспуте между буддистами и даосами, имевшем важное внутривластическое значение. Таким образом, еще до вступления на трон великого хана Хубилай проявил себя как прекрасный администратор, военачальник и знаток китайской культуры. Все эти качества впоследствии сослужили ему хорошую службу.

Став великим ханом, Хубилай продолжил неуклонно преследовать свои цели. Он подавил всякое сопротивление, в том числе преодолев противодействие со стороны младшего брата. Со своими советниками он создал правительство, устроенное по китайскому образцу, но не связанное китайскими идеалами и формами. Обе столицы —

Шанду и Дадуг — были прекрасно спланированными, функциональными и красивыми городами. Благодаря тщательно выверенной политике император завоевал расположение большинства религиозных вождей в своих владениях. Он утвердил свою власть над Монголией и Кореей, понизил военную угрозу, исходившую от его главного врага в Средней Азии, и завоевал остававшуюся независимой часть Китая. Хубилай оказывал покровительство искусствам и ремеслам, нанимая самых даровитых мастеров, которые производили превосходные изделия для двора, монгольской элиты и внешней торговли. Самой крупной неудачей Хубилая стало вторжение в Японию, но он мог списать ее на стихийное бедствие, ужасную бурю, рассеявшую его войска. Кроме того, он собирался отомстить японцам за досадное и, с его точки зрения, временное отступление. Провал японского похода объяснялся, по его мнению, простым невезением. За исключением этого первые два десятилетия правления Хубилая, по-видимому, протекали вполне благополучно.

Однако в данном случае видимость была обманчивой. В глубине крылись серьезные проблемы, которые могли выйти на поверхность при соответствующем стечении обстоятельств, особенно в случае, если бы Хубилай постигла неудача в каком-либо значительном внешне- или внутривполитическом предприятии. Некоторые ученые-конфуцианцы, положение которых при Хубилае пошатнулось, не были согласны с понижением в статусе. Недовольство императором еще более усилилось после покорения Южной Сун. Конфуцианцы в Северном Китае уже успели приспособиться к новой власти, поскольку Ляо и Цзинь, с X века частично или полностью контролировавшие территорию Северного Китая, были чужеземными династиями, привлекавшими китайских чиновников

к управлению страной. Однако ученые на юге Китая не привыкли к иноземной власти, и многие отказывались вступать в сотрудничество с монголами. Они ушли из политической жизни и заняли выжидательную позицию, рассчитывая, что созданная монголами система падет под тяжестью собственных слабостей.

После 1279 г. стал сдавать и сам Хубилай. Ему было уже под семьдесят, и здоровье его ухудшилось. Он страдал от подагры и с трудом ходил. Он потолстел и стал много пить. Эти проблемы личного свойства сказывались и на политической атмосфере.

Ахмед и финансовые трудности

Самую сложную проблему представляло собой состояние финансов. Политика, проводившаяся Хубилаем в первые два десятилетия его царствования, вовлекла его в большие расходы. Существенных вложений средств требовало строительство столичных городов Шанду и Даду. Покровительство искусствам также обходилось недешево, а еще более дорогостоящие увеселения, пиры и охоты поглощали все большую часть доходов. [1] Устройство почтовых станций, строительство дорог, поддержка сельского хозяйства и общественные работы также были расходной статьёй.

Однако стоимость военных походов превосходила все прочее. Войны с Ариг-Букой и подавление мятежа Ли Таня укрепили позиции Хубилая. Военная помощь корейскому правителю и поход Номухана против Хайду в Среднюю Азию были предприняты для защиты границ. Завоевание Южной Сун, правители которой упорно отклоняли все мирные предложения и отказывались признать верховную власть монгольского хана, обеспечило контроль над важнейшими областями страны. Эти похо-

ды обходились дорого, но политические дивиденды возмещали убытки. Вторжение в Японию не выглядело столь необходимым, а затраты на него было нелегко оправдать. И все же Хубилай, как истинный монгол, должен был отомстить японцам, нанеся удар по его престижу и отказавшимся признать его верховным правителем, пусть и номинально. Общественные работы, строительство и военные походы было невозможно продолжать без дополнительных доходов.

Чтобы собрать нужные суммы, Хубилай прибег к помощи мусульманина Ахмеда, сделав его финансовым советником. [2] В данном случае Хубилай просто продолжил политику своих предшественников Угэдэя и Мункэ, назначавших мусульман на губернаторские посты и доверявших им управление финансами. О жизни и карьере Ахмеда до его возвышения почти ничего неизвестно. Мы знаем лишь, что он родился в Средней Азии в городе неподалеку от современного Ташкента. [3] Династическая история Юань называет его имя в числе «трех подлых министров» (двумя другими были Сангха и Лу Шижун). Как китайские, так и западные источники обвиняют его в угнетении китайцев. [4] Марко Поло полагал, что Ахмед «околдовал» Хубилая своими «заклятьями». По словам Марко Поло, благоволение Хубилая позволило Ахмеду скопить состояние и удовлетворять свои прихоти. Он рассказывает, что

«кроме того, не было красивой женщины, которой, если только она ему понравилась, он не овладел бы; незамужнюю он брал в жены, а то иначе принуждал отдаваться его желаниям. Как прослышит он, что у такого-то красивая дочка, были у него его сводники, шли они к отцу девушки и говорили ему: "Что скажешь? Вот у тебя дочь, отдай ее замуж за байло, т.е. за Ахмаха (называли его байло, по-нашему наместник), а мы устроим, что даст он тебе такое-то

управление или такое-то назначение на три года". Таким-то образом тот человек отдавал ему свою дочь». [5]^a

В защиту Ахмеда следует сказать, что, как ему было ясно, судить о его делах будут по доходам, собранным для двора. Чем больше средств он собирал, тем выше был его престиж, власть и богатство. Согласно китайским летописям, он злоупотреблял своей властью и взвалил на китайцев невыносимое бремя налогов. Конечно, он использовал свое положение, но следует помнить, что его обвинителями (то есть теми, кто составлял китайские летописи) были чиновники, недовольные его политикой.

Главные цели Ахмеда на посту министра финансов заключались в переписи всех налогоплательщиков, введении государственной монополии на некоторые товары и повышении налоговых сборов. С 1262 г., когда он получил должность в Главном Секретариате, до своей смерти в 1282 г. он руководил государственной финансовой администрацией. [6] Одной из первых задач перед ним стояла регистрация и учет всех подлежащих налогообложению хозяйств, не включенных в прежние налоговые списки. В 1261 г. в Северном Китае в налоговых списках значилось 1 418 499 хозяйств; к 1274 г. их число увеличилось до 1 967 898. [7] Была введена регулярная система земельной таксации. Кроме того, доход с налогов, выплачиваемых купцами, вырос с 4500 слитков серебра в 1271 г. до 450000 слитков в 1286 г. (в первом случае не учитываются налоги с торговцев в Южном Китае, которые включены во второй показатель; тем не менее, следует отметить значительный рост доходов как на севере, так и на юге). [8] Ахмед также попытался использовать для увеличения прибылей государственные

^a Марко Поло, с. 108

монополии. Он ввел квоты на монополизированные товары, которые должны были передаваться правительству. Например, на Чжуньсуйчжоу в Хэнани была наложена квота в 1037070 катти (цзинь) железа, из которых 200000 катти должны были идти на изготовление сельскохозяйственных орудий и продаваться земледельцам в обмен на зерно. [9] Доходы с соляной монополии выросли с 30000 тингов в 1271 г. до 180000 тингов в 1286 г. [10] В 1276 г. Ахмед запретил частное производство медных орудий, закрепив это право исключительно за правительством. [11] Еще до этого он ввел государственные монополии на чай, алкоголь, уксус, золото и серебро — самые доходные виды товаров. Для надзора за рабочими и торговцами, задействованными на этих монополиях, и для предотвращения частной перепродажи были учреждены контрольные управления (тицзюй сы). [12] Коротко говоря, действия Ахмеда обогащали государственную казну.

Тем не менее, китайские источники настойчиво обвиняют его в преследовании личной выгоды и в игнорировании, если не поощрении, злоупотреблений. Согласно этим источникам, он обладал такой властью, что мог использовать свое положение в собственных целях. Так как стоимость золота и серебра не была фиксированной, Ахмед имел возможность манипулировать ценами и извлекать прибыль. [13] Его политика, включая постоянный выпуск бумажных денег, вынуждала многих китайцев, а также иностранцев, живущих в Китае, копить золото и серебро, в результате чего они теряли доверие к бумажным деньгам. [14] Подобное недоверие неизбежно вело к инфляции, которой способствовало также увеличение объема денежной массы, выпускаемой правительством. Цены на товары, находившиеся в государственной монополии, на протяжении 1270-х гг. неуклонно

росли, и Ахмед пользовался этой неустойчивостью для собственного обогащения. Ответственность за такую политику, проводимую государственными монополиями, распространявшимися на чай, соль, железо и другие товары, часто возлагалась на Ахмеда. На данной стадии изучения проблемы сложно и, по-видимому, практически невозможно оценить справедливость этих обвинений. Но даже если они преувеличены, безусловная поддержка, которую Хубилай оказывал своему министру финансов, подрывала престиж императора в глазах китайских подданных.

Китайские источники также осуждают Ахмеда за кумовство. Из одиннадцати человек, назначенных им на посты руководителей государственных монополий, четверо точно были мусульманами, а относительно одного сведения расходятся. [15] Главные должности по финансовому ведомству в правительстве занимали мусульмане и другие иностранцы. К управлению финансами привлекались и некоторые китайцы, но обычно они получали низшие посты. Одно из самых тяжелых обвинений в адрес Ахмеда заключалось в том, что он стремился доставить важнейшие должности в правительстве своим неопытным и, возможно, несведущим и неспособным сыновьям. Ему удалось добиться назначения своего сына Масудом на должность даругачи в торговом центре Ханчжоу, тем самым закрепив за своей семьей надежный источник огромных доходов. Однако попытка Ахмеда обеспечить другому сыну Хусейну пост интенданта в Даду натолкнулась на противодействие. Правый министр Аньтун заявил, что Хусейн не обладает выучкой, необходимой для отправления таких обязанностей. [16] По-видимому, этот довод прозвучал для двора неубедительно, и Хусейн продолжил успешную карьеру, к 1279 г. получив важный чин в Цзянси. В 1270 г. Ахмед прило-

жил все усилия, чтобы получить военную должность для еще одного сына. Этому назначению сопротивлялся знаменитый конфуцианец Сюй Хэн, но Ахмеду удалось добиться своего.

Подобное противодействие пробуждало свойственные Ахмеду мстительность и раздражительность. Он с презрением относился к большей части конфуцианцев и буддистов-советников Хубилая, которые резко расходились с ним во взглядах на государственную политику. Ши Тяньцзэ, Лянь Сисянь и другие ближайшие советники императора не раз выступали против налоговой системы, введенной Ахмедом, утверждая, что новые налоги ложатся на китайское население невыносимым бременем. Они обвиняли его в том, что он извлекает из своего положения личную выгоду, а также «питает вероломные замыслы и отличается лживым характером». [18] В ответ Ахмед обвинил некоторых из них в казнокрадстве и недостойном поведении. Китайские источники утверждают, что Ахмед возвел ложные обвинения на одного из своих противников — Цуй Биня, чиновника из Цзяньхоя, донеся на него, будто тот разворовывает государственное зерно, и добившись от императора приказа предать его смертной казни. [19] Можно ли доверять источнику в данном конкретном случае или нет, но многие противники Ахмеда в 1270-х гг. действительно ушли с государственной службы. В отличие от Цуй Биня, большинство не подверглось ни заключению в тюрьму, ни казни; некоторые ушли по собственному желанию. Конфуцианский ученый Сюй Хэн, убедившись в невозможности ограничить власть Ахмеда, перестал активно участвовать в придворной жизни и стал Начальником Государственного Училища (Гоцзы цзянь). Конфуцианец-уйгур Лянь Сисянь подал в отставку после того, как Ахмед обвинил его в казнокрадстве, прелюбодействе

и прочих грехах. [20] К счастью для Ахмеда, многие советники Хубилая в 1270-х гг. умерли своей смертью: Лю Бинчжун в 1274 г., Ши Тяньцзэ в 1275 г., Чжао Би в 1276 г., Яо Шу в 1279 г. и Доу Мо в 1280 г. С уходом из жизни этих оппонентов Ахмед приобрел при дворе еще больше могущества. Впрочем, он был враждебно настроен не только к конфуцианцам. У него были натянутые отношения также с буддийскими и даосскими вождями. Таким образом, смерть Пагба-ламы в 1280 г. избавила его еще от одного влиятельного соперника. Указы Хубилая от 1281 г., ограничивавшие даосов (которые мы будем обсуждать ниже), также способствовали повышению престижа Ахмеда.

Сведения о карьере и личных качествах Ахмеда, которые мы черпаем из персидских источников, отличаются от китайских суждений. Рашид ад-дин пишет, что «Ахмед с честью прослужил визирем около 25 лет». [21] Он удостоивается похвал за расширение китайской торговли с мусульманским миром и, вероятно, за защиту мусульман в Китае. Мусульманские летописи не упоминают обвинений в nepотизме, угнетении китайцев и преследовании личных выгод, которые выдвигаются в китайских источниках. Впрочем, если смотреть под другим углом, китайские обвинения представляются не столь серьезными. Продвижение родственников и единомышленников на правительственные посты выглядит вполне разумным, так как чтобы победить оппозицию и беспрепятственно проводить выбранную линию, Ахмеду требовалась влиятельная поддержка. Создание подобных групп осуждалось китайскими мыслителями, но Ахмед прекрасно понимал, что ему не достичь успеха, если не ввести в состав бюрократии своих сторонников, большинство которых были мусульманами. Возможно, он действительно угнетал китайцев, как утверждают китайские ис-

торики, устанавливая тяжелые налоги и высокие цены на необходимые товары, монополизированные правительством. Однако его положение при дворе, не говоря уже о возможных наградах и повышениях, зависело от его способности удовлетворить ненасытный аппетит монголов, требовавших увеличения прибылей. В его защиту можно было бы сказать, что он был всего лишь орудием монгольского двора, нуждавшегося в росте доходов.

Это вовсе не говорит о том, что он не был заинтересован в достижении собственных целей и получении наград. Несколько раз он предпринимал попытки увеличить свою власть и занять более высокое положение. В 1262 г. он получил⁷ назначение в Секретариат, а спустя два года стал заместителем начальника в этом ведомстве. Ученые конфуцианцы, опасавшиеся чрезмерного возвышения Ахмеда, склонили Хубилая к мысли, что во главе Секретариата должен стоять человек из высших кругов. В конце концов Секретариат был передан в ведение Чжэнь-цзиня, сына Хубилая, и это назначение пресекло возможные устремления Ахмеда использовать Секретариат в качестве опоры для укрепления своей власти. В 1271 г. Ахмед вновь попытался расширить свои полномочия. Ему удалось добиться поста Управляющего Верховным Секретариатом (Шаншу шэн), однако значительное число влиятельных лиц выражало сомнения в необходимости такого органа. [22] Через два года это учреждение было упразднено, и Секретариат вернул себе функции важнейшего административного ведомства в правительстве. Несомненно, Ахмед стремился увеличить свое благосостояние, пользуясь положением. Конечно, тем же способом обогащались и многие китайцы. Стоит ли винить в этом одного лишь Ахмеда?

В любом случае, против финансовой политики Ахмеда сформировалась оппозиция, состоявшая из влиятельных придворных-китайцев. Немаловажную роль сыграло и то обстоятельство, что к оппозиции присоединился Чжэньцин, презиравший Ахмеда и противодействовавший назначению его сыновей и родственников на высокие должности. На ту же сторону стали и прочие представители монгольской правящей элиты, опасавшиеся усиления Ахмеда. [23] Вечером 10 апреля 1282 г., когда Хубилай находился не в Даду, а в своей второй столице Шанду, группа заговорщиков-китайцев выманила Ахмеда из дома и убила его. [24] Вскоре после этого Хубилай вернулся в Даду и казнил участников заговора. Однако за несколько месяцев китайские советники убедили императора в вероломстве и казнокрадстве Ахмеда. Их обвинения отчасти основывались на свидетельствах, обнаруженных после смерти министра финансов. В доме Ахмеда был найден драгоценный камень, подаренный Хубилаю для украшения короны. [25] Могли ли эту драгоценность подбросить Ахмеду враги? Если нет, почему его жена и сын не перевезли камень в более безопасное место? Почему правительственные чиновники обнаружили его с такой легкостью? Почему Ахмед держал его у себя дома? Эти свидетельства против Ахмеда наводят на подозрения. Возможно, он действительно расхищал государственное и императорское имущество, но следует помнить о том, что его обвинителями выступали чиновники-китайцы, противники проводимой им финансовой политики. [26] Как бы то ни было, улики произвели на Хубилая впечатление, и великий хан приказал эксгумировать труп Ахмеда и повесить его на столичном базаре; затем его положили на землю и прогнали по нему повозки, и, наконец, отдали собакам. Несколько сыновей Ахмеда были казнены, его имущество конфискова-

но, а большинство чиновников, назначенных на их посты Ахмедом, уволены.

И все же устранение Ахмеда не разрешило финансовых проблем, которые испытывал двор. После его смерти необходимость повысить уровень доходов проявилась еще более настоятельно. Хубилай снарядил несколько провальных походов в Японию и Юго-Восточную Азию. На эти авантюры, как и на другие крупные проекты, ему требовались громадные средства. Поэтому финансовые проблемы не исчезли, и уже вскоре Хубилаю вновь пришлось прибегнуть к помощи иностранцев в вопросах налогообложения. Одновременно к началу 1280-х гг. стала ощущаться утрата самых доверенных советников-китайцев, которые один за другим уходили из жизни на протяжении 1270-х гг. Умерли почти все китайские ученые, которых он обхаживал со всей возможной любезностью и нанимал на службу. Хотя китайские исторические источники, несомненно, склонны преувеличивать роль и влияние этих приближенных на Хубилая, очевидно, что они пользовались его безусловным доверием как во время царствования, так и до его восшествия на престол. Смерть лишила императора надежных и верных китайских советников. Теперь у советников-иностранцев были развязаны руки, а капризы самого великого хана не наталкивались ни на малейшие ограничения. Возможно, череда смертей вселяла в Хубилая мысли о том, что и он не вечен. В большинстве своем умерших принадлежали к тому же поколению, что и Хубилай, а некоторые были моложе. Несомненно, с этих пор императора стали посещать раздумья о смерти. Источники сходятся в том, что приблизительно в это время в характере Хубилая появилась некая отстраненность. Он начал терять интерес к государственным делам, поскольку у него осталось мало доверенных советников, с которыми

он мог бы обсуждать политические вопросы. Его отстранение стало особенно заметно в конце 1280-х гг. Важные решения принимались чиновниками, часть которых не отличалась кристальной честностью и талантами, а также членами императорской семьи и свиты. [27]

Интеграция Южной Сун

Прежде чем Хубилай начал выпускать власть из рук, он предпринял попытку справиться с одной из самых серьезных проблем и включить территорию Южной Сун в политическую и экономическую систему, которую он установил в Северном Китае. При этом он столкнулся с теми же финансовыми затруднениями. Войны между монголами и Южной Сун нанесли урон как землям, так и имуществу в Южном Китае. Экономические институты Сун отличались от северных, поэтому возникла необходимость подогнать их под общую структуру. Если Хубилай хотел достичь своих политических и экономических целей, он должен был создать единый и централизованный Китай.

Сначала Хубилай направил свои усилия на то, чтобы снискать доверие новых подданных. Он отпустил многих плененных сунских солдат и гражданских лиц. Свободу получили несколько десятков тысяч или, может быть, даже несколько сотен тысяч заключенных. [28] Хубилай был полон решимости внушить южным китайцам мысль, что они являются не населением завоеванной страны, а почти равноправными гражданами или подданными монголов в едином Китае. Карательные меры только оттолкнули бы жителей Южной Сун, отдалив объединение обеих частей Китая. Поэтому указы и решения Хубилая были направлены на восстановление Южного Китая и сохранение многих традиционных черт южной

экономики. [29] Например, он запретил своим соплеменникам охотиться на пахотных землях. [30] Он также приказал обустроить на юге амбары для хранения запасов зерна на случай неурожая при стихийных бедствиях, засухах или других непредвиденных обстоятельствах. [31] Таким образом он вновь давал южным китайцам понять, что не собирается уничтожать их сельскохозяйственную экономику.

Самым важным знаком для них явилось то обстоятельство, что Хубилай не стал вмешиваться в уже существовавшую систему долгов и обязательств. Как отметил один ученый, введенная им новая система «не вносила коренных изменений в социальную структуру, подобных тем, которые были опробованы на севере». [32] Император в общем и целом не конфисковал земли у главных южнокитайских землевладельцев и подтвердил их права и полномочия на местном уровне. Взамен он ожидал и обычно получал поддержку крупных землевладельцев в охране порядке и сборе налогов. Хубилай и его правительство не подрывало власть и права землевладельцев и чиновников в Южном Китае; монголы просто составили верхушку иерархической лестницы. Таким образом, юг претерпел меньше изменений, чем север. Крупные землевладельцы играли на юге гораздо более существенную роль, и Хубилай считал за лучшее не восстанавливать против себя этот могущественный слой. Он конфисковал некоторые земли, но по большей части только у тех китайцев, которые наотрез отказывались сотрудничать с монголами. Кроме того, конфискованные земли часто использовались к общественной выгоде. На части таких земель правительство основывало военные поселения (туньтянь) для защиты южных границ. [33] Наконец, Хубилай отпускал часть дохода с этих владений на выплаты жалования южнокитайским чиновникам. [34]

Экономические требования монголов также не были слишком обременительными. Земельные налоги, которыми облагались китайцы, были относительно мягкими и в тяжелые времена отменялись. Как и на севере, монголы возлагали надежды на шэ, полагая, что они будут способствовать восстановлению сельского хозяйства. Южные шэ, подобно северным, имели в своем распоряжении амбары с зерном для благотворительных целей, которое распределялось среди неимущих. Это может служить еще одним примером неослабевающих усилий, которые монголы прилагали, чтобы завоевать доверие всех слоев южнокитайского общества. [35] Как и на севере, на юге Хубилай также ввел государственные монополии на соль, чай, алкоголь и некоторые другие товары, но цены на эти продукты оставались достаточно необременительными. [36]

Главным свидетельством того, что Хубилай стремился скорее поддержать, чем подорвать южную экономику, является его политика в вопросе бумажных денег. В сунском Китае существовала своя система бумажных денег, которую теперь следовало включить в юаньскую. Завоевание Южной Сун нанесло серьезный удар по сунской бумажной валюте, которая полностью бы обесценилась, если бы монголы не оказывали ей некоторую поддержку. И все же объединение страны требовало введения единой денежной системы. Южные деньги хуэйцзы не могли сосуществовать с чжунтун, ходившими на севере Китая. Некоторые советники Хубилая предлагали ему просто объявить сунские деньги недействительными. Подобный шаг произвел бы хаос в южнокитайской экономике и разорил бы многих купцов и землевладельцев. Однако Хубилай избрал другой путь, который не наносил ущерба экономическим интересам южных китайцев. Он позволил им обменивать хуэйцзы на

северные деньги за несколько лет. [37] Северная валюта в таком случае должна была постепенно вытеснять хуэйцзы. Если бы монголы отказались принимать хуэйцзы или потребовали их немедленного изъятия из обращения, сунская экономика была бы, несомненно, разрушена. Хубилай предотвратил экономический крах, который грозил Южному Китаю.

Еще одним свидетельством того, что Хубилай стремился восстановить благосостояние юга, может служить поддержка, которую он оказывал морской торговле. В общем и целом это было продолжением его политики по расширению внешней торговли. Как мы уже указывали, Хубилай увеличил число Управлений Морской Торговли. Он открыл южнокитайские порты для купцов из многих заморских стран. Торговля стала развиваться быстрыми темпами, и в Китай стали поступать различные товары, способствовавшие процветанию южных провинций. [38] Меры, принимавшиеся Хубилаем и монголами, не следует целиком и полностью относить на счет альтруизма, поскольку правительство собирало с внешней торговли хорошие налоги, а также получало для двора полезные и редкие товары. Поддержка сельского хозяйства и постепенный перевод хуэйцзы в юаньскую денежную систему сулили существенные прибыли в будущем.

Несмотря на усилия Хубилая, враждебность населения Южного Китая к монголам не проходила. В некоторых южных областях вспыхивали восстания. Некоторые южные военные части отказывались складывать оружие. В 1279 г. Чэнь Гуйлун ввел остатки сунских войск, насчитывавшие, по сведениям китайских источников, «несколько десятков тысяч человек» в Цзяннань, подняв мятеж против монголов. Хубилаю и монгольской армии понадобилось два года, чтобы подавить восстание, захватить

Чэня и обезглавить (если доверять китайским летописям) 20000 мятежников. [39] В 1284 в Гуандуне поднялись менее значительные волнения, в которых приняло участие всего 10000 человек и которые монголы подавили без труда. Следующее восстание в Фуцзяне потребовало от монголов большего напряжения сил для восстановления контроля над этой областью. Для борьбы с мятежниками было задействовано 100000 монгольских солдат. Однако установить полный порядок в южных провинциях так и не удалось, и мятежи продолжали вспыхивать во все время царствования Хубилая. Многие южане не могли примириться с монгольской властью. Это непрекращающееся сопротивление вынудило Хубилая в 1289 г. издать указ, запрещающий жителям Цзяннани иметь луки и стрелы. [40] Спустя десять лет после покорения Южной Сун Хубилай все еще считал необходимым уничтожать оружие на этой так называемой «завоеванной территории». Он был также вынужден держать на юге гарнизонные войска, особенно в городах. [41] Несмотря на все это, Хубилай проявлял по отношению к врагам снисхождение. Как сообщают китайские источники, он время от времени отпускал из тюрем многих плененных мятежников.

Ученая конфуцианская элита заняла, как мы уже отмечали, двойственную позицию в вопросе о сотрудничестве с монголами. Перед ней была открыта возможность присоединиться к новым правителям и попытаться подчинить своему влиянию этих «варваров». Или же, храня верность свергнутой династии, ученые могли проявлять свое неприятие нового режима, отказываясь сотрудничать с Хубилаем и его двором. Уходя в оппозицию по культурным или национальным причинам, они располагали рядом вариантов. Некоторые удалялись из общественной жизни, переходя в сферу частных интересов,

включая живопись и драматургию. Некоторые отказывались служить монголам под предлогом того, что «варварам» чужда китайская цивилизация и ученость. [42] Некоторые основывали особые ученые учреждения, чтобы заниматься наукой, одновременно избегая соприкосновения с завоевателями. [43] Некоторые оказывали монголам активное сопротивление. В целом, хотя несколько ученых из Южной Суй заняли важные правительственные должности, Хубилаю не удалось привлечь на свою сторону большинство влиятельных и выдающихся южных ученых. [44] Хотя император предоставил южнокитайским интеллектуалам значительную свободу выбора, требуя лишь исправной уплаты налогов, он не сумел завоевать у них то доверие, которым он пользовался в Северном Китае. [45]

Великий Канал

Когда положение на юге частично зашло в тупик, Хубилай обратился к нуждам основных областей. Его главная забота заключалась в обеспечении севера продовольствием. Этот вопрос постоянно вставал еще со времен династии Суй (589–617 гг.). Северный Китай был вынужден подвозить зерно из более плодородных районов Южного Китая. Построив столицу в Даду и организовав систему управления этим регионом, Хубилай должен был наладить бесперебойные поставки зерна в новый город. Наилушим способом представлялись лодочные перевозки с юга на север, но были возможны два варианта. Можно было везти зерно либо вдоль восточного морского побережья, либо по Великому Каналу, древнему пути на север. У каждого варианта были свои сторонники, и их предложения позволяют нам понять, какое давление оказывалось на Хубилая и как он реагировал на него в последние годы своего правления.

Учитывая возросшую военно-морскую мощь и покровительство внешней торговле, сам Хубилай, несомненно, предпочел бы морской путь. Чжу Цин и Чжан Сюань, китайские пираты, сотрудничавшие с Баяном во времена походов на Южную Сун, выступали за доставку риса на север по морю. [46] Зимой 1282 г. им было поручено перевезти вдоль берега значительное количество риса. [47] Они вышли из Янчжоу на 140 кораблях, загруженных рисом, и, обогнув полуостров Шаньдун, прибыли в пункт назначения, северный порт Чжигу, весной 1283 г. [48] Они сохранили в целости и сохранности более 90 процентов риса и потеряли в бурных прибрежных водах только шесть судов. Такой выдающийся успех, естественно, повышал шансы на то, что Хубилай вынесет решение в пользу морского пути. К 1284 г. Хубилай потребовал либо упразднить правительственное Главное Управление Перевозки Зерна (Цаюнь сы), которое он учредил для исследования маршрутов поставок внутри страны, либо по крайней мере перевести на другие посты некоторых чиновников этого ведомства. При дворе разгорелись ожесточенные диспуты и плелись сложнейшие подковерные интриги, но наконец Хубилай издал указ, которым отводил перевозкам внутри страны второе место. Сам Хубилай присутствовал на нескольких диспутах и задавал вопросы, но, по-видимому, не принимал активного участия в обсуждении.

Таким образом, предпочтение было отдано морскому пути. В 1285 г. пираты Чжу и Чжан получили выгодный контракт на перевозку зерна с юга на север. Они воспользовались этим к собственной выгоде, став «двумя богатейшими и влиятельнейшими людьми в юго-восточном Китае». [50] Вероятно, двор продолжал бы закрывать глаза на махинации, если бы на север, а в особенности в область Даду, доставлялось достаточное количество

зерна. [51] Однако невезение, принявшее форму урагана, потопившего часть флота и вызвавшего наводнение в Северном Китае, которое привело к неурожаю, подорвало авторитет Чжу и Чжана и вселило в императорский двор временное недовольство морским путем.

Первый министр Хубилая Сангха, позднее занесенный летописцами в число «трех подлых министров», был главным сторонником перехода к речным маршрутам поставок. Он предложил удлинить Великий Канал почти до самого Даду. Этот проект подразумевал строительство канала длиной в 135 км от Циннина до Линьцина в провинции Шаньдун; из Линьцина товары можно было перевозить по реке Вэйхэ до Чжигу, находившийся неподалеку от Даду. По этому проекту зерно можно было доставлять от Янцзы прямо в столицу Хубилая. Поддержка со стороны Сангхи означала, что проект будет начат и завершен в самые сжатые сроки. К февралю 1289 г. был прорыт и открыт для судоходства новый канал, в продолжение старого, получивший название Хуэйтун. [52] Однако издержки были огромными; на строительстве было задействовано три миллиона рабочих, и правительство потратило невообразимые суммы денег. Но и когда строительство было окончено, поддержание канала в рабочем состоянии обходилось крайне дорого. В сущности, он был недостроен и не мог пропускать большие суда. Еще один удар по проекту нанесло падение и казнь Сангхи (о которой мы поговорим ниже), главного его покровителя, в августе 1291 г. Без сильной поддержки при дворе на обслуживание канала просто не выделялось необходимых средств. Как мы увидим, к этому времени здоровье Хубилая уже ухудшилось, и он едва ли был способен принимать участие в обсуждениях государственных дел. Только решительный и могущественный министр мог обеспечить выполнение этих проектов.

В любом случае, громадные затраты, несомненно, усугубляли проблемы с налогами, которые начал испытывать монгольский двор в 1280-х гг.

Таким образом, оба пути доставки зерна оказались крайне затратными. С одной стороны, если перевозить зерно по морю, нужно было выдавать большие суммы Чжу Цину и Чжан Сюаню для закупки зерна на юге и на содержание флота. Расширение Великого Канала, с другой стороны, требовало больших вложений средств на строительство и обслуживание. Такие затраты, естественно, не облегчали финансового положения монгольского двора и вводили Хубилая в еще большую зависимость от советников по финансам.

Финансовая политика Лу Шижун

Одним из таких советников был Лу Шижун, пользующийся дурной славой в китайских летописях. Один из «трех подлых министров», Лу в династической истории Юань ассоциируется с презираемым министром Ахмедом. Считается, что именно ненавистный мусульманин предоставил Лу пост в чайной администрации в Цзянси. [53] Лу уцелел после смерти и опалы Ахмеда. В действительности, вместо наказания за связь с Ахмедом он получил повышение. Должность, которую ранее занимал в Секретариате Ахмед, была разделена между двумя чиновниками, чтобы предотвратить злоупотребления, в которых обвинялся прежний министр финансов. Правым министром в Секретариате был назначен монгол Аньтун, а Лу стал левым министром, получив в свое ведение значительную часть функций по финансовому управлению. [54] На этой должности его главная задача заключалась в повышении доходов для удовлетворения растущих требований двора. Один из способов состоял

в увеличении доходов с монополий. Лу предложил повысить стоимость лицензий для торговцев солью. [55] Сходным образом он советовал запретить крупным хозяйствам изготавливать свое вино, обходя государственную монополию на алкоголь. [56] Он настоял на повторном введении монополии на алкоголь, убедив двор в том, что это принесет существенную прибыль. Еще один источник повышения доходов он видел во внешней торговле. Лу требовал, чтобы Управления Морской Торговли обеспечивали больший приток средств. [57] Наряду с монополией на товары, Лу ввел государственный контроль за медными деньгами и серебром, например, изъяв из обращения медные монеты Южной Сун. Он также выступал за расширение выпуска бумажных денег, и китайские источники обвиняют его в стимулировании инфляции, которой озаменовались последние годы царствования Хубилая. [58]

Лу был неистощим на способы изыскания доходов. Так, он привлекал безработных монголов к животноводству. Двадцать процентов продуктов они могли оставлять себе, а восемьдесят процентов шли на одежду и пищу армии. Лу также начал набирать в правительственные налоговые управления на службу торговцев, но многие из них обвинялись в угнетении местного населения и злоупотреблении своими должностями. [59]

Экономическая программа Лу вызывала такую же враждебность, как и деятельность Ахмеда, его предшественника в роли министра финансов, и давала повод к тем же обвинениям, которые прежде выдвигались против мусульманина. Китайские источники осуждают Лу за организацию в правительстве клики, поддерживавшей его политику. Как и Ахмеда, его обвиняли в преследовании несогласных, травле, приводившей к смерти или даже казни соперников и врагов. Справедливость многих

обвинений вызывает сомнения, потому что источники отражают исключительно точку зрения противников Лу. В защиту министра можно сказать, что, подобно Ахмеду, он просто стремился наполнить казну средствами, в которых отчаянно нуждался монгольский двор. Подобно Ахмеду, он подвергся ожесточенным нападкам за свою финансовую политику со стороны китайских источников, а его усилия в этом направлении навлекли на него вражду многих китайцев. Его судьба была решена, когда против него выступил Чжэнь-цзинь, сын Хубилая. Чжэнь-цзинь, один из главных противников Ахмеда, не одобрял действия Лу по тем же соображениям — министр, по его мнению, угнетал китайское население. [60] Заручившись поддержкой Чжэнь-цзиня, оппозиция окрепла, и в конце концов Хубилай был вынужден отправить Лу в отставку, а в мае 1285 г. отдал приказ об его аресте. Его обвинили в казнокрадстве, вымогательстве и убийстве некоторых противников. Теперь уже ничто не могло его спасти, и в конце 1285 г. Хубилай приказал предать его смертной казни. [61] Его отстранение от должности и смерть, может быть, и избавили китайцев от угнетателя, но, к сожалению, сами они не сделали ничего для улучшения финансового положения.

Сангха и буддийский вопрос

Сангха (по-китайски Сангэ), последний из «трех подлых министров», также пользовался большой властью при Хубилае. [62] Как и Ахмед, он не был китайцем, что не могло доставить ему популярности у китайского населения. Лу Шижун, по крайней мере, имел возможность ссылаться на свои связи с китайским народом, но Сангха не мог на это рассчитывать. Таким образом, он оказался в еще более уязвимом положении, чем Лу, которо-

го он поддерживал. Его происхождение неизвестно. Историки издавна выдвигали предположения, что он был уйгуром, хотя династическая история Юань не оставляет на этот счет однозначных указаний. [63] В этой летописи упоминается, что он служил переводчиком с разных языков, включая тибетский. Возможно, как предполагает Лучано Петеч, на самом деле он был тибетцем, а семья его вполне могла ассимилировать какие-то уйгурские черты.

Наши сведения о его карьере также говорят в пользу тибетского происхождения. Он был учеником Дампа Гунгадага (1230–1303), ученого тибетца, получившего звание Государственного Наставника. [64] Закончив обучение, он вошел в свиту Пагба-ламы, у которого был переводчиком. Влиятельный и уважаемый лама вскоре обратил внимание на одаренного помощника и стал часто посылать его с деликатными поручениями к Хубилаю. Выполнение этих поручений позволяло Сангхе вновь и вновь получать награды и повышения. Очевидно, Хубилай высоко оценил способности Сангхи и решил перевести его на службу в правительство. Так как Пагба-лама хотел вернуться в Тибет, у Хубилая появилась возможность назначить нового чиновника, который должен был жить в Даду и осуществлять надзор за всеми областями, ранее находившимися в единоличной юрисдикции ламы. Незадолго до 1275 г. великий хан поставил Сангху во главе Цзунчжи юань, управления, в ведении которого находились дела Тибета и буддистов. [65] До 1280-х гг. Сангха, по-видимому, почти не принимал участия в государственном управлении. Ахмед заведовал финансами Китая до своей смерти в 1282 г., и Сангха довольствовался выделенной ему в управление узкой областью. В 1280 г., например, он покинул Даду и возглавил поход против мятежников в Тибете. Поход увенчался успехом,

и Сангха принялся укреплять в Тибете монгольскую власть. Он расставил в стратегических пунктах, в главном городе и на границах, гарнизоны и создал эффективную почтовую систему, чтобы теснее связать Тибет с Китаем. [66] Несомненно, на Хубилая эти достижения Сагнхи произвели большое впечатление. Когда тот вернулся в Китай, Хубилай стал доверять ему все более важные задачи.

После смерти Ахмеда в 1282 г. образовался политический вакуум, и Хубилай выдвинул Сангху. С 1282 по 1291 гг. Сангха играл первую роль в правительстве. Вследствие этого он навлек на себя критику со стороны многих чиновников и советников, которые были недовольны его возвышением. Даже персидские источники изображают его в мрачном свете. Например, персидский историк Рашид ад-дин обвиняет его в казнокрадстве и взяточничестве. [67] В корейских летописях утверждается, что Сангха требовал поставлять ему корейских рабынь или наложниц. [68] Китайские источники исчерпывающе дополняют список обвинений. Его упрекают в коррупции, расхищении казны Хубилая и государственных средств и постоянном стремлении удовлетворить свои «отвратительные» плотские прихоти. Как и в случае с Ахмедом, определить достоверность многих обвинений крайне сложно. Большая их часть была выдвинута уже после падения и казни Сангхи, а некоторые могли быть сфабрикованы позднее его врагами. История его падения, связывающая это событие с обнаружением похищенных жемчужин, выглядит весьма подозрительно. Точно такая же находка определила судьбу Ахмеда. В обоих случаях в жилищах опальных чиновников был проведен обыск. У Сангхи нашли жемчужины, у Ахмеда — драгоценный камень. И то, и другое кажется крайне неправдоподобным. Как бы там ни было, с какой ста-

ти ловкий и умный человек вроде Сангхи и Ахмеда будет хранить улики у себя дома?

Против Сангхи выступило несколько уважаемых людей. О его злостных умыслах предупреждал Хубилай знаменитый художник и чинчвник Чжао Мэнфы. [69] Его злейшим врагом был правый министр Аньтун, с той же яростью стремившийся к низвержению союзника и ставленника Сангхи, Лу Шижуну. Аньтун, происходивший из одного из древнейших и знатнейших монгольских родов, был возмущен возвышением Сангхи; используя свой пост правого министра, он постоянно стремился подорвать авторитет противника. Разногласия между двумя чиновниками только усилились, когда Сангха стал предлагать новые проекты и настаивать на их осуществлении. Впрочем, он не мог рассчитывать на безоговорочное главенство, пока он носил всего лишь звание начальника Цзунчжи юань (Управление общего регулирования), которое в 1288 г. было переименовано в Сюаньчжэн юань (Управление делами буддистов и Тибета). Теперь же Хубилай возродил должность, на которую ранее претендовал Ахмед, вызвав своими притязаниями такое противодействие, что ему пришлось отказаться от этой мысли. В марте 1287 г. Хубилай назначил Сангху заместителем начальника Верховного Секретариата, а к декабрю повысил его в должности, назначив правым министром в том же ведомстве. [70] На этом посту Сангха больше не обязан был терпеть унижения от Аньтуна. Теперь у него было надежное положение, которое позволяло ему поставить под свой контроль все министерства в правительстве.

Какие же действия Сангхи вызвали столь враждебную реакцию? Одним из поводов стала активная поддержка, которую он оказывал людям из так называемых Западных областей Китая. Он поклялся защищать и отстаи-

вать интересы не-китайцев при императорском дворе и на всей территории страны. Например, при его непосредственном участии было учреждено училище, в котором преподавались языки мусульманских народов, а в 1289 г. Хубилай особым указом основал Национальное Училище Мусульманского Письма. [71] Сангха неоднократно оказывал покровительство ученым-уйгурам и защищал их от враждебно настроенных китайцев. В частности, он предоставил при дворе убежище нескольким уйгурским живописцам. [72] Как мы увидим далее, именно он убедил Хубилая прекратить анти-мусульманскую кампанию, поспешно организованную в начале 1280-х гг. [73] Он выступал в роли защитника иностранцев в Китае, и эта роль, естественно, не могла снискать одобрения у китайцев.

Однако самую резкую реакцию вызывала его финансовая политика. Подобно своим предшественникам, Ахмеду и Лу Шижуну, он находился в крайне затруднительном положении, испытывая постоянное давление со стороны двора, требовавшего изыскания дополнительных средств. Затраты продолжали расти, особенно вследствие военных походов в Юго-Восточную Азию и против мятежного монгольского князя Наяна в Маньчжурии. Один из способов повышения доходов государственной казны состоял в развитии торговли и обложении налогом прибыли, получаемой купцами. [74] Призвав повысить налоги, Сангха навлек на себя всеобщее негодование. Он хотел увеличить налоги, среди прочего, на соль, чай и алкоголь, и резкий рост цен на эти продукты, несомненно, еще больше усилил недовольство политикой министра и привел к обвинениям в эксплуататорстве и казнокрадстве. Сангху упрекали в том, что он якобы стремился к личной выгоде, а не к повышению доходов казны. [75] Однако самым серьезным шагом ста-

ла реформа денежной системы. Система бумажных денег, введенная в начале правления Хубилая, к 1280-м гг. начала давать сбои. Денежная масса с 1260 до середины 1270-х гг. оставалась относительно стабильной, но затем, в ходе войн с Южной.Сун и вследствие вторжения в Японию, расходы двора значительно возросли, вынудив пропорционально расширить выпуск бумажных денег. Грандиозная инфляция угрожала разрушить экономику. [76] В апреле 1287 г., пытаясь предотвратить финансовый кризис, Сангха убедил Хубилая заменить существующие бумажные деньги совершенно новой валютой, получившей название Чжиюань чао по девизу правления Хубилая, Чжиюань. Старые деньги были обменяны на банкноты Чжиюань по курсу пять к одному, и это на время сдержало инфляцию. [77] На первых порах масса бумажных банкнот значительно сократилась, с 4 770 000 тингов до 1 345 000 тингов. И все же китайцы, вынужденные менять старые обесценившиеся деньги по неудовлетворительному курсу, были возмущены этим, полагая, что это снижает стоимость их капитала.

Как и Ахмеда и Лу Шижун, Сангху обвиняли в продвижении своих ставленников и преследовании противников. Он предоставлял должности в правительстве многим единомышленникам и сторонникам, но это вполне естественно для чиновника, столкнувшегося с мощной оппозицией. Он предал казни цензора Ван Лянби, который, по утверждению Сангхи, составил против него заговор. Он преследовал чиновника Майшудина, доведя его угрозами до самоубийства. Затем он стремился заменить этих и других людей, которых он запугивал, отправляя в отставку и казнил, своими союзниками. Почти все выдвигаемые им кандидаты были иностранцами. Он хотел поставить на высокий пост в провинции Цзянчжэ перса Шабудина для надзора за прибрежной торговлей.

[78] Позднее китайские источники стали утверждать, что Сангха требовал взятки за высокие назначения. У нас нет возможности проверить справедливость этих обвинений, которые бросали тень на его имя и отвращали враждебность китайцев от монголов и хана, направляя ее на министров-иноземцев. [79]

Репутация Сангхи в глазах китайцев особенно сильно пострадала, когда он дал позволение разграбить усыпальницы императоров из династии Южной Сун. Хубилай предоставил императорской семье защиту и покровительство, гарантировав, что его подчиненные не причинят никакого вреда бывшим врагам. Таким путем он хотел заручиться доверием южных китайцев. Гонения и суровое обращение с прежними правителями не помогли бы наладить дружественные отношения с Южным Китаем. Действия буддийского монаха Ян Ляньчжэньцзя, которого поддерживал Сангха, не способствовали улучшению отношений между ханом и его подданными-китайцами.

Ян, родившийся в Западных областях и, вероятно, тибетец по происхождению, был назначен Смотрителем Буддийского Учения в Цзяннани (Цзяннань цзуншэ чжан шицзяо), а по сути на всей территории Южного Китая, практически сразу после падения династии Сун. В этой должности он был подчиненным Сангхи, который возглавил Управление делами буддистов и Тибета. Ян не мог бы совершить того, что он сделал, без поддержки или по крайней мере молчаливого одобрения со стороны Сангхи. Ян стремился увеличить власть и благосостояние буддийской общины. С дозволения Сангхи он обогащал буддистов всеми доступными ему средствами. Так как в его управлении находились недавно завоеванные области, он мог делать практически все, что ему заблагорассудится.

Сначала Ян занялся строительством и обновлением буддийских монастырей и храмов в Южном Китае. Буддийским храмам, ранее превращенным даосами в даосские монастыри, были возвращены прежние функции, а Ян нашел средства для их реставрации. При его финансовой поддержке были также реконструированы храмы Тяньи и Лунхуа в древней столице Южной Сун. [80] Сунские императоры приносили в храме Лунхуа жертвы Небу и Земле, и конфуцианцы, естественно, были возмущены передачей его буддистам. В целом с 1285 по 1287 г. Ян восстановил более 30 храмов. Так как многие из них ранее использовались представителями иных вероисповеданий, их превращение в буддийские святилища породило серьезное недовольство.

Еще большее негодование у китайцев вызвали методы, которые Ян использовал для сбора средств на строительство и реставрацию этих сооружений. В 1285 г. он приказал своим людям разграбить гробницы членов императорской семьи Сун, чтобы изъять ценности, погребенные вместе с императорами и императрицами. [81] Его подчиненные ограбили 101 храм и в конечном итоге изъяли 1700 унций золота, 6800 унций серебра, 111 нефритовых сосудов, 9 нефритовых поясов, 152 щитка (shells) разного рода и 50 унций крупного жемчуга. [82] Ян пустил эти драгоценности на возведение и восстановление буддийских храмов. Некоторые гробницы были разрушены, а на их месте были построены буддийские святилища, такие как Тайнин. Правительство предоставило даже строительные материалы, включая дерево. Затем Ян перешел к сунским дворцам, которые передал буддистам. Некоторые сунские здания были превращены в буддийские храмы и ступы. Он оправдывал осквернение сунских гробниц, указывая на то, что эту практику ввели сунские правители. Например, сунский двор

разрушил первый храм Тайнин в городе Шаосин и построил на его развалинах мавзолей императора Нинцзуна. По мнению самого Яна, он просто вернул этому месту его прежнее назначение. Истинными разрушителями были сунские правители, а вовсе не Ян.

Для возведения и содержания храмов Ян разработал новые экономические подходы. На строительстве он задействовал подневольных рабочих. Чтобы собрать средства на содержание сооружений, Ян отнимал землю и рабочих у землевладельцев и передавал их храмам. Земля изымалась из налоговых списков, а арендаторы, обрабатывавшие землю буддийских хозяйств, также освобождались от налогов. [83] Южнокитайские землевладельцы были возмущены незаконной, по их мнению, экспроприацией земель и уязвлены налоговыми льготами, предоставленными храмам. В адрес Яна раздавались обвинения в том, что он сам наживается на этих действиях. В одном источнике, написанном после падения Яна, утверждается, что его доход со взяток составил 116200 тинов бумажных денег и 23000 мо земли. [84] Здесь же сообщается, что Ян изъям имена многих налогоплательщиков из налоговых списков и за взятки вносил их в число арендаторов буддийских земель. Однако так как эти обвинения выдвигались врагами и недоброжелателями Яна, степень их достоверности остается под вопросом.

Точно так же с большой осторожностью следует оценивать и другие порочащие его сведения личного характера. Утверждается, будто он требовал от южных китайцев, чтобы они поставляли ему красавиц, если прибегали к его помощи в том или ином деле. В качестве подтверждения указывают, что у него было несколько жен и наложниц. Однако это обвинение опять-таки сложно верифицировать, поскольку оно исходит из официальных летописей. [85] Другой проступок кажется более отяг-

чающим, хотя также вызывает определенные подозрения. Речь идет об осквернении тел членов императорской династии Сун. Ян якобы приказал выкопать тело одного из последних императоров, которое еще не вполне истлело, и повесить его на дереве, где оно провисело три дня. Затем его обезглавили и сожгли. Завершилось надругательство сожжением костей среди костей лошадей и коров. Китайцы строго осуждали подобное неуважение. [86] Эти события предоставили южным китайцам, презиравшим иностранцев, к которым относились и буддийские ламы, прекрасный повод высказать свое отношение. Точно так же и сам Ян оказался превосходной мишенью. Сложно определить, насколько можно доверять этим обвинениям. Очевидно, Ян действительно одобрял передачу сунских дворцов и гробниц буддистам и, несомненно, именно он санкционировал разграбление некоторых могил, но мы не располагаем четкими доказательствами того, что он самолично принимал участие в надругательстве над телом сунского императора или что это произошло с его ведома. Зачем без нужды вызывать возмущение китайцев столь оскорбительными действиями? Подобное беспричинное оскорбление кажется бессмысленным и невероятным. По-видимому, все-таки оно было приписано Яну уже после его падения и должно было служить оправданием развернутой против него кампании.

Положительные черты деятельности Яна и его достижения можно вывести лишь логическим путем. Он был ревностным приверженцем буддизма и стремился защищать интересы своих единоверцев в Южном Китае, население которого, как он полагал, было враждебно настроено по отношению к этой религии. Вряд ли могут быть какие-либо сомнения в искренности его религиозных взглядов. Даже его хулители признавали, что

«возможно, Ян считал себя миссионером и преданным сторонником своей веры и воспринимал возведение храмов и ступ как свидетельство религиозного рвения. Однако, вследствие того, что он не был знаком с китайским образом мышления и китайскими представлениями о религиозности, он непреднамеренно, но с неизбежностью вступил в противостояние с населением Цзяннани». [87] В самом деле при Яне буддизм достиг на юге значительных успехов. Например, при непосредственной поддержке Яна были сделаны наскальные изображения в Фэйлай Фэне, одном из самых замечательных памятников буддизма в Китае. Отчасти ему принадлежит заслуга в том, что к 1291 г. в стране насчитывалось 213148 буддийских монахов и монахинь и 42318 храмов и монастырей. [88]

И все же злоупотребления, которые он, несомненно, совершал, хоть, наверное, и не в таком количестве, как пытаются убедить нас китайские летописи, раздражали южных китайцев и отражались на его покровителе Сангхе. Оба чиновника, с точки зрения китайцев, были эксплуататорами и угнетателями. Китайские источники осыпают их упреками в финансовых преступлениях и личных недостатках, и обвинения, выдвигавшиеся против Сангхи как китайскими, так и монгольскими чиновниками, требовали какой-то реакции. 16 марта 1291 г. Хубилай лишил Сангху, самого высокопоставленного своего чиновника, всех полномочий, снял с должности и посадил под арест. Великий хан откладывал решение по делу своего министра, когда-то пользовавшегося его доверием, пока передав участь Сангхи на обсуждение придворных. Они быстро вынесли ему смертный приговор. 17 августа Сангха был казнен. [89] Некоторые ученые предполагали, что Хубилай пытался отсрочить или даже предотвратить казнь своего при-

ближенного. Поздний тибетский источник утверждает, что его опечалила смерть Сангхи: «Император сказал: “Теперь, когда ушел мой Сангэ, это причиняет мне великую печаль”». [90]

Хотя китайские источники преувеличивают злодеяния «трех подлых министров» — Ахмеда, Лу Шижуну и Сангхи — репутация Хубилая вследствие выбора этих чиновников значительно пострадала в глазах китайских подданных. В первые годы правления он привлек на службу много китайских советников, и многие высшие чиновники при дворе, имевшие постоянный доступ к императору, были конфуцианцами. Однако к 1280-м гг. главные советники ушли из жизни, а все большие финансовые трудности вынуждали Хубилая обратиться по преимуществу к министрам иноземного происхождения. Даже китайские чиновники, такие как Лу Шижун, наталкивались на враждебный прием. Сложные задачи, стоявшие перед ними, не могли доставить им популярности, так как им в обязанность был вменен сбор дополнительных доходов для государственной казны. Что бы они ни делали, они неизбежно вызывали недовольство китайцев, поскольку были вынуждены повышать налоги. Казалось, что династия теряет бразды правления. Власть в свои руки брали министры, и каждый из них становился фактическим правителем государства. И все же со временем каждый министр сталкивался с серьезной оппозицией, ему предъявляли обвинения, а затем либо казнили, либо убивали. [91] Управлял ли Хубилай страной? Был ли он осведомлен о ходе государственных дел и действиях своих подчиненных? По-видимому, он все больше терял связь с реальным положением дел, проводя политику, которая иногда полностью расходилась с прежним курсом.

Религиозные вопросы

Веротерпимость, являвшаяся краеугольным камнем политики Хубилая и важнейшим фактором, способствовавшим монгольским успехам, очевидно, уходила в прошлое. Напряженность в религиозных вопросах усилилась. Например, может показаться странным, что в конце 1270-х гг. Хубилай начал выпускать постановления, направленные против мусульман. У этого нового курса были некоторые основания. Тюрки-мусульмане, поддерживавшие Хайду, противника Хубилая, постоянно угрожали северо-восточным приграничным областям Китая. Западные мусульманские страны срывали планы монгольских союзников великого хана и неоднократно бросали вызов монгольским правителям в Персии. Мусульмане также вызывали враждебность и в самом Китае. Китайские советники часто обвиняли главных мусульманских чиновников в высокомерии и жестокости. В это же время стали появляться рассказы и анекдоты, высмеивающие жадность, вульгарность и «странности» мусульман. [92] Вероятно, и самого Хубилая беспокоило растущее влияние мусульманских чиновников в правительстве. Его собственный внук, Ананда, был воспитан в мусульманской семье, а когда достиг зрелого возраста, обратился в ислам 150000 солдат, состоявших в его подчинении, если верить Рашид ад-дину. [93]

Анти-мусульманские настроения подогревал чиновник-христианин, известный в китайских источниках под именем Айсюэ. Занимая посты в управлениях астрономии и медицины, он обладал определенным весом в юаньском правительстве. [94] Рашид ад-дин утверждает, что он подстрекал рабов и рабочих из мусульманских хозяйств выдвигать против господ ложные обвинения. По словам Рашид ад-дина, Айсюэ и сам оклеветал Мавляну Бурхан

ад-дина Бухари, одного из вождей мусульман в Китае, и добился его изгнания. [95]

Рашид ад-дин также сообщает, что в 1279 г. Хубилай, под давлением Айсюэ и китайских советников, начал ужесточать политику по отношению к мусульманам. В конце этого года ко двору приехали купцы из Средней Азии и привезли в подарок хану кречета и орла. Хубилай пригласил их на пир, но, поскольку животные, из которых были приготовлены блюда, были убиты не по-мусульманскому обычаю, они отказались есть мясо. Раздраженный отказом, в январе 1280 г. Хубилай издал постановление, которым налагал запрет на мусульманский способ убийства баранов и предписывал смертную казнь за нарушение этого запрета. [96] Хубилай требовал строгого соблюдения законов Ясы при убийстве животных. По наущению Айсюэ и его сторонников, великий хан также запретил обрезание. Наконец, Рашид ад-дин завершает список обвинений, отмечая, что Айсюэ и прочие христиане «доложили [хану], что в Коране есть такой стих: "Убивайте всех многобожников без исключения"». Встревоженный этой цитатой из мусульманской Священной Книги, Хубилай спросил своих советников-мусульман, считают ли они его многобожником. В конце концов один мусульманский мудрец из Самарканда успокоил Хубилая, сказав ему: «Так как ты пишешь в начале ярлыка имя бога, то ты не многобожник, многобожник — это тот, кто не признает единого бога и приписывает ему товарищей, а великого бога отвергает». [97]^a По-видимому, Хубилай был доволен этим ответом, но, по словам Рашид ад-дина, это не смягчило политики ограничений, направленной против мусульман.

^a Рашид ад-дин, с. 191

Сложно сказать, действительно ли события, описанные Рашид ад-дином, имели место, однако китайские источники подтверждают, что двор выпустил ряд анти-мусульманских указов. 27 января 1280 г. вышло постановление, грозящее смертной казнью всякому, кто зарежет животное по мусульманскому обычаю. [98] Ранее мусульмане были обложены налогами; также им было предписано выполнять трудовые повинности. [99] Очевидно, Хубилай был озабочен растущим влиянием мусульман в правительстве и возможностью восстания из-за их злоупотреблений. Таким образом, суровые указы Хубилая были обусловлены скорее политическими соображениями, чем ненавистью к исламу.

Анти-мусульманский курс поддерживался вплоть до 1287 г. В том году Сангха убедил Хубилая отказаться от этой политики. Он приводил следующие доводы: «Все купцы мусульмане отсюда уехали, из мусульманских стран купцы не приезжают, таможенные доходы недостаточны, редких и ценных товаров не привозят, а все потому, что вот уже семь лет, как не режут баранов, если последует разрешение резать, то купцы будут приезжать, и тамга будет получаться полностью». [100]^a Рашид ад-дин утверждает, что несколько влиятельных мусульман подкупили Сангху, чтобы тот выступил в их защиту. Как бы то ни было, Хубилай смиловился и отменил свои распоряжения. Впрочем, на примере одного рассказа из китайских источников можно видеть, что Хубилай сохранил настороженное отношение к мусульманам. В 1293 г. один мусульманский купец хотел продать Хубилаю жемчуг, но великий хан отклонил его предложение, сказав, что эти деньги лучше потратить, «чтобы помочь народу». [101]

^a Рашид ад-дин, с. 191

И все же в действиях Хубилая заметна непоследовательность, поскольку он продолжал привлекать мусульман на государственную службу. Мусульмане, обладавшие административными или финансовыми способностями и не отличавшиеся религиозным фанатизмом, не подвергались никаким гонениям. Например, для управления недавно завоеванной областью Юньнань Хубилай выбрал мусульманина из Средней Азии Саида Аджалы Шамс ад-дина. Этот регион, ныне являющийся провинцией в Юго-западном Китае, был единственной областью в стране, администрацию которой возглавлял мусульманин. Мотивы, которыми руководствовался Хубилай при этом назначении, туманны. Возможно, он рассматривал Юньнань как важный перевалочный пункт в торговле с Бирмой и Индией, а так как мусульмане были самыми заметными представителями купеческого сословия в монгольских владениях, ему представлялось логичным поставить в Юньнань мусульманского губернатора. Или, может быть, он считал Юньнань самым подходящим местом для переселения части мусульман, пригнанных монголами на восток из Средней Азии и Персии. Юньнань все еще была плохо заселена, а обитали здесь по большей части неграмотные народы не-китайского происхождения. Возможно, Хубилай решил, что целесообразнее будет привлечь для колонизации этой области мусульман, чем китайцев, которые более враждебно относились к монгольской власти. Или, может быть, двор доставил это назначение Саиду Аджалю, сочтя его верным и благонадежным подчиненным.

После назначения губернатором Юньнани в 1274 г., Саид занялся осуществлением первоочередной задачи — укреплением военного и экономического контроля династии Юань над этой областью. Прежде чем вступить в должность, он изучил топографию, экономику

и обычаи Юньнани. Приехав на место службы, он первым делом устремил свои усилия на завоевание доверия местного не-китайского населения. Хотя он и расставил по территории края гарнизоны и караулы, но дал солдатам приказ не раздражать «варваров». Когда несколько офицеров напали на местных жителей, Саид казнил нападавших. [102] Придерживаясь политики справедливости и беспристрастности, он быстро привлек сердца большей части местных народностей. Он также спешно создал и наладил почтовую систему для убыстрения сообщения и для обеспечения нужд обороны и торговли. Под его управлением Юньнань достигла процветания. Он способствовал развитию сельского хозяйства, приказав своим людям научить местных жителей земледелию и лесоводству. До его приезда у народов Юньнани «не было ни риса, ни шелковицы, ни конопли». [103] Наверное, самым большим вкладом, который внес Саид в развитие экономики, следует считать проекты ирригации в области Гуньмин, часть которых продолжала использоваться и в XX веке. Он построил водохранилища и дамбы, чтобы наводнения и засухи не мешали крестьянам обрабатывать землю. [104] Мусульмане оживили торговлю, а сам Саид разрешил использовать в качестве средства обмена раковины каури, чтобы подтолкнуть местное население к торговой деятельности. Наконец, он облегчил налоги и повинности, сделав монгольскую власть вполне приемлемой для жителей области.

Хотя Саид был правоверным мусульманином, он не стал насаждать в Юньнани ислам. Если бы он был фанатиком, Хубилай, несомненно, не доверил ему пост губернатора. Саид прививал в вверенной ему провинции китайские обычаи и культуру. Он поддерживал проведение китайских свадебных и похоронных церемоний, строил конфуцианские школы и стремился распространять

классические конфуцианские сочинения. Саид возвел две мечети, но также конфуцианский храм и буддийский монастырь. [105] Коротко говоря, он стремился китаизировать, а не исламизировать Юньнань, и того же курса придерживались те его сыновья, которые остались жить в этой области и стали здесь чиновниками. Саид умер в 1279 г. (а в 1297 г. был посмертно возведен в сан Сяньян-вана или Князя Сяньяна). В должности губернатора Юньнани ему наследовали два его сына, Насир ад-дин и Масуд, [106] продолжившие политику отца. Кроме того, Насир ад-дин принимал участие в военных походах в Бирму и Аннам и служил чиновником в Шэньси и столице. [107] Однако в апреле 1292 г. он был обвинен в присвоении 130000 тинов бумажных денег и затем казнен. [108] Четверо его братьев не были замешаны в этом деле и продолжали занимать высокие посты в Юньнани, Гуандуне и Цзянси, получая многочисленные награды и почести.

Несмотря на достижения Саида и доверие, которое Хубилай выказывал ему и его сыновьям, отношения великого хана с мусульманами оставались далекими от идеальных на протяжении 1280-х гг. Прежний взвешенный подход уступил место настороженности и даже враждебности. В прежние времена Хубилай прилагал большие усилия, чтобы не допустить официально санкционированных гонений против мусульман, опасаясь сложностей, которые могли бы возникнуть, если бы он восстановил против себя малочисленную, но влиятельную мусульманскую общину в Китае. В 1280-х гг. эта терпимость внезапно сошла на нет, и Хубилай на время отказался от основных принципов своей религиозной политики.

Сходный кризис омрачил взаимоотношения Хубилая с буддистами и даосами. Диспут 1258 г. между будди-

стами и даосами, на котором председательствовал Хубилай, по-видимому, положил конец борьбе этих религий. Однако лежавшая в основе споров враждебность неоднократно прорывалась наружу, а завоевание Южной Сун усугубило разлад. Вместо того, чтобы соблюдать решения, принятые на диспуте 1258 г., даосы при любой возможности выступали против буддистов.

Ряд противостояний достиг своего пика в 1281 г. Еще в 1276 г. сын Хубилая Манггала предупреждал даосов «не совершать беззаконий, говоря, что у них есть приказ». [109] Очевидно, даосы не прислушались к предупреждениям, поскольку в конце 1280 г. они, по сообщениям китайских источников, подожгли даосский храм Чанчунь в Даду и попытались переложить вину на буддийского монаха Гуан Юаня. [110] Хубилай назначил для разбирательства подозрительных обстоятельств поджога нескольких чиновников, и они раскрыли умысел даосов. Великий Хан безжалостно покарал виновных. Два даоса были казнены, одному отрубили нос и уши, шестеро других были отправлены в изгнание. [111] Эти события побудили буддистов потребовать от правительства расследования прочих правонарушений и эксцессов со стороны даосов. Согласно буддийским источникам, двор обнаружил, что даосские тексты, запрещенные в 1258 г., все еще продолжают распространяться и что сохранились печатные доски, с которых печатались эти сочинения. Хубилай был разгневан этими свидетельствами непокорности. В конце 1281 г. он приказал сжечь все даосские тексты, кроме «Дао дэ цзин», написанного Лао Цзы, и уничтожить печатные доски. [112] Он ввел ограничения на даосские талисманы, заклинания и магию. Даосы продавали талисманы и амулеты, сулившие прибыль торговцам, долгую жизнь людям, счастливый брак мужчинам и женщинам и многочисленное потомство всем семьям. [113] Хубилай, осуждавший эту практи-

ку, запретил продавать талисманы. Одновременно он принудил некоторых даосских монахов перейти в буддизм. Наконец, он разослал уполномоченных из числа буддистов для надзора за выполнением этих предписаний.

Меры, принятые Хубилаем, разрешили затруднения с даосами, хотя победившая сторона, буддисты, продолжала создавать сложности для великого хана и его династии, как мы уже отмечали и как мы увидим далее. Хубилай не собирался преследовать даосизм, его главная цель заключалась в усмирении даосских перегибов. Демонстрируя свое благоволение к более ответственным и менее воинственным даосам, он намеренно привлекал их вождей к разбирательству дел их единоверцев. Чжан Цзунъянь, Тяньши или «Небесный учитель» (часто неточно воспринимаемый на Западе как «даосский папа»), входил в состав комиссии, изучавшей даосские книги и отбиравшей подложные сочинения, подлежащие уничтожению. Хубилай назначил Чжана смотрителем по делам даосов в Южном Китае. [114] Император несколько раз посылал даосскому вождю ему в дар шелк и благовоения, чтобы поддерживать с ним хорошие отношения. Взамен Чжан приносил жертвы предкам, возносил молитвы во времена засухи и занимался магией для перемены погоды и исцеления больных. [115]

Буддисты, одержавшие в 1281 г. полную победу, радовались поражению своих соперников. Очевидно, они также злоупотребляли своей властью. Они пользовались благосклонностью Хубилая с первых дней его царствования, а после 1281 г. буддийские монахи стали еще более самоуверенными, даже нахальными. Китайские источники содержат подробное описание нарушений, совершенных такими буддистами, как Сангха и Ян Ляньчжэньцзя. В 1280-х гг. буддисты прибирали к рукам все больше и больше богатств, земель и власти. [116] Погрузившись

в стяжательство, они начали восстанавливать против себя китайцев, в чьих глазах буддисты представлялись иностранцами. Иноземцы-монголы также запятнали себя поддержкой, которую они оказывали буддистам, особенно из Тибета или из других государств. [117]

Завоевание Южной Сун в 1279 г. ознаменовало собой высшую точку правления Хубилая. Однако на юге он вызывал к себе враждебность у значительной части населения. Несмотря на знаки внимания со стороны Хубилая и материальную помощь, некоторые южные ученые чиновники отказывались сотрудничать с великим ханом. 1280-е гг. были отмечены чередой внутривластных кризисов. Необходимость в дополнительных доходах вынудила Хубилая довериться трем главным министрам — Ахмеду, Лу Шижуну и Сангхе — которые своими поборами восстанавливали китайцев против монгольской власти. Во всех трех случаях Хубилай прислушивался к ученым чиновникам и в конечном итоге разочаровывался в министре, отправлял его в отставку или казнил. Враждебный настрой китайцев по отношению к мусульманам также определил недолговечную и бесполезную анти-мусульманскую политику. Поддержка, которую получали от Хубилая буддисты, очевидно, давала им повод высокомерно себя вести и притеснять приверженцев других культов и религий. Кроме того, никто из тех, кто выдвинулся в это десятилетие — ни три главных министра, ни буддисты — не смогли разрешить финансовые затруднения, с которыми столкнулся великий хан. Ко всему прочему, к 1280-м гг. умерли все самые влиятельные китайские советники Хубилая из числа конфуцианцев, которые служили ему с 1250-х гг. Вследствие этого он впал в еще большую зависимость от иностранных министров, создававших значительное напряжение между двором и, в особенности, Южным Китаем.

ГЛАВА 8

ЗАКАТ ИМПЕРАТОРА

В последние годы царствования Хубилая постигли личные утраты. В 1281 г. из жизни ушла его любимая жена Чаби, а пять лет спустя скончался его любимый сын и официально объявленный преемник Чжэнь-цзинь. Возможно, из-за этих потерь он начал много пить и есть. Он растолстел и стал страдать от недугов, связанных с алкоголизмом. Эти проблемы личного свойства сопровождались провалом некоторых его начинаний.

Самые чувствительные неудачи в этот период преследовали военные походы. Хубилай и прежде терпел поражения в войнах, но 1280-е и начало 1290-х гг. ознаменовались настоящими военными катастрофами. Хотя его войска ничего не смогли сделать в 1274 г., когда высадились в Японии, это можно было списать на счет непредвиденного стихийного бедствия и представить случайностью. Но последующие поражения отражали изменение в политическом курсе, которое было не так просто оправдать. Новая политика противоречила традиционным монгольским завоевательским планам. Монголы никогда не предпринимали заморских походов и не обладали искусством ведения морской войны. Кроме того, у них не было опыта боевых действий в странах южных областей Азии. В незнакомой им местности они сталкивались с непреодолимыми трудностями.

Внезапно вспыхнувшие у Хубилая завоевательские амбиции можно объяснить только в контексте внутривнутриполитических неудач, под знаком которых прошли 1280-е гг. Сложности, возникшие в государственных делах в самом Китае, предвещали провалы и за границей. Как внутренняя, так и внешняя политика характеризовались утратой контроля над ситуацией. По-видимому, Хубилай выпустил из рук безусловную исполнительную власть, которой он обладал ранее. Поддерживать стабильность становилось все труднее по мере того, как двор бросался из одной крайности в другую. Плохо обдуманное решение превратилось из исключения в правило. Обоснования этих драматичных поворотов лишены правдоподобия. Источники утверждают, будто эти морские походы снаряжались только для того, чтобы наказать иноземцев, оскорбивших монгольских послов. Очевидно, на кону стояли гораздо более существенные ставки. Необходимость укрепить легитимность своей власти толкала Хубилая, взойшедшего на престол не вполне законным образом, на рискованные авантюры. Чувствуя шаткость своего положения, он неоднократно предпринимал попытки заставить иноземных властителей признать свое верховенство, чтобы тем самым произвести впечатление на собственных подданных. В роли императора Китая и великого хана, Хубилай был обязан доказывать вновь и вновь свою доблесть, свои достоинства и свой ум, покоряя все новые области. И наконец, несомненно, одним из мотивов, определявших захватнические устремления Хубилая, было желание извлечь из завоеваний ощутимую экономическую выгоду. Однако, как бы то ни было, плохо продуманные походы 1280-х и 1290-х гг. вряд ли повысили престиж великого хана.

Камикадзе

Важнейшим из этих предприятий был поход на Японию. Токимунэ Ходзё, регент при японском сегуне, действовавший от имени императора, неоднократно презрительно отвергал любые инициативы Хубилая, стремившегося установить с Японией нормальные отношения, как их понимали монголы. Вторжение 1274 г., явившееся следствием этих пренебрежительных отказов, закончилось катастрофой. В 1275 г., стремясь избежать необходимости вновь идти войной на японцев, Хубилай отправил следующее посольство, требуя от императора и сегуна покориться монголам без боя. В ответ японцы казнили несчастных послов и подготовились к монгольскому нападению. [1] Сегун перевел на юг, на остров Кюсю, где ожидалась высадка монголов, большой отряд самураев, снабдив их припасами, которые могли им понадобиться для отражения атаки. Главным защитным сооружением была каменная стена вдоль берега залива Хаката, протянувшаяся от прибрежного города Хакодзаки через Хака-ту и чуть дальше Имадзу. Строительство длилось пять лет, и возведенная в конечном итоге стена могла служить хорошей защитой против первой волны нападения. С другой стороны, как отметил один историк, «известия о строительстве стены, несомненно, должны были дойти до сведения захватчиков и побудить их искать другие места высадки, откуда они могли бы напасть на японские позиции с тыла». [2] Тем не менее, по крайней мере главные пункты на заливе Хаката были хорошо защищены. Кроме того, японские войска были весьма мобильны, и это позволяло военачальникам за короткое время перебрасывать их туда, где могли высадиться монголы. Получив передышку в 7 лет после первого монгольского вторжения, японцы использовали это время для того,

чтобы соорудить внушительную, если не вполне неприступную защиту.

В намерения Хубилая вовсе не входило давать японцам семилетнюю отсрочку. Сначала он был вынужден направить все свои усилия на покорение Южной Сун. И только в 1279 г., когда утонул последний претендент на южно-китайский трон, Хубилай получил возможность заняться японскими делами. И опять же, корейцам, которым отводилась важнейшая роль в любом походе на Японию, требовалось время, чтобы восстановиться после морского похода 1274 г., который серьезно подорвал корейскую экономику. Монголы не только изъяли огромное количество зерна на нужды своей армии, лишив припасов местных жителей, но и забрали на военную службу значительную часть взрослого мужского населения, оставив обрабатывать землю недостаточное число работоспособных мужчин. Таким образом, стала ощущаться нехватка зерна, и Хубилай был вынужден периодически поставлять в Корею продовольствие; даже в 1280 г. он послал соседям запасы хлеба. [3] Однако, несмотря на эти проблемы, Хубилай был полон решимости напасть на Японию, не подозревая еще о том, что это предприятие обернется катастрофой.

К 1280 г. Хубилай уже развязал себе руки, чтобы всерьез заняться подготовкой ко вторжению. Он начал набирать войска и запасать все необходимое для похода. В 1279 г. Он в последний раз отправил посольство в Японию, однако сегун, заявив, что послы прибыли исключительно с разведывательными заданиями, приказал отрубить им головы. [4] В ответ Хубилай приступил к снаряжению карательной экспедиции. К началу весны 1280 г. план вторжения был практически разработан. Руководство походом было хорошо сбалансировано в том смысле, что во главе его встали представители

всех главных народов-участников: монгол, китаец и кореец. Кореец Хон Тхагу должен был занять пост адмирала, так как корейский правитель настаивал на том, чтобы корейский флот возглавил именно кореец. Начальником войск с китайской стороны Хубилай назначил Фань Вэньху, полководца империи Южной Сун, покорившегося монголам, от которых вторым главнокомандующим был поставлен Синьду. [5] К концу года великий хан собрал 100-тысячное войско и передал его под командование Фаня и Синьду. Он также снабдил их бумажными деньгами и вооружением, необходимым для экспедиции. Корейский правитель поставил 10000 солдат, 15000 моряков, 900 судов и запасы зерна. [6] В благодарность за помощь Хубилай отдал своим войскам особое указание не причинять ущерба корейцам по пути к побережью, где они должны были погрузиться на корабли. В следующем году Хубилай еще пополнил припасы войска бумажными деньгами, доспехами, луками и стрелами. [7] Единственную ноту сомнения внес Пу Шоугэн, смотритель морской торговли области Фуцзянь. Он отметил, что монголы потребовали от него построить 200 судов. В действительности они получили лишь 50. Поставить 200 судов, по его уверениям, было просто не в его силах. [8] Скрытая критика неумеренных монгольских требований, содержавшаяся в его словах, стала первой в ряду многих сходных жалоб относительно планируемого вторжения в Японию.

Юаньские военачальники задумали нанести удар по Японским островам с двух сторон. Войско в 40000 человек из Северного Китая, перевезенное корейским флотом, должно было соединиться на острове Икисима с 100-тысячным войском, двигавшимся из Цюаньчжоу. Оттуда они должны были совместными силами атаковать японцев. Согласно китайским источникам, походу

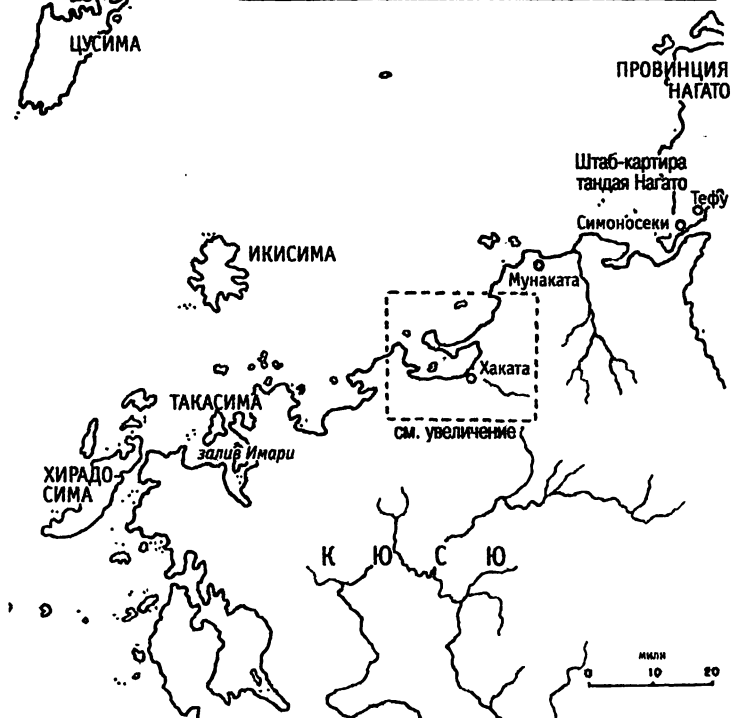
Монгольское вторжение в Японию. Картина из Японского императорского собрания

сопутствовали дурные предзнаменования: в море показался морской змей, а от воды исходил запах серы. [9] И действительно, поход с самого начала пошел вразрез с первоначальными замыслами. Очевидно, между военачальниками не было согласия. Войска, которые должны были приплыть с юга на китайских кораблях, задерживались, так как перевозка столь большого числа людей и припасов требовала гораздо более тщательной организации. Корейские суда, вышедшие с севера, некоторое время пережидали, но в конце концов, отчаявшись дож-

даться «прибытия главных сил китайского флота», перешли к активным действиям и 10 июня 1280 г. захватили остров Икисима. [10] Через две недели они двинулись на главный остров Кюсю. Они высадились близ Манакаты, к северу от стены, на возведение которой японцы положили столько трудов. Между тем войска из Южном Китае завершили приготовления и, узнав о высадке своих соратников, решили соединиться с ними на Кюсю. Они высадились в южной части острова и намеревались идти с боями в северном направлении на соединение с уже высадившимися частями. Располагая столь внушительными силами и стратегическим перевесом, монгольские войска должны были добиться успеха.

И все-таки экспедиция провалилась. На протяжении августа японцам удавалось отражать попытки юаньских войск прорвать оборону вдоль защитной стены как с юга, так и с севера. Неожиданно мощное сопротивление японцев объяснялось отчасти ошибками самих захватчиков. Экспедиционные силы ослабляли разногласия между монгольскими и китайскими военачальниками. Китайские части, составлявшие подавляющее большинство от общего числа войск, не особо отличались в бою и не стремились сражаться в полную силу. К тому же со времени высадки на Кюсю они оказались в крайне уязвимом положении, поскольку были плохо защищены как от неприятеля, так и от стихий. Они располагались в открытой местности без замка, города или каких-либо других укреплений, где они имели бы возможность укрыться от врага и откуда могли бы совершать на него набеги. [11] Таким образом, они не могли похвастаться серьезными успехами в борьбе против японцев. Армии сражались друг с другом почти два месяца, но так и не выявили победителя.

Пусан

Монгольское вторжение в Японию

Надежды монголов на победу окончательно сокрушило стихийное бедствие. 15 и 16 августа на берега Кюсю, как часто бывает в конце лета, обрушился тайфун. Корейские моряки, почувствовав приближение шторма, попытались выйти в открытое море, чтобы избежать опасности, но их усилия пропали втуне. Погибла треть из 40-тысячного северного войска и половина 100-тысячной южной армии. Солдаты, бывшие на Кюсю, были убиты или взяты в плен; а некоторые утонули, пытаясь спастись на маленьких лодках, остававшихся у берега. [12]

В глазах японцев тайфун вовсе не был случайностью. Это был божественный ветер (камикадзе), посланный богами, чтобы спасти Японию, ибо их страна находится под божественной защитой. Провал вторжения способствовал зарождению у японцев преувеличенно шовинистических воззрений. По их представлениям, урок этих событий заключался в том, что боги никогда не позволят врагам Японии захватить страну. Для монголов и Хубилая поражение было ошеломляющим шоком. Прежде Хубилаю никогда не доводилось испытывать такого позора.

Однако Хубилай не сделал из провала экспедиции никаких выводов; разгневанный унижительным разгромом, он упорно продолжал вынашивать планы третьего похода на Японию. В 1283 г. он приказал купцам из Южного Китая построить корабли для очередного вторжения. [13] К 1285 г. он заручился помощью чжурчжэней из Маньчжурии, которые должны были построить к походу 200 судов. [14] В том же году Хубилай потребовал от корейцев поставить большое количество риса для армии. [15] Однако практически сразу, как только великий хан начал собирать припасы и корабли, он натолкнулся на сопротивление. В 1283 г. южнокитайские купцы выдвинули возражения против правительственных предписаний,

указывая на непосильное бремя, которое возлагало на них обязательство построить 500 кораблей для похода. В 1285 и начале 1286 г. Хубилай получил несколько докладов от своих советников, пытавшихся отговорить его от вторжения. [16] Наконец в 1286 г. он уступил давлению и отказался от замыслов начать новую войну с Японией. [17]

И все же этот поход нанес монголам существенный урон. Неудачи омрачили ореол монгольской непобедимости в глазах народов Восточной Азии. Подданные Хубилая могли заметить, что монголам также свойственны слабости и ошибки. Психологический террор, который навели монголы на своих противников и который составлял одну из главных опор их власти, пошатнулся, если не был полностью низвергнут. Однако наибольший ущерб монгольскому могуществу причинили грандиозные затраты, в которые вовлекли казну эти экспедиции. Строительство кораблей и поставка припасов обходились дорого и обусловили возникновение финансовых затруднений, за разрешением которых Хубилай был вынужден обратиться к таким министрам, как Ахмед и Лу Шижун, которых презирали китайцы. Престиж и финансы Хубилая были подорваны этими походами. В военной области наблюдалась та же утрата контроля над ситуацией, которую мы отмечали, когда говорили о финансовой политике 1280-х гг.

Военные походы в Юго-Восточную Азию

Сходным образом плохо продуманы были и походы великого хана в Юго-Восточной Азии, также не принесшие монголам ничего, кроме неудач. Хубилай стремился установить контроль над землями, граничившими с Южным Китаем. После того, как в 1279 г. его войска поко-

рили весь Китай, он начал вынашивать планы дальнейшей экспансии в южном направлении. Главная цель, как обычно, заключалась в том, чтобы добиться формального признания своей верховной власти от правителей и вождей стран Юго-Восточной Азии. Когда они отказались изъявить покорность, Хубилай начал череду военных походов. От этих областей китайским границам не исходила никакая, даже самая отдаленная угроза. Походы Хубилая в данном случае следует признать исключительно захватническими, так как в них отсутствовала оборонительная подоплека, отчасти обусловившая войны с Хайду в Средней Азии и с династией Сун в Южном Китае. Экспедиции в Юго-Восточную Азию объясняются традиционными захватническими установками монголов и стремлением самого Хубилая укрепить собственную легитимность. Однако трудности и препятствия, с которыми столкнулись монголы в этих походах, не уступали сложностям, преследовавшим их при вторжении в Японию. Во время войны с Южной Сун им уже приходилось испытывать на себе неудобства, связанные с тропическими дождями и жарой, лесной местностью и южными болезнями, но этот опыт не облегчал им жизнь. Для того, чтобы сломить сопротивление местного населения, монгольские войска должны были пробиваться через леса, а это была трудоемкая и малопривлекательная задача. Так как лошади были непривычны к подобной местности, главная сила монгольской армии, конница, оказывалась бесполезной. Несомненно, Хубилаю были известны эти трудности, особенно после того как его войска потерпели первые неудачи. Однако он упорно не желал отказываться от попыток подчинить своей власти страны Юго-Восточной Азии.

Поначалу, до осложнения отношений, Хубилай поощрял торговлю с Юго-Восточной Азией. И даже позднее, когда

он уже посылал карательные экспедиции в разные государства этого региона, он все еще продолжал поддерживать и даже укреплять торговые связи с другими его странами. Например, в 1281 г. он отправил посольство на Цейлон (современная Шри Ланка), в 1285 и 1290 гг. на Малабар, а в 1279 г. в Аннам (северная часть современного Вьетнама). [18] Хубилай просил прислать, и иногда получал пряности, лекарства, жемчуг, а также редких и экзотических животных. [19] С Цейлона он хотел получить буддийские реликвии — зубы, волосы и пурпурное порфирное блюдо Будды. [20] В Юго-Восточной Азии, как и в других регионах, с которыми великий хан поддерживал дипломатические отношения, он пытался нанимать на службу специалистов — например, врачей, ремесленников и переводчиков. В первые годы правления Хубилая правители стран Юго-Восточной Азии на самом деле присылали ему дань. В 1265 г. правитель Аннама направил к нему посольство с данью и в ответ получил от него календарь, который, как ожидалось, он должен был ввести в своем государстве. [21] Еще в 1279 г. от Аннама ко двору Хубилая прибывали послы, вероятно, выполнявшие торговую миссию под предлогом доставки дани. [22]

Однако конфликты вспыхивали уже начиная с 1270-х гг. В 1273 г. Хубилай отправил трех послов в бирманское государство Паган с требованием выплатить дань великому хану. Король Наратхихапати (1265–1287 гг.), тщеславный деспот, называвший себя «верховным главнокомандующим 36 миллионами солдат, пожирателем 300 блюд карри ежедневно», владелец гарема, в котором содержалось 3000 наложниц, казнил юаньских послов, возмущенный одной мыслью о том, что кто-то осмелился предложить ему унизиться перед великим ханом. [23] Он также навлек на себя гнев монголов, напав на неболь-

шое пограничное государство Каунгай, располагавшееся к северу от Пагана, которое признало верховную власть Хубилая. Реакция великого хана была предсказуемой. Он не мог оставить без последствий преднамеренное убийство мирных послов — тяжкое преступление с точки зрения монголов — и нападение на своего данника. В 1277 г. он приказал Насир ад-дину, сыну своего приближенного-мусульманина Саида Аджала, возглавить поход на Паган с целью отомстить за казнь монгольских послов. [24]

Эта экспедиция в красках описана Марко Поло, представившим яркое и подробное, хотя, возможно, и не вполне точное описание сражения. По его словам, первое столкновение чуть не обернулось для монголов катастрофой. Бой состоялся на равнине неподалеку от границы между Бирмой и провинцией Юньнань. Готовясь к нападению, Наратхихапати выставил перед своими отрядами 2 000 боевых слонов и разместил конницу и пехоту за ними. Между тем Насир ад-дин выстроил свои войска спиной к лесу. Такое расположение давало им возможность укрыться в лесу, если бы пришлось отступить, [25] и вскоре стало ясно, что им придется воспользоваться этим укрытием. Монгольские кони испугались при виде слонов и бросились в лес. Быстро придумав новую стратегию, Насир ад-дин приказал своим войнам спешиться, привязать коней к деревьям и ждать приближения неприятеля, изготовив луки и стрелы. Сознавая, что противник численно значительно превосходит его 10-тысячную армию, Насир ад-дин разработал остроумный, но рискованный план: когда войска Наратхихапати подойдут на нужное расстояние, лучники должны стрелять по слонам, не имевшим никакой защиты. Марко Поло так описывает дальнейшие события:

Стрелять они [монголы] умеют ловко и слонов изранили жестоко. Царские ратники не переставали также стрелять и сильно на них нападали, да татары лучше врага умели биться и храбро защищались. Что же вам сказать? Израненные слоны повернули назад, да и побежали на своих; бегут грузно, словно свет разваливается; и перед лесом они не остановились, ворвались туда, теремцы разваливаются, ломают и разрушают все. [26]^a

Тем не менее, битва продолжалась, и некоторое время ни одна из сторон не могла одержать верх. Наконец, победа стала склоняться к монголам. Бирманцы начали отступать. «Татары, по правде сказать, победили; не посчастливилось царю и его ратникам; много их было побито в тот день. После полудня пришлось царю и его ратникам плохо; побито их было много, и стало им невтерпёж; видят, что все погибнут, коль останутся здесь, не могли они тут оставаться и побежали, что есть мочи; а татары за ними следом, гонят, бьют, убивают без пощады; жалость была смотреть»[27]^b. Коротко говоря, сражение превратилось в избиение.

Марко Поло завершает описание боя словами, что Насир ад-дин захватил 200 слонов и вернулся с ними ко двору Хубилая, но эти сведения вступают в противоречие с китайской династической истории, которая сообщает, что Насир ад-дин прибыл ко двору в июле 1279 г. лишь с двенадцатью слонами. [28] Кроме того, согласно китайской летописи, Насир ад-дин утвердил монгольскую власть (то есть, провел перепись населения для обложения налогами и построил почтовые станции) только над 110 200 домами по бирманской границе. Очевидно, ему не удалось покорить царство Паган, поскольку

^a Марко Поло, с. 143

^b Марко Поло, с. 143

в марте следующего года Хубилай вновь приказал ему подготовить поход против Наратхихапати. Таким образом, Марко Поло, вероятно, преувеличил достижения мусульманского полководца. Как бы то ни было, империя Юань не сумела установить контроль над Бирмой во время первого похода Насир ад-дина.

Не меньше затруднений у монголов вызывала борьба с государствами Аннам и Чампа (последнее приблизительно соответствует территории современного южного Вьетнама). Хубилай несколько раз предлагал Чан Тхань Тону, правителю Аннама, и Джайя Индраварману VI, правителю Чампы, лично прибыть к императорскому двору в Даду, но оба монарха не выполнили просьбы. Хубилай также требовал от них представить списки населения, необходимые для взимания налогов и назначения трудовых повинностей. [29] Наконец, он пожелал, чтобы и тот, и другой направили к его двору одного из младших братьев, вероятно, в качестве заложников. [30] Чан Тхань Тон прислал дань, но сам так и не появился с дарами при дворе великого хана. Среди присланных подарков были вещи большой ценности, например, золотые статуи, которые должны были заменить самого правителя, отказавшегося приехать в Китай. [31] По всей видимости, государь Аннама считал эти посольства коммерческими предприятиями, скрытыми под предлогом принесения дани, однако, имея сведения о том, что китайский двор оказывает торговцам более радушный прием, если они состоят при подобной дипломатической миссии, он отправлял эти по сути своей торговые представительства под видом официальных посольств. С другой стороны, Чампа была менее уступчива. Хотя Джайя Индраварман VI и посылал дары великому хану, он сам и его преемники сохраняли непримиримую враждебность к Китаю на всем протяжении 34-летнего царствования Хубилая.

Хубилай решил сперва расправиться с Чампой. Правда, в августе 1279 г. к его двору прибыли послы этой страны, доставившие ему в дар слона, носорога и драгоценные камни. Хубилай принял эту дань, но потребовал, чтобы следующее посольство возглавил лично Джайя Индраварман VI. [32] Послы из Чампы приехали в Даду в 1280 г., с данью, но без правителя. Хубилай обратился к ним с гневными упреками и приказал передать их монарху, чтобы тот прислал к императорскому двору своих братьев или сыновей в качестве заложников. [33] Не дождавшись ответа, великий хан решил перейти к более жестким мерам. В 1281 г. он приказал Соду, главному чиновнику в Кантоне и смотрителю морской торговли, возглавить карательный поход против дерзкого и непокорного правителя Чампы. [34] Собрав армию в 5000 человек и 100 кораблей с моряками, Соду вышел в море, направившись к побережью Чампы, находившемуся относительно недалеко. [35] Высадившись в порту Виджайя, Соду и его войска быстро захватили город, но выяснилось, что Джайя Индраварман VI отступил вглубь страны и ушел в горы. Хотя Соду продолжил наступление, он не сумел вынудить противника к сражению. Напротив, его постоянно беспокоили партизанские действия неприятеля, заманивавшего в ловушки его солдат, которые попадали в плен или погибали. В начале следующего года Хубилай послал в Чампу подкрепления — 15000 солдат под началом некоего Атахая, однако они также завязли и не совершили ничего достойного внимания. [36] Несколько месяцев спустя великий хан отправил на помощь Соду Ариг-Хайя, одного из лучших своих военачальников. [37] Тем не менее, ничто не действовало. Достигнув столь незначительных успехов, Хубилай решил сменить стратегию и послать в Чампу войска по суше. Чтобы добраться до места назначения, им нужно

было пройти через земли Аннама. Получив дань от местного правителя, Хубилай увидел в этом знак того, что Чан Тхань Тон согласится сотрудничать с монголами и пропустит их через свои владения. Поэтому он отправил на выполнение этого задания своего сына Тогона с отрядом, составленным из монгольских и китайских солдат. Великий хан дал Тогону титул князя Чжэньнана и приказал ему вместе с Соду усмирить непокорного правителя Чампы. [38]

Однако оказалось, что Хубилай ошибался в своих предположениях. Еще не дойдя до Чампы, Тогон ввязался в войну с Аннамом. Чан Тхань Тон не позволил монголам использовать территорию своей страны в качестве базы для вторжения в Чампу. Тогон и Соду были вынуждены напасть на правителя Аннама, не выказавшего готовности к сотрудничеству. Набрав армию в Фуцзяни и других южных провинциях Китая, они выступили на юг против Аннама. [39] Поначалу казалось, что юаньское войско не испытает особых сложностей, так как оно продвигалось к Ханю, не встречая сильного сопротивления и неоднократно нанося поражения и обращая в бегство аннамские отряды. [40] Однако они попали в западню. Воспользовавшись своим преимуществом в знании местности, аннамцы ушли в леса и горы и развязали партизанскую войну, совершая внезапные нападения, когда оказывались в лучшем тактическом положении, чем противник. Партизанские набеги, жара и болезни начали сказываться на состоянии захватчиков. Войска под началом монголов все больше падали духом, терзаемые неуловимым врагом и несущие все более значительные потери в людях и припасах. Они были сильны в заранее подготовленных сражениях, а не в мелких неожиданных стычках. [41] Летом 1285 г. Тогон, командовавший одной из двух монгольских армий, решил отвести

свои войска. Однако он не уведомил о своих намерениях Соду, начальника второй армии, и тот оказался отрезанным на вражеской территории и был вынужден перейти к обороне. Князь Чан Ньят Кань сосредоточил свои силы и напал на отставшие монгольские части под началом Соду, нанеся им поражение в центральной части страны. [42] Осознавая всю серьезность положения, в котором он очутился, Соду попытался уйти на север. Он дошел до Сымина на аннамско-китайской границе, но там его догнал неприятель. Аннамцы окружили армию Соду. Произошло одно из немногих настоящих сражений, которыми была столь скудна аннамская кампания, и монгольские войска были разгромлены, а сам Соду погиб в бою. [43] Таким образом, первый поход на Аннам закончился провалом.

Хубилай не мог оставить неотомщенным столь обидное поражение. В марте 1286 г. он послал своего внука Есен Темура, сына своего сына Угэчи, на помощь командующему Ариг-Хайе, войска которого продолжали стоять у аннамской границы. [44] Через несколько месяцев в ту же область был отправлен Насир ад-дин. [45] В 1287 г. к ним присоединилась гораздо более мощная армия, которую вновь возглавил Тогон. Монгольские силы дошли до Ханоя, но обнаружили, что правитель Аннама и его сын уже бежали. [46] Впрочем, монголы в конце концов очистили Ханой, так как жара и сложные условия вынудили Тогона отступить. Когда Хубилай узнал о неудачах Тогона, он не позволил сыну явиться ко двору. А чтобы дать ему почувствовать все свое разочарование, он перевел его в Янчжоу, считавшееся синекурой, и не разрешил вернуться в Даду. [47] Однако, как бы то ни было, нельзя возлагать вину за неудачи на одного лишь Тогона. Ни один из способных и даже блестящих полководцев, отправленных Хубилаем на войну с Аннамом и Чам-

пой, не смог справиться с поставленными перед ними задачами.

Впрочем, аннамскому правителю стало очевидно, что монголы не прекратят опустошать его страну, если он формально не признает их гегемонии в Азии. Чтобы избежать дальнейших вторжений, он изъявил покорность, отправив ко двору Хубилая посла с данью и уверениями в верности. Хубилай принял его «подчинение» и не стал больше отправлять войска в Аннам. В свою очередь, Аннам начал регулярно посылать дань великому хану. [48] Из сходных соображений правитель Чампы Джайя Индраварман VI также стал посылать к императорскому двору дипломатические миссии.

Между тем Хубилай не оставлял намерений наказать гордого правителя Пагана Наратхихапати. В 1283 г. он послал мощную армию, чтобы заставить его покориться, но Наратхихапати просто укрылся в горах. Только в 1287 г. Хубилай снарядил против бирманцев новый поход. Это войско под началом внука великого хана Есен Темура с боями дошло до столицы Пагана и несколько месяцев оставалось стоять в городе. [49] Униженный и обесславленный, Наратхихапати был вынужден послать дань к монгольскому двору, чтобы вернуть столицу. [50] Позорное поражение от монголов подорвало его престиж в родной стране, и этим воспользовался его сын, приказавший отравить отца. Впрочем, монголы не извлекли из этих походов особой выгоды. Бирма выплатила дань, но финансовые затраты на войны с Наратхихапати оказались неоправданно велики.

Еще сложнее найти разумное объяснение знаменитым походам против Явы. Как и в случае с вторжениями в Японию, экспедиции на Яву отправлялись морем, и потому главную роль в них должен был играть флот.

Опять же, войны с Явой, как и войны с Японией, были спровоцированы оскорблением, нанесенным монгольскому послу. Правитель Явы Кертанагара проявил такую же неуступчивость, как и Ходзё Токимунэ. Он объединил под своей властью значительную часть острова, обратился в буддизм тантрического толка и заключил союз с Чампой, скрепив его браком. [51] Он стремился поставить под свой контроль доходную торговлю пряностями, шедшую через Молуккские острова, и сделать яванцев посредниками в этой торговле. [52] Кертанагара вполне мог опасаться, что Хубилай намерен перехватить у него эту выгодную сферу деятельности.

Поэтому неудивительно, что он не оказал сердечного приема посольству великого хана. Посол Хубилая Мэн Ци прибыл на Яву в 1289 г. и потребовал от правителя изъявлений покорности. В ответ на это требование Кертанагара приказал спалить лицо злополучному послу. [53] Этот инцидент дал повод Хубилаю начать подготовку к военному походу на Яву. В глазах монголов оскорбление или убийство послов было одним из самых отвратительных преступлений. Поэтому Хубилай приказал монголу Шиби, китайцу Гао Сину и уйгуру Икэмусы собрать войска и припасы в провинциях Фуцзянь, Цзянси и Хугуан. [54] Шиби было доверено верховное руководство, Гао был назначен начальником сухопутных войск, а Икэмусы должен был руководить флотом. В конце 1292 г. 20-тысячная армия вышла в море из Цюаньчжоу на 100 кораблях. Она везла с собой годовой запас зерна и 40 000 унций серебра для приобретения дополнительных запасов. [55] В начале 1293 г. войска Гао Сина высадились на Яве; корабли Икэмусы остались у берега. Кертанагара, извещенный о надвигающейся опасности, уже отправил значительные силы в Чампу и на Малайский полуостров, где, как он полагал, должен

был сначала высадиться враг, прежде чем двинуться на Яву.

Поскольку основная часть армии Кертанагары находилась вдали от Явы, он оказался в крайне уязвимом положении, дав возможность поднять голову неусмирленным и непокоренным яванцам. Один из их вождей, Джайякатванг, глава непокорного государства Кедири, поднял восстание против Кертанагары, разгромил его войска и убил его самого. [56]

Государство Кертанагары перешло к его зятю, вероломному принцу Виджайе. Задавшись целью отомстить за убийство своего тестя, Виджайя предложил изъявить покорность монголам в обмен на помощь в борьбе с дерзкими мятежниками. Его подчиненные снабдили юаньские войска важными сведениями о портах, реках и топографии Кедири, а также подробной картой провинции. Монголы приняли предложение и согласились вступить в войну с Джайякатвангом. Китайско-монгольский флот направился к Кедири и по пути разгромил высланные против него морские силы. Гао Син высадился в Кедири, и за неделю монголы сломили сопротивление обороняющихся, перебив около 5000 солдат. В конце концов Джайякатванг сдался и, очевидно, был предан казни. Впрочем, хотя могло показаться, что монгольский поход увенчался поразительным успехом, возглавлявшие его полководцы проявили слишком большую доверчивость. Виджайя попросил, чтобы ему выделили 200 безоружных монгольских солдат в качестве эскорта, чтобы он мог отправиться в город Маджапахит, где он собирался официально принести изъявления покорности представителям великого хана. Начальники монголов согласились выполнить эту просьбу, не заподозрив неладное. По пути в Маджапахит отряды принца заманили китайско-монгольский эскорт в засаду и стали скрытно окружать

основные силы монголов. Они действовали столь успешно, что Шиби, монгольский военачальник, едва спас свою жизнь. Ему пришлось проделать достаточно долгий путь, чтобы добраться до своих кораблей, а при отступлении он потерял 3000 человек. [57] Когда все начальники экспедиции собрались, чтобы решить, что делать дальше, они не смогли придти к единому мнению, следует ли вернуться на Яву и наказать двуличного принца Виджайю. В итоге, разойдясь во взглядах, они отвели свой флот и двинулись обратно к берегам Китая.

Таким образом, провалом закончилась еще одна дорогостоящая экспедиция. И хотя затраты на яванский поход уступали расходам на войны с Японией, удар, нанесенный этой неудачей по престижу Хубилая, был столь же чувствителен. Кроме того, этот поход не принес никакой материальной выгоды. Правда, юаньские войска привезли в Китай пряности, благовония, рога носорогов, слоновую кость, карту Явы, перепись местного населения и письмо золотыми буками с острова Бали. Однако ценность привезенного вряд ли окупала стоимость экспедиции.

Восстания во владениях Хубилая

Возможно, еще больше подтверждали утрату Хубилаем контроля над управлением восстания в областях, теоретически находившихся под его властью — первое вспыхнуло в Тибете, второе — в Маньчжурии. Столь осязаемые свидетельства неверности наносили существенный ущерб притязаниям Хубилая на статус хана ханов и императора Китая. Правда, эти удары исходили из периферийных регионов, а не из центра его владений. Тем не менее, если мятежи поднимали пограничные области, что могло помешать центральным районам последовать их примеру? Поэтому Хубилай принял решительные

меры для подавления обоих восстаний, очевидно, стремясь предотвратить распространение мятежных настроений на территорию Китая. Однако сам факт беспокойств в пограничных землях в 1280-х гг. подчеркивал трудности, с которыми сталкивался Хубилай в этот период.

Первым восстал Тибет. С первых лет своего царствования Хубилай поддерживал тесную связь со страной лам. Одним из его ближайших советников был тибетский буддист Пагба-лама, а при императорском дворе в Даду подвизалось много тибетцев. Для руководства делами буддистов Хубилай учредил особое ведомство Цзунджи юань и назначил управлять Тибетом гражданского управляющего (dpon-chen, пончен, «Великий правитель»), пока Пагба-лама находился в Китае. Несмотря на это, в стране не прекращались волнения, вызванные отчасти действиями Хубилая, а с другой стороны местными проблемами и спорами между буддистскими сектами. Учреждение Хубилаем одновременно постов Императорского Наставника (который занял Пагба-лама) и пончена привело к напряженности. Между понченом Гунга-Санпо и Пагба-ламой часто возникали разногласия: как писал один ученый, «настоятель и пончен Гунга-Санпо явно недолюбливали друг друга». [59] Хубилай также основал Тибетское отделение управления по умиротворению (Сюаньвэй сы), которое составляли военные. Это ведомство еще больше усложняло и без того непростую структуру управления страной и создавало дополнительный класс чиновников, борющихся за власть. В 1280 г. Пагба-лама скончался в возрасте 45 лет, еще совсем не старым, от неизвестных причин. Главы секты Сакья обвинили пончена в отравлении ламы, заключили его в тюрьму, а затем предали казни. [60] Хубилай оплатил похороны своего верного учителя и воздвиг ступу в его честь. [61] В 1281 г. он назначил Императорским

Наставником 13-летнего племянника Пагба-ламы Дхармапалу, и в Тибете на время воцарились мир и спокойствие.

И все же враждебность к монголам не улеглась. Некоторые буддистские секты проявляли крайнее недовольство дружественными отношениями, установившимися между Пагба-ламой и монголами. Дхармапала, с детства подвизавшийся при монгольском дворе, вызывал у них еще большее отторжение из-за своей близости с Хубилаем и его соплеменниками. [62] Назначение на пост правителя Тибета мальчика, воспитанного в китайской столице, было политической ошибкой. Дхармапала служил бы постоянным и назойливым напоминанием о монгольском владычестве в стране, которую сам он едва знал. В любом случае, секта Сакья, к которой принадлежал новый правитель, не имела недостатка в соперниках, и враждебностью, вызванной выбором «чужака» в качестве Императорского Наставника, воспользовалась секта Бригун, поднявшая мятеж. В 1285 г. войска Бригун начали осаждать монастыри других сект. Вскоре после этого они вступили в противостояние как с Сакья, так и с монгольскими частями. Согласно тибетским источникам, Бригун получал помощь от «Хула, царя Тодхора». Тодхор — это тибетское название Восточного Туркестана, а царь Хула — это, вероятно, чагатайский Дува-хан, марионеточный правитель, опиравшийся на поддержку Хайду, вечного врага Хубилая. [63] Таким образом, восстание Бригун теперь приняло более серьезный, международный размах. Хубилай понимал, что для подавления мятежа, чтобы он не смог существенно подорвать его власть над Тибетом, он должен предпринять решительные действия. В Тибет прибыли карательные войска под началом его внука Темур-Буки, которые к 1290 г. разрушили монастырь Бригун, убив 10000 человек и уничто-

жив исходившую от него угрозу. [64] После этого при Хубилае в Тибете не возникало волнений. [65] Тибет был более или менее усмирён, а ведомство Сюаньчжэн юань, основанное в 1288 г. на смену Цзунчжи юань, успешно поддерживало мир в этой стране. [66]

Второе восстание вспыхнуло в Маньчжурии. Здесь также были задействованы сторонние силы. Вождь мятежников Наян, ведший свой род от одного из сводных братьев Чингис-хана, был христианином-несторианином, которого отталкивало сближение Хубилая с земледельческим миром и его отдаление от кочевой жизни. [67] Таким образом, взгляды и интересы Наяна совпадали с мировоззрением Хайду, правителя Средней Азии и заклятого врага великого хана. По-видимому, оба вождя согласовывали свои действия в борьбе с Хубилаем. Марко Поло, представивший подробное и живое описание мятежа, пишет, что монгольский вождь «отрядил посланцев к Кайду; то был также великий, сильный царь, великому хану приходился племянником, да бунтовал против него и замышлял недоброе; наказывал ему Наян, чтобы шел он на великого хана с одной стороны, а Наян пойдет с другой отнимать земли и государство; отвечал Кайду, что согласен, к назначенному сроку приготовится и пойдет со своим народом на великого хана»^а. [68] Чтобы разведать ситуацию в Маньчжурии, Хубилай сначала послал своего самого знаменитого полководца Баяна. В марте 1287 г. Баян выступил к ставке Наяна. Китайские источники обвиняют Наяна в попытке поймать Баяна в ловушку: «После его [Баяна] прибытия Найянь [Наян] устроил для него пир, замыслив захватить его. Боянь [Баян], разгадав это, поспешил оттуда со своими спутниками, и они бежали по трем разным дорогам».

^а Марко Поло, с. 100

[69] Неясно, насколько можно доверять этому рассказу. Возникают подозрения, что он был придуман задним числом, чтобы доказать двуличность Наяна. Вряд ли Наян позволил бы вражескому полководцу так легко ускользнуть.

Должно быть, Хубилай счел угрозу, исходящую от Наяна, весьма серьезной, так как он лично возглавил карательный поход против мятежника. Один отряд он послал на запад, чтобы сдерживать Хайду и не дать его войскам придти на помощь Наяну, а другой отправил в Ляодун в южной Маньчжурии, чтобы связать руки еще одному противнику, монгольскому хану Хадану. [70] Перед выступлением в поход он созвал прорицателей, которые вселили в него уверенность: «Ты вернешься, одержав победу над врагами». [71] Хубилай сам собрал войска и двинулся к устью реки Ляохэ. Марко Поло утверждает, что численность его армии составляла 460 000 человек — 360 000 конницы и 100 000 пехоты. Конечно, эти цифры весьма завышены, так как такое громадное число людей и коней невозможно было прокормить в скудных условиях Маньчжурии. Например, там точно не хватило бы травы для табунов. Вероятно, Хубилай вел с собой не более нескольких десятков тысяч воинов.

Войска Хубилая шли быстрым ходом и вскоре подошли к ставке Наяна, застигнув мятежника врасплох. Хубилай ехал на паланкине, водруженном на спины четырех слонов. [72] Ему было уже 72 года, и он страдал подагрой, ревматизмом и другими болезнями, однако, несмотря на эти недомогания, лично явился на поле боя. Армии выстроились друг против друга, и монголы ударили в барабаны и затрубили в рога, «так что, казалось, само небо сотряслось». [73] Войска великого хана стали наступать. Сначала стреляли лучники, а затем, когда армии сблизилась, в ход пошли копья, мечи и палицы. Бой

продолжался с утра до полудня, и в конце концов удача отвернулась от Наяна. Его отряды обратились в бегство, а монголы бросились в погоню, захватив в плен или убив многих беглецов. Наян был также схвачен и, как Чингизид, казнен без пролития крови, по монгольскому обычаю:

Убили его вот как: завернули в ковер, да так плотно свили, что он и умер. Умертвили его так, потому что не хотели проливать на землю крови царского рода, на виду у солнца и неба.[74]^a

Хотя Наян был несторианином, его мятеж не привел к гонениям на христиан во владениях Хубилая. [75] В данном случае великий хан проявил больше терпимости и здравомыслия, чем в некоторых других своих предприятиях.

И все же ему не удалось окончательно подавить монгольскую оппозицию. При жизни Хубилая непокорным оставался Хадан. Хайду тревожил войска великого хана в 1288 и 1289 гг. [76] Сначала Хубилай послал против Хайду Баяна, но вскоре счел великого, но стареющего полководца слишком медлительным и отозвал его. Баяна сменил один из внуков Хубилая, достигший больших успехов. [77] В 1289 г. Хайду почти дошел до Каракорума, прежде чем его отбили войска императора. Впрочем, и будучи вынужден уйти из этой области, он продолжал грабить границы империи Юань до самой своей смерти, наступившей в 1301 г., спустя семь лет после кончины Хубилая. [78]

Коротко говоря, в 1280-х гг. в отношениях с иностранными державами Хубилая преследовали неудачи. Морские походы на Японию и Яву, причинившие ему столько

^a Марко Поло, с. 102

огорчений, выглядят необъяснимыми, если не принимать во внимание его непомерное честолюбие и стремление упрочить свою легитимность. Оба похода закончились полным провалом и одновременно создали трудноразрешимые финансовые проблемы. Восстания против монгольской власти в Тибете и Маньчжурии усугубили эти сложности. Эти удары были достаточно чувствительны, но нельзя сказать, что 1280-е и начало 1290-х гг. ознаменовалось сплошными разочарованиями во всех сферах деятельности. К позитивным моментам следует отнести введение нового свода законов, исследование истоков Хуанхэ, основание и развитие новых школ и учреждений. И все же в целом взгляд на 1280-е и начало 1290-х гг. оставляет ощущение упадка.

Личные утраты Хубилая

Этот период принес Хубилаю горе и разочарования и в личной жизни. Смерть Чаби, скончавшейся в 1281 г., которую император ценил больше всех остальных жен, оставила Хубилая одиноким и осиротевшим. Ее сын Чжэнь-цзинь был назначен наследником. Ей единственной из всех жен была поставлена поминальная стела в храме Хубилая. [79] Чаби не раз приходила на помощь супругу в первые годы его правления. Может быть, это лишь совпадение, но именно после ее смерти самого Хубилая и весь Китай постигла череда потрясений. Вероятно, Чаби и не сумела бы предотвратить эти беды, но она могла бы оказывать благотворное влияние на мужа, удерживая его от принятия некоторых странных решений.

Намби, ставшая главной женой после смерти Чаби, была ее дальней родственницей. Вполне возможно, Чаби, сознавая, что здоровье ее пошатнулось, сама вы-

брала себе преемницу. К сожалению, нам не известно о Намби столько, сколько мы знаем о Чаби. По мере того, как Хубилай старел, а здоровье его ухудшалось, по сообщениям источников, Намби принимала важные политические решения по собственной инициативе. В последние годы царствования Хубилай допускал к себе лишь самый ограниченный круг лиц, возможно, из-за подавленности, постигшей его после смерти Чаби и некоторых других родичей. Его министры подавали доклады и донесения через Намби, а она, в свою очередь, передавала им указы и решения хана. Как полагают китайские источники, Хубилай, слабея, позволял ей издавать указы от своего имени, но они не приводят никаких конкретных примеров подобных решений. [80] Подобно многим другим знатным монголкам, она была самоуверенна и не терялась в политических вопросах.

Мы располагаем крайне скудными сведениями о других женах Хубилая. По традиции, у монгольских ханов было четыре ордо или женских домов, и Хубилай не был исключением. Его первая жена Тегулун умерла еще до того, как он стал великим ханом в 1260 г. Чаби и Намби, самые влиятельные из жен Хубилая, принадлежали ко второму ордо. Чаби родила Хубилаю четырех сыновей, а Намби — одного. Чжэнь-цзинь, сын Чаби, был назначен наследником Хубилая; второй ее сын Дорджи, умер еще при жизни отца. Два младших сына, Мангала (ум. 1280 г.), именовавшийся князем Аньси (в современной провинции Шаньси), и Номухан (ум. 1301 г.), князь Бэйань, не были названы преемниками, но, как мы видели, Хубилай вполне доверял им, поручая руководство важнейшими военными походами. [81] Другие его сыновья, включая Тогона, также получали важные военные назначения, но также испытывали влияние со стороны населения, которым управляли. Например, Ананда, сын

и наследник Мангалы, воспитывался в мусульманской семье и, достигнув зрелости, согласно Рашид ад-дину, обратил в ислам большую часть состоявших под его командованием войск, насчитывавших 150 000 человек. [82] О сыне Намби ничего не известно. Также ничего мы не знаем о женах Хубилая из третьего и четвертого ордо, кроме того, что от них у него родилось еще семеро сыновей.

Чаби была его любимой женой; ее смерть и смерть назначенного наследника, Чжэнь-цзиня, последовавшая в 1285 г., не только разбили ему сердце, но и разрушили все планы на передачу престола. Выдающуюся роль, которую играла Чаби, подтверждает то обстоятельство, что из всех жен Хубилая она единственная, чей портрет, нарисованный совместно китайским и тюрко-монгольским художниками, дошел до нас. [83] Несомненно, причудливые решения, принимавшиеся в конце его царствования, отчасти объясняются подавленностью, постигшей великого хана после ее смерти.

Возможно, столь же глубоко потрясла его потеря любимого сына и наследника Чжэнь-цзиня, который получил блестящее образование и воспитывался, чтобы со временем занять трон великого хана и императора Китая. Его воспитанием руководили самые выдающиеся люди того времени, наставлявшие его в самом широком спектре предметов — от китайской истории до буддизма. Он был прекрасно подготовлен для управления государством. Поэтому ранняя смерть, настигшая Чжэнь-цзиня, когда ему еще не было и пятидесяти, нанесла тяжелый удар Хубилаю и усугубила общую подавленность, воцарившуюся при императорском дворе. В конце концов преемником был назначен сын Чжэнь-цзиня, Темур, взойшедший на престол в 1294 г. и получивший храмовое имя Чэн-цзун.

В летописях сохранились более-менее подробные сведения лишь о двух дочерях Хубилая; мы не знаем, сколько их у него было всего. Это младшее поколение монгольских благородных дам практически не имело политического влияния. В отличие от таких влиятельных монголов, как Оэлун, мать Чингис-хана, или Чаби, дочери Хубилая не принимали участия в политической жизни. Возможно, они воспитывались в китайской культурной традиции, которая жестко ограничивала женский круг интересов и не допускала их к принятию политических решений. С другой стороны, возможно, дочерей Хубилая политика просто не интересовала. Как бы то ни было, китайские историки упоминают имена лишь двух его дочерей. Мяоянь удостоилась такого внимания за свою приверженность буддизму. Она ушла в монастырь Таньчжэсы, расположенном на Западных холмах Пекина, где и была похоронена. Она почитала богиню милосердия Гуаньинь «днем и ночью с таким рвением, что на плите, на которой она творила поклоны, остались отпечатки ее лба и ступней». [84] В одном из павильонов монастыря висел ее портрет, и, по сведениям путеводителя по Пекину за 1935 г., в то время он все еще там находился. [85] Вторая дочь, имя которой дошло до нас, Ху-ду-лу Цзе-ли-ми-ши, была из государственных соображений выдана Хубилаем за корейского правителя, чтобы укрепить связи между монгольским двором и корейскими вассалами. [86] Больше о дочерях Хубилая нам ничего неизвестно, но, конечно, их нельзя поставить рядом с самоуверенными и яркими женщинами поколения самого Хубилая и уж тем более прежних времен.

Испытав горечь личных утрат и неудач во внешней и внутренней политике, Хубилай все больше предавался пьянству и чревоугодию. При императорском дворе задавались все более и более роскошные пиры, на которых

в основном подавались традиционные монгольские блюда, главным образом мясо. Даже обычные трапезы обставлялись весьма пышно, как будто Хубилай искал забвения в еде. Главным пунктом меню была вареная баранина, которую дополняли также обильные и жирные мясные блюда. В типичном случае к трапезе на столе появлялись жареная грудинка ягненка, яйца, сырые овощи, приправленные шафраном и завернутые в блины, чай с сахаром, кумыс и напоминающий пиво хмельной напиток из проса. [87] Естественно, пиры устраивались с еще большим размахом. Монголы не чурались излишеств, и переедание, особенно на торжественных празднествах, было скорее правилом, чем исключением. Монгольские ханы вообще были склонны к пьянству, и Хубилай продолжил эту традицию. Он поглощал кумыс и вино в огромных количествах, и это, естественно, не внушало надежд, что ему удастся совладать с политическими кризисами, сотрясавшими его державу.

Пьянство и чревоугодие не могли не сказаться и на его здоровье. Последнее десятилетие своей жизни он страдал от ожирения и вызванных им недугов. На портрете, написанном с него Лю Гуаньдао в 1280 г., он уже предстает довольно тучным, но в конце 1280-х гг. неумеренность поистине взяла свое. Хубилай чрезвычайно растолстел, его стала мучить подагра и другие болезни. Плохое физическое состояние усугублялось алкоголизмом. Марко Поло был далеко не единственным свидетелем чрезмерного пьянства при монгольском дворе. Хубилай, как и многие монголы, не мог контролировать количество выпитого, особенно по мере того, как он старел и переносил один удар судьбы за другим. Он испробовал множество средств облегчить свои физические страдания — от лекарств и врачей из Юго-Восточной Азии до корейских шаманов. Ничто не принесло

ему исцеления, а сам он продолжал проводить время в попойках.

Старость, усталость, разочарования и пьянство в конце концов не могли не сказаться. Из китайских источников явствует, что в начале 1294 г. Хубилай пребывал в подавленном и угнетенном состоянии духа. Он даже отказался принять пришедших поздравить великого хана с Новым годом. Его старший боевой товарищ Баян прибыл ко двору, чтобы ободрить императора, но не преуспел. [88] Хубилай быстро слабел и 18 февраля на 80-м году жизни умер в павильоне своего дворца. [89] Князья и высшие сановники собрались, чтобы принести свои соболезнования Темуру, внуку и наследнику Хубилая, взошедшему на императорский престол под именем Чэн-цзун. Для выбора преемника был созван курилтай, который подтвердил решение Хубилая. Курилтай начал терять свое значение под давлением со стороны китайской традиции назначать преемника престола при жизни императора. Хубилай стремился следовать китайским обычаям и в этом важнейшем для государства аспекте.

Через несколько дней после смерти Хубилая траурный караван отправился в горы Хэнтэй, где должен был быть похоронен монгольский император. Точно место захоронения не было записано и до сих пор не установлено. В источниках также не упоминается, каким было погребение — простым или богатым. Если место захоронения одного из величайших правителей в истории Азии, а пожалуй, и всего мира, и было отмечено каким-либо грандиозным памятником, то он не сохранился до наших дней. В четвертый месяц года его внук предложил главным сановникам выбрать подобающее посмертное имя и определить подобающее место сооружения алтаря в честь Хубилая. Они возвели алтарь покойному

императору в семи ли к югу от Даду и дали ему храмовое имя Ши-цзу («основатель династии»). [90]

Однако Хубилаю не удалось привить своей династии традиции правильного, упорядоченного и не вызывающего споров престолонаследия, которая играла столь важную роль для поддержания жизнеспособности правящего рода. Сам Хубилай успешно подготовил передачу власти своему внуку, но междоусобицы не заставили себя долго ждать. Распри не прекращали сотрясать монгольский императорский дом. Например, в 1328–1329 гг. за престол вели борьбу два брата — Хошила и Тог-Темур. 27 февраля 1329 г. Тог-Темур прекратил борьбу и уступил трон старшему брату, принявшему девиз правления Тяньли. Однако 30 августа Хошила был убит (вероятно, отравлен сторонниками своего брата), и императором стал Тог-Темур, выбравший девиз правления Чжишунь. Рознь между двумя братьями как в зеркале отражала противостояние Хубилая и Ариг-Буки. Соперники расходились по тем же самым признакам: Хошила представлял интересы степных монголов-кочевников, а Тог-Темур опирался на окитаившихся соплеменников, обосновавшихся в Китае и усвоивших конфуцианскую идеологию. [91] Подобные внутридинастические междоусобицы ослабляли двор и по меньшей мере способствовали крушению, постигшему династию Юань в 1368 г. Таким образом, династия, основанная Хубилаем, продержалась у власти менее 75 лет после его смерти.

И все же не следует умалять достижений Хубилая. Хотя его наследие оказалось недолговечным, успехи, достигнутые им при жизни, доставили ему неувядающую славу. О его деяниях писали его современники, европейские и азиатские историки и путешественники, часто отзывавшиеся о Хубилае в чрезвычайно хвалебном тоне. Заметки Марко Поло познакомили европейцев с роско-

шью императорского двора и величием империи, подвластной великому хану, а Рашид ад-дин прославил его имя в мусульманском мире. Его правление с энтузиазмом описывали китайские летописцы, составители корейской хроники Корё-са и еврейский врач Бар-Гебрей.

Восхваления, доносившиеся с разных концов света, благоприятствовали осуществлению замыслов Хубилая, стремившегося предстать в облике повелителя Вселенной и привлечь к себе сердца самых разных групп населения. В глазах конфуцианцев, он был правителем широких взглядов и хорошо разбирался в людях. Китайская династическая история сообщает, что он назначал конфуцианцев на правительственные должности, способствовал распространению классических конфуцианских произведений и посредством китайской цивилизации «умиротворял варваров». Коротко говоря, он изображался в виде совершенного конфуцианского правителя. [92] Буддисты считали его бодхисаттвой мудрости, Манджушри. Мусульманские историки, в особенности Рашид ад-дин, представляют его покровителем мусульман. Марко Поло намекает, что Хубилай был непрочь обратиться в христианство. Эти различные оценки симпатий великого хана показывают, что он прекрасно умел завоевывать доверие различных групп, давая каждой понять, что именно она пользуется его особым благорасположением. И все же Хубилай оставался монголом и по духу, и по традициям.

Как любой монгольский хан, Хубилай часто предпринимал военные походы. Самым выдающимся его достижением в военной сфере явилось завоевание Южного Китая, население которого составляло более 50 миллионов человек. Эта война, требовавшая более тщательного планирования и организации, чем многие прежние походы монголов, укрепила его славу великого полководца.

Его военачальники уже не могли полагаться исключительно на мощь монгольской конницы, как в былые времена, а были вынуждены координировать ее действия с действиями пехоты и военно-морских сил, не говоря уж о работы тыловых служб, чтобы добиться успеха в этой широкомасштабной операции, растянувшейся по меньшей мере на десять лет. Безоговорочное поражение империи Сун увенчало собой первые два десятилетия царствования Хубилая.

И все же в конечном итоге избранный им политический курс привел к расколу монгольского общества. Чтобы управлять оседлой цивилизацией, Хубилай должен был осесть сам и усвоить некоторые политические, экономические и культурные представления своих оседлых подданных. Ступив на этот путь, он вызвал недовольство многих монголов. Когда великий хан фактически перенес столицу в китайский город Дадун, часть кочевых соплеменников вступила с ним в открытое противостояние. Ему пришлось бороться за власть сначала с младшим братом, а затем с двоюродными братьями Хайду и Наяном. Им не удалось свергнуть Хубилая с престола, но своими действиями они обнажили противоречия, разделявшие монгольский мир, и отсутствие единства, которое в конце концов привело к крушению Монгольской империи. У Хубилая была и другая возможность. Он мог остаться вождем кочевого народа и отказаться от попыток управлять Китаем и оседлой цивилизацией. В таком случае, вероятно, ему бы не довелось столкнуться с оппозицией со стороны кочевников, но он не сумел бы завоевать доверия и поддержки оседлых подданных и стал бы просто эксплуатировать свои китайские владения, вместо того чтобы действительно управлять завоеванными странами.

На всем протяжении своего царствования Хубилай стремился не отступать от монгольских устоев. Он назначал руководить военными походами монгольских военачальников, и даже в гражданской сфере не полагался только лишь на китайских советников и чиновников, привлекая к делам управления иноземцев. Хотя сам великий хан лично испытывал симпатий к буддизму и другим религиям, он продолжал исполнять обряды, предписанные шаманизмом, и придерживаться монгольских обычаев. Наконец, он не собирался отказываться от традиционной завоевательной политики.

Впрочем, в последнее десятилетие своей жизни Хубилай предпринял несколько дорогостоящих военных экспедиций, завершившихся полным провалом. Войны с Японией и государствами Юго-Восточной Азии не принесли монголам никакой выгоды. Строительство столицы, общественные работы для подъема китайской экономики и траты на предметы роскоши, к которым были неравнодушны и сам Хубилай, и его двор, усугубили финансовые трудности. Хубилай доверял управление финансами в основном чиновникам не-китайского происхождения, которые повышали налоги, расширяли государственные монополии и обесценивали бумажные деньги, чтобы повысить доходы. Такая политика оттолкнула многих китайцев.

Ранее Хубилай стремился завоевать доверие китайских подданных. Созданная им система управления напоминала структуры, действовавшие при китайских династиях, а восстановлением конфуцианских ритуалов он привлек к себе значительную часть китайского общества. Также великий хан назначал китайцев на видные правительственные должности. Хотя Хубилай не доверял традиционной китайской системе сдачи экзаменов на гражданский чин, он охотно принимал китайцев на службу

ко двору. Наконец, он оказывал покровительство китайским живописцам, ремесленникам и драматургам. Однако военные походы и связанная с этим необходимость повысить доходы казны подорвали его усилия и снизили как его авторитет в глазах китайцев, на поддержку со стороны которых он уже не мог рассчитывать с той же уверенностью, что раньше.

Сходным образом он был вынужден отказаться от своих притязаний на верховную власть над всеми монгольскими владениями. Золотая Орда встала на путь независимости задолго до восшествия Хубилая на престол. Чагатайский улус в Средней Азии был настроен враждебно к великому хану и стремился его свергнуть. Верность Хубилаю сохраняли только персидские ильханы, но поскольку сообщение между Персией и Даду было плохо налажено, ильханы правили своей страной совершенно самостоятельно. В конце концов они впитали мусульманскую культуру своих подданных и еще больше отделились от своих соплеменников в Восточной Азии. Даже такие области, как Маньчжурия, испокон веков входившие в сферу китайского культурного влияния, поднимали мятежи против Хубилая. Эти сложности усугублялись личными драмами, обрушившимися на него в последнее десятилетие жизни.

И все же нельзя преуменьшать его заслуги. Он стремился управлять самой крупной и самой населенной империей, каких не бывало прежде, а не просто эксплуатировать ее ресурсы. С прозорливостью, редкой для наследника кочевых традиций, он прилагал усилия, чтобы создать условия для благополучия населения и оградить интересы различных групп подданных, в те времена, когда подобные устремления были по меньшей мере нетривиальны. Политическими и экономическими средствами, поддержкой и поощрением культуры и торговли,

терпимостью к разным религиям он стремился объединить азиатские владения под властью монголов. Подобно многим другим империям, созданным великими правителями, его держава ненадолго его пережила. Ее слабости проявлялись еще при жизни самого Хубилая. Неудачные военные экспедиции, завышенные финансовые требования и личные проблемы перечеркнули его грандиозные замыслы. Его предшественники, в том числе и его дед Чингис-хан, не вынашивали замыслов править всем миром. Они и не стремились осуществить эту мечту. Хубилай также не смог ее воплотить, но его слава осталась в веках.

ПРИМЕЧАНИЯ

Глава 1. Ранняя история монголов

1. См. Morris Rossabi, «Trade Routes in Inner Asia».

2. Герберт Франке (Herbert Franke, «Sino-Western Contacts under the Mongol Empire», 50) в этом контексте пишет, что «остаются некоторые сомнения, было ли проще добраться из Венеции, Персии или с побережья Черного моря до Китая при монголах, чем несколько столетий ранее». Впрочем, он также отмечает, что, «несомненно, при монгольских императорах действительно существовали культурные контакты между Китаем и западными странами». Автор завершает статью следующим соображением: «Когда Колумб покидал Испанию в надежде открыть морской путь в Ост-Индию и Китай, державу великого хана, он взял с собой на корабль книгу Марко Поло. Но получилось так, что вместо восстановления контактов между Дальним Востоком и Западом он открыл Новый Свет» (p. 71).

3. 'Alā-ad-Dīn 'Ata-Malik Juvainī, *The History of the World Conqueror* (trans. John Andrew Boyle), 1:152 (далее Boyle, *History*).

4. F. W. Mote, «The Growth of Chinese Despotism: A Critique of Wittfogel's Theory of Oriental Despotism as Applied to China», 17.

5. Sechin Jagchid and Paul Hyer, *Mongolia's Culture and Society*, 9.

6. Sung Lien et al., *Yüan shih*, p. 2553 (далее *Yüan shih*); S. Jagchid and C. R. Bawden, «Some Notes on the Horse Policy of the Yüan Dynasty», 246.

7. О Чингис-хане среди прочих работ см. Владимирцов Б. Я. Чингисхан, а также René Grousset, *Conqueror of the World*:

The Life of Chingis Khan. В 1962 г. монголы и китайцы отпраздновали 800 лет со дня его рождения. О взглядах на Чингис-хана, устоявшихся в СССР и коммунистическом Китае, см. John Joseph Saunders, «Genghis Khan and the Communists», 390–96.

8. Owen Lattimore, «Chingis Khan and the Mongol Conquests», 57.

9. Gareth Jenkins, «A Note on Climatic Cycles and the Rise of Chinggis Khan», 222.

10. Важнейший монгольский источник, повествующий о начале жизненного пути Чингис-хана — «Сокровенное сказание» (в западной традиции — «Тайная история монголов»). Этот текст был переведен Эрихом Хэнишем (Erich Haenisch, *Die Geheime Geschichte der Mongolen*), который также транскрибировал текст *Manghol un Niuca Tobca'an* (Yüan-ch'ao pi-shi) и составил глоссарий *Wörterbuch zu Manghol un Niuca Tobca'an* (Yüan-ch'ao pi-shi). Обязательным дополнением к этому переводу является рецензия Кливза (F. W. Cleaves, *Harvard Journal of Asiatic Studies* 12 [1949]: 497–534) и его собственный перевод текста. Датировка Сокровенного сказания остается предметом научных споров. Предлагались датировки 1228, 1242 и 1252 гг. Несколько важных статей по этому вопросу: William Hung, «The Transmission of the Book Known as The Secret History of the Mongols», 433–92; Gari Ledyard, «The Mongol Campaigns in Korea and the Dating of the Secret History of the Mongols», 1–22; а также Igor de Rachewiltz, «Some Remarks on the Dating of the Secret History of the Mongols», 185–205. В работах Thomas T. Allsen, *The Mongols in East Asia, Twelfth-Fourteenth Centuries: A Preliminary Bibliography of Books and Articles in Western Languages*, 7–10, и Henry G. Schwarz, *Bibliotheca Mongolica*, Part I, 166–69, цитируются дополнительные источники по Сокровенному сказанию.

(В отечественной традиции классическим считается перевод С. А. Козина Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. под названием *Mongyol-un Niuca tobčiyan*. Юань Чао Би Ши. Монгольский обыденный сборник. М.–Л., 1941. — Прим. пер.)

11. Hsiao Ch'i-ch'ing, *The Military Establishment of the Yüan Dynasty*, 34–35.

12. Владимирцов Б. Я. Чингисхан, 24–25; дополнительно о кераитах см. Paul Pelliot and Louis Hambis, *Histoire des campagnes de Gengis Khan: Cheng-wou ts'in-tcheng lou*, 207–12. Вероятно, именно здесь уместно предостеречь читателя относительно некоторых биографий Чингис-хана. Речь прежде всего идет о двух книгах: Harold Lamb, *Genghis Khan: Emperor of All Men* и Peter Brent, *Genghis Khan: The Rise, Authority, and Decline of Mongol Power*. Эти книги, написанные для широкого круга читателей, неуместно выделяют восточную экзотику. Стиль изложения в них излишне насыщен драматическими эффектами, кроме того, они содержат массу ошибок и неточных транскрипций.

13. Herbert Franz Schurmann, *Economic Structure of the Yüan Dynasty*, 3.

14. Thomas T. Allsen, «The Yüan Dynasty and the Uighurs of Turfan in the 13th Century», в книге: *China among Equals: The Middle Kingdom and Its Neighbors, 10th-14th Centuries*, ed. Morris Rossabi, 244–45.

15. Классическая работа по истории Си Ся Е. И. Кычанов, *Очерк истории тангутского государства*.

16. Среди исследований, посвященных отдельным аспектам истории Цзинь, следует упомянуть несколько работ Tao Jing-shen: *The Jurchen in Twelfth-Century China: A Study of Sinicization*; «The Influence of Jurchen Rule on Chinese Political Institutions», 121–30; «Political Recruitment in the Chin Dynasty», 24–34; и «The Horse and the Rise of the Chin Dynasty», 183–89. Среди прочих значимых исследований следует также отметить Hok-lam Chan, *The Historiography of the Chin Dynasty: Three Studies*; idem, «Tea Production and Tea Trade under the Jurchen Dynasty», в книге: *Studia Mongolica: Festschrift für Herbert Franke*, ed. W. Bauer, 109–25; Herbert Franke, «Treaties Between Sung and Chin», *Études Song in memoriam Étienne Balázs*, ed. Françoise Aubin, 1:1, 55–84; idem, «Chinese Texts on the Jurchen», 119–86; Ho Ping-ti, «An Estimate of the Total Population of Sung-Chin China», 3–53; работы Герберта Франке, Чарльза Питерсона и Майкла Роджер-

са в книге: *China among Equals*, ed. Rossabi; а также устаревшую книгу Charles de Harlez, *Histoire de l'empire du Kin ou empire d'or*. Приличный список основных восточных источников по династии Цзинь можно найти в книге Тао, *The Jurchen*, 177–99.

17. Эти события подробно описаны в труде Т'о Т'о et al., *Chin shih*, 306–16 (бэньцзи императора Сюань-цзуна), и в биографическом разделе книги.

18. V. V. Barthold, *Turkēstan down to the Mongol Invasion*, 399.

19. Boyle, *History*, 106. Неоценимым источником по завоеванию Чингис-ханом Средней Азии является Джувейни.

20. Этот поход привлек внимание русских летописцев. См. Robert Michell and Nevill Forbes, trans., *The Chronicle of Novgorod, 1016–1471*, 64. E. Bretschneider, *Mediaeval Researches from Eastern Asiatic Sources*, 1: 294–99, а также Boyle, *History*, 142–49.

21. Erich Haenisch, «Die letzten Feldzüge Čingis Khans und sein Tod: Nach der ostasiatischen Überlieferung», 503–51. Джувейни утверждает, что у смертного одра Чингис-хана присутствовали все его сыновья, тогда как, по сообщению Рашид ад-дина, отца провожали только Угэдэй и Толуй. Далее Рашид ад-дин изображает великого хана Гуюка слабым, а Джувейни — энергичным правителем. О расхождении в трудах обоих историков см. John A. Boyle, «Juvainī and Rashīd al-Dīn as Sources on the History of the Mongols», в книге *Historians of the Middle East*, ed. B. Lewis and P. M. Holt, 133–37; Paul Pelliot, *Notes on Marco Polo*, 1: 353; V. V. Barthold, «The Burial Rites of the Turks and the Mongols», 204–05; John A. Boyle, «The Thirteenth-Century Mongols' Conception of the After Life: The Evidence of Their Funerary Practices», 8–10; Henry Serruys, «Mongol 'Qori': Reservation», 76–91; John A. Boyle, «The Burial Place of the Great Khan Ögedei», 46. Войлок часто использовался при погребении великих ханов — об этом см. Leonardo Olschki, *The Myth of Felt*, 16.

22. Краткое описание языковых проблем, с которыми столкнулись монголы, см. в работе Igor de Rachewiltz, «Some Remarks on the Language Problem in Yüan China», 65–80.

23. Valentin A. Riasanovsky, *Fundamental Principles of Mongol Law*, 83. См. также A. N. Poliak, «The Influence of Chingiz-Khan's Yasa upon the General Organization of the Mamlūk State», 862–76; в исследовании Curt Alinge, *Mongolische Gesetze* содержится краткое описание истории развития монгольского права.

24. Joseph Fletcher, «Turco-Mongolian Monarchic Tradition in the Ottoman Empire», 242.

25. Erich Haenisch, «Die Ehreninschrift für den Rebellen-general Ts'ui Lih», *Abhandlungen der Preussischen Akademie Wissenschaften Phil.-Hist. Klasse* 4.

26. Yanai Wataru, *Yüan-tai ching-lüeh tung-pei k'ao*, 82–91; см. также Morris Rossabi, *The Jurchens in the Yüan and Ming*; William Henthorn, *A History of Korea*, 117–18.

27. W. E. Allen, *A History of the Georgian People*, 109–12; Киракос Гандзакечи, *История Армении*, 137–38; Sechin Jagchid, «Meng-ku yü Hsitsang li-shih shang ti hsiang-hu kuan-hsi ho t'a tui chung-yüan ti ying-hsiang», 25–28; idem, «Meng-ku ti-kuo shih-tai tui T'u-fan ti ching-lüeh», 125–34; Luciano Petech, «Tibetan Relations with Sung China and with the Mongols», в книге *China among Equals*, ed. Rossabi, 181.

28. О Золотой Орде и походах на Русь см. труды Грекова и Якубовского, Вернадского и Шпулера. Из новейших работ можно порекомендовать: Хрусталева Д. Г. *Русь: От нашествия до «ига»*. 30–40-е гг. XIII в. СПб.: Евразия, 2008 (прим. ред.).

29. Iwamura Shinobu, «Mongol Invasion of Poland in the Thirteenth Century», 110; в одной польской летописи говорится, что монголы «пролили столько крови невинных людей, что потоки крови переполнили Вислу и вызвали наводнение» (р. 121).

30. Aritaka Iwao, «Gendai no nōmin seikatsu ni tsuite», в книге Kuwabara hakushi kanreki kinen tōyōshi ronsō, 94. Об Елюй Чуцае см. Igor de Rachewiltz, «Yeh-lü Ch'u-ts'ai (1189–1243): Buddhist Idealist and Confucian Statesman», в книге *Confucian Personalities*, ed. Arthur F. Wright and Denis Twitchett, 189–216.

31. *Yüan shih*, 3458.

32. Подробнее об этих мусульманах см. Morris Rossabi, «The Muslims in the Early Yüan Dynasty», в книге *China under Mongol Rule*, ed. John D. Langlois, 264–66.

33. Сведения о раскопках Каракорума, проведенных советскими учеными, можно найти в работе S. V. Kiselev, ed., *Drevnemongol'skie goroda*.

34. Murakami Masatsugu, «Genchō ni okeru senfushi to kandatsu», 161.

35. John A. Boyle, *The Successors of Genghis Khan*, 82.

36. Краткие китайские биографии Соррагтани-беки см. в *Yüan shih*, 897–98, и *T'u Chi*, *Meng-wu-erh shih-chi*, 19, 6b-7a.

37. Christopher Dawson, ed., *Mission to Asia*, 26.

38. Boyle, *Successors*, 168.

39. E. A. Wallis Budge, trans., *The Chronography of Gregory Abū'l Faraj: The Son of Aaron, the Hebrew Physician Commonly Known as Bar Hebraeus*, 1: 398.

40. Boyle, *History*, 2: 549–50. В труде Pétis de la Croix, *Histoire du Grand Genghizcan: Premier empereur des anciens Mongols et Tartares*, 513–17, представлена устаревшая, но полезная информация о доме Толуя.

41. Boyle, *Successors*, 164; некоторые его среднеазиатские походы описаны в работе J. A. Boyle, ed., *The Cambridge History of Iran: Volume 5, The Saljuq and Mongol Periods* (далее Boyle, *Cambridge History*), 313–15.

42. *Yüan shih*, 2885–87.

43. Boyle, *Successors*, 167. Тот же рассказ приводится в *Yüan shih*, 2887. О вопросах, связанных с этим сюжетом, см. Pavel Poucha, *Die geheime Geschichte der Mongolen als Geschichtsquelle und Literaturdenkmal*, 10, и Antoine Mostaert, *Sur quelques passages de l'Histoire secrète des Mongols*, 233.

44. Boyle, *History*, 2: 549–50; в своей книге *Papal Envoys to the Great Khans*, 82, Игор де Рахевильц безоговорочно утверждает, что Толуй умер от алкоголизма. В *Сокровенном сказании History* отмечается, что он умер в Китае в 1231 г., тогда как в *Юань-ши* приводится дата 1232 г., а местом смерти называется Монголия. См. краткое обсуждение этих разногласий в работе Francis W. Cleaves, «The Expression Jöb Ese Bol in the Secret History of the Mongols», 311–20.

45. Л. А. Хетагуров и др., пер. Рашид ад-дин. Сборник летописей, 2: 111–12.

46. Otagi Matsuo, Fubirai Kan, 78.

47. Boyle, Successors, 199–200.

48. Ibid., p. 200; V. V. Barthold, *Turkestan down to the Mongol Invasion*, 473.

49. A. C. Moule and P. Pelliot, *Marco Polo: The Description of the World*, 1:81.

50. В монгольских источниках (John R. Krueger, trans., «Sagang Sechen, History of the Eastern Mongols to 1662 (Erdeni-yin Tobči)», 70, и C. R. Bawden, trans., *The Mongol Chronicle Altan Tobči*, 143) излагается совершенно невероятная история о Чингис-хане и Хубилае. На смертном одре Чингис-хан якобы сказал собравшимся вокруг него: «Слова мальчика Кубилая оказались самыми замечательными. Действуйте же вы все в соответствии с его словом во всем». Обе эти монгольские летописи были составлены через несколько столетий после описываемых событий, и аутентичность этих указаний весьма сомнительна. Они отражают исход борьбы за власть между потомками Чингис-хана. Преодолев множество препятствий, Хубилай вззошел на престол. Вполне естественно, что летописцы стремились оправдать захват власти победителем. Поэтому они выдумали эту трогательную, но в высшей степени неправдоподобную сцену у ложа умирающего Чингис-хана.

51. Картина «Хубилай-хан на охоте» кисти Лю Гуаньдао воспроизведена в книге *Masterpieces of Chinese Figure Painting in the National Palace Museum*, plate 30 and pp. 86, 146. Это картина на шелке, 182.9 на 104.1 см.

52. Igor de Rachewiltz, «Turks in China under the Mongols», в книге *China among Equals*, ed. Rossabi, 286–87.

53. О ее взглядах см. Т'и, *Meng-wu-erh shih-chi*, 19, 6b-7a.

54. Otagi, Fubirai Kan, 85–87.

55. Katsufuji Takeshi, Fubirai Kan, 87–90.

56. Yüan shih, 57–58.

57. В Юань-ши нет биографии Хайюня. Главный источник по его жизни и карьере — Fo-tsu li-tai t'ung-tsai.

58. Ch'en Yüan hsien-sheng chin nien-nien shih-hsüeh lun-chi, 24.

59. Kunishita Hirosato, «Gensho ni okeru teishitsu to Zensō to no kankei ni tsuite», 107–09.

60. О Чжао см. также Harvard Yenching Institute Sino-logical Index Series, Combined Indices to Thirty Collections of Liao, Chin, and Yüan Biographies (далее CILCY), 35d; и Igor de Rachewiltz and May Wang, Index to Biographical Material in Chin and Yüan Literary Works, Second Series (далее IBCY 2), 14. О Доу см. CILCY, 66c; IBCY 2, 73; и K'o Shao-min, Hsin Yüan shih, в книге Erh-shih-wu shih, 6921 (далее Hsin Yüan shih).

61. Об этом «негласном комитете» конфуцианских советников см. Hsiao Ch'i-ch'ing, «Hu-pi-lieh shih-tai 'ch'ien-ti chiu-lü' k'ao», 18–20.

62. Хороший обзор возможных мотивов см. в работе Dietlinde Schlegel, Hao Ching (1222–1275): ein chinesischer Berater des Kaisers Kublai Khan, 28–32.

63. Yüan shih, 3823; CILCY, 135c-d.

64. Yüan shih, 3824; Tu, Meng-wu-erh shih-chi, 85, 3a.

65. Walter Fuchs, «Analecta zur mongolischen Übersetzungsliteratur der Yüan-Zeit», 38–39.

66. Herbert Franke, «Could the Mongol Emperors Read and Write Chinese?» 29.

67. Об уйгурском влиянии на монголов см. Thomas T. Allsen, «The Yüan Dynasty and the Uighurs of Turfan in the 13th Century», в книге China among Equals, ed. Rossabi; а также Li Fu-t'ung, «Wei-wu-erh jen tui-yü Yüan-ch'ao chien-kuo chih kung-hsien», 334–37.

68. Yüan shih, 3246; Paul Pelliot, Recherches sur les Chrétiens d'Asie centrale et d'Extrême-Orient, 247; о Мунгсузе см. также A. von Gabain, «Ein chinesisch-uirgischer Blockdruck», в книге Tractata Altaica: Festschrift für Denis Sinor, 203–10; и Herbert Franke, «A Sino-Uighur Family Portrait: Notes on a Woodcut from Turfan», 33–40.

69. О мусульманах см. Rossabi, «The Muslims», 257–95.

70. О конфуцианских советниках Хубилая см. Yao Ts'ung-wu, «Hu-pi-lieh han tui-yü Han-hua t'ai-tu ti fen-hsi», 22–32; и Sun K'o-k'uan, Yüan-ch'u ju-hsüeh.

71. Ее краткую биографию см. в *Yüan shih*, 2871–72. Портреты Чаби см. в работах *Masterpieces of Chinese Portrait Painting in the National Palace Museum*, plate 34; и Е. Esin, «A Pair of Miniatures from the Miscellany Collections of Topkapi», 3–35.

72. Shao Hsün-cheng, «Yüan-shih La-t'e-chi-shih Meng-ku ti-shih shih-hsi so-chi Shih-tsu hou-fei k'ao», 969–75; Pelliot, *Notes on Marco Polo*, 1: 567–68.

73. Китайские, монгольские и персидские источники расходятся в перечислении ее сыновей. Согласно Рашид ад-дину, у нее было три сына — Дорджи, Номухан и Мангала (Boyle, *Successors*, 242–43). Однако Юань-ши (*Yüan shih* 2871, 2888) добавляет к этому списку Чжэнь-цзиня. Ту Цзи (Т'и, *Meng-wu-erh shih-chi*, 19, 7b) не упоминает Дорджи, но называет Чжэнь-цзиня, Номухана и Мангалу. В монгольской летописи *Erdeni-yin Tobči* говорится, что у нее было четыре сына (I. J. Schmidt, trans., *Geschichte der Ost-Mongolen und ihres Fürstenhauses verfasst von Ssanang Ssetsen Chungtaidschi*, 118). О ее сыновьях и пожалованиях, полученных ими от двора, см. Isenbike Togan, «The Chapter on Annual Grants in the *Yüan shih*», 165ff.

74. *Yüan shih*, 353; T'ao Hsi-sheng, «Yüan-tai fo-ssu t'ien-yüan chi shang-tien», 109.

75. О ней сохранилось краткое упоминание в китайской династической истории. См. *Yüan shih*, 2870. Изыскания о ее прошлом см. Igor de Rachewiltz, «The Secret History of the Mongols: Chapter Eight», 33; и Paul Pelliot, *Les Mongols et la Papauté*, 193–95.

76. H. G. Raverty, trans., *Jüzjānī: Tabakāt-i-Nāsirī: A General History of the Muhammadan Dynasties of Asia*, 1144; Boyle, *Successors*, 176.

77. Boyle, *History*, 243–45; Hsiao Ch'i-ch'ing, *Hsi-yü-jen yü Yüan-ch'u cheng-chih*, 40–44; Сообщается, что Фатима околдовала Торэгэне. О колдуньях у монголов см. John Boyle, «Kirakos of Ganjak on the Mongols», 208.

78. Фатима была обвинена в волшбе и осуждена, а затем «ей зашили верхние и нижние отверстия тела и, завернув ее в кошку, бросили в воду» (Boyle, *History*, 246).

79. Turrell V. Wylie, «The First Mongol Conquest of Tibet Reinterpreted», 113; James E. Bosson, *A Treasury of Aphoristic Jewels: The Subhasi-tarananidhi of Sa Skya Pandita in Tibetan and Mongolian*, 5; Guiseppi Tucci, *Tibetan Painted Scrolls*, 1: 10–12. См. также D. Schuh, «Wie ist die Einladung des fünften Karma-pa an den chinesischen Kaiserhof als Fortführung der Tibet-Politik der Mongolen-Khane zu verstehen», в книге *Altaica Collecta*, ed. Walther Heissig, 230–33; George Huth, *Geschichte des Buddhismus in der Mongolei*, 130–35; Luciano Petech, «Tibetan Relations with Sung China and with the Mongols», в книге *China among Equals*, ed. Rossabi, 182; Helmut Hoffman, *The Religions of Tibet*, 135–37; George N. Roerich, trans., *The Blue Annals*, 582; R. A. Stein, *Tibetan Civilization*, 77–78; Li Tieh-tseng, *Tibet: Today and Yesterday*, 18–19. Докторская диссертация Л. Квантена (Luc Herman M. Kwanten «Tibetan-Mongol Relations during the Yüan Dynasty, 1207–1368»), посвященная этому периоду, пестрит ошибками.

80. Sirarpie Der Nersessian, *The Armenians*, 41–43; Киракос Гандзакечи, *История Армении*, 175–92; см. также устаревшие, но полезные в некоторых отношениях работы E. Du-laurier, «Les Mongols d'après les historiens arméniens», 192–255, 426–73, 481–508; M. Klaproth, «Des entreprises des Mongols en Géorgie et en Arménie dans le xiii e siècle», 193–214; о Лаясе см. W. Heyd, *Histoire du commerce du Levant au moyen-âge*, 75; см. также перевод рассказа об Армении одного из племянников Хетума I в *Recueil des historiens des croisades: Documents arméniens II*, еще одно описание путешествия см. в Sirarpie Der Nersessian, «The Armenian Chronicle of the Constable Smpad or of the 'Royal Historians,'» 141–68; Herbert Duda, *Die Seltschukengeschichte des Ibn Bibi*.

81. Лучшее издание латинского оригинала см. у Вингерта (Wyngaert).

82. Boyle, *Successors*, 180–88; подробнее о Гуюке см. устаревшую и менее надежную работу E. Blochet, «La mort du Khaghan Kouyouk», 160–71.

83. Boyle, *Successors*, 201.

84. Yüan shih, 826; Louis Hambis, «Le voyage de Marco Polo en Haute Asie», в книге *Oriente Poliano*, 178.

85. Boyle, *Successors*, 212–13.

86. Ibid., 218; Budge, trans., *Chronography*, 420–24; Bertold Spuler, *Die Mongolen in Iran: Politik, Verwaltung, und Kultur der Ilchanzeit, 1220–1350*, 238.

87. О правлении Мункэ см. также Thomas T. Allsen, «Politics of Mongol Imperialism: Centralization and Resource Mobilization in the Reign of the Grand Qan Möngke, 1251–59». Оценка политики Мункэ, данная Олсеном, кажется слишком радужной. Он приписывает Мункэ слишком большие успехи и часто называет его инициатором мероприятий, предложенных и задуманных другими людьми; в Юань-ши содержится хорошее, но краткое описание политики Мункэ в начальный период царствования.

88. Hsiao, *Military Establishment*, 13.

89. О приказах подчиниться см. Eric Voegelin, «The Mongol Orders of Submission to European Powers, 1245–1255», 405–09.

90. Самая выдающаяся работа об ордене исмаилитов — Marshall G. S. Hodgson, *The Order of Assassins: The Struggle of the Early Nizārī Ismā'īlīs against the Islamic World*. Царь Армении Хетум I был ценным союзником Хулагу в западных походах. О Хетуме см. M. J. Brosset, *Deux historiens arméniens, Kirakos de Gantzag, Oukhtanes d'Ourha*; John Boyle, «The Journey of Het'um I, King of Little Armenia to the Court of the Great Khan Möngke», 175–89; Bretschneider, *Mediaeval Researches*, 1:164–72; и Der Nersessian, «Armenian Chronicle», 141–68.

91. Marshall G. S. Hodgson, «The Isma'ili State», в книге Boyle, *Cambridge History*, 431.

92. Étienne Marc Quatremère, *Raschid-Eldin: Histoire des Mongols de la Perse* 1: 283–99; Bertold Spuler, *The Muslim World, a Historical Survey: Part II, The Mongol Period*, 18–21; и John Boyle, «The Death of the Last 'Abbāsīd Caliph: A Contemporary Muslim Account», 145–61.

Глава 2. Возвышение Хубилая

1. Yüan shih, 3712–13; см. также его биографию в работе Hok-lam Chan, «Yao Shu (1201–1278)»; Hsin Yüan shih, 6922;

и Li Chieh, Yüan shih, 48. В биографии, написанной Чаном, содержится обширная библиография исследований, посвященных Яо Шу. Индекс к Юань-ши, подготовленный в Японии коллективом авторов (Tamura et al., Genshi goi shūsei), оказался бесценным помощником по описанию этих и многих других событий, освещенных в нашей книге.

2. Yüan shih, 48; Ch'en Pang-chan et al., Sung-shih chi-shih pen-too, 858–59. Династия Цзинь правила с 1115 по 1234 гг.

3. Li Chieh, Yüan shih, 48–49; Yüan shih, 3713.

4. Hok-lam Chan, «Yao Shu», 26.

5. Об Урянхадае см. Yüan shih, 2979. В довольно запутанном отрывке Рашид ад-дин приписывает Урянхадаю честь главного творца успеха в этом походе (см. Boyle, Successors, 227); Пеллио (Pelliot, Notes on Marco Polo, 170) соглашается с утверждением Рашид ад-дина.

6. Katsufuji, Fubirai Kan, 101–06.

7. Yüan shih, 59; Joseph F. Rock, The Ancient Na-khi Kingdom of Southwest China, 1:392; Hsia Kuang-nan, Yüan-tai Yün-nan shih-ti ts'ung-k'ao mu-lu, 107; и Lü Shih-p'eng, «Yüan-tai chih Chung-Yüeh kuan-hsi», 11–12.

8. О Цао Бине см. T'o T'o et al., Sung shih, 8977–83. См. также Herbert A. Giles, A Chinese Biographical Dictionary, 759–60. О дополнительных источниках см. Wang Te-i et al., Sung-jen chuan-chi tzu-liao so-yin (далее SJCC), 2190–91; Yüan shih, 3713.

9. Имена его послов приводятся в Yüan shih, 59; эту же историю рассказывает д'Оссон (C. d'Ohsson, Histoire des Mongols, depuis Tchinguiz-Khan jusqu'à Timour-Bey ou Tamerlan 2:310–14).

10. Yüan shih, 59–60.

11. Ibid.

12. Об этих событиях см. также Édouard Chavannes, «Inscriptions et pièces de chancellerie chinoises de l'époque mongole», 1–5; Чарльз Фиц-Джеральд (Charles P. Fitzgerald, The Southern Expansion of the Chinese People, 65) пишет о походе Хубилая на Да-ли, что «их появление было совершенно неожиданным, поскольку они проделали путь в более чем 600 миль по дикой местности, практически неизвестной путешествен-

никам». В классическом труде René Grousset, *L'empire des steppes*, 350–51, начало похода ошибочно датируется 1252 г.

13. Yüan shih, 59; Yao Ts'ung-wu, «Hu-pi-lieh han tui-yü Han-hua t'ai-tu ti fen-hsi», 23–24.

14. Yüan shih, 59–60. Мне не удалось разыскать никаких сведений о Лю Шичжуне.

15. Lü Shih-p'eng, «Yüan-tai chih Chung-Yüeh kuan-hsi», 11–13; Yüan shih, 2979–80; о ходе событий с точки зрения аннамцев см. D. G. E. Hall, *A History of South-East Asia*, 186–87; тибетцев также встревожили походы Урянхада; об этом см. Liu Kuang-i, «T'u-lu-fan Fo-chiao yü Yüan Shih-tsu» в книге *Ta-lu tsa-chih shih-hsüeh ts'ung-shu*, 239–41.

16. Yüan shih, 3085.

17. Ch'en Yüan, *Western and Central Asians in China under the Mongols*, 22.

18. Hok-lam Chan, «Liu Ping-chung (1216–1274): A Buddhist-Taoist Statesman at the Court of Khubilai Khan», 102–03, 113; см. также его биографию в Yüan shih, 3687–94.

19. Yüan shih, 3688–90.

20. Позднее Ван Э убедил Хубилая дать согласие на составление такой истории. См. Hok-lam Chan, «Wang O (1190–1273)», 43–70, и «The Compilation and Sources of the Chin-shih», 125–63, позднее перепечатанные в книге *The Historiography of the Chin Dynasty: Three Studies*, 1–65. См. также Hok-lam Chan, «Chinese Official Historiography at the Yüan Court: The Composition of the Liao, Chin, and Sung Histories» в книге *China under Mongol Rule*, ed. by John Langlois, 56–106.

21. Pelliot, *Notes on Marco Polo*, 256.

22. Yüan shih, 60.

23. Ibid., 92. О важности этого города в качестве одной из опор легитимности для Хубилая см. Herbert Franke, *From Tribal Chieftain to Universal Emperor and God: The Legitimation of the Yüan Dynasty*, 39.

24. Harada Yoshito, *Shang-tu: The Summer Capital of the Yüan Dynasty in Dolon Nor, Mongolia*, 11. О Чанъани, столице династии Тан, см. Arthur F. Wright, «Symbolism and Function: Reflections on Changan and Other Great Cities», 667–79; о гео-

мантии см. предварительное исследование Andrew L. March, «An Appreciation of Chinese Geomancy», 253–67.

25. Хорошие зарисовки плана города можно найти в работе Komai Kazuchika, «Gen no Jōto narabi ni Daito no heimen ni tsuite», 131–32.

26. Harada, Shang-tu, 6–7, 14–16; см. также Ishida Mikiunosuke, «Gen no Jōto ni tsuite», 271–319.

27. James Legge, The I Ching: The Book of Changes, 32–33.

28. S. W. Bushell, «Notes on the Old Mongolian Capital of Shangtu», 329–38; см. также ценное сообщение Lawrence Impey, «Shang-tu, Summer Capital of Khubilai Khan», 584–604.

29. Harada, Shang-tu, 9.

30. Boyle, Successors, 277.

31. Moule and Pelliot, Marco Polo, 1: 185; Henry Yule, The Book of Ser Marco Polo, the Venetian, Concerning the Kingdoms and Marvels of the East, 298–99. В работе Юла приводится меньше подробностей о Шанду, чем в издании и переводе книги Марко Поло, выполненном Мулем и Пеллио.

32. Harada, Shang-tu, 17–19.

33. Moule and Pelliot, Marco Polo, 187.

34. Поэму Кольриджа «Кубла Хан» можно прочесть в издании Oscar Williams, F. T. Palgrave's The Golden Treasury, 267–68.

(На русский язык поэма была переведена К. Бальмонтом. Цитата из этого перевода и приведена в тексте. — Прим. пер.)

35. Yao Ts'ung-wu, «Hu-pi-lieh han yü Meng-ko han chih-li Han-ti ti ch'i-chien», 225–26.

36. Yüan shih, 3713; Tamura Jitsuzō, «Ari Buka no ran ni tsuite», 4–7.

37. Yüan shih, 3660.

38. Katsufuji, Fubirai Kan, 109–11.

39. Yüan shih, 3075; Yao Ts'ung-wu, «Hu-pi-lieh han yü Meng-ko han», 223–25.

40. Yao Ts'ung-wu, «Hu-pi-lieh han yü Meng-ko han», 227.

41. Hok-lam Chan, «Yao Shu», 28; Yüan shih, 3713.

42. Хорошие описания даосизма как в философском плане, так и в аспекте народных верований можно найти в работах

Holmes Welch, *Taoism: The Parting of the Way*; и Herrlee G. Creel, *What Is Taoism? and Other Studies in Chinese Cultural History*.

43. О секте Цюаньчжэнь см. краткое описание в книге: Arthur Waley, *The Travels of an Alchemist*, 21–26; более подробное описание различных даосских сект в эпоху Юань см. в статье Sun K'o-k'uan, «Yü Chi and Southern Taoism during the Yüan Period», в книге: *China under Mongol Rule*, ed. by John Langlois, 214–220. См. также работу профессора Суня на китайском, Yüan-tai Tao-chiao chih fa-chan.

44. Всестороннее исследование роли буддизма в истории Китая см. в книге Arthur F. Wright, *Buddhism in Chinese History*, а также Kenneth Ch'en, *Buddhism in China: A Historical Survey*.

45. См. подробнее о тибетских религиях Hoffman, *The Religions of Tibet*.

46. О спорах относительно теории хуаху см. Paul Pelliot, «Les Mo-ni et le Houahou king», 318–27; Joseph Thiel, «Der Streit der Buddhisten und Taoisten zur Mongolenzeit», 1–81; Noritada Kubo, «Prolegomena on the Study of the Controversies between Buddhists and Taoists in the Yüan Period», 39–61; Nogami Shunjō, «Gendai Dō Butsu nikyō no kakūshitsu», 213–75; Feng Ch'eng-chün, Yüan-tai pai-hua pei, 16–20; Wang Wei-ch'eng, «Lao-tzu hua-hu-shuo k'ao-cheng», 44–55.

47. Даосы именовались сяньшэн — в романизированной передаче Марко Поло сенсин (см. Moule and Pelliot, *Marco Polo*, 191; в переводе И. П. Минаева сенси. — прим. пер.). О «Хуаху цзин» см. Kuwabara Jitsuzō, «Rōshi Kekukyō», 1–14; и Chavannes, «Inscriptions et pièces», *T'oung Pao* 5 (1904): 375–85 and 6 (1905): 1–42.

48. Kenneth Ch'en, «Buddhist-Taoist Mixtures in the Pa-shih-i-hua t'u», 1–12.

49. О Махакашьяпе см. William Edward Soothill and Lewis Hodous, comps., *A Dictionary of Chinese Buddhist Terms*, 316b.

50. Kenneth Ch'en, *Buddhism in China*, 185–86.

51. Paul Demiéville, «La situation religieuse en Chine au temps de Marco Polo» в книге *Oriente Poliano*, 207–08.

52. Об этих спорах см. издания Taishō shinshū daizōkyō.

53. Moule and Pelliot, Marco Polo, 201.

54. Перевод отрывка из Fo-tsu li-tai t'ung-tsai цитируется по работе Sechin Jagchid, «Chinese Buddhism and Taoism during the Mongolian Rule of China», 77.

55. Подробнее о Сакия Пандите см. Bosson, A Treasury.

56. Wylie, «First Mongol Conquest», 119. В литературе на данный момент отсутствует хорошая биография этого выдающегося тибетского ламы. В Юань-ши (4517–18) приводятся лишь самые скудные подробности о его жизни. Полезный подбор библиографии можно найти в работе Nakano Miyoko, A Phonological Study on the 'Phags-pa Script and the Meng-ku Tzu-yün. О значении его деятельности в культурном аспекте см. Nicholas Poppe, The Mongolian Monuments in hP'ags-pa Script.

57. Roerich, The Blue Annals, 486; о привлекательности тибетского буддизма в противопоставлении с китайским чань-буддизмом см. Demiéville, «La situation religieuse», в книге Oriente Poliano, 206.

58. Nakano, A Phonological Study, 33–34; Schmidt, Geschichte der Ost-Mongolen, 114–17; Tsepon W. D. Shakabpa, Tibet: A Political History, 64–65; Hoffmann, The Religions of Tibet, 137–38.

59. Самые важные участники перечислены в сочинении Hsiang-mai, Pien-wei lu, 4: 20b-21a.

60. Yu. N. Rerikh, «Mongol-Tibetan Relations in the 13th and 14th Centuries», 47–48. Перевод избранных мест из «Ши-цзи» Сыма Цяня, выполненный Бертоном Уотсоном, см. в книге Records of the Grand Historian of China.

61. Chavannes, «Inscriptions et pièces», 382–84.

62. В 1259 г, выступая в поход на Южную Сун, Хубилай даже обратился к даосам за прорицанием, и один из них ответил: «Через 20 лет вся Поднебесная будет объединена». См. Janet Rinacker Ten Broeck and Yiu Tung, «A Taoist Inscription of the Yüan Dynasty: The Tao-chiao pei», 10.

63. Katsufuji, Fubirai Kan, 118.

64. Shiba Yoshinobu, «Urbanization and the Development of Markets in the Lower Yangtze Valley», в книге Crisis and Prosperity in Sung China, ed. by John W. Haeger, 22.

65. Grousset, *L'empire des steppes*, 380; см. также Grousset, *The Empire of the Steppes: A History of Central Asia*, 283.

66. *Yüan shih*, 50.

67. Об обряде возлияния кобыльим молоком и его значении см. Paul Ratchnevsky, «Über den mongolischen Kult am Hofe der Grosskhane in China», в книге *Mongolian Studies*, ed. Louis Ligeti, 426; Марко Поло также упоминает этот обычай; см. Moule and Pelliot, *Marco Polo*, 234.

68. Spuler, *Die Mongolen in Iran*, 48–51; Boyle, *Successors*, 247–48.

69. Yao Ts'ung-wu, «Yüan Hsien-tsung (Meng-ko Han) ti ta-chü cheng-Shu yü t'a-tsai Ho-chou Tiao-yü Ch'eng ti chan-ssu», 66–67.

70. Katsufuji, *Fubirai Kan*, 120.

71. Yao Ts'ung-wu, «Yüan Hsien-tsung», 63. Особенно достоверен рассказ о походе одного из его участников, Елюй Чжу, сына выдающегося советника великих ханов Елюй Чуцая.

72. Katsufuji, *Fubirai Kan*, 116–18.

73. См. описание сложностей, связанных с этим походом, в работе Yao Ts'ung-wu, «Yüan Hsien-tsung».

74. *Yüan shih*, 50–51.

75. *Ibid.*, 53.

76. Katsufuji, *Fubirai Kan*, 118–19.

77. *Li Chieh*, *Yüan shih*, 50.

78. *Yüan shih*, 54.

79. Boyle, *Successors*, 228.

80. *Yüan shih*, 63.

81. *Ibid.*, 61.

82. *Ibid.*

83. Boyle, *Successors*, 248.

84. *Yüan shih*, 62. О позднейшем отображении в живописи осады Эчжоу см. J. Marek and H. Knížková, *The Jenghiz Khan Miniatures from the Court of Akbar the Great*, plate 20.

85. Оценку роли Цзя Сыдао в этой кампании см. в работе Herbert Franke, «Chia Ssu-tao (1213–1275): A 'Bad Last Minister,'» в книге: *Confucian Personalities*, ed. Arthur F. Wright and Denis Twitchett, 225–29.

86. Yüan shih, 62; также сведения о Люе см. в SJCC, 1192–93.

87. О договоре, заключенном в Шаньюань см. C. Schwarz-Schilling, *Der Friede von Shan-yüan* (1005 n. Chr.), а также статьи Wang Gungwu и Tao Jing-shen в книге: *China among Equals*, ed. Rossabi.

88. Перевод Франке в статье Franke, «Chia Ssu-tao», 227.

89. Togan, «Annual Grants», 160–65.

90. Yüan shih, 62–63.

91. Ibid., 63.

92. Boyle, *Successors*, 249.

93. Ibid., 250.

94. Ibid., 251.

Глава 3. Великий хан

1. Марко Поло ошибочно утверждает, что Хубилай вззошел на трон в 1256 г. Причины этой ошибки обсуждает Пеллио (Pelliot, *Notes on Marco Polo*, 566–67).

2. Yüan shih, 65.

3. См. H. G. Raverty, trans., *Tabakāt-i-Nāsiri: A General History of the Muhammadan Dynasties of Asia*, 1252.

4. *Recueil des historiens des Croisades*, 2:13; Der Nersessian, «*Armenian Chronicle*», 159–60.

5. Quatremère, *Histoire des Mongols*, 341–45.

6. P. M. Holt, Ann K. S. Lambton, and Bernard Lewis, eds., *The Cambridge History of Islam*.

7. Подробнее о Бейбарсе, впоследствии четвертом мамлюкском султane, см. Syedah Fatima Sadeque, *Baybars I of Egypt*.

8. Holt, Lambton, and Lewis, *Cambridge History of Islam*, 212–13; обзор последних исследований, посвященных этой битве, см. J. M. Smith, «*Ayn Jālūt: Mamlūk Success or Mongol Failure*», 307–45.

9. Quatremère, *Histoire des Mongols*, 353.

10. См. George Vernadsky, *The Mongols and Russia*, 162–63; Bertold Spuler, *Die Goldene Horde: Die Mongolen in Russland, 1223–1502*, 40–42; Grekov and Iakoubovski, *La Horde d'Or*, 76–77.

11. Yüan shih, 64–65.

12. Ibid., 65; о стремлении Хубилая укрепить свою легитимность на престоле китайских императоров см. Franke, *From Tribal Chieftain*, 25–52. Как отмечает Франке, Хубилай отклонился от традиционной схемы: он выбрал девиз правления за десять лет до присвоения китайского названия своей династии; обычно оба названия принимались одновременно. Указ, провозглашающий девиз правления, по-видимому, заимствованный из «И цзин», написал Ван Э. Франке полагает (р. 27), что «отсылка к «Книге перемен» [в эдикте Ванна], возможно, относится к Комментариям на гексаграмму Цянь («Творчество»), где говорится о человеке, появляющемся подобно «дракону на поле» и несущем в себе качества правителя — воспитанность и умеренность (чжун). Если это толкование справедливо, девиз правления Чжун-тун следует переводить «Умеренное правление». Джон Ланглуа переводит девиз «Поворотное наследование». См. его введение к книге *China under Mongol Rule*, 5. О Ван Э см. *Hok-lam Chart*, «Wang O», 43–70; и *CILCY*, 22с.

13. Yüan shih, 63; см. упоминания о Ван Вэньтуне в *CILCY*, 18b.

14. T'o T'o, *Sung shih*, 13781; несколько сокращенную биографию см. в Herbert Franke, ed., *Sung Biographies*, 206.

15. Schlegel, *Hao Ching*, 116–222.

16. Одна из последних работ по взаимоотношениям уйгуров и династии Юань: Thomas Allsen, «The Yüan Dynasty and the Uighurs of Turfan in the 13th Century», в книге *China among Equals*, ed. Rossabi, 243–80.

17. John W. Dardess, «From Mongol Empire to Yüan Dynasty: Changing Forms of Imperial Rule in Mongolia and Central Asia», 122–23.

18. Kiselev, *Drevnemongol' skie goroda*, 117–25.

19. См. ценные подробности о восстании Ариг-Буки работы Tamura Jitsuzō, «Ari Buka no ran ni tsuite», 1–16, и Ch'en Pang-chan, *Sung-shih chi-shih pen-too*. Юань-ши и Рашид ад-дин предлагают самые подробные описания хода этого мятежа.

20. Boyle, *Successors*, 255; Питер Джэксон (Peter Jackson, «The Accession of Qubilai Qa'an: A Re-examination», 2–6) обсуждает предвзятость Рашид ад-дина по отношению к Ариг-Буке.
21. Yüan shih, 66.
22. Ibid., 66–67.
23. Katsufuji, *Fubirai Kan*, 148–49; d'Ohsson, *Histoire des Mongols*, 2:344–48; о Лю Тайпине см. CILCY, 189с.
24. Katsufuji, *Fubirai Kan*, 49–150.
25. Yüan shih, 68–69.
26. Ibid., 68.
27. Китайский взгляд на Ариг-Буку см. в Hsin Yüan shih, 6849. В Юань-ши нет биографии Ариг-Буки; см. также CILCY, 182а.
28. Бартольд (Barthold, *Turkestan*, 488) также обсуждает попытки Алгу вытеснить войска Берке из Средней Азии.
29. Boyle, *Successors*, 256.
30. Yüan shih, 76; Boyle, *Successors*, 256–57; Grousset, *L'empire des steppes*, 353.
31. Joseph Hammer-Purgstall, trans., *Geschichte Wassaf's*, 25–26.
32. Boyle, *Successors*, 259.
33. См. изображение битв между Алгу и Ариг-Букой в Marek and Knížková, *Miniatures*, plate 19.
34. Boyle, *Successors*, 261.
35. Ibid., 262–65.
36. Подробнее о прошлом его рода см. Charles A. Peterson, «Old Illusions and New Realities: Sung Foreign Policy, 1217–1234», в книге *China among Equals*, ed. Rossabi, 218.
37. Yüan shih, 4591; о Ли Тане см. CILCY, 90b.
38. Yüan shih, 66; о Суне см. CILCY, 64а.
39. Хорошее исследование некоторых аспектов мятежа Ли Таня Otagi Matsuo, «*Ri Dan no hanran to sono seijiteki igi*», 253–55. См. также Sun K'o-k'uan, «*Yüan-ch'u Li T'an shih-pien ti fen-hsi*», 7–15.
40. Yüan shih, p. 69.
41. Ibid., 4593.
42. Ibid., 82.

43. Ibid., 4593.
44. Ibid., 86. О Ши Чу см. CILCY, 13a.
45. О Ване в начале царствования Хубилая см. Yan-shuan Lao, «The Chung-t'ang shih-chi of Wang Yün: An Annotated Translation with an Introduction».
46. Yüan shih, 4595; см. также CILCY, 18b.
47. Yüan shih, 4596.
48. Портрет находится в Национальном Музее в Тайбэе.
49. Yüan shih, 2871; «Gen no Sei So no kōgo», 681.
50. Yüan shih, 2871.
51. Hsin Yüan shih, 6837; о Тайцзуне см. Charles Patrick FitzGerald, *Son of Heaven*.
52. Schlegel, Hao Ching, 38–43.
53. См. интересную работу по этим экзаменам Ichisada Miyazaki, *China's Examination Hell*.
54. Полезные сведения об этих разграничениях можно найти в Meng Ssu-ming, Yüan-tai she-hui chieh-chi chih-tu.
55. См., например, Schlegel, Hao Ching, 13–27.
56. Краткое обсуждение вопросов, связанных с этими уделами, см. в Schurmann, *Economic Structure*, 3–7.
57. Подробнее о важном значении курилтая см. Elizabeth Endicott-West, «Aspects of Decision-Making and Personnel Management in the Early Yüan», 8–19. Я выражаю свою признательность профессору Чарльзу Питерсону из Корнелльского университета, ознакомившего меня с текстом этого доклада.
58. Yüan shih, 63.
59. David M. Farquhar, «Structure and Function in the Yüan Imperial Government», в книге *China under Mongol Rule*, ed. Langlois, 27–29; Yüan shih, 2200, 2220, 2294, and 2296.
60. Farquhar, «Structure and Function», 36.
61. Paul Ratchnevsky, *Un code des Yüan*, 1: 127–32.
62. Этими десятью провинциями были Хэнань Цзянбэй, Цзянчжэ, Цзянси, Хугуан, Сычуань, Ляоян, Юннань, Гансу и Фули (то есть, Столичная провинция). Еще две провинции — Линбэй (современная Монгольская народная республика) и Чжэндун — часто объединялись с десятью другими собственно китайскими провинциями.

63. Charles O. Hucker, *The Censorial System of Ming China*, 27.
64. О некоторых установлениях см. Ratchnevsky, *Code*, 1: 57–83.
65. Farquhar, «Structure and Function», 51; с этим мнением соглашается Эндикотт-Уэст (Endicott-West, «Aspects», 26–27).

Глава 4. Завоеватель

1. Эти взгляды лучше всего изложены Фэрбенком: John K. Fairbank, *Trade and Diplomacy on the China Coast: The Opening of the Treaty Ports, 1842–1854*, 23–38.
2. Джагчид и Боуден (Jagchid and Bawden, «Some Notes», 264) указывают на сложности, с которыми столкнулись монголы при разведении лошадей, которые были им нужны и после завоевания Южного Китая.
3. Мак-Нил (William H. McNeill, *Plagues and Peoples*, 132–75) выдвинул гипотезу о том, что монголы и степные грызуны, а также ежи, стали переносчиками бубонной чумы, которая начала распространяться в середине XIV в.
4. Jacques Gernet, *Daily Life in China on the Eve of the Mongol Invasion 1250–1276*, 84.
5. Ibid., p. 137; подробнее о пище и династии Сун см. Michael Freeman, «Sung», в книге *Food in Chinese Culture: Anthropological and Historical Perspectives*, ed. K. C. Chang, 141–93.
6. Взгляд современника на эту торговлю см. в Friedrich Hirth and W. W. Rockhill, trans., *Chau Ju-kua: His Work on the Chinese and Arab Trade in the Twelfth and Thirteenth Centuries Entitled Chu-fan-chi*; о свидетельствах размаха этой торговли см. Thomas H. C. Lee, «A Report on the Recently Excavated Song Ship at Quanzhou and a Consideration of Its True Capacity», 4–9.
7. Laurence J. C. Ma, *Commercial Development and Urban Change in Sung China (960–1279)*, 29–48.
8. Об этих новых городах см. Shiba Yoshinobu, *Commerce and Society in Sung China*, 126–40; Эке и Демьевиль (Gustav Ecke and Paul Demiéville, *The Twin Pagodas of Zayton*) демон-

стрируют, какой толчок развитию культуры придало растущее благосостояние города Цюаньчжоу.

9. Lo Jung-pang, «The Emergence of China as a Sea Power during the Late Sung and Early Yüan Periods», 500–501; подробнее о развитии навыков ведения боевых действий на море в Китае см. также Joseph Needham, *Science and Civilisation in China*, 4: 3,656–95.

10. Lo Jung-pang, «Maritime Commerce and Its Relation to the Sung Navy», 81.

11. Ibid., p. 92.

12. О роли евнухов при одной из прежних династий см. J. K. Rideout, «The Rise of the Eunuchs during the T'ang Dynasty»; исследование Taisuke Mitamura, *Chinese Eunuchs: The Structure of Intimate Politics* следует использовать с осторожностью.

13. О влиянии, которым пользовались родственники императриц, см. Priscilla Ching Chung, *Palace Women in the Northern Sung*, 69–77.

14. О трудностях, с которыми сталкивались реформаторы прежних времен, см. Hans Bielenstein, «The Restoration of the Han Dynasty»; и James T. C. Liu, *Reform in Sung China: Wang An-shih (1021–1086) and His New Policies*.

15. Franke, «Chia Ssu-tao», в книге: *Confucian Personalities*, ed. Wright and Twitchett, 217–34, и idem, «Die Agrarreformen des Chia Ssu-tao», 345–69.

16. Franke, «Chia Ssu-tao», 223.

17. Schlegel, *Hao Ching*, 120–24.

18. Yüan shih, 70, 82.

19. Ibid., 74, 83, 97.

20. Ibid., 122.

21. Ibid., 87, 96, 100.

22. Ibid., 71.

23. Ibid., 68, 75, 82–84.

24. Ibid., 69, 85.

25. Ibid., 106.

26. Lo, «The Emergence of China», 492.

27. Grousset, *L'empire des steppes*, 353–56; d'Ohsson, *Histoire des Mongols*, 2: 387–89; оба исследователя подчеркивают

важность этой битвы. О месте расположения Сянъяна см. Albert Herrmann, *An Historical Atlas of China*, 41.

28. Boyle, *Successors*, 290.

29. Чрезвычайно краткую биографию Люя см. в Franke, *Sung Biographies*, 2: 749–51; дополнительные источники о Люе см. в *Combined Indices to Forty-Seven Collections of Sung Dynasty Biographies*, 131b (далее CIS).

30. Об Ариг-Хайя см. CILCY, 182с; IBCY 1, p. 1; IBCY 2, p. 9; и Yüan shih, 3124–28.

31. Об Ачжу см. CILCY, 181d, и Yüan shih, 3119–24.

32. Об Ала ад-дине см. CILCY, 184а; об Исмаиле см. CILCY, 50а; перевод отрывков из биографий этих людей в Юань-ши см. в A. C. Moule, Quinsai, with *Other Notes on Marco Polo*, 74–76.

33. Yüan shih, 119.

34. Ibid., 120.

35. Moule, Quinsai, 73.

36. Yüan shih, 122; Franke, *Sung Biographies*, 1: 395–97; CIS, 127b.

37. Yüan shih, 122.

38. Ibid., 128.

39. Franke, «Chia Ssu-tao», 226.

40. Yüan shih, 128.

41. Ibid., 122.

42. Ibid., 131; CIS, 102с.

43. Yüan shih, 142–43.

44. О ее китайских биографиях см. *ibid.*, 4544–45.

45. L. C. Goodrich and Feng Chia-sheng, «The Early Development of Firearms in China», 118; см. также L. C. Goodrich, «Firearms among the Chinese: A Supplementary Note», 63–64.

46. Moule, Quinsai, 76.

47. Yüan shih, 147. О битвах при Сянъяне см. также Ch'ên Pang-chan, *Sung-shih chi-shih* пен-мо, 892–900.

48. Об участии Ши в южных походах см. Yüan shih, 3662.

49. Francis W. Cleaves, «The Biography of Bayan of the Barin in the Yüan shih», 206.

50. Ibid., 220.

51. Цзя был вынужден уйти в отставку 26 марта 1275 г. Об упреках, адресованных Цзя в поздних источниках, см. Franke, «Chia Ssu-tao», 231–34.

52. Краткую биографию Чэня см. в Franke, *Sung Biographies*, 134–36; см. также CIS, 180d; о Чэнь Ичжуне см. Franke, *Sung Biographies*, 138–46, и CIS, 181b; о Фане см. Franke, *Sung Biographies*, 349–55, и CIS, 91b.

53. Cleaves, «Bayan», 232.

54. Yüan shih, 170–71; Баян разделил свою армию на три части, каждая из которых двигалась на Ханчжоу особым маршрутом.

55. Pelliot, *Notes on Marco Polo*, 2: 658–59; краткие биографии этих императоров см. в Franke, *Sung Biographies*, 1010–19.

56. Его биографию см. в То То, *Sung shih*, 12533–40; см. также William A. Brown, «The Biography of Wen T'ien-hsiang in the Sung shih», и CIS, 92c; о Чжан Шицзе см. CIS, 149c.

57. Cleaves, «Bayan», 238.

58. Yüan shih, 171.

59. Ibid., 176.

60. Ibid., 177.

61. Cleaves, «Bayan», 256.

62. Yüan shih, 178–79.

63. Ibid., 179.

64. Franke, *Sung Biographies*, 1010; Сянь покончил с собой в 1323 г.

65. Yüan shih, 179.

66. T'u Chi, *Meng-wu-erh shih-chi*, 19, 8b.

67. Pelliot, *Notes on Marco Polo*, 2: 659; Leonardo Olschki, *Marco Polo's Asia*, 340.

68. Franke, *Sung Biographies*, 679–86; CIS, 179b; о хронологии последних лет правления Сун см. Aoyama Sadao, ed., *Sōdai shi nenpyō*, 267–76.

69. Franke, *Sung Biographies*, 397.

70. Yüan shih, 183.

71. Ibid., 190.

72. О Соду см. CILCY, 195b.

73. Yüan shih, 3151.

74. Kuwabara Jitsuzō, «On P'u Shou-keng», 34–40.
75. Содержательное исследование по карьере Пу см. Maejima Shinji, «Senshō no Perushiyajin to Ho Jukō», 256–321.
76. Kuwabara, «On P'u Shou-keng», 57.
77. Yüan shih, 189.
78. Ibid., 191–92.
79. См. краткое описание деятельности Соду в William W. Rockhill, «Notes on the Relations and Trade of China with the Eastern Archipelago and the Coast of the Indian Ocean during the Fourteenth Century», 428; более подробный рассказ о его жизни см. в Yüan shih, 3150–55.
80. Yüan shih, 3152.
81. Ibid., 198.
82. Franke, Sung Biographies, 34.
83. О вождях сунских лоялистов, бежавших в Аннам и Чампу, см. Hok-lam Chan, «Chinese Refugees in Annam and Champa at the End of the Sung Dynasty», 1–10.
84. Franke, Sung Biographies, 36.
85. Ibid., 145.
86. Yüan shih, 203–04.
87. Ibid., 46–47, 51; в 208 цзюане Юань-ши (Yüan shih, 4607–24) подробно излагается китайский взгляд на китайско-корейские отношения в эпоху монгольского владычества.
88. Henthorn, A History of Korea, 119.
89. Takashi Hatada, A History of Korea, 53.
90. Yüan shih, 63; Li T'ang, Yüan Shih-tsu, 52.
91. Yüan Kao-li chi-shih, 15.
92. Katsufuji, Fubirai Kan, 215–17; Yüan shih, 72, 81, 91–92, 109.
93. Yüan shih, 64, 93.
94. Ibid., 85; см. также William E. Henthorn, Korea: The Mongol Invasions, 106–07, 111–12; и Rossabi, The Jurchens, 10.
95. Yüan shih, 112.
96. Henthorn, Korea: The Mongol, 154–60; Yüan shih, 122.
97. Yüan shih, 123, 127–28.
98. Chong In-ji, Koryo-sa, 1: 570; Yüan shih, 155; Louis Hambis, «Notes sur l'histoire de Corée à l'époque mongole», 179–83. Во времена правления династии Юань семь монголь-

ских принцесс были выданы замуж за представителей корейского правящего дома.

99. Henthorn, Korea: The Mongol, 202–05; о важной роли соколиной охоты в традициях китайского двора см. Edward Schafer, «Falconry in T'ang Times», 293–338; а об использовании соколов в медицинских целях см. Bernard E. Read, Chinese Materia Medica: 6, Avian Drugs, nos. 311 and 314. В источниках не упоминается о поставках корейского женьшеня в Китай эпохи Юань. Это умолчание любопытно, поскольку женьшень был весьма ценным товаром в Поднебесной. О сферах применения женьшеня см. Emil Bretschneider, Botanicum Sinicum, 3:18–25; Maurice Kains, Ginseng, 130–31; и M. Pomet, A Complete History of Drugs, 194–95. О поставках маньчжурского и корейского женьшеня при следующей династии см. Ma Wen-sheng, Fu-an tung-i chi, 2b.

100. Henthorn, History of Korea, 127; о корейской керамике эпохи Корё см. Gregory Henderson, Korean Ceramics: An Art's Variety; Robert Griffing, Jr., The Art of the Korean Potter; и в особенности G. M. Gompertz, Korean Celadon and Other Wares of the Koryo Period.

101. Перевод из Koryo-sa, 3:257, в работе Chewon Kim, «Random Notes on Literary References to Koryo Ceramics», 32; см. также Gregory Henderson, «Koryo Ceramics: Problems and Sources of Information», 5–28.

102. Yüan shih, 4610–22.

103. Koryo-sa, 3: 519.

104. Henthorn, Korea: The Mongol, 194–97.

105. Lao Yen-hséan, «Lun Yüan-tai ti Kao-li nu-li yü ying-ch'ieh», 1005–08.

106. Henthorn, History of Korea, 122.

107. О ранней истории корейской Службы переводчиков см. источники, цитируемые в работе Herbert Franke, «Sung Embassies: Some General Observations», в книге China among Equals, ed. Rossabi, 127 and 144, n. 65.

108. Koryo-sa, 3: 757.

109. Об этих гонениях см. Wright, Buddhism in Chinese History, 83–93, и Kenneth Ch'en, Buddhism in China, 225–33; об ограничении контактов между Китаем и Японией с IX по

XIII вв. см. Edmund H. Worthy, Jr., «Diplomacy for Survival: Domestic and Foreign Relations of Wu Yüeh, 907–978», и Shiba Yoshinobu, «Sung Foreign Trade: Its Scope and Organization», в книге *China among Equals*, ed. Rossabi, 34–36, 104–08. Дзэнские монахи вели торговлю с китайскими династиями в XI в.

110. Bejamin H. Hazard, «The Formative Years of the Wakō, 1223–63», 260–77.

111. Yüan shih, 111–12 и 4626; см. также устаревшую, но все еще ценную в некоторых отношениях книгу Nabaka Yamada, *Ghenkō: The Mongol Invasion of Japan*.

112. Hsin Yüan shih, 7072; раздел о Японии переведен и отрецензирован в книге Ryūsaku Tsunoda and Luther Carrington Goodrich, *Japan in the Chinese Dynastic Histories*, 74–75; Yüan Kao-li chi-shih, 17–18. Некоторые корейцы охотно служили монголам, но опасались, что окажутся втянуты в полномасштабную войну между монголами и Японией. О некоторых корейцах, сотрудничавших с Хубилаем и монголами, см. Koryo-sa, 3: 212.

113. Yüan shih, 115.

114. Ibid., 119; Tsunoda and Goodrich, *Japan*, 75.

115. Kyotsu Hori, «The Mongol Invasions and the Kamakura Bakufu», 94–97.

116. George Sansom, *A History of Japan to 1334*, 440.

117. Tsunoda and Goodrich, *Japan*, 76–79.

118. Yüan shih, 132; Wu Chung-han, «Yüan Ming Wo-tsei ju-k'ou yü Chung-kuo chiao-tsei ta-shih piao», 12–14.

119. Yüan shih, 3746; дополнительные биографические подробности о Чжао см. в его биографии в Yüan shih, 3743–46; дополнительные источники о нем см. CILCY, 36a; IBCY 2, p. 14; Wang Te-i, ed., *Yüan-jen chuan-chi tzu-liao so-yin* (далее YJCC) 1732–33; Hsin Yüan shih, 7072.

120. Sansom, *History*, 441–42.

121. Yüan shih, 150.

122. Hori, «Mongol Invasions», 107–11.

123. Yüan shih, 154; Tsunoda and Goodrich, *Japan*, 81–82.

124. Джозеф Нидем (Joseph Needham, *Science*, 4: 3, 477) утверждает, что в монгольском нападении принимало участие четверть миллиона солдат. Эта цифра чрезвычайно завышена.

125. Hori, «Mongol Invasions», 121; Yamada, Ghenkō, 107–37.

126. Sansom, History, 443–44.

127. Hori, «Mongol Invasions», 123–26.

128. Wu, «Yüan Ming Wo-tsei», 15–16; Yüan shih, 161.

129. О китайских и монгольских взглядах на Японию, отображенных в книге Марко Поло, см. Enoki Kazuo, «Marco Polo and Japan», в книге Oriente Poliano, 23–26.

130. См. описание этого процесса в биографии монгола Аругтая Л. С. Goodrich and Chaoying Fang, eds., A Dictionary of Ming Biography, 12–14.

131. О Хайду см. CILCY, 124d, и Pelliot, Notes on Marco Polo, 1: 124–29.

132. Ольшки (Olschki, Marco Polo's Asia, 357) утверждает, что история о Хутулун, которую он, следуя Марко Поло, именует «Айгиярук», «отличается всеми чертами народной легенды или исторического вымысла». Однако этот рассказ присутствует в трудах двух современников — Марко Поло и Рашид ад-дина. Вариант, представленный в летописи Рашид ад-дина, см. Boyle, Successors, 26–27. Кроме того, Хутулун входит в число самоуверенных, независимых и властных знатных монголоков XIII в. Об этом см. Morris Rossabi, «Khubilai Khan and the Women in His Family», 158–80. Мне представляется, что эта история вполне аутентична.

133. Yule, The Book of Ser Marco Polo, 2:463.

134. Ibid., 464.

135. Ibid., 465.

136. Boyle, Successors, 266.

137. Враждебную китайскую оценку Хайду см. в Hsin Yüan shih, 6850; T'u Chi, Meng-wu-erh shih-chi, 74, 6a-7b; Shao Yüan-p'ing, Yüan shih lei-pien, 1595–97.

138. V. V. Barthold, Four Studies on the History of Central Asia, 1: 50; H. A. R. Gibbet al., Encyclopedia of Islam, 1: 504–05.

139. Barthold, Four Studies, 2: 4–7.

140. Dardess, «From Mongol Empire», 134; Бартольд (Barthold, Four Studies, 1: 126) пишет, что «Хайду, хотя у него

и была прекрасная армия, никогда не предпринимал завоевательных походов».

141. Louis Hambis, *Le chapitre cvii du Yüan che*, 114–15; idem, *Le chapitre cviii du Yüan che*, 94–95.

142. T'u Chi, *Meng-wu-erh shih-chi*, 76, 8b; Yüan shih, 265; Pelliot, *Notes on Marco Polo*, 2: 795.

143. Pelliot, *Notes on Marco Polo*, 1: 127.

144. T'u Chi, *Meng-wu-erh shih-chi*, 76, 8b-9a.

145. Yüan shih, 144.

146. Igor de Rachewiltz, «Muqali, Bol, Tas, and An-t'ung», 56–57; CILCY, 63c; о его карьере см. Yüan shih, 3081–84.

147. Pelliot, *Notes on Marco Polo*, 1: 127.

148. Рахевильц (Rachewiltz «Muqali», 57) считает его сыном Толуя, но Пеллио (Pelliot, *Notes on Marco Polo*, 2: 796) и Бойл (Boyle, *Successors*, 162) справедливо называют его внуком Толуя. Рашид ад-дин пишет, что он был «очень храбрым воином и искусным стрелком» и что «из-за великой храбрости ум его всегда был полон мыслей о мятежах» (Boyle, *Successors*, 162); T'u Chi, *Meng-wu-erh shih-chi*, 102, 2a; Пеллио (Pelliot, *Notes on Marco Polo*, 2: 796) ошибочно полагает, что человеком, которому нанес обиду Аньтун, был Юбукур.

149. О Тог-Темуре см. Hambis, *Le chapitre cvii*, 104; о Мелик-Темуре см. Boyle, *Successors*, 161; династическая история Юань не содержит упоминаний об этом сыне, см. список сыновей Ариг-Буки, составленный на основе Юань-ши, в Hambis, *Le chapitre cvii*, 99. И Рашид ад-дин (Boyle, *Successors*, 161), и Юань-ши (Hambis, *Le chapitre cvii*, 94) называют старшим сыном Ариг-Буки Юбукура; о потомках Ширеги см. Hambis, *Le chapitre cvii*, 111–14.

150. Boyle, *Successors*, 266.

151. Ibid., 267; Pelliot, *Notes on Marco Polo*, 2:796; Yanai Wataru, *Mōkoshi kenkyū*, 515–16.

152. Dardess, «From Mongol Empire», 136.

153. Yüan shih, 270; интересно, что это восстановление в должности не упомянуто в его биографии в Юань-ши.

154. Boyle, *Successors*, 160.

155. Hambis, *Le chapitre cviii*, 94.

156. См. всестороннее исследование жизни и деятельности этого знаменитого полководца в работе Cleaves, «Bayan».
157. Pelliot, Notes on Marco Polo, 2: 796.
158. Rachewiltz, «Muqali», 57.
159. См. неоднократные упоминания о подобных послаблениях в Юань-ши начиная с 1270 г.
160. Dardess, «From Mongol Empire», 138; CILCY, 191b; YJCC, 1784–85.
161. Yüan shih, 221; CILCY, 92d; YJCC, 1674.
162. Yüan shih, 232.
163. Tōru Saguchi, «Mongoru-jin shihai jidai no Uiguristan».
164. Allsen, «The Yüan Dynasty and the Uighurs», в книге China among Equals, ed. Rossabi, 257.
165. Abe Takeo, «Where Was the Capital of the West Uighurs?» 437–38.
166. Hsin Yüan shih, 6937.
167. О сложностях, связанных с удержанием власти над одним из важных оазисов, см. Morris Rossabi, «Ming China and Turfan, 1406–1517», 206–10.
168. Содержательное исследование политики Хубилая в Монголии и в области верховий Енисея см. Dardess, «From Mongol Empire», 143–60.
169. Основано на изучении бэньцзи Хубилая в Юань-ши.
170. См. Francis W. Cleaves, «Qabqanas ~ Qamqanas», 402–03.
171. Boyle, Successors, 267–69.
172. Ibid., 268.
173. Ibid., 269.

Глава 5. Император Китая

1. Подробнее об этих социальных разрядах см. Huang Ch'ing-lien, Yüan-tai hu-chi chih-tu yen-chiu.
2. Т'о Т'о, Chin shih, 1036; анализ численности населения при Цзинь см. в работе Ho Ping-ti, «Estimate», 3–53. Точная цифра, приведенная в Chin History за 1195 г., составляет 48 490 400; см. также Tao, The Jurchen, 51.
3. Ho Ping-ti, Studies on the Population of China, 1368–1953, 258; см. также замечания Джона Ланглуа по этой демографи-

ческой проблеме во введении к книге *China under Mongol Rule*, 20. Хартвелл (Robert Hartwell, "A Cycle of Economic Change in Imperial China: Coal and Iron in Northeast China, 750–1350," 150–53) пишет, что численность населения провинции Хэнань в Северном Китае снизилась с 6 426 000 в 1208 г. до 908 235 в 1330 г. Он относит падение численности на счет войн, эпидемий и разливов Хуанхэ, наблюдавшихся в 1234, 1286, 1288, 1290 и с 1296 по 1298 гг.

4. О переписях при Угэдэе см. *Yüan shih*, 32, 34. См. ценные комментарии и перевод в работе Waltraut Abramowski, «Die chinesischen Annalen von Ögödei und Güyük — Übersetzung des 2. Kapitels des Yüan-shih», 145, а также Otagi Matsuo, «Mōkojin seiken-chika no Kanchi ni okeru hanseki no mondai», 390–402.

5. *Yüan shih*, 159.

6. *Ibid.*, 70–71.

7. *Ibid.*, 84.

8. Lao, «The Chung-t'ang shih-chi», 38.

9. *Yüan shih*, 86. Подобные меры, направленные на поддержку населения, по-видимому, принимались на всем протяжении царствования Хубилая. О них подробно говорит Марко Поло. См. Moule and Pelliot, *Marco Polo*, 247–48. По его словам, «рассылает великий хан гонцов по всем своим землям, царствам и областям узнавать, не погиб ли где хлеб от непогоды, града или другого какого бедствия. Узнает, кто пострадал, без хлеба; с таких не приказывает брать податей за год, а еще приказывает дать им своего хлеба для прокормления и на обсеменение». [Марко Поло, с. 123]

10. *Yüan shih*, 84.

11. *Ibid.*, 83, 85, 87–88.

12. *Ibid.*, 71.

13. Lao, «The Chung-t'ang shih-chi», 24.

14. *Ibid.*, 113–14.

15. *Yüan shih*, 68.

16. См. Igor de Rachewiltz, «Turks in China under the Mongols: A Preliminary Investigation of Turco-Mongol Relations in the 13th and 14th Centuries», в книге *China among Equals*, ed. Rossabi, 281–308.

17. Yüan shih, 2354.
18. Ibid., 73.
19. Ratchnevsky, Code, 1: 189–90; Farquhar, «Structure and Function», в книге China under Mongol Rule, ed. Langlois, 41.
20. Ta Yüan ts'ang-k'u chi, в Kuo-hsüeh wen-k'u 37, 1.
21. Yüan shih, 81.
22. Ibid., 2354–55; Farquhar, «Structure and Function», в книге China under Mongol Rule, ed. Langlois, 41.
23. Inosaki Takaoki, «Gendai shasei no seijiteki kōsatsu», 6–10. См. также Yang Na, «Yüan-tai nung-ts'un she-chih yen-chiu», 117–34.
24. Schurmann, Economic Structure, 44.
25. Matsumoto Yoshimi, «Gendai ni okeru shasei no sōritsu», 332–34.
26. См. S. Kuczera, «The Influence of the Mongol Conquest on the Chinese System of Education and Selection of Officials».
27. Aritaka Iwao, «Gendai no nōmin seikatsu ni tsuite», in Kuwabara hakushi kanreki kinen tōyōshi ronsō, 951–57.
28. Schurmann, Economic Structure, 44–45; Lao, «The Chung-t'ang shih-chi», 40–42.
29. Yüan shih, 2357–58; см. также Schurmann, Economic Structure, 75–77.
30. Schurmann, Economic Structure, 95–96.
31. См. об этих ведомствах Farquhar, «Structure and Function», в книге China under Mongol Rule, ed. Langlois, 27–30, 45. О значении фарфора в позднюю эпоху см. John A. Pope, Chinese Porcelains from the Ardebil Shrine.
32. Chü Ch'ing-yüan, «Government Artisans of the Yüan Dynasty», 245.
33. Farquhar, «Structure and Function», в книге China under Mongol Rule, ed. Langlois, 33.
34. См. Chü, «Government Artisans», 242–44.
35. Morris Rossabi, China and Inner Asia from 1368 to the Present Day, 21.
36. Lo, «Maritime Commerce», 96.
37. О важной роли, которую играли в китайском хозяйстве верблюды, см. Edward Schafer, «The Camel in China Down to the Mongol Invasion», 190.

38. Kuwabara, «On P'u Shou-keng», 25; см. также Ma, Commercial Development, 39–43.

39. Margaret Medley, Yüan Porcelain and Stoneware, 6; производство керамики для мусульман продолжалось и при династии Мин. См., например, Kamei Aga-Oglu, «Blue-and-White Porcelain Plates Made for Moslem Patrons», 12–16.

40. Yang Lien-sheng, Money and Credit in China: A Short History, 46; классическое исследование по бумажным деньгам в эпоху Юань Herbert Franke, Geld und Wirtschaft in China unter der Mongolenherrschaft.

41. Murakami Masatsugu, «Genchō», 164.

42. Yang Lien-sheng, Money and Credit, 97.

43. Schurmann, Economic Structure, 215.

44. Weng Tu-chien, «Wo-t'o tsá-k'ao», 207.

45. Gordon Tullock, «Paper Money — A Cycle in Cathay», 401; Yang Lien-sheng, Money and Credit, 2.

46. Yüan shih, 68; Franke, Geld, 38–39.

47. Moule and Pelliot, Marco Polo, 238–40.

48. Yüan shih, 2371–72.

49. Подробнее о бумажных деньгах и денежных единицах см. Maeda Naonori, «Gendai no kahei tan-i». Даже ежегодные пожалования, выдававшиеся монгольской знати, теперь выплачивались бумажными деньгами вместо шелка и серебра. См. Togan, «Annual Grants», lii-lx. О серебре см. Robert F. Blake, «The Circulation of Silver in the Moslem East Down to the Mongol Epoch», 291–328.

50. Boyle, Successors, 276.

51. Peter Olbricht, Das Postwesen in China unter der Mongolenherrschaft im 13. und 14. Jahrhundert, 40–42; Haneda Tōru, Genchō ekiden zakko, 30; Fang Hao, Chung-hsi chiao-t'ung shih, 12.

52. Yüan Chi, Yüan-shih yen-chiu lun-chi, 243; в приграничной провинции Ляоян «на типичной почтовой станции держалось 20 лошадей, 20 быков и повозок и, в зависимости от расположения, могло быть еще несколько мулов и верблюдов» (Rossabi, The Jurchens, 4); о Ляояне см. также Wada Sei, Tōashi kenkyū: Manshū hen, 230–31.

53. Yüan Chi, Yüan-shih, 244–45.

54. Moule and Pelliot, Marco Polo, 246.
55. Ibid., 235–37.
56. Sherman Lee and Wai-kam Ho, Chinese Art under the Mongols: The Yüan Dynasty (1279–1368), 83; см. также Lao, «The Chung-t'ang shih-chi», 15.
57. Rockhill, «Notes», 438–40; Хубилай также хотел получать лекарства из Кореи. См. об этом Koryo-sa, 3: 519.
58. Jutta Rail, Die vier grossen Medizinschulen der Mongolenzeit, 30–31; о влиянии китайского врачебного искусства на персидскую медицину см. idem, «Zur persischen Übersetzung eines Mo-chüeh, eines chinesischen medizinischen Textes», 150–57.
59. Fang Hao, Chung-hsi chiao-t'ung shih, 3: 149.
60. Ratchnevsky, Code, 2:46–48; Yüan shih, 2220–22.
61. См. об изменениях в статусе врачей Robert P. Hymes, «Doctors in Sung and Yüan: A Local Case Study».
62. Haenisch, «Steuergerichte», 17.
63. Joseph Needham, «Medicine and Chinese Culture», в книге Clerks and Craftsmen in China and the West, 265.
64. Needham, Science, 3:372–74; Chang Kuei-sheng, «The Maritime Scene in China at the Dawn of Great European Discoveries», 350; Alexander Wylie, «The Mongol Astronomical Instruments in Peking», в книге Chinese Researches, 16.
65. Boyle, Cambridge History, 668–73; Karl Jahn, «Wissenschaftliche Kontakte zwischen Iran und China in der Mongolenzeit», 199–200.
66. Yüan shih, 136; описание пекинской обсерватории, сделанное в XX в., см. в книге Juliet Bredon, Peking: A Historical and Intimate Description of Its Chief Places of Interest. О Го Шоуцзинь см. Yüan shih, 3845–52.
67. Franke, «Sino-Western Contacts», 59.
68. О карте мира см. W. Fuchs, The Mongol Atlas of China by Chu Ssu-pen.
69. Farquhar, «Structure and Function», в книге China under Mongol Rule, ed. Langlois, 29.
70. Hsiao, Military Establishment, 16.
71. Ibid., 25; Сяо приводит дополнительные подробности относительно финансовых обязательств, лежавших на солдатах.

72. Farquhar, «Structure and Function», в книге *China under Mongol Rule*, ed. Langlois, 49.

73. Hsiao, *Military Establishment*, 39–44.

74. Inosaki Takaoki, «Gendai no take no senbai to sono shikō igi», 29–47.

75. Yüan shih, 2288.

76. Ta-Yüan ma-cheng chi, 1–3, 18; Jagchid and Bawden, «Some Notes», 261–62.

77. Ta-Yüan ma-cheng chi, 19.

78. Yüan shih, 82.

79. Ibid., 95, 109, 124.

80. Paul Heng-chao Ch'en, *Chinese Legal Tradition under the Mongols*, 46.

81. В биографии Лю, содержащейся в Юань-ши, не упоминается о его участии в принятии решения по строительству Пекина, но поздние тексты, в том числе Hsü Tzu-chih t'ung-chien, 4847, называют Лю главным поборником идеи возведения новой столицы Китая.

82. В двух источниках XIV в., Cho-keng lu Тао Цзуньи и Ku-kung i-lu Сяо Сюня, приводятся ценные описания планировки и строительства Пекина. Нэнси Шацман Штейнхарт использовала эти источники в своем исследовании Steinhardt, «Imperial Architecture under Mongolian Patronage: Khubilai's Imperial City of Dadu», с которым она любезно согласилась меня ознакомить. Китайские археологи также начали изучать и раскапывать некоторые остатки монгольской столицы Даду. Примеры их недавних открытий см. в К'ао-ку 1 (1972): 19–28; 4 (1972): 54–57, о некоторых надписях того времени; и 6 (1972): 2–15, 25–34.

83. Henry Serruys, «Ta-tu, Tai-tu, Dayidu», 73–81; и Pelliot, *Notes on Marco Polo*, 2: 843–44.

84. Описания геомантии см. в работе Paul Wheatley, *The Pivot of the Four Quarters: A Preliminary Inquiry into the Origins and Character of the Ancient Chinese City*, 411–51; March, «Chinese Geomancy», 253–67; и Arthur F. Wright, «The Cosmology of the Chinese City», в книге *The City in Late Imperial China*, ed. G. William Skinner, 33–73.

85. Wai-kam Ho, «Government Administration and Supervision of Crafts in the Yüan Dynasty».

86. Об этом мусульманине см. 9-й цзюань Ou-yang Hsüan, Kuei-chai wen-chi, частично переведенный в работе Ch'en Yüan, *Western and Central Asians*, 219–20; см. также George Kates, «A New Date for the Origins of the Forbidden City», 197.

87. Об исследованиях, посвященных ранней истории этих городов, см. Hans Bielenstein, «Lo-yang in Later Han Times», 1–142; и E. A. Kracke, Jr., «Sung K'ai-feng: Pragmatic Metropolis and Formalistic Capital», в книге *Crisis and Prosperity*, ed. Haeger, 49–77.

88. Императоры династии Мин в конечном итоге избрали эту область для своей столицы отчасти по тем же причинам. См. Edward L. Farmer, *Early Ming Government: The Evolution of Dual Capitals*, 137.

89. F. W. Mote, «The Transformation of Nanking, 1350–1400», в книге *City*, ed. Skinner, 110; Wright, «Symbolism and Function», 668–71.

90. Ku Yen-wen, «Ta-tu, the Yüan Capital», в книге *New Archaeological Finds in China: Discoveries during the Cultural Revolution*, 21–25; E. Bretschneider, *Recherches archéologiques et historiques sur Pékin et ses environs*, 46–52; Andrew Boyd, *Chinese Architecture and Town Planning, 1500 B.C.-A.D. 1911*, 60–72; Lin Yutang, *Imperial Peking: Seven Centuries of China*, 33–41; Bredon, *Peking*, 8–30; L. C. Arlington and William Lewisohn, *In Search of Old Peking*, 77, 155, 243; Chu Hsieh, *Yüan Ta-tu kung-tien t'u-k'ao*, 8–54; и Jeffrey F. Meyer, *Peking as a Sacred City*, 28–32. Во всех этих работах имеются ценные разделы, посвященные Даду в эпоху Юань.

91. Steinhardt, «Imperial Architecture», 14.

92. Lin, *Imperial Peking*, 35; Osvald Siren, *The Imperial Palaces of Peking*, 1–2.

93. Bredon, *Peking*, 8.

94. A. Favier, *Pékin: Histoire et description*, plate 3; в работе Marie Luise Gothein, «Die Stadtanlage von Peking», 10, приложена хорошая карта города; обсерватория была повреждена во время бури 17 августа 1979 г., но после реставрационных работ она снова была открыта для публики в марте 1983 г.,

см. «Ancient Observatory Reopens», China Daily, April 1, 1983, p. 1.

95. Штейнхарт (Steinhardt, «Imperial Architecture», 21) привела переводы избранных мест из Гугунъилу Сяо Сюня.

96. Paul Ratchnevsky, «Über den mongolischen Kult am Hofe der Grosskhane in China», в книге Mongolian Studies, ed. Ligeti, 435–41; Yüan shih, 1925.

97. Emil Bretschneider, Recherches archéologiques et historiques sur Pékin et ses environs, 57.

98. В исследовании 'Arlington and Lewisohn, Search, 184–96, дается прекрасное описание храма. По сообщению Лао (Lao, «The Chung-t'ang shih-chi», 216), Хубилай требовал содержать храм в чистоте и хорошем состоянии и запрещал пить и устраивать пиры на земле храма. См. также Demiéville, «La situation religieuse», в книге Oriente Poliano, 217–18.

99. Yüan shih, 91, 1832. E. Blochet, Introduction à l'histoire des Mongols de Fadl Allāh Rashīd Ed-Dīn, 3.

100. Yüan shih, 1879. Эти культы подробно описываются в книге Ratchnevsky, Code, 2: 1–20.

101. Yüan shih, 1892–1902.

102. В работе Morris Rossabi, «Kublai Khan», 2, приведена фотография этой черепахи.

103. Moule and Pelliot, Marco Polo, 185–88.

104. В число иностранцев входили мусульмане, кидани, чжурчжэни и непальцы.

105. Yüan shih, 133.

106. Ibid., 153.

107. Об истории выбора названия династии см. Maurizia Dinacci Sacchetti, «Sull'adozione del nome dinastico Yüan», 553–58.

108. Yüan shih, 138; указ, выпущенный по поводу принятия названия династии, переведен в книге Langlois, China under Mongol Rule, 3–4; о значении названия и его использовании в «Книге Перемен» см. Hellmut Wilhelm, Eight Lectures on the I Ching, 51; оценку роли Лю Бинчжуна см. в работе Hok-lam Chan, «Liu Ping-chung», 133.

109. О Го см. Yüan shih, 3847–52.

110. Arthur Waley, The Analects of Confucius, 69.

111. Chan, «Liu Ping-chung», 132; Yüan shih, 1665.
112. Hok-lam Chan, «Yao Shu», 31.
113. Yüan shih, 1665–66, 2217; Ratchnevsky, Code, 2: 1–3.
114. Yüan shih, 1692.
115. О его имени см. Pelliot, Notes on Marco Polo, 278–80; его биография приводится в Yüan shih, 2888–93; см. также CILCY, 102b.
116. Yüan shih, 2888; T'u Chi, Meng-wu-erh shih-chi, 76, 1a-1b; см. также John D. Langlois, «Chin-hua Confucianism under the Mongols», 220; Chao Yi, Nien-erh shih cha-chi, 431–32.
117. О Ване см. CILCY, 22a; IBCY, 2:80
118. См. перевод этого сочинения: Mary Lelia Makra, trans., The Hsiao Ching; Yüan shih, 2888.
119. Lao, «The Chung-t'ang shih-chi», 31.
120. Yüan shih, 3844.
121. Sun K'o-k'uan, «Yü Chi and Southern Taoism during the Yüan Period», в книге China under Mongol Rule, ed. Langlois, 222–23.
122. Herbert Franke, «Tibetans in Yüan China», в книге China under Mongol Rule, ed. Langlois, 307; частичный перевод этого сочинения см. в Prabodh Chandra Bagchi, Sino-Indian Studies 2: 136–56, полный перевод — в издании Constance Hoog, trans., Prince Jin-gim's Textbook of Tibetan Buddhism.
123. Hambis, Le chapitre cvii, 114–15; Hambis, Le chapitre cviii, 1–2.
124. Yüan shih, 92; Hambis, Le chapitre cviii, 1–2.
125. Фукс (Fuchs, «Analecta», 33–64) описывает некоторые переведенные тексты; см. также Herbert Franke, «Wang Yün (1227–1304): A Transmitter of Chinese Values», в книге Yüan Thought: Chinese Thought and Religion under the Mongols, ed. Hok-lam Chan and William Theodore de Bary, 153–54.
126. См. William Theodore de Bary, Neo-Confucian Orthodoxy and the Learning of the Mind-and-Heart, 91–126.
127. Fuchs, Analecta, 53; Yüan shih, 2190; Ratchnevsky, Code, 1: 149–51.
128. CILCY, 129c; IBCY 1: 23; IBCY 2: 37; краткий рассказ о карьере Сюя см. в Alfred Forke, Geschichte der neueren chinesischen Philosophie, 286–90; см. также Julia Ching, «Hsü

Heng (1209–81): A Confucian under the Mongols»; о привлечении конфуцианцев на службу см. Abe Takeo, «Gendai chi-shikijin to kakyō», 136–45.

129. Yüan shih, 3717.

130. Wing-tsit Chan, «Chu Hsi and Yüan Neo-Confucianism», в книге Yuan Thought, ed. Chan and de Bary, 209. Ценную компиляцию источников эпохи Юань об Императорском училище см. в Yüan Chi, Yüan-shih yen-chiu lun-chi, 203–35.

131. Wing-tsit Chan, «Chu Hsi», 211–12.

132. Yüan shih, 3717–18.

133. Перевод в Julia Ching, «Hsü Heng», 4.

134. См. Hok-lam Chan, «Wang O», 43–70, и idem, «Prolegomena to the Ju-nan i-shih: A Memoir on the Last Chin Court under the Mongol Siege of 1234», 2–19.

135. Yüan shih, 3757; ранее Хубилай просил Вана объяснить ему взгляды, изложенные в «Книге о сыновьем долге» и других текстах, посвященных вопросам семьи.

136. Farquhar, «Structure and Function», в книге China under Mongol Rule, ed. Langlois, 29; Yüan shih, 2180; Ratchnevsky, Code, 1: 148–49.

137. Hok-lam Chan, «Chinese Official Historiography at the Yüan Court: The Composition of the Liao, Chin, and Sung Histories», в книге China under Mongol Rule, ed. Langlois, 63. См. также Hok-lam Chan, «Wang O's Contribution to the History of the Chin Dynasty (1115–1234)», в книге Essays in Commemoration of the Golden Jubilee of the Fung Ping Shah Library (1932–1982), ed. Chan Ping-Leung, 345–75.

138. Abramowski, «Annalen», 117–24.

139. Erich Haenisch, «Steuergerechtsame der chinesischen Klöster unter der Mongolenherrschaft», 15.

140. Tazaka Kōdō, Chūgoku ni okeru kaikyō no denrai to sono kōtsū, 613.

141. Harada, Shang-tu, 16; о мусульманах в начальный период монгольского владычества см. Morris Rossabi, «The Muslims in the Early Yüan Dynasty», в книге China under Mongol Rule, ed. Langlois, 257–95.

142. На сегодняшний день самая исчерпывающая работа по мусульманам в китайской истории Tazaka, Chūgoku.

143. О его предках см. Omeljan Pritsak, «Ali-Burhān», 81–96.

144. Shimazaki Akira, «Gendai no kaikyōjin Saitenseki Tanshitei», 13–15; A. Vissière, *Études sino-mahométanes*, 1: 6–7.

145. Yüan shih, 3063.

146. Luciano Petech, «Tibetan Relations with Sung China and with the Mongols», в книге *China among Equals*, ed. Rossabi, 184; его биография в «Синей летописи» (Roerich, *The Blue Annals*, 485–86) не упоминает о его разрыве с Хубилаем.

147. Yüan shih, 4518; подробнее о Пагба-ламе, среди прочих многочисленных источников, см. особенно: Wylie, «First Mongol Conquest», 117–21; Paul Ratchnevsky, «Die mongolischen Grosskhane und die buddhistische Kirche», в книге *Asiatica: Festschrift Friedrich Weller zum 65. Geburtstag gewidmet*, ed. Johannes Schubert, 489–504; Tucci, *Scrolls*, 1:7–17; Shakabpa, *Tibet*, 61–72; и Jagchid Sechin, *Meng-ku yü his-tsang li-shih kuan-hsi chih yen-chiu*, 64–88.

148. Dieter Schuh, *Erlasse und Sendschreiben mongolischen Herrscher für tibetische Geistliche*, 118–24.

149. Yüan shih, 2193, перевод см. в Francis W. Cleaves, «The Sino-Mongolian Inscription of 1346», 41, п. 39; о Сюань-чжэн юань см. также Nogami Shunjō, «Gen no senseiin ni tsuite», 779–95; о разных правительственных учреждениях, ведавших тибетскими делами, см. Petech, «Tibetan Relations», в книге *China among Equals*, ed. Rossabi, 190–94; Liu Kuang-i, «T'u-fan fo-chiao yü Yüan Shih-tsu», в книге *Ta-lu tsa-chih shih-hsüeh ts'ung-shu: Liao Chin Yüan shih yen-chiu lun-chi*, 240–42; Jagchid, *Meng-ku*, 209–40 и Yüan tien-chang, 465.

150. Shōju Inaba, trans., «The Lineage of the Sa skya pa: A Chapter of the Red Annals», 109–10; два ценных изображения встречи Пагба-ламы и Хубилая приводятся в работе An Shou-jen, «Pa-ssu-pa ch'ao-chien Hu-pi-lieh pi-hua», 12–13.

151. Petech, «Tibetan Relations», в книге *China among Equals*, ed. Rossabi, 185.

152. Luciano Petech, «The Mongol Census in Tibet», в книге *Tibetan Studies in Honour of Hugh Richardson*, ed. Michael Aris and Aung San Ssu Kyi, 233–37.

153. Josef Kolmas, *Tibet and Imperial China*, 21–23; Wylie, «First Mongol Conquest», 124–25.

154. Franke, *From Tribal Chieftain*, 61; Klaus Sagaster, «Herrschafts-ideologie und Friedensgedanke bei den Mongolen», 227–30.

155. Klaus Sagaster, trans., *Die weisse Geschichte*, 264; о Манджушири см. Soothill and Hodous, *Dictionary*, 153–54.

156. Schmidt, *Geschichte der Ost-Mongolen*, 113.

157. Краткое описание образа Чакравартина см. в Soothill and Hodous, *Dictionary*, 445.

158. Sagaster, *Die weisse*, 109.

159. Yüan shih, 1926–27; см. также Franke, *From Tribal Chieftain*, 60–61.

160. Krueger, «Sagang Sechen», 77; интересно сравнить эту речь со словами, вложенными в уста Хубилая автором одной из поздних повестей. Там Хубилай говорит: «Буддизм умиротворяет дух человека, а конфуцианство исправляет его поведение. Оба они — благородные учения. И все же те, кто не умеют сочетать эти принципы, предпочитают одно учение другому и часто нарушают равновесие Пути». John Hangin, trans., *Köke sudur (The Blue Chronicle): A Study of the First Mongolian Historical Novel by Injannasi*, 49–50.

161. Petech, «Tibetan Relations», в книге *China among Equals*, ed. Rossabi, 187.

162. Yüan shih, 95; Рачневски (Ratchnevsky, *Code*, 1:lxix–lxxxiv) описывает некоторые злоупотребления монастырей.

163. Nogami Shunjō, «Gendai Dō Butsu nikyō no kakushitsu», 250–51.

164. О некоторых результатах этой реставрационной и строительной программы см. Lee and Ho, *Art*, 3–5.

165. Tao Hsi-sheng, «Yüan-tai fo-ssu t'ien-yüan chi shang-tien», 0111–13.

166. Ценные сведения о даосизме в эпоху Юань см. в работах Sun K'o-k'uan, *Sung Yüan Tao-chiao chih fa-chan*; и idem *Yüan-tai Tao-chiao*.

167. Liu Ts'un-yuan and Judith Berling, «The 'Three Teachings' in the Mongol-Yüan Period», в книге *Yuan Thought*, ed. Chan and de Bary, 495.

168. Broeck and Tung, «Taoist Inscription», 7–8; Sun, Yüan-tai Tao-chiao, 197–202; о Чжане см. CILCY, 113; IBCY, 10.

169. Broeck and Tung, «Taoist Inscription», 16–18; Édouard Chavannes, Le T'ai Chan.

170. Литература, посвященная Марко Поло и его книге, неисчерпаема; здесь я сошлюсь только на некоторые, самые, на мой взгляд, ценные источники. Лучший перевод — это часто цитируемый труд А. С. Moule and Paul Pelliot, *Marco Polo: The Description of the World* (2 vols.), опирающийся на различные списки книги Марко Поло, которым следует пользоваться вместе с работой Pelliot, *Notes on Marco Polo* (2 vols.). Труд Генри Юла (*Henry Yule's The Book of Ser Marco Polo* (2 vols.)), хотя и устарел, до сих пор сохраняет свое значение и дополняется исследованием Анри Кордье (*Henri Cordier, Ser Marco Polo: Notes and Addenda to Sir Henry Yule's Edition*). Среди прочих переводов следует упомянуть А. J. H. Charignon, *Le livre de Marco Polo*, и Louis Hambis, *Marco Polo: La description du monde*. Ценное жизнеописание, хотя не всегда вполне надежное, представляет собой книга Henry H. Hart, *Marco Polo: Venetian Adventurer*; нельзя пройти мимо и прекрасного исследования книги Марко Поло Leonardo Olschki, *Marco Polo's Asia*. Кроме поэмы Кольриджа «Кубла Хан», Марко Поло и Хубилай фигурируют во многих других произведениях западного искусства. Из них два самых заметных — драма Юджина О'Нила *Marco Millions* (см. текст пьесы в Eugene O'Neill, *Nine Plays*, 211–304) и роман Итало Кальвино *Invisible Cities*. Прекрасно иллюстрированное и предназначенное для широкой аудитории описание жизни Марко Поло написано Ричардом Хамблом (*Richard Humble, Marco Polo*). Письменные и визуальные материалы, посвященные Марко Поло, представлены в таком количестве, что это дало мне повод прочитать курс «Марко Поло в реальности и художественном творчестве», во время которого я привлек к рассмотрению такие давно забытые (и вполне заслуженно) фильмы, как *The Adventures of Marco Polo* (United Artists, 1938), с Гари Купером в главной роли, *Marco Polo* (American International, 1962) с Рори Кэлунем в роли Марко и Камилло Пилотто в роли Ху-

билая, а также Marco the Magnificent (Metro Goldwyn Mayer, 1966), с Хорстом Бухгольцем в главной роли и Энтони Квинном в роли Хубилая.

171. Franke, «Sino-Western Contacts», 53.

172. Pelliot, Notes on Marco Polo, 2:834; Moule and Pelliot, Marco Polo, 316; см. также R. Almagia et al., Nel VII Centenario Della Nascita di Marco Polo, 19.

173. Olschki, Marco Polo's Asia, 100; Фрэнсис Кливз (Francis W. Cleaves, «A Chinese Source Bearing on Marco Polo's Departure from China and a Persian Source on His Arrival in Persia», 181–203) утверждает, что Марко Поло на самом деле побывал в Китае и что он уехал из Поднебесной в свите монгольской принцессы Кокечин, которая была просватана за Аргуна, ильхана Персии. Имя Марко Поло не упоминается ни в китайских, ни в персидских источниках, но Кливз считает, что и те и другие содержат косвенные указания на венецианского купца и путешественника.

174. Franke, «Sino-Western Contacts», 54.

175. О его семье см. Rodolfo Gallo, «Marco Polo: La Sua famiglia e il suo libro», в книге Nel VII Centenario, ed. Almagia, 65–86, и Moule and Pelliot, Marco Polo, 15–21.

176. A. A. Vasiliev, History of the Byzantine Empire, 324–1453, 532–40; Марко Поло не очень заботился о датах. Поэтому иногда точная датировка тех или иных событий невозможна. Неизвестна даже точная дата рождения самого Марко Поло. Ошибки и неточности в датах, возможно, объясняются отсутствием четкой ранней редакции книги Марко Поло. Дошедшие до нас 120 рукописей расходятся во многих частностях, весьма затрудняя работу переводчика.

177. Moule and Pelliot, Marco Polo, 77.

178. Ibid., 85.

179. Ibid., 192.

180. Masterpieces of Chinese Figure Painting, no. 30. О нем подробнее см. see James Cahill, An Index of Early Chinese Painters and Paintings, T'ang, Sung, and Yüan, 303, и idem, Hills beyond a River: Chinese Painting of the Yüan Dynasty, 1279–1368, 153; за свою службу Лю получил титул Хранителя императорского гардероба.

181. Moule and Pelliot, Marco Polo, 204.
182. Ibid., 204–05.
183. Ibid., 202.
184. Yüan shih, 3249.
185. E. A. Wallis Budge, The Monks of Kublai Khan, Emperor of China, 45. Бадж приводит полный перевод сирийского текста путешествий Раббана Саумы и его спутника Раббана Маркоса.

Глава 6. Покровитель искусств

1. Детальное исследование, посвященное этим писцам, Jagchid Sechin, «Shuo Yüan-shih chung ti 'Pi-she-ch'ih' ping chien-lun Yüan-ch'u ti 'Chung-shu ling,'» 19–113.
2. Rachewiltz, «Some Remarks on Language», 68.
3. Gerard Clauson, «The hP'ags-pa Alphabet», 300–303.
4. Об алфавите см. Nicholas Poppe, Grammar of Written Mongolian, 17; краткий обзор ранней истории монгольских языков и письменности, а также их общую характеристику см. в Paul Pelliot, «Les systèmes d'écriture en usage chez les anciens Mongols», 284–89; и Nicholas Poppe, Introduction to Altaic Linguistics; о дополнительных источниках по монгольским языкам см. Schwarz, Bibliotheca Mongolica, Part I, 48–55.
5. Nicholas Poppe, The Mongolian Monuments in hP'ags-pa Script, 2.
6. Yüan shih, 121.
7. Накано (Nakano, Phonological Study, 41–45) описывает алфавит и приводит обширную библиографию, хотя в нее не входят работы на русском языке.
8. Poppe, Mongolian Monuments, 4.
9. Об использовании байхуа в сочинениях эпохи Юань см. Ts'ai Mei-piao, Yüan-tai pai-hua-pei chi-lu.
10. Yüan shih, 4518.
11. Ibid., 139, 147.
12. Ibid., 165; Farquhar, «Structure and Function», 29; Ratchnevsky, Code, 149–51.
13. Yüan shih, 209, 266.

14. Ibid., 142.

15. Poppe, *Mongolian Monuments*, 8–9; Rachewiltz, «Some Remarks on Language», 72–74.

16. Некоторые примеры подобных стел см. в Chavannes, «Inscriptions et pièces», 376–81, 407–10, и 413; см. также Marian Lewicki, «Les inscriptions mongoles inédites en écriture carrée», 1–72.

17. Бонапарт (Roland Bonaparte, *Documents de l'époque mongole des xiii et xiv siècles*, plate 8, nos. 61–62, 65–66) приводит переводы двух стел.

18. Транскрипции некоторых надписей на пайцзах см. Louis Ligeti, *Monuments en écriture 'Phags-pa: Pièces de chancellerie en transcription chinoise*, 109–16. Пайцзы обнаруживаются по всей территории Китая. В 1980 г. я обнаружил одну из них в Музее провинции Ганьсу в Ланьчжоу.

19. David M. Farquhar, «The Official Seals and Ciphers of the Yüan Period», 362–93; Richard Schlösser, «Die Münzen der beiden Epochen Chi Yüan», 38–46; E. Drouin, «Notices sur les monnaies mongoles», 486–544; K'ao-ku, no. 4 (1972): 54–56; M. Aurel Stein, *Innermost Asia*, 1:441–55; и An Shou-jen, «Pa-ssu-pa ch'ao-chien Hu-pi-lieh pi-hua», 13.

20. Ligeti, *Monuments*, 121–22; John Ayers, «Some Characteristic Wares of the Yüan Dynasty», 69–86; см. также Koyama Fujio, «'Pa-ssu-pa' moji aru Shina kotōji», 23–31, и Basil Gray, «Art under the Mongol Dynasties of China and Persia», 166.

21. И все же этот проект Хубилая оказался бесценным подарком для филологов и фонологов. См., например, Paul B. Denlinger, «Chinese in hP'ags-pa Script», 407–33.

22. Perng Ching-hsi, *Double Jeopardy: A Critique of Seven Courtroom Dramas*, 11; о покровительстве драматургии см. Stephen H. West, «Mongol Influence on the Development of Northern Drama», в книге *China under Mongol Rule*, ed. Langlois, 457–62; Фэрбенк и Рейшауэр (John K. Fairbank and Edwin O. Reischauer, *East Asia: The Great Tradition*, 286) пишут, что театр особенно притягивал «менее образованную городскую аудиторию того времени».

23. Perng, *Double Jeopardy*, 2.

24. Liu Jung-en, *Six Yüan Plays*, 18.

25. J. I. Crump, *Chinese Theater in the Days of Kublai Khan*, 22.
26. Ibid., 178.
27. Переводы некоторых пьес можно найти в следующих изданиях: Liu Jung-en, *Six Yüan Plays*; Gladys Yang and Yang Xianyi, *Selected Plays of Guan Hanqing*; Shih Chung-wen, *Injustice to Tou O (Tou O Yüan)*; и S. I. Hsiung, *The Romance of the Western Chamber*. Судебные драмы обсуждаются в работах Perng, *Double Jeopardy*, и George A. Hayden, «*The Courtroom Plays of the Yüan and Early Ming Periods*», 192–220.
28. Richard F. S. Yang, «*The Social Background of the Yüan Drama*», 332–333.
29. Perng, *Double Jeopardy*, 8.
30. Richard F. S. Yang, «*Social Background*», 332.
31. Обе цитаты приводятся по работе Hayden, «*Courtroom Plays*», 202.
32. West, «*Mongol Influence*», в книге *China under Mongol Rule*, ed. Langlois, 460.
33. Crump, *Chinese Theater*, 6–7.
34. Подробнее см. W. L. Idema, *Chinese Vernacular Fiction: The Formative Period*.
35. C. T. Hsia, *The Classic Chinese Novel: A Critical Introduction*, 8, однако см. целиком его введение, 1–33; West, «*Mongol Influence*», 464.
36. K. T. Wu, «*Chinese Printing under Four Alien Dynasties*», 459.
37. Ibid., 463; Yüan shih, 287.
38. Об этом позднем периоде см. Evelyn Sakakida Rawski, *Education and Popular Literacy in Ch'ing China*, и Tadao Sakai, «*Confucianism and Popular Educational Works*», в книге *Self and Society in Ming Thought*, ed. William Theodore de Bary, 331–66.
39. Liu Ming-shu, «Yüan Hsi-yü ch'ü-chia A-li Yao-ch'ing fu-tzu», 105–09; Ch'en Yüan, *Western and Central Asians*, 180.
40. Antoine Mostaert, «*A propos de quelques portraits d'empereurs mongols*», 147–56.
41. Его великая правнучка принцесса Сэнге (ca. 1283–1331) впитала китайскую культуру, стала одной из ее выдаю-

щихся покровительниц и продолжила собирать творения китайских художников, а также сама писала картины. Fu Shen, "Nü-ts'ang chia huang-tzu ta-chang kung-chu: Yüan-tai huang-shih shu-hua shou-ts'ang shih-lüeh," 25–52.

42. О Вэньцзуне см. Kanda Kiichirō, «Gen no Bunshū no fūryū ni tsuite», 477–88; Cahill, *Hills beyond a River*, 3–4.

43. Susan Bush, *The Chinese Literati on Painting: Su Shih (1037–1101) to Tung Ch'i-ch'ang (1555–1636)*, 118.

44. Lee and Ho, *Art*, 1.

45. Ibid., 91.

46. Cahill, *Hills beyond a River*, 15–16.

47. Подробнее об изобразительном искусстве эпохи Юань см. Li Chu-tsing: «The Development of Painting in Soochow during the Yüan Dynasty», 483–500; «Stages of Development in Yüan Landscape Painting»; и «The Uses of the Past in Yüan Landscape Painting», 73–88.

48. Cahill, *Hills beyond a River*, 17; подробнее о ненависти Чжэна к монголам см. Frederick W. Mote, «Confucian Eremitism in the Yüan Period», в книге *The Confucian Persuasion*, ed. Arthur F. Wright, 234–36; о Чжэне см. CILCY, 206с.

49. О Гуне см. Cahill, *Hills beyond a River*, 17–19, и CILCY, 50с; о Цяне см. Cahill, *Hills beyond a River*, 19–37; Li Chu-tsing, «The Role of Wu-hsing in Early Yüan Artistic Development under Mongol Rule», в книге *China under Mongol Rule*, ed. Langlois, 344–48; и CILCY, 205.

50. Cahill, *Hills beyond a River*, 15.

51. См. Herbert Franke, «Dschau Mong-fu: Das Leben eines chinesischen Staatsmannes, Gelehrten und Künstlers unter der Mongolenherrschaft», 48, и CILCY, 35b-c; IBCY 1:6; IBCY 2: 14.

52. Cahill, *Hills beyond a River*, 47–49; CILCY, 53b.

53. Cahill, *Hills beyond a River*, 159–60; IBCY 1: 33.

54. Marilyn Wong Fu, «The Impact of the Reunification: Northern Elements in the Life and Art of Hsien-yü Shu (1257?–1302) and Their Relation to Early Yüan Literati Culture», в книге *China under Mongol Rule*, ed. Langlois, 383.

55. О Чэне см. Yao Ts'ung-wu, «Ch'eng Chü-fu yü Hu-pi-lieh p'ing-Sung i-hou ti an-ting nan-jen wen-t'i», 353–79, и Yüan shih, 4015–18.

56. Mote, «Confucian Eremitism», в книге *The Confucian Persuasion*, ed. Wright, 236.
57. Franke, «Dschau Mong-fu», 28.
58. Li Chu-ting, «The Role of Wu-hsing», в книге *China under Mongol Rule*, ed. Langlois, 344.
59. Yüan shih, 4018.
60. Bush, *Chinese Literati*, 119; взгляды самого Чжао на искусство и политику см. в его сочинении *Sung-hoüeh-chai wen-chi*, 10a-15a.
61. Li Chu-ting, «The Role of Wu-hsing», в книге *China under Mongol Rule*, ed. Langlois, 348. Исследование, посвященное художнику эпохи поздней Юань, Konrad Wegmann, Kuo Pi: *Ein Beamter und Literaten-Maler der Mongolenzeit*.
62. Farquhar, «Structure and Function», в книге *China under Mongol Rule*, ed. Langlois, 32; Yüan shih, 2258.
63. См. Wai-kam Ho, «Government Administration and Supervision of Crafts in the Yüan Dynasty», 5-6.
64. Medley, *Yüan Porcelain and Stoneware*, 1.
65. Yüan shih, 2227.
66. О находках китайского фарфора в других странах см. G. T. Scanlon, «Egypt and China: Trade and Imitation», в книге *Islam and the Trade of Asia*, ed. D. S. Richards, 81-95; Friedrich Sarre, *Die Keramik von Samarra*; T. Harrison, «Trade Porcelain and Stoneware in South-east Asia», 222-26; Paul Kahle, «Chinese Porcelain in the Lands of Islam», 27-46.
67. Medley, *Yuan Porcelain and Stoneware*, 10-11.
68. О бело-голубом фарфоре см. John Alexander Pope, *Fourteenth-Century Blue-and-White: A Group of Chinese Porcelains in the Topkapu Sarayı Müzesi, Istanbul*.
69. Lee and Ho, *Art*, 63-70, 72.
70. Хэ, неопубликованный доклад; современное описание Фэйлай Фэн см. в *Nagel's Encyclopedia-Guide: China*, 1084-85; см. также Huang Yung-ch'üan, *Hang-chou Yüan-tai shih-k'u i-shu*.
71. Об Анигэ см. CILCY, 184a; см. также Hsin Yüan shih, 7058-59, и Chang Hsing-lang, *Chung-hsi chiao-t'ung shih-liao hui-pien*, 6:471-72.
72. Yüan shih, 4545-46.

73. Ishida Mikinosuke, «Gendai no kōgeika Nepāru no ōzoku 'A-ni-ko' no den ni tsuite», 250–51.
74. Ibid., 251–55; его сын Асэнгэ последовал по стопам отца и создал пять изваяний Будды для храма Гао Лянхэ в Даду.
75. Ratchewiltz, «Some Remarks on Language», 57–68.
76. Ratchewiltz, «Muqali», 57.
77. Ratchnevsky, 1: 137–38.
78. H. F. Schurmann, «Problems of Political Organization during the Yüan Dynasty», 5:26–31.
79. Mote, «Chinese Despotism», 17–18.
80. Farquhar, «Structure and Function», в книге China under Mongol Rule, ed. Langlois, 54–55.
81. Henry Serruys, Kumiś Ceremonies and Horse Racing: Three Mongolian Texts, 1–5.
82. Paul Ratchnevsky, «Über den mongolischen Kult am Höl der Gross-khane in China», Mongolian Studies, ed. Ligeti, 426–28.
83. Ibid., 434–42.
84. Ratchnevsky, Code, 2: 2–4.
85. Jean-Paul Roux, «Le chaman gengiskhanide», 407.
86. См. Schuyler Cammann, «Mongol Costume: Historical and Recent», в книге Aspects of Altaic Civilization, ed. Denis Sinor, 157–66.
87. Moule and Pelliot, Marco Polo, 220; Марко Поло утверждает, что на этих празднествах могло собираться более 40 тысяч гостей.
88. Ibid., 231.
89. Ibid., 205; см. также Morris Rossabi, «Khubilai Khan and the Women in His Family», Studia Sino-Mongolica, ed. Bauer, 171–72.
90. О стремлении Хубилая связать свое имя с именем Тай-цзуна см. Yanai, Mōkoshi kenkyū, 977–89.

Глава 7. Ошибки в управлении и реакция китайцев

1. Moule and Pelliot, Marco Polo, 220–36.
2. См. Herbert Franke, «Ahmed: Ein Beitrag zur Wirtschaftsgeschichte Chinas unter Qubilai», 222–23.

3. Pelliot, Notes on Marco Polo, 1:10.
4. См. его биографию в Yüan shih, 4458–64.
5. Moule and Pelliot, Marco Polo, 214.
6. Yüan shih, 4558–59.
7. Franke, «Ahmed», 232.
8. Tamura Jitsuzō et al., Ajia-shi kōza, 282.
9. Ch'en Pang-chan, Yüan-shih chi-shih pen-mo, 30.
10. Tamura, Ajia-shi kōza, 282.
11. Franke, «Ahmed», 229.
12. Schurmann, Economic Structure, 147–48.
13. Franke, Geld, 43.
14. Yang Lien-sheng, Money and Credit, 7.
15. Yüan shih, 4560–61.
16. Hsiao Ch'i-ch'ing, Hsi-yü-jen yü Yüan-ch'u cheng-chih, 67; Rachewiltz, «Muqali», 56–58.
17. Yüan shih, 4559–60.
18. Hok-lam Chan, «Wang O», 53; см. также Hok-lam Chan, «Wang O's Contribution to the History of the Chin Dynasty (1115–1234)», в книге Essays, ed. Chan Ping-leung, 355.
19. Li Chieh, Yüan shih, 64; Ch'en Pang-chan, Yüan-shih chi-shih pen-mo, 30.
20. J. Deguignes, Histoire générale des Huns, des Turcs, des Mongols, et des autres Tartares occidentaux, 3:152.
21. Boyle, History, 291.
22. Yüan shih, 4560–61.
23. Franke, «Ahmed», 235.
24. См. подробный рассказ об этом заговоре и заговорщиках в работе Moule, Quinsai, 79–88.
25. Ibid., 80.
26. Олшки (Olschki, Marco Polo's Asia, 411) дает иную, более жесткую оценку влиянию Ахмеда на управление страной.
27. См., например, Yüan shih, 2873.
28. Ibid., 221–22, об одной из подобных амнистий заключенным; о сунских чиновниках, купцах и солдатах, отправлявших своих жен заниматься проституцией см. Ratchnevsky, Code, 1:136.
29. Schurmann, Economic Structure, 9–10.

30. Yüan shih, 210; Aritaka Iwao, «Gendai no nōmin seikatsu ni tsuite», 957.
31. См. Ta Yüan ts'ang-k'u chi, 1.
32. Schurmann, Economic Structure, 10.
33. Yüan shih, 213.
34. Schurmann, Economic Structure, 29–31.
35. Matsumoto Yoshimi, «Gendai ni okeru shasei no sōritsu», 329.
36. Подробный анализ этих монополий см. в работе Schurmann, Economic Structure, 146–212.
37. Franke, Geld, 53–55.
38. Schurmann, Economic Structure, 223–28.
39. Ch'en Pang-chan, Sung-shih chi-shih pen-mo, 1–3.
40. Ibid., 3.
41. Hsiao, Military Establishment, 56.
42. Об этом среди прочих исследований, посвященных этим диссидентам, см. часто цитируемую работу Mote, «Confucian Eremitism», в книге Confucian Persuasion, ed. Wright, а также Fu Lo-shu, «Teng Mu: A Forgotten Chinese Philosopher».
43. См. Lao Yan-shuan, «Southern Chinese Scholars and Educational Institutions in Early Yüan: Some Preliminary Remarks», в книге China under Mongol Rule, ed. Langlois, 107–33.
44. См. исследования Ду Вэймина и Джона Ланглуа в книге Yuan Thought, ed. Chan and de Bary.
45. Chou Tsu-mo, «Sung-wang hou-shih Yüan chih ju-hsüeh chiao-shou», 191–214.
46. О Чжу и Чжане см. CILCY, 4d и 136с, соответственно.
47. Hsin Yüan shih, 6964–65.
48. Карту этих мест см. в работе Lo Jung-pang, «The Controversy over Grain Conveyance during the Reign of Qubilai Qaghan (1260–94)», 262.
49. Согласно Юань-ши (Yüan shih, 247), это ведомство было создано в 1282 г. Споры о пути транспортировки зерна излагаются на всем протяжении раздела династической истории, посвященного Хубилаю.
50. Lo, «Controversy», 277.

51. Подробнее о морском пути см. Та Yüan hai-yün chi, 35–50.
52. Yüan shih, 319.
53. Ibid., 4564.
54. Ibid., 4564–65; см. также Luciano Petech, «Sang-ko, a Tibetan Statesman in Yüan China», 201.
55. Schurmann, Economic Structure, 170.
56. О его всеобъемлющей программе см. Ch'en Pang-chan, Yüan-shih chi-shih pen-mo, 45–46.
57. Ibid., 46.
58. Franke, Geld, 72–74.
59. Ch'en Pang-ch'an, 47; Li Chieh, Yüan shih, 65.
60. Yüan shih, 271; еще одним чиновником, которого не сумел запугать Люй и который продолжал критиковать его и его политику, был Чэнь Тяньсян — см. ibid., 4569.
61. Ibid., 276, 281.
62. В работе Petech, «Sang-ko», 194, выдвигается предположение, что Сан-гэ, не транскрибируемый Сенге, как считалось ранее, был тибетцем, и приводятся данные из тибетских источников для всестороннего анализа доступных на сегодняшний день сведений об этом человеке.
63. Yüan shih, 4570.
64. Краткую биографию см. ibid., 4519; также см. Tucci, Scrolls, 1:55.
65. Nogami Shunjō, «Gen no senseiin ni tsuite», 770–95.
66. Petech, «Sang-ko», 198–200; Herbert Franke, «Sen-ge: Das Leben eines uigurischen Staatsbeamten zur Zeit Chubilai's dargestellt nach Kapitel 205 der Yüan-Annalen», 90–92.
67. Boyle, Successors, 295–96.
68. Kuwabara, «On P'u Shou-keng», 63.
69. См. Franke, «Dschau Mong-fu», 34–35.
70. Yüan shih, 301–02.
71. Ibid., 2028; Otagi Matsuo, «Gendai shikimokujin ni kansuru ikkōsatsu», 44; Paul Ratchnevsky, «Rašid al-Dīn über die Mohammedaner Verfolgungen in China unter Qubilai», 180, и Ratchnevsky, Code; 2:21.
72. См. Esin, «Miniatures», 14, 34.
73. Boyle, Successors, 294.

74. Uematsu Tadashi, «Gensho kōnan ni okeru chōzei taisei ni tsuite», 28–32.

75. О некоторых обвинениях см., например, Franke, «Sen-ge», 94–100.

76. Schurmann, *Economic Structure*, 135; Franke, *Geld*, 57–59.

77. Yüan shih, 297.

78. Ibid., 4572.

79. Такой же политики Хубилай и монголы придерживались при назначении на правительственные должности в Китае и других иноземцев: «Выступая в качестве промежуточного звена между монгольскими властями и китайскими подданными, мусульмане оказывали важные услуги, но вместе с тем навлекали на себя гнев завоевателей и завоеванных... Осознанно или неосознанно, монголы выставляли мусульман козлами отпущения, на которых переносили свою враждебность китайцы... Принимая мусульман на службу в качестве сборщиков налогов и ростовщиков, монголы могли быть уверены в том, что между китайцами и мусульманами нередко будет вспыхивать вражда» (Rossabi, «The Muslims», 258–59).

80. Liu Kuang-i, «T'u-fan Fo-chiao yü Yüan Shih-tsu», в книге Ta-lu tsa-chih shih-hsüeh ts'ung-shu, 241–43.

81. Li Chieh, Yüan shih, 60–70.

82. Yen Chien-pi, «Nan-Sung liu-ling i-shih cheng-ming chi-chu ts'uan-kung fa-hui nien-tai k'ao», 28–36.

83. Herbert Franke, «Tibetans in Yüan China», в книге *China under Mongol Rule*, ed. Langlois, 324–25.

84. Yüan shih, 362.

85. Ibid., 352.

86. Об этих событиях см. Paul Demiéville, «Les tombeaux des Song méridionaux», 458–567, и его работы «La situation religieuse en Chine au temps de Marco Polo», в книге *Oriente Poliano*, 214.

87. Franke, «Tibetans», в книге *China under Mongol Rule*, ed. Langlois, 325.

88. Yüan shih, 354; Paul Ratchnevsky, «Die mongolischen Grosskhane und die buddhistische Kirche», 497.

89. Yüan shih, 344.

90. Petech, «Sang-ko», 207.

91. Как мы увидим, Хубилай уже не играл той определяющей роли, которую выполнял ранее. Он устранился от многих обязанностей правителя, и некоторые источники полагают, что что одна из его жен предварительно отбирала дела, представляемые на его рассмотрение и часто принимала решения от его имени.

92. Один из наиболее интересных подобных памфлетов, написанный в конце эпохи Юань, переведен Гербертом Франке (Herbert Franke, «Eine mittelalterliche chinesische Satire auf die Mohammedaner», 202–08).

93. Boyle, Successors, 323–28.

94. Подробнее об Айсюэ см. A. C. Moule, Christians in China before the Year 1550, 228–29.

95. Boyle, Successors, 294.

96. Yüan shih, 217–18; Heyd, Histoire, 2:245.

97. Boyle, Successors, 295.

98. Yüan tien-chang, 763–64.

99. Yüan shih, 183, 3266; Erich Haenisch, Die Geheime Geschichte der Mongolen, 17.

100. Boyle, Successors, 294.

101. Joseph-Anne-Marie de Moyriac deMailla, Histoire générale de la Chine, ou annales de cet empire: traduites du Tong-kien-kang-mou, 10:456.

102. H. M. G. d'Ollone, Recherches sur les Musulmans chinois, 68.

103. Ch'en Pang-chan, Yüan-shih chi-shih pen-mo, 58.

104. Fang Kuo-yü, «Kuan-yü Sai-tien-ch'ih fu-Tien kung-chi», 48–49.

105. L. C. Goodrich, «Westerners and Central Asians in Yüan China», в книге Oriente Poliano, 8.

106. Hambis, Le chapitre cviii, 126, n. 4.

107. Olschki, Marco Polo's Asia, 333.

108. Yüan shih, 361; T'u Chi, Meng-wu-erh shih-chi, 80, 4b.

109. Poppe, Mongolian Monuments, 47.

110. Chavannes, «Inscriptions et pièces», 394; Kubo, «Prolegomena», 51–61.

111. Kenneth Ch'en, Buddhism in China, 425.

112. Yüan shih, 234; см. также хороший обзор в работе Igor de Rachewiltz, «The Hsi-yu-lu by Yeh-lü Ch'u-ts'ai», 1–3.

113. Chavannes, «Inscriptions et pièces», 400–401.

114. Broeck and Tung, «Taoist Inscription», 12–13; Ногами (Nogami, «Gendai Dō Butsu nikyō no kakushitsu», 258–59) придерживается гораздо более сдержанных взглядов на политику Хубилая по отношению к даосизму.

115. Yüan shih, 232; Sun, Yüan-tai Tao-chiao, 43–46, 132, 181; более подробный разбор вопроса о покровительстве, которое Хубилай оказывал даосам, см. в работе Sun, «Yü Chi and Southern Taoism during the Yüan Period», China under Mongol Rule, ed. Langlois, 212–53.

116. Т'ао, «Yüan-tai fo-ssu», 0108–14.

117. О влиянии буддистов см. Sinasi Tekin, Buddhistische Uigurica aus der Yüan-Zeit.

Глава 8. Закат императора

1. Yüan shih, 161; Tsunoda and Goodrich, Japan, 83–84.

2. Sansom, History, 448.

3. Yüan shih, 224.

4. Ibid., 215, 222; Hori, «Mongol Invasions», 137.

5. Yüan shih, 226.

6. Ibid., 228.

7. Ibid., 230.

8. Ibid., 230; см. также Lo, «Maritime Commerce», 99.

9. Tsunoda and Goodrich, Japan, 88.

10. Sansom, History, 449; Wu, «Yüan Ming Wo-tsei», 16–17; хороший обзор японской кампании см. в Ch'en Pang-chen, Yüan-shih chi-shih pen-mo, 25–31.

11. Лучшее всего их положение изложено в Olschki, Marco Polo's Asia, 345.

12. Wu, «Yüan Ming Wo-tsei», 17–18; Yüan shih, 233; о корейцах, принимавших участие в походе, см. Yüan Kao-li chi-shih, 30; об описании японской кампании у Марко Поло см. Enoki Kazuo, «Marco Polo and Japan», в книге Oriente Poliano, 32–33. Эноки пишет, что Марко Поло «считает поводом для

вторжения "богатство" Японии, которое хотел прибрать к рукам Хубилай».

13. Yüan shih, 256.

14. Ibid., 277; см. также Hsin Yüan shih, 2222; Tsunoda and Goodrich, Japan, 85; Rossabi, Jurchens, 7-8.

15. Yüan shih, 281.

16. Ibid., 4629-30; см. также Lo, «Maritime Commerce», 99.

17. В ходе подводных раскопок у берегов Японии, недавно проведенных профессором Торао Моцаи, было обнаружено множество предметов с затонувших кораблей. Краткий популярный обзор раскопок см. John Saag, «Japanese Divers Discover Wreckage of Mongol Fleet», 118-29.

18. Yüan shih, 217; Rockhill, «Notes», 431, 438.

19. Rockhill, «Notes», 438-40.

20. См. рисунки, изображающие эти экспедиции на Цейлон, в Esin, «Miniatures», 16-19, 31.

21. Yüan shih, 108.

22. Ibid., 207.

23. Shelley Mydans and Carl Mydans, «A Shrine City, Golden and White: The Seldom-Visited Pagan in Burma», 79.

24. Hall, History, 145; K. G. Tregonning, «Kublai Khan and South-East Asia», 166-67; подробнее о Насир ад-дине см. T'u Chi, Meng-wu-erh shih-chi, 80, 4b; Hamhis, Le chapitre cviii, 126-27.

25. Cordier, Ser Marco Polo, 87; Pelliot, Notes on Marco Polo, 2:793-94; Olschki, Marco Polo's Asia, 332-35.

26. Moule and Pelliot, Marco Polo, 289-90.

27. Ibid., 291.

28. Yüan shih, 213.

29. Ibid., 116.

30. О роли заложников в китайской истории см. see Lien-sheng Yang, «Hostages in Chinese History», в его книге Studies in Chinese Institutional History, 43-57.

31. Liu Ming-shu, «Yüan-tai An-nan chin-kung chih tai-shen chin-jen», 93-98.

32. Yüan shih, 232, 3152.

33. См. перевод Пеллио заметок Чжоу Дагуаня (Paul Pelliot, trans., Mémoires sur les coutumes du Cambodge de Tcheou

Ta-kouan (version nouvelle), 105–07), который также приводит рассказ о походе Соду в Чампу.

34. Yüan shih, 232, 3152.

35. Ch'en Pang-chan, Sung-shih chi-shih pen-mo, 31.

36. См. биографию Атахая в Yüan shih, 3149–50.

37. Ibid., 268.

38. Ibid., 267; Boyle, Successors, 245; Hambis, Le chapitre cviii, 89.

39. Li Chieh, Yüan shih, 71–72.

40. Yüan shih, 272–73, 275.

41. Подробнее об этих походах см. Lü, «Yüan-tai chih Chung-Yüeh kuan-hsi», 22–30.

42. Hok-lam Chan, «Chinese Refugees», 4–6.

43. Yüan shih, 277–88.

44. Ibid., 286; Boyle, Successors, 244; подробнее о потомках Хубилая см. Shaō Hsün-cheng, «Yüan shih La-t'e-chi shih Meng-ku ti-shih shih-hsi so-chi Shih-tsu hou-fei k'ao», 969–75.

45. Yüan shih, 289.

46. Ibid., 303.

47. О наказаниях, которым подвергся Тогон, см. Pelliot, Notes on Marco Polo, 875.

48. Yüan shih, 311, 333, 350.

49. Ibid., 299–300; Hall, History, 147.

50. Yüan shih, 326–27.

51. C. C. Berg, «The Javanese Picture of the Past», в книге Introduction to Indonesian Historiography, ed. Soedjatmoko, 115; G. Coèdes, The Indianized States of Southeast Asia, 199.

52. John F. Cady, The Southeast Asian World, 15–16.

53. Об этом инциденте, а также о походе в целом см. устаревшую, но до сих пор не превзойденную работу W. P. Grœneveldt, «The Expedition of the Mongols against Java in 1293 A.D.», 246–54.

54. Биографии Шиби и Гао Сина см. в Yüan shih, 3799–3806.

55. Точное число кораблей и человек, задействованных в походе, см. в работе Niwa Tomosaburō, «'Gen Sei So Jaba ensei zakkō — toku ni gunshi narabi ni kaisen sū ni tsuite», 57–63.

56. Краткое описание событий см. в Chang Hsing-lang, *Chung-hsi chiao-t'ung*, 3:26–27; более полный обзор см. в Hall, *History*, 75ff.

57. Georges Maspero, *Le royaume de Champa*, 244.

58. Yüan shih, 372.

59. Petech, «Tibetan Relations», в книге *China among Equals*, ed. Rossabi, 188; Rerikh, «Mongol-Tibetan Relations», 47–50.

60. Roerich, *The Blue Annals*, 2:582.

61. Franke, «Tibetans», в книге *China under Mongol Rule*, ed. Langlois, 310; Yüan shih, 240; Ratchnevsky, «Die mongolischen Grosskhane», 494–95.

62. Tucci, *Scrolls*, 1:15.

63. Petech, «Tibetan Relations», в книге *China among Equals*, ed. Rossabi, 189; см. также Wylie, «First Mongol Conquest», 131–32.

64. Boyle, *Successors*, 244; Рашид ад-дин пишет, что «провинция Тибет была отдана этому Темур-Буке». Вероятно, Темур-Буке была пожалована номинальная юрисдикция над Тибетом после эжтого похода.

65. Шакабпа (Shakabpa, Tibet, 70–71) утверждает, что Хубилай рассматривал планы продолжения похода и вторжения в Индию и Непал.

66. О Сюаньчжэн юань см. Nogami, «Gen no senseiin ni tsuite», 779–95, и Liu Kuang-i, «T'u-fan fo-chiao yü Yüan Shih-tsu», в книге *Ta-lu tsa-shih hsüeh ts'ung-shu*, 240–42.

67. У меня не было возможности познакомиться с исследованием E. P. J. Mullie, *De Mongoolse Prins Nayan*. Об этой работе см. рецензию Герберта Франке в *Asia Major*, n.s. 12, pt. 1 (1966): 130–31.

68. Moule and Pelliot, *Marco Polo*, 193–94.

69. Cleaves, «Bayan», 265.

70. О мятеже Наяна с точки зрения ученого из Китайской народной республики см. работу Yao Ta-li, «Nai-yen chih luan tsa-k'ao», 74–82; о мятеже Наяна в контексте отношений монголов с маньчжурскими чжурчжэнями см. Rossabi, *The Jurchens*, 3–11.

71. Moule and Pelliot, *Marco Polo*, 196.

72. Boyle, *Successors*, 298–99.

73. Moule and Pelliot, *Marco Polo*, 198.

74. Ibid., 199.

75. Муль (Moule, Christians, 224–29) указывает, что Хубилай продолжал принимать на службу несториан и после мятежа Наяна, который, по-видимому, не повлиял на отношение великого хана к христианам.

76. Yüan shih, 313, 323–25.

77. D'Ohsson, Histoire des Mongols, 2:466.

78. Подробнее о Хайду см. Pelliot, Notes on Marco Polo, 124–29, и Bertold Spuler, ed., Handbuch der Orientalistik, 5, 5: Geschichte Mittelasiens, 212–17.

79. Yüan shih, 2871; Рашид ад-дин пишет, что Чаби умерла в 1284 г.; Boyle, Successors, 242.

80. Yüan shih, 2873.

81. Между различными персидскими и китайскими списками сыновей Хубилая имеются некоторые расхождения. По-видимому, у него было 12 сыновей (хотя Марко Поло говорит, что их у него было 22), и наиболее вероятным кажется следующий порядок рождения: Дорджи, Чжэнь-цзинь, Мангала, Номухан, Хоридай, Угэчи, Ауругчи, Аячи, Кокочу, Кутлуг-Темур, Тогон и Темечи. См. обсуждение этих списков в Pelliot, Notes on Marco Polo, 569. Подробнее об этих сыновьях см. также Shao Hsün-cheng, «Yüan shih», 969–75, и Togan, «Annual Grants».

82. Boyle, Successors, 324.

83. Esin, «Miniatures», 26.

84. Bredon, Peking, 358.

85. Arlington and Lewisohn, Search, 315.

86. Koryo-sa, 570.

87. В работе Lao Yan-shuan, «Notes on Non-Chinese Terms in the Yüan Imperial Dietary Compendium Yin-shan Cheng-yao», 399–416, приводится описание некоторых типичных рецептов и блюд.

88. Yüan shih, 376.

89. Nancy Schatzman Steinhardt, «The Plan of Khubilai Khan's Imperial City», 156.

90. Yüan shih, 376–77.

91. John W. Dardess, Conquerors and Confucians: Aspects of Political Change in Late Yuan China, 26–27.

92. Yüan shih, 377.

БИБЛИОГРАФИЯ РАБОТ НА ЗАПАДНЫХ ЯЗЫКАХ

- Abe Takeo. «Where Was the Capital of the West Uighurs?»
В книге: Silver Jubilee Volume of the Zinbun Kagaku Kenkyusyo, Kyoto University, pp. 435–50. Kyoto: Zinbun Kagaku Kenkyusyo, Kyoto University, 1954.
- Abel-Rémusat, Jean Pierre. Nouveaux mélanges asiatiques, ou recueil de morceaux de critique et de mémoires. Paris: Schubart et Heideloff, 1829.
- Abramowski, Waltraut. «Die chinesischen Annalen mon Ögödei und Güyük — Übersetzung des 2. Kapitels des Yüan shih». Zentralasiatische Studien 10 (1976): 117–67.
- Aga-Oglu, Kamer. «Blue-and-White Porcelain Plates Made for Moslem Patrons». Far Eastern Ceramic Bulletin 3:3 (September 1951) 12–16.
- Alinge, Curt. Mongolische Gesetze. Leipzig: T. Weicher Verlag, 1934.
- Allen, W. E. D. A History of the Georgian People. London: Kegan Paul, Trench, Trubner, & Co., Ltd., 1932.
- Allsen, Thomas T. «Mongol Rule in East Asia, Twelfth to Fourteenth Centuries: A Bibliography of Recent Soviet Scholarship». Mongolian Studies 3 (1976): 5–27.
- Allsen, Thomas T. The Mongols in East Asia, Twelfth-Fourteenth Centuries: A Preliminary Bibliography of Books and Articles in Western Languages. Philadelphia: Sung Studies Newsletter, 1976.
- Allsen, Thomas T. «Politics of Mongol Imperialism: Centralization and Resource Mobilization in the Reign of the Grand Qan Möngke, 1251–59». Ph.D. diss., University of Minnesota, 1979.

- Almagia, R., et al. *Nel VII Centenario Della Nascita di Marco Polo*. Venice: Istituto Veneto di Scienze, Lettere ed Arti, 1955.
- «Ancient Observatory Reopens». *China Daily*, April 1, 1983, p. 1.
- Aris, Michael, and Kyi, Aung San Ssu, eds. *Tibetan Studies in Honour of Hugh Richardson*. Warminster: Aris & Phillips, Ltd., 1981.
- Arlington, L. C., and Lewisohn, William. *In Search of Old Peking*. Peking: Henri Vetch, 1935.
- Ayalon, David. «The Great Yasa of Chingiz Khan: A Reexamination». *Studia Islamica* 33 (1971): 97–140; 34 (1971): 151–80; 36 (1972): 113–58; 38 (1973): 107–56.
- Ayers, John. «Some Characteristic Wares of the Yüan Dynasty». *Transactions of the Oriental Ceramic Society* 29 (1957): 69–86.
- Bagchi, Prabodh Chandra. *Sino-Indian Studies*. Vol. 2. Calcutta, 1947.
- Barthold, V. V. *Four Studies on the History of Central Asia*. 4 vols. Trans. by V. and T. Minorsky. Leiden: E. J. Brill, 1962.
- Barthold, V. V. *Turkestan down to the Mongol Invasion*. Trans. by T. Minorsky. 3rd ed. London: Luzac & Co., Ltd., 1968.
- Barthold, V. V. «The Burial Rites of the Turks and the Mongols». Trans. by J. M. Rogers. *Central Asiatic Journal* 14:1–3 (1970): 195–227.
- Bauer, W., ed. *Studia Mongolica: Festschrift für Herbert Franke*. Wiesbaden: Franz Steiner, 1979.
- Bawden, Charles R., trans. *The Mongol Chronicle Altan Tobči*. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1955.
- Beazley, C. R. *The Dawn of Modern Geography*. London, 1901.
- Bielenstein, Hans. «The Restoration of the Han Dynasty». *Bulletin of the Museum of Far Eastern Antiquities* 27 (1954): 1–209.
- Bielenstein, Hans. «Lo-yang in Later Han Times». *Bulletin of the Museum of Far Eastern Antiquities* 48 (1976): 1–142.
- Blake, Robert F. «The Circulation of Silver in the Moslem East Down to the Mongol Epoch». *Harvard Journal of Asiatic Studies* 2 (1937): 291–328.

- Blake, Robert F., and Frye, Richard, trans. and eds. «History of the Nation of the Archers (The Mongols) by Grigor of Akanc». *Harvard Journal of Asiatic Studies* 12:3-4 (December 1949): 269-399.
- Blochet, E. *Introduction à l'histoire des Mongols de Fadl Allāh Rashīd Ed-Dīn*. Leiden: E. J. Brill, 1910.
- Blochet, E. «La mort du Khaghan Kouyouk». *Revue de l'orient chrétien* ser. 3; 23 (1922-23): 160-71.
- Bonaparte, Roland. *Documents de l'époque mongole des xiii et xiv siècles*, Paris, 1895.
- Bosson, J. E. *A Treasury of Aphoristic Jewels: The Subhāsitaranidhi of Sa Skya Pandita in Tibetan and Mongolian*. Bloomington: Indiana University, Uralic and Altaic Series.
- Boyd, Andrew. *Chinese Architecture and Town Planning, 1500 B.C. - A.D. 1911*. London: Alec Tiranti, 1962.
- Boyer, Martha. *Mongol Jewellery*. Copenhagen: i kommission hos Gyldendal's Boghandel, Nordisk Forlag, 1952.
- Boyle, John Andrew. «The Death of the Last 'Abbāsīd Caliph: A Contemporary Muslim Account». *Journal of Semitic Studies* 6:2 (Autumn 1961): 145-61.
- Boyle, John Andrew. «Kirakos of Ganjak on the Mongols». *Central Asiatic Journal* 8:3 (September 1963): 199-214.
- Boyle, John Andrew. «The Journey of Het'um, King of Little Armenia, to the Court of the Great Khan Möngke». *Central Asiatic Journal* 9:3 (1964): 175-89.
- Boyle, John Andrew. «The Burial Place of the Great Khan Ögedei». *Acta Orientalia: Societates Orientales Danica Norvegica Svevica* 32 (1970): 45-50.
- Boyle, John Andrew. «The Seasonal Residences of the Great Khan Ögedei». *Central Asiatic Journal* 16 (1972): 125-31.
- Boyle, John Andrew. «The Thirteenth-Century Mongols' Conception of the After Life: The Evidence of Their Funerary Practices». *Mongolian Studies* 1 (1974): 5-14.
- Boyle, John Andrew. *The Mongol World Empire, 1206-1370*. London: Variorum Reprints, 1977.
- Boyle, John Andrew, ed. *The Cambridge History of Iran, Volume 5: The Saljuq and Mongol Periods*. Cambridge: Cambridge University Press, 1968.

- Boyle, John Andrew, trans. *The History of the World Conqueror*. See 'Alā-ad-Dīn 'Ata-Malik Juvaini.
- Boyle, John Andrew, trans. *The Successors of Genghis Khan*. New York: Columbia University Press, 1971.
- Bredon, Juliet. *Peking: A Historical and Intimate Description of Its Chief Places of Interest*. 3rd ed. Shanghai: Kelly & Walsh, Ltd., 1931.
- Brent, Peter. *Genghis Khan: The Rise, Authority, and Decline of Mongol Power*. New York: McGraw-Hill, 1976.
- Bretschneider, Emil. *Recherches archéologiques et historiques sur Pékin et ses environs*. Trans. by Collin de Plancey. Paris: Ernest Leroux, 1879.
- Bretschneider, Emil. *Botanicon Sinicum*. Vol. 3. London: Trubner, 1895.
- Bretschneider, Emil. *Mediaeval Researches from Eastern Asiatic Sources*. 2 vols. Reprint. New York: Barnes & Noble, 1967.
- Broeck, Janet Rinaker Ten, and Yiu Tung. «A Taoist Inscription of the Yüan Dynasty: The Tao-chiao pei». *T'oung Pao* 40 (1950): 4–66.
- Brosset, M. *Histoire de la Géorgie depuis l'antiquité jusqu'au XIXe siècle*. St. Petersburg: L'imprimerie de l'académie impériale des sciences, 1858.
- Brosset, M. *Deux historiens arméniens, Kirakos de Gantzag, Oukhtanes d'Ourha*. St. Petersburg, 1870–71.
- Brown, William A. «The Biography of Wen T'ien-hsiang in the Sung shih». Ph.D. diss., Harvard University, 1962.
- Browne, Edward G. *A Literary History of Persia*. 4 vols. Reprint. London: Cambridge University Press, 1969.
- Brunel, C. «David d'Ashby, auteur méconnu des Faits des Tartares». *Romania* 84 (1958): 39–46.
- Budge, E. A. Wallis, trans. *The Monks of Kublai Khan, Emperor of China*. London: The Religious Tract Society, 1928.
- Budge, E. A. Wallis, trans. *The Chronography of Gregory Ab'ül Faraj: The Son of Aaron, the Hebrew Physician Commonly Known as Bar Hebraeus*. 2 vols. London: Oxford University Press, 1932.
- Buell, Paul D. «Sino-Khitani Administration in Mongol Bukhara». *Journal of Asian History* 13 (1979): 121–51.

- Bulliet, Richard. *The Camel and the Wheel*. Cambridge: Harvard University Press, 1975.
- Bush, Susan. *The Chinese Literati on Painting: Su Shih (1037–1101) to Tung Ch'i-ch'ang (1555–1636)*. Cambridge: Harvard University Press, 1971.
- Bushell, S. W. «Notes on the Old Mongolian Capital of Shangtu». *Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland* 7 (1875): 329–38.
- Cady, John. *The Southeast Asian World*. St. Louis: Forum Press, 1977.
- Cahill, James. *Hills beyond a River: Chinese Painting of the Yüan Dynasty, 1279–1368*. New York: John Weatherhill, Inc., 1976.
- Cahill, James. *An Index of Early Chinese Painters and Painting, T'ang, Sung, and Yüan*. Berkeley: University of California Press, 1980.
- Calvino, Italo. *Invisible Cities*. Trans. by William Weaver. New York: Harcourt Brace Jovanovich, 1974.
- Chan Hok-lam. «The Compilation and Sources of the Chin-shih». *Journal of Oriental Studies* 1–2 (1961–64): 125–63.
- Chan Hok-lam. «Chinese Refugees in Annam and Champa at the End of the Sung Dynasty». *Journal of Southeast Asian History* 7:2 (September 1966): 1–10.
- Chan Hok-lam. «Liu Ping-chung (1216–1274): A Buddhist-Taoist Statesman at the Court of Khubilai Khan». *T'oung Pao* 53 (1967): 98–146.
- Chan Hok-lam. *The Historiography of the Chin Dynasty: Three Studies*. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag, 1970.
- Chan Hok-lam. «Prolegomena to the Ju-nan i-shih: A Memoir on the Last Chin Court under the Mongol Siege of 1234». *Sung Studies Newsletter* 10 (1974): 2–19.
- Chan Hok-lam. «Wang O (1190–1273)». *Papers on Far Eastern History* 12 (September 1975): 43–70.
- Chan Hok-lam. «Yang Huan (1186–1255)». *Papers on Far Eastern History* 14 (September 1976): 37–59.
- Chan Hok-lam. «Yao Shu (1201–1278)». *Papers on Far Eastern History* 22 (September 1980): 17–50.

- Chan Hok-lam and de Bary, William Theodore, eds. *Yuan Thought: Chinese Thought and Religion under the Mongols*. New York: Columbia University Press, 1982.
- Chan Ping-leung, ed. *Essays in Commemoration of the Golden Jubilee of the Fung Ping Shan Library (1932–1982)*. Hong Kong: Hong Kong University Press, 1982.
- Chang Kuei-sheng. «The Maritime Scene at the Dawn of Great European Discoveries». *Journal of the American Oriental Society* 94:3 (July–September 1974): 347–59.
- Chang Kwang-chih, ed. *Food in Chinese Culture: Anthropological and Historical Perspectives*. New Haven: Yale University Press, 1977.
- Chapman, Walker [pseud.]. *Kublai Khan: Lord of Xanadu*. Indianapolis: Bobbs-Merrill Co., Inc., 1966.
- Charignon, A. J. H. *Le livre de Marco Polo*. 2 vols. Peking: Albert Nachbaur, 1924–26.
- Chavannes, Édouard. «Inscriptions et pièces de chancellerie chinoises de l'époque mongole». *T'oung Pao* 5 (1904): 357–447; 6 (1905): 1–42; 9 (1908): 297–428.
- Chavannes, Édouard. *Le T'ai Chan*. Reprint. Taipei: Ch'eng-wen Publishing Co., 1970.
- Ch'en, Kenneth K. S. «Buddhist-Taoist Mixtures in the Pa-shih-i-hua t'u». *Harvard Journal of Asiatic Studies* 9 (1945–47): 1–12.
- Ch'en, Kenneth K. S. *Buddhism in China: A Historical Survey*. Princeton: Princeton University Press, 1964.
- Ch'en, Paul Heng-chao. «Chih-yüan hsin-ko: The Yüan Code of 1291 as Reconstructed and a Survey of Yüan Legal Institutions». Ph.D. diss., Harvard University, 1973.
- Ch'en, Paul Heng-chao. *Chinese Legal Tradition under the Mongols*. Princeton: Princeton University Press, 1979.
- Ch'en Yüan. *Western and Central Asians in China under the Mongols*. Trans. by Ch'ien Hsing-hai and L. C. Goodrich. Los Angeles: Monumenta Serica Institute, 1966.
- Ching, Julia. «Hsü Heng (1209–81): A Confucian under the Mongols». Paper for the Conference on Yüan Thought. Issaquah, Washington. January 1978.

- Chung, Priscilla Ching. *Palace Women in the Northern Sung*. Leiden: E. J. Brill, 1981.
- Ch'ü Ch'ing-yüan. «Government Artisans of the Yüan Dynasty». В книге: *Chinese Social History: Translations of Selected Studies*, trans. and ed. by E-tu Zen Sun and John DeFrancis, pp. 234–46. Washington: American Council of Learned Societies, 1956.
- Clauson, Gerard. «The hP'ags-pa Alphabet». *Bulletin of the School of Oriental and African Studies, London University* 22 (1959): 300–323.
- Cleaves, Francis Woodman. «The Expression Jöb Ese Bol in the Secret History of the Mongols». *Harvard Journal of Asiatic Studies* 11 (1948): 311–20.
- Cleaves, Francis Woodman. «Review of E. Haenisch, *Die geheime Geschichte der Mongolen*». *Harvard Journal of Asiatic Studies* 12 (1949): 497–534.
- Cleaves, Francis Woodman. «A Chancellery Practice of the Mongols in the Thirteenth and Fourteenth Centuries». *Harvard Journal of Asiatic Studies* 14 (1951): 493–526.
- Cleaves, Francis Woodman. «The Sino-Mongolian Inscription of 1346». *Harvard Journal of Asiatic Studies* 15 (1952): 1–123.
- Cleaves, Francis Woodman. «The Historicity of the Baljuna Covenant». *Harvard Journal of Asiatic Studies* 18:2 (1955): 357–421.
- Cleaves, Francis Woodman. «The Biography of Bayan of the Bārin in the Yuan shih». *Harvard Journal of Asiatic Studies* 19:3–4 (1956): 185–301.
- Cleaves, Francis Woodman. «Qabqanas ~ Qamqanas». *Harvard Journal of Asiatic Studies* 19:3–4 (1956): 390–406.
- Cleaves, Francis Woodman. «The 'Fifteen Palace Poems' by K'o Chiu-ssu». *Harvard Journal of Asiatic Studies* 20 (1957): 391–479.
- Cleaves, Francis Woodman. «A Chinese Source Bearing on Marco Polo's Departure and a Persian Source on His Arrival in Persia». *Harvard Journal of Asiatic Studies* 36 (1976): 181–203.
- Cleaves, Francis Woodman, trans. *The Secret History of the Mongols*. Cambridge: Harvard University Press, 1982.

- Cleaves, Francis Woodman, and Mostaert, Antoine. «Trois documents mongols ces archives secrètes vaticanes», *Harvard Journal of Asiatic Studies* 15 (1952): 419–506.
- Coèdes, G. *The Indianized States of Southeast Asia*. Honolulu: East-West Center Press, 1968.
- Combined Indices to Forty-Seven Collections of Sung Dynasty Biographies. 2nd ed. Tokyo: Harvard Yenching Institute Sinological Index Series No. 34. Japan Council for East Asian Studies, 1959.
- Commeaux, C. *La vie quotidienne chez les Mongols de la conquête (XIIIe siècle)*. Paris: Librairie Hachette, 1972.
- Cordier, Henri. *Les voyages en Asie au xive siècle du bienheureux frère Odoric de Pordenone*. Paris: Ernest Leroux, 1891.
- Cordier, Henri. *Ser Marco Polo: Notes and Addenda to Sir Henry Yule's Edition*. London: John Murray, 1920.
- Creel, Herrlee G. *What Is Taoism? and Other Studies in Chinese Cultural History*. Chicago: University of Chicago Press, 1970.
- Crump, James I. *Chinese Theater in the Days of Kublai Khan*. Tucson: University of Arizona Press, 1980.
- Dardess, John W. «From Mongol Empire to Yüan Dynasty: Changing Forms of Imperial Rule in Mongolia and Central Asia». *Monumenta Serica* 30 (1972–73): 117–65.
- Dardess, John W. *Conquerors and Confucians: Aspects of Political Change in Late Yuan China*. New York: Columbia University Press, 1973.
- Dauvillier, Jean. «Les provinces chaldéenes de l'extérieur au moyen-âge». В книге: *Mélanges offerts au R. P. Ferdinand Cavallera*. Toulouse: Bibliothèque de L'Institut Catholique, 1948.
- Давидович Е. А. *Денежное хозяйство Средней Азии в XIII веке*. М., 1972.
- Dawson, Christopher, ed. *Mission to Asia*. New York: Harper & Row, 1966.
- de Bary, William Theodore. «The Rise of Neo-Confucian Orthodoxy in Yüan China». Paper for the University Seminar on Traditional China. Columbia University. December 1979.

- de Bary, William Theodore. *Neo-Confucian Orthodoxy and the Learning of the Mind-and-Heart*. New York: Columbia University Press, 1981.
- de Bary, William Theodore, ed. *Sources of Japanese Tradition*. New York: Columbia University Press, 1958.
- de Bary, William Theodore, ed. *Self and Society in Ming Thought*. New York: Columbia University Press, 1970.
- Deguignes, J. *Histoire générale des Huns, des Turcs, des Mongols, et des autres Tartares occidentaux*. Paris: Desaint & Saillant, 1756–58.
- deMailla, Joseph-Anne-Marie de Moyriac. *Histoire générale de la Chine, ou annales de cet empire: traduites du Tong-kien-kang-mou*. Paris, 1779.
- Demiéville, Paul. «Les tombeaux des Song méridionaux». *Bulletin de l'École Française d'Extrême-Orient* 25 (1925): 458–67.
- DeWeese, Devin. «The Influence of the Mongols on the Religious Consciousness of Thirteenth-Century Europe». *Mongolian Studies* 5 (1978–79): 47–53.
- Denlinger, Paul. «Chinese in hP'ags-pa Script». *Monumenta Serica* 22:2 (1963): 407–33.
- Der Nersessian, Sirarpie. «The Armenian Chronicle of the Constable Smpad or of the 'Royal Historians.'» *Dumbarton Oaks Papers* 13 (1959): 141–68.
- Der Nersessian, Sirarpie. *The Armenians*. London: Thames & Hudson, Ltd., 1969.
- Desmaisons, Petr I., trans. *Histoire des Mogols et des Tatares par Aboul-Ghâzi Béhâdour Khân: Souverain de Kharezm et Historien Djaghataï, 1603–1644*. Reprint. Amsterdam: Philo Press, 1970.
- Die Jagd bei den altaischen Völkern, Vorträge der VIII. Permanent International Altaistic Conference, 1965. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1968.
- Drouin, Edmond. «Notices sur les monnaies mongoles». *Journal asiatique ser. 9*; 7 (1896): 486–544.
- Duda, Herbert. *Die Seltschukengeschichte des Ibn Bibī*. Copenhagen: Ejnar Munksgaard, A. S., 1959.

- Dulaurier, E. «Les Mongols d'après les historiens arméniens». *Journal asiatique* ser. 5; 11 (1858): 192–255, 426–73, 481–508.
- Dunlop, Douglas. «The Karaits of Eastern Asia». *Bulletin of the School of Oriental and African Studies, London University* 11 (1943–46): 276–89.
- Ecke, Gustav, and Demiéville, Paul. *The Twin Pagodas of Zayton*. Cambridge: Cambridge University Press, 1935.
- Eliade, Mircea. *Shamanism: Archaic Techniques of Ecstasy*. Trans. by Willard Trask. Princeton: Princeton University Press, 1964. (Имеется русский перевод: Элиаде М. Шаманизм. Архаические техники экстаза / Пер. К. Богуцкого и В. Трилиса. К.: София, 1998. — Прим. ред.)
- Elvin, Mark. *The Pattern of the Chinese Past*. Stanford: Stanford University Press, 1973.
- Endicott-West, Elizabeth. «Aspects of Decision-Making and Personnel Management in the Early Yüan». Paper for American Council of Learned Societies Conference on the Evolution of Imperial Governance, Tenth to Fourteenth Centuries. Riesen-berg, Germany. August-September 1982.
- Esin, Emil. «A Pair of Miniatures from the Miscellany Collections of Topkapi». *Central Asiatic Journal* 21:1 (1977): 13–35.
- Fairbank, John K. *Trade and Diplomacy on the China Coast: The Opening of the Treaty Ports, 1842–1854*. 2 vols. Cambridge: Harvard University Press, 1953.
- Fairbank, John K., and Reischauer, Edwin O. *East Asia: The Great Tradition*. Boston: Houghton Mifflin Co., 1960.
- Farmer, Edward L. *Early Ming Government: The Evolution of Dual Capitals*. Cambridge: East Asian Research Center, Harvard University, 1976.
- Farquhar, David M. «The Official Seals and Ciphers of the Yüan Period». *Monumenta Serica* 25 (1966): 362–93.
- Farquhar, David M. «Emperors as Bodhisattvas in the Governance of the Ch'ing Empire». *Harvard Journal of Asiatic Studies* 38: 1 (June 1978): 5–34.
- Favier, A. *Pékin: Histoire et description*. Peking: Imprimerie des Lazaristes au Pé-tang, 1897.

- Feuerwerker, Albert, ed. *History in Communist China*. Cambridge: M.I.T. Press, 1968.
- FitzGerald, Charles Patrick. *Son of Heaven*. Cambridge: Cambridge University Press, 1933.
- FitzGerald, Charles Patrick. *The Southern Expansion of the Chinese People*. New York: Praeger Publishers, 1972.
- Fletcher, Joseph F. «Turco-Mongolian Monarchic Tradition in the Ottoman Empire». *Harvard Ukrainian Studies* 3/4 (1979–80): 236–51.
- Forke, Alfred. *Geschichte der neueren chinesischen Philosophie*. Hamburg: de Gruyter, 1938.
- Franke, Herbert. «Dschau Mong-fu: Das Leben eines chinesischen Staatsmannes, Gelehrten und Künstlers unter der Mongolenherrschaft». *Sinica* 15 (1940): 25–48.
- Franke, Herbert. «Sen-ge: Das Leben eines uigurischen Staatsbeamten zur Zeit Chubilai's dargestellt nach Kapitel 205. der Yüan-Annalen». *Sinica* 17 (1942): 90–113.
- Franke, Herbert. «Ahmed: Ein Beitrag zur Wirtschaftsgeschichte Chinas unter Qubilai». *Oriens* 1:2 (1948): 222–36.
- Franke, Herbert. *Geld und Wirtschaft in China unter der Mongolenherrschaft*. Leipzig: Otto Harrassowitz, 1949.
- Franke, Herbert. «Some Sinological Remarks on Rašīd Ad-Din's History of China». *Oriens* 4:1 (1951): 21–26.
- Franke, Herbert. «Could the Mongol Emperors Read and Write Chinese?». *Asia Major* n.s. 3: 1 (1952): 28–41.
- Franke, Herbert. «Die Agrarreformen des Chia Ssu-tao». *Saeculum* 9 (1958): 345–69.
- Franke, Herbert. Review of E. P. J. Mullie, *De Mongoolse Prins Nayan*. *Asia Major* n.s. 12, pt. 1 (1966): 130–31.
- Franke, Herbert. «Sino-Western Contacts under the Mongol Empire». *Journal of the Royal Asiatic Society, Hong Kong Branch* 6 (1966): 49–72.
- Franke, Herbert. «Eine mittelalterliche chinesischen Satire auf die Mohammedaner». В книге: *Der Orient in der Forschung: Festschrift für Otto Spies zum 5 April 1966*, ed. Wilhelm Hoenerbach, pp. 202–8. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1967.

- Franke, Herbert. «Treaties between Sung and Chin». В книге: *Études Song in memoriam Étienne Balázs* 1:1, ed. by Françoise Aubin pp. 55–84. Paris: Mouton & Co., 1970.
- Franke, Herbert. «Chinese Texts on the Jurchen: A Translation of the Jurchen Monograph in the San-ch'ao pei-meng hui-pien». *Zentralasiatische Studien* 9 (1975): 119–86.
- Franke, Herbert. *From Tribal Chieftain to Universal Emperor and God: The Legitimation of the Yüan Dynasty*. Munich: Verlag der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, 1978.
- Franke, Herbert. «A Sino-Uighur Family Portrait: Notes on a Woodcut from Turfan». *Canada-Mongolia Review* 4:1 (April 1978): 33–40.
- Franke, Herbert, ed. *Sung Biographies*. 4 vols. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag, 1976.
- Franke, Otto. «Kublai Khan und seine chinesischen Berater». *Forschungen und Fortschritte* 18:29–30 (20 October 1942): 283–85.
- Fu Lo-shu. «Teng Mu: A Forgotten Chinese Philosopher». *T'oung Pao* 52 (1965–66): 35–96.
- Fuchs, Walter. *The Mongol Atlas of China by Chu Ssu-pen. Peiping: Monumenta Serica Monographs*, 1946.
- Fuchs, Walter. «Analecta zur mongolischen Übersetzungsliteratur der Yüan-Zeit». *Monumenta Serica* 11 (1946): 34–64.
- Fung Yu-lan. *A History of Chinese Philosophy*. 2 vols. Trans. by Derk Bodde. Princeton: Princeton University Press, 1953.
- Gabain, Annemarie von. *Das Leben im uigurischen Königreich von Qočo, 850–1250*. 2 vols. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1973.
- Gedalecia, David. «Wu Ch'eng: A Neo-Confucian of the Yüan». Ph.D. diss., Harvard University, 1971.
- Gernet, Jacques. *Daily Life in China on the Eve of the Mongol Invasion, 1250–1276*. Trans. by H. M. Wright. New York: Macmillan Co., 1962.
- Gibb, Hamilton A. R., trans. *Ibn Battúta: Travels in Asia and Africa, 1325–1354*. London: George Routledge & Sons, Ltd., 1929.
- Gibb, Hamilton A. R., et al. *Encyclopedia of Islam*. Vol. 1. 2nd ed. Leiden: E. J. Brill, 1954.

- Giles, Herbert A. *A Chinese Biographical Dictionary*. Reprint. Taipei: Ch'eng-wen Publishing Co., 1968.
- Gompertz, G. M. *Korean Celadon and Other Wares of the Koryo Period*. London: Faber & Faber, 1968.
- Goodrich, Luther Carrington. «Firearms among the Chinese: A Supplementary Note». *Isis* 39:1-2 (1948): 63-64.
- Goodrich, Luther Carrington. «A Bronze Block for the Printing of Chinese Paper Currency». *The American Numismatic Society Museum Notes* 4 (1950): 127-30.
- Goodrich, Luther Carrington. *A Short History of the Chinese People*. 3rd ed. New York: Harper & Bros., 1959.
- Goodrich, Luther Carrington, and Fang Chaoying, eds. *A Dictionary of Ming Biography*. 2 vols. New York: Columbia University Press, 1976.
- Goodrich, Luther Carrington, and Feng Chia-sheng. «The Early Development of Firearms in China». *Isis* 36:2 (1946): 114-23.
- Gothein, Marie Luise. «Die Stadtanlage von Peking». *Wiener Jahrbuch für Kunstgeschichte* 7 (1930): 7-33.
- Gray, Basil. «Art under the Mongol Dynasties of China and Persia». *Oriental Art* 1 (Winter 1955): 159-67.
- Grekov, B., and Iakoubovski, A. *La Horde d'Or*. Trans. by François Thuret. Paris: Payot, 1939. (Русский оригинал: Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. *Золотая Орда. Очерк истории Улуса Джучи в период сложения и расцвета в XIII-XIV вв. Л.*, 1937. — Прим. пер.)
- Griffing, Robert, Jr. *The Art of the Korean Potter*. New York: The Asia Society, 1968.
- Groeneveldt, W. P. «The Expedition of the Mongols against Java in 1293 A.D». *China Review* 4 (1875-76): 246-54.
- Grousset, René. *L'empire des steppes*. Paris: Payot, 1939. Trans. by Naomi Walford, under the title *The Empire of the Steppes: A History of Central Asia*. New Brunswick: Rutgers University Press, 1970.
- Grousset, René. *L'empire mongol (1re Phase)*. Paris: E. de Boccard, 1941.
- Grousset, René. *Conqueror of the World: The Life of Chingis Khan*. Trans. by Marian McKellar and Denis Sinor. New York:

- Viking Press, 1972. (Русский перевод. Груссе Р. Чингисхан: Покоритель Вселенной. М.: Мол. гвардия, 2000.)
- Guzman, Gregory G. «Simon of Saint-Quentin and the Dominican Mission of the Mongol Baiju: A Reappraisal». *Speculum* 46:2 (April 1971): 232–49.
- Guzman, Gregory G. «Simon of Saint-Quentin as Historian of the Mongols and the Seljuk Turks». *Medievalia et Humanistica* n.s. 3 (1972): 155–78.
- Guzman, Gregory G. «The Encyclopedist Vincent of Beauvais and His Mongol Extracts from John of Plano Carpini». *Speculum* 49:2 (April 1974): 287–307.
- Haeger, John W., ed. *Crisis and Prosperity in Sung China*. Tucson: University of Arizona Press, 1975.
- Haeger, John W., ed. «Marco Polo in China: Problems with Internal Evidence». *Bulletin of Sung and Yüan Studies* 14 (1978): 22–30.
- Haenisch, Erich. «Die letzten Feldzüge Čingis Khans und sein Tod: Nach der ostasiatischen Überlieferung». *Asia Major* o.s. 9 (1933): 503–51.
- Haenisch, Erich. «Steuergerechtsame der chinesischen Klöster unter der Mongolenherrschaft». В книге: *Berichte über die Verhandlungen der Sächsischen Akademie der Wissenschaften zu Leipzig* (1940). 74 pp.
- Haenisch, Erich. *Die Geheime Geschichte der Mongolen*. Leipzig: Otto Harrassowitz, 1941.
- Haenisch, Erich. «Die Ehreninschrift für den Rebellengeneral Ts'ui Lih». *Abhandlungen der Preussischen Akademie Wissenschaften Phil.-Hist. Klasse* 4 (Berlin, 1944).
- Haenisch, Erich. «Zu den Briefen der mongolischen Il-Khane Argun und Öljeitü an den König Philipp den Schönen von Frankreich (1289 und 1305)». *Oriens* 2 (1948): 216–35.
- Hall, D. G. E. *A History of South-East Asia*. 2nd ed. London: Macmillan & Co., 1964.
- Halperin, Charles. «Russia in the Mongol Empire in Historical Perspective». *Harvard Journal of Asiatic Studies* 43:1 (June 1983): 239–61.
- Hambis, Louis. *Le chapitre cvii du Yüan che*. Leiden: E. J. Brill, 1945.

- Hambis, Louis. Le chapitre cviii du Yüan che. Leiden: E. J. Brill, 1954.
- Hambis, Louis. Marco Polo: La description du monde. Paris: Librairie C. Klincksieck, 1955.
- Hambis, Louis. «Notes sur l'histoire de Corée a l'époque mongole». T'oung Pao 45 (1957): 151-218.
- Hambly, Gavin. Central Asia. New York: Delacorte Press, 1969.
- Hammer-Purgstall, Joseph. Geschichte der Ilchane. 2 vols. Darmstadt: Carl Wilhelm Leske, 1842-43.
- Hammer-Purgstall, Joseph, trans. Geschichte Wassaf's. Vienna: Aus der Kaiserlich-Königlichen Hof-und-Staatsdruckerei, 1856.
- Hana, Corinna. Bericht über die Verteidigung der Stadt Te-an während der Periode K'ai-hsi, 1205-1208. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag, 1970.
- Hangin, John, trans. Köke Sudur (The Blue Chronicle): A Study of the First Mongolian Historical Novel by Injannasi. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1973.
- Harada, Yoshito. Shang-tu: The Summer Capital of the Yuan Dynasty in Dolon-Nor, Mongolia. Tokyo: Toa-Koko Gakukai, 1941.
- Harlez, Charles de. Histoire de l'empire du Kin ou empire d'or. Louvain: Charles Peeters, 1887.
- Harrison, T. «Trade Porcelain and Stoneware in South-east Asia». Sarawak Museum Journal 10 (1961): 222-26.
- Hart, Henry H. Marco Polo: Venetian Adventurer. Norman: University of Oklahoma Press, 1967.
- Hartwell, Robert. «A Cycle of Economic Change in Imperial China: Coal and Iron in Northeast China, 750-1350». Journal of the Economic and Social History of the Orient 10:1 (1967): 102-59.
- Harvard-Yenching Institute Sinological Index Series. Combined Indices to Thirty Collections of Liao, Chin, and Yüan Biographies. Reprint. San Francisco: Chinese Materials Center, Inc., 1974.
- Iatada Takashi. A History of Korea. Trans. and ed. by Warren W. Smith and Benjamin Hazard. Santa Barbara: ABC-Clio Press, 1969.

- Hayden, George A. «The Courtroom Plays of the Yüan and Early Ming Periods». *Harvard Journal of Asiatic Studies* 34 (1974): 192–220.
- Hazard, Benjamin. «The Formative Years of the Wakō, 1223–63». *Monumenta Nipponica* 22 (1967): 260–77.
- Hazard, Harry W., ed. *A History of the Crusades, Volume 3: The Fourteenth and Fifteenth Centuries*. Madison: University of Wisconsin Press, 1975.
- Heissig, Walther. *The Religions of Mongolia*. Trans. by Geoffrey Samuel. Berkeley: University of California Press, 1980.
- Heissig, Walther, ed. *Altaica Collecta*. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1976.
- Henderson, Gregory. «Koryo Ceramics: Problems and Sources of Information». *Far Eastern Ceramic Bulletin* 10:1–2 (March–June 1958): 5–28.
- Henderson, Gregory. *Korean Ceramics: An Art's Variety*. Columbus: Ohio State University Exhibition Catalog, 1969.
- Henthorn, William. *Korea: The Mongol Invasions*. Leiden: E. J. Brill, 1963.
- Henderson, Gregory. *A History of Korea*. New York: The Free Press, 1971.
- Herrmann, Albert. *An Historical Atlas of China*. 2nd ed. rev. by Norton Ginsburg. Chicago: Aldine Publishing Co., 1966.
- Heyd, W. *Histoire du commerce du Levant au moyen-âge*. Reprint. Trans. by Furcy Raynaud. Amsterdam: Adolf M. Hakkert, 1967.
- Hirth, Friedrich, and Rockhill, William W., trans. *Chau Ju-kua: His Work on the Chinese and Arab Trade in the Twelfth and Thirteenth Centuries Entitled Chu-fan-chi*. St. Petersburg: Printing Office of the Imperial Academy of Sciences, 1911.
- History of the Mongolian People's Republic*. Moscow: Nauka, 1973.
- Ho Ping-ti. *Studies on the Population of China, 1368–1953*. Cambridge: Harvard University Press, 1959.
- Ho Ping-ti. «An Estimate of the Total Population of Sung-Chin China». В книге: *Études Song in memoriam Étienne Balázs*, ed. Françoise Aubin, pp. 3–53. Paris: Mouton & Co., 1970.

- Ho Wai-kam. «Government Administration and Supervision of Crafts in the Yüan Dynasty». American Council of Learned Societies Conference on China under Mongol Rule. York, Maine. July 1976.
- Hodgson, Marshall G. S. The Order of Assassins: The Struggle of the Early Nizârî Ismâ'îlîs against the Islamic World. The Hague: Mouton & Co., 1955.
- Hoffman, Helmut. The Religions of Tibet. Trans. by Edward Fitzgerald. New York: Macmillan, 1961.
- Holt, P. M., Lambton, Ann K. S., and Lewis, Bernard, eds. The Cambridge History of Islam. 2 vols. Cambridge: Cambridge University Press, 1970.
- Hoog, Constance, trans. Prince Jin-gim's Textbook of Tibetan Buddhism. Leiden: E. J. Brill, 1983.
- Hori Kyotsu. «The Mongol Invasions and the Kamakura Bakufu». Ph.D. diss., Columbia University, 1967.
- Houdas, O., trans. Histoire du Sultan Djelal ed-din Mankobirti, prince du Kharezm. Paris: Ernest Leroux, 1895.
- Howorth, Henry H. History of the Mongols from the Ninth to the Nineteenth Century. 5 vols. London: Longmans, Green, & Co., 1876.
- Hsia Chih-ting. The Classic Chinese Novel: A Critical Introduction. New York: Columbia University Press, 1968.
- Hsiao Ch'i-ch'ing. The Military Establishment of the Yüan Dynasty. Cambridge: Harvard University Press, 1978.
- Hsiung, S. I. The Romance of the Western Chamber. New York: Columbia University Press, 1968.
- Hucker, Charles O. The Censorial System of Ming China. Stanford: Stanford University Press, 1966.
- Hucker, Charles O. China's Imperial Past. Stanford: Stanford University Press, 1975.
- Hucker, Charles O., ed. Chinese Government in Ming Times: Seven Studies. New York: Columbia University Press, 1969.
- Humble, Richard. Marco Polo. New York: G. P. Putnam's Sons, 1975.
- Hung Chin-fu. «China and the Nomads: Misconceptions in Western Historiography on Inner Asia». Harvard Journal of Asiatic Studies 41:2 (December 1981): 597-628.

- Hung, William. «The Transmission of the Book Known as The Secret History of the Mongols». *Harvard Journal of Asiatic Studies* 14 (1951): 433–92.
- Huntington, Ellsworth. *Mainsprings of Civilization*. New York: John Wiley & Sons, 1947.
- Huth, George. *Geschichte des Buddhismus in der Mongolei*. Strassburg: Karl J. Trubner, 1896.
- Hyer, Paul. «The Reevaluation of Chinggis Khan: Its Role in the Sino-Soviet Dispute». *Asian Survey* 6:12 (December 1966): 696–705.
- Hymes, Robert P. «Doctors in Sung and Yüan: A Local Case Study». Paper for Columbia University Seminar on Traditional China, 1982.
- Idema, W. L. *Chinese Vernacular Fiction: The Formative Period*. Leiden: E. J. Brill, 1974.
- Impey, Lawrence. «Shang-tu, Summer Capital of Khubilai Khan». *Geographical Review* 15 (October 1925): 584–604.
- Inaba Shōju, trans. «The Lineage of the Sa-skya-pa: A Chapter of the Red Annals». *Memoirs of the Research Department of the Tōyō Bunko* 22 (1963): 107–23.
- Inal, Sara Güner. «The Fourteenth-Century Miniatures of the Jāmi 'al-tavārikh in the Topkapi Museum in Istanbul, Hazine Library No. 1653». Ph.D. diss., University of Michigan, 1965.
- Ipsiroglu, M. S. *Painting and Culture of the Mongols*. Trans. by E. D. Phillips. New York: Harry Abrams, Inc., n.d.
- Iwamura Shinobu. «Mongol Invasion of Poland in the Thirteenth Century». *Memoirs of the Research Department of the Tōyō Bunko* 10 (1938): 103–57.
- Jackson, Peter. «The Accession of Qubilai Qa'an: A Re-examination». *Journal of the Anglo-Mongolian Society* 2:1 (June 1975): 1–10.
- Jackson, Peter. «The Dissolution of the Mongol Empire». *Central Asiatic Journal* 22:3–4 (1978): 186–244.
- Jagchid, Sechin. «Chinese Buddhism and Taoism during the Mongolian Rule of China». *Mongolian Studies* 6 (1980): 61–98.

- Jagchid, Sechin, and Bawden, Charles R. «Some Notes on the Horse Policy of the Yüan Dynasty». *Central Asiatic Journal* 10:3-4 (December 1965): 246-68.
- Jagchid, Sechin, and Hyer, Paul. *Mongolia's Culture and Society*. Boulder: Westview Press, 1979.
- Jahn, Karl. «A Note on Kashmīr and the Mongols». *Central Asiatic Journal* 2:3 (1957): 176-80.
- Jahn, Karl. «Wissenschaftliche Kontakte zwischen Iran und China in der Mongolenzeit». *Österreichischen Akademie der Wissenschaften* 106 (1969): 199-211.
- Jahn, Karl. *Die Chinageschichte des Rašīd ad-Dīn*. Vienna: Hermann Böhlau Nachf., 1971.
- Jenkins, Gareth. «A Note on Climatic Cycles and the Rise of Chinggis Khan». *Central Asiatic Journal* 18 (1974): 217-26.
- Joinville, Jean Sire de. *Histoire de Saint Louis, Roi de France*. Paris: Imprimerie de Goetschy, 1822.
- Joinville, Jean Sire de. *Histoire de Saint Louis*. Paris: Librairie de la Société de l'Histoire de France, 1868.
- Joinville, Jean Sire de, and Villehardouin. *Chronicles of the Crusades*. Trans. by Margaret R. B. Shaw. Baltimore: Penguin Books, 1963.
- Juvaini, 'Alā-ad-Dīn 'Ata-Malik. *The History of the World Conqueror*. 2 vols. Trans. by John Andrew Boyle. Manchester: Manchester University Press, 1958.
- Kahle, Paul. «Chinese Porcelain in the Lands of Islam». *Transactions of the Oriental Ceramic Society* 18 (1940-41): 27-46.
- Kains, Maurice. *Ginseng*. New York: Orange Judd, 1916.
- Kates, George. «A New Date for the Origins of the Forbidden City». *Harvard Journal of Asiatic Studies* 7 (1942-43): 180-202.
- Kelly, Amy. *Eleanor of Aquitaine and the Four Kings*. New York: Vintage Books, 1959.
- Хетагуров Л. А. и др. (пер.) Рашид ад-дин. Сборник летописей. 4 тома. М., 1946-1960.
- Kim Chewon. «Random Notes on Literary References to Koryo Ceramics». *Far Eastern Ceramic Bulletin* 9:3-4 (September-December 1957): 30-34.

- Киракос Гандзакечи. История Армении. Пер. Л. А. Ханларян. М., 1976.
- Киселев С. В. (ред.) Древнемонгольские города. М.: Наука, 1965.
- Klaproth, M. «Des entreprises des Mongols en Géorgie et en Arménie dans le XIIIe siècle». *Journal asiatique* ser. 2, 12 (September 1833): 193–214.
- Kolmas, Josef. Tibet and Imperial China. Canberra: Centre of Oriental Studies, Australian National University Occasional Paper No. 7. 1967.
- Kotwicz, Wladyslaw. «En marge des lettres des Il-khans de Perse». *Collectanea Orientalia* (Lwow) 4 (1933).
- Kotwicz, Wladyslaw. «Quelques mots encore sur les lettres des Il-khans de Perse». *Collectanea Orientalia* (Wilno) 10 (1936).
- Krueger, John R. «Chronology and Bibliography of the Secret History of the Mongols». *Mongolia Society Bulletin* 5 (1966–67): 25–31.
- Krueger, John R., trans. «Sagang Sechen, History of the Eastern Mongols to 1662 (Erdeni-yin Tobči)». *Mongolia Society Occasional Papers* 2. Bloomington: Mongolia Society, 1967.
- Kubo Noritada. «Prolegomena on the Study of the Controversies between Buddhists and Taoists in the Yüan Period». *Memoirs of the Research Department of the Tōyō Bunko* 25 (1967): 39–61.
- Kuczera, S. «The Influence of the Mongol Conquest on the Chinese System of Education and Selection of Officials». *American Council of Learned Societies Conference on Mongol Rule in China*. York, Maine. July 1976.
- Kuwabara Jitsuzo. «On P'u Shou-keng». *Memoirs of the Research Department of the Tōyō Bunko* 2 (1928): 1–79; 7 (1935): 1–104.
- Kwanten, Luc Herman M. «Tibetan-Mongol Relations during the Yüan Dynasty, 1207–1368». Ph.D. diss., University of South Carolina, 1972.
- Kwanten, Luc Herman M. «Tibetan Names in the Yüan Imperial Family». *Mongolia Society Bulletin* 10:1 (Spring 1971): 64–66.

- Kwanten, Luc Herman M. «The Career of Muqali: A Reassessment». *Bulletin of Sung and Yüan Studies* 14 (1978): 31–38.
- Kwanten, Luc Herman M. *Imperial Nomads: A History of Central Asia, 500–1500*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1979.
- Кычанов Е. И. *Очерк истории тангутского государства*. М.: Наука, 1968.
- Lach, Donald. *Asia in the Making of Europe I*. Chicago: University of Chicago Press, 1965.
- Lamb, Harold. *Genghis Khan: Emperor of All Men*. New York: Robert McBride & Co., 1927.
- Lanciotti, L., ed. *La Donna Nella Cina Imperiale e Nella Cina Repubblicana*. Florence: Leo S. Olschki, 1980.
- Lane-Poole, Stanley. *Catalogue of Oriental Coins in the British Museum: Volume 10: Additions to the Oriental Collections, 1876–1888, Part 2: Additions to Volumes 5–8*. London: Trustees of the British Museum, 1890.
- Langlois, John D. «Chin-hua Confucianism under the Mongols». Ph.D. diss., Princeton University, 1974.
- Langlois, John D., ed. *China under Mongol Rule*. Princeton: Princeton University Press, 1981.
- Lao Yan-shuan. «The Chung-t'ang shih-chi of Wang Yün: An Annotated Translation with an Introduction». Ph.D. diss., Harvard University, 1962.
- Lao Yan-shuan. «Notes on Non-Chinese Terms in the Yüan Imperial Dietary Compendium Yin-shan Cheng-yao». *Bulletin of the Institute of History and Philology, Academia Sinica* 39 (October 1969): 399–416.
- Lary, George. *The Medieval Alexander*. Ed. by D. J. A. Ross. Cambridge: Cambridge University Press, 1956.
- Lattimore, Owen. *Inner Asian Frontiers of China*. New York: American Geographical Society, 1940.
- Lattimore, Owen. *Studies in Frontier History*. London: Oxford University Press, 1962.
- Lattimore, Owen. «Chingis Khan and the Mongol Conquests». *Scientific American* 209:2 (1963): 54–68.

- Ledyard, Gari. «The Mongol Campaigns in Korea and the Dating of the Secret History of the Mongols». *Central Asiatic Journal* 9 (1964): 1–22.
- Lee, Sherman, and Ho Wai-kam. *Chinese Art under the Mongols: The Yuan Dynasty (1279–1368)*. Cleveland: The Cleveland Museum of Art, 1968.
- Lee, Thomas H. C. «A Report on the Recently Excavated Song Ship at Quanzhou and a Consideration of Its True Capacity». *Sung Studies Newsleter* 11–12 (1975–76): 4–9.
- Legge, James. *The I Ching: The Book of Changes*. Reprint. New York: Dover Publications, Inc., 1963.
- LeStrange, Guy. *Baghdad during the Abbasid Caliphate*. Oxford: Clarendon Press, 1900.
- Lewicki, Marjan. «Les inscriptions mongoles inédites en écriture carrée». *Collectanea Orientalia (Wilno)* 12 (1937): 1–72.
- Lewis, Bernard, and Holt, P. M., eds. *Historians of the Middle East*. London: Oxford University Press, 1962.
- Li Chu-ting. «Stages of Development in Yüan Landscape Painting». *National Palace Museum Bulletin* 4:2 (May–June 1969): 1–10; 4:3 (July–August 1969): 1–12.
- Li Chu-ting. «The Development of Painting in Soochow during the Yüan Dynasty». In *Proceedings of the International Symposium on Chinese Painting*, pp. 483–500. Taipei: National Palace Museum, 1972.
- Li Chu-ting. «The Uses of the Past in Yüan Landscape Painting». В книге: *Artists and Traditions: Uses of the Past in Chinese Culture*, ed. Christian Murck. Princeton: The Art Museum, Princeton University, 1977.
- Li Tieh-tseng. *Tibet: Today and Yesterday*. New York: Bookman Associates, 1960.
- Ligeti, Louis, ed. *Mongolian Studies*. Amsterdam: Verlag B. R. Grüner, 1970.
- Ligeti, Louis, ed. *Monuments en écriture 'Phagspa: Pièces de chancellerie en transcription chinoise*. Budapest: Akadémiai Kiado, 1972.
- Lin Yutang. *Imperial Peking: Seven Centuries of China*. New York: Crown Publishers, 1961.

- Liu, James T. C. *Reform in Sung China: Wang An-shih (1021–1086) and His New Policies*. Cambridge: Harvard University Press, 1959.
- Liu Jung-en, trans. *Six Yüan Plays*. Middlesex: Penguin Books, 1972.
- Liu Tsung-yuan. «The Three Teachings in the Mongol-Yüan Times». American Council of Learned Societies Conference on Yüan Thought. Issaquah, Washington. January 1978.
- Lo Jung-pang. «The Emergence of China as a Sea Power during the Late Sung and Early Yüan Periods». *Far Eastern Quarterly* 14 (1954–55): 489–503.
- Lo Jung-pang. «The Controversy over Grain Conveyance during the Reign of Qubilai Qaqa (1260–94)». *Far Eastern Quarterly* 13:3 (May 1954): 263–85.
- Lo Jung-pang. «Maritime Commerce and Its Relation to the Sung Navy». *Journal of the Economic and Social History of the Orient* 12:1 (1969): 57–101.
- Ma, Lawrence J. C. *Commercial Development and Urban Change in Sung China (960–1279)*. Ann Arbor: Department of Geography, University of Michigan, 1971.
- Maejima Shinji. «The Muslims in Ch'üan-chou at the End of the Yüan Dynasty». *Memoirs of the Research Department of the Tōyō Bunko* 31 (1973): 27–51.
- Makra, Mary Lelia, trans. *The Hsiao Ching*. New York: St. John's University Press, 1961.
- Mangold, Gunther. *Das Militärwesen in China unter der Mongolenherrschaft*. Ph.D. diss., Munich University, 1971.
- March, Andrew L. «An Appreciation of Chinese Geomancy». *Journal of Asian Studies* 27:2 (February 1968): 253–67.
- Marek, J., and Knížková, H. *The Jenghiz Khan Miniatures from the Court of Akbar the Great*. Trans. by Olga Kuthanová. London: Spring Books, 1963.
- Martin, Henry Desmond. *The Rise of Chingis Khan and His Conquest of North China*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1950.
- Maspero, Georges. *Le royaume de Champa*. Leiden, 1914.
- Masterpieces of Chinese Figure Painting in the National Palace Museum*. Taipei: National Palace Museum, 1976.

- Masterpieces of Chinese Portrait Painting in the National Palace Museum. Taipei: National Palace Museum, 1971.
- McNeill, William H. *Plagues and Peoples*. New York: Doubleday Anchor Books, 1977.
- Medley, Margaret. *Yüan Porcelain and Stoneware*. New York: Pitman Publishing Co., 1974.
- Mélanges offerts au R. P. Ferdinand Cavallera. Toulouse: Bibliothèque de l'Institut Catholique, 1948.
- Meyer, Jeffrey F. *Peking as a Sacred City*. Taipei: The Orient Cultural Service, 1976.
- Michell, Robert, and Forbes, Neville, trans. *The Chronicle of Novgorod, 1016–1471*. London: Camden Third Series, 25, 1914.
- Mingana, Alphonse. *The Early Spread of Christianity in Central Asia and the Far East: A New Document*. Manchester: The University Press, 1925.
- Minorsky, Vladimir. *Iranica: Twenty Articles*. Herford: Stephen Austin, 1964.
- Mitamura Taisuke. *Chinese Eunuchs: The Structure of Intimate Politics*. Trans. by Charles Pomeroy. Rutland: Charles E. Tuttle, 1970.
- Miyazaki Ichisada. *China's Examination Hell*. Trans. by Conrad Schirokauer. New Haven: Yale University Press, 1981.
- Montgomery, James A. *The History of Yaballaha III, Nestorian Patriarch of His Vicar Bar Sauma*. New York: Columbia University Press, 1927.
- Mostaert, Antoine. «A propos de quelques portraits d'empereurs mongols». *Asia Major* n.s. 4:1 (1927): 147–56.
- Mostaert, Antoine. *Sur quelques passages de l'Histoire secrète des Mongols*. Cambridge: Harvard-Yenching Institute, 1953.
- Mote, Frederick W. «The Growth of Chinese Despotism: A Critique of Wittfogel's Theory of Oriental Despotism as Applied to China». *Oriens Extremus* 8:1 (August 1961): 1–41.
- Moule, A. C. *Christians in China before the Year 1550*. London: Society for Promoting Christian Knowledge, 1930.
- Moule, A. C. *Quinsai, with Other Notes on Marco Polo*. Cambridge: Cambridge University Press, 1957.

- Moule, A. C., and Pelliot, Paul. Marco Polo: The Description of the World. 2 vols. London: George Routledge & Sons, Ltd., 1938.
- Мункуев Н.Ц., пер. Мэн-да бэй-лу (Полное описание монголо-татар). М., 1975.
- Murayama, S. «Sind die Naiman Türken oder Mongolen?» Central Asiatic Journal 4 (1959): 188–98.
- Mydans, Shelley, and Mydans, Carl. «A Shrine City, Golden and White: The Seldom-Visited Pagan in Burma». Smithsonian Magazine (October 1974): 72–80.
- Nagel's Encyclopedia-Guide: China. Geneva: Nagel Publishers, 1979.
- Nakano Miyoko. A Phonological Study on the 'Phags-pa Script and the Meng-ku Tzu-yün. Canberra: Australian National University Press, 1971.
- Needham, Joseph. Science and Civilisation in China, vol. 3. Cambridge: Cambridge University Press, 1959.
- Needham, Joseph. Clerks and Craftsmen in China and the West. Cambridge: Cambridge University Press, 1970.
- Needham, Joseph. Science and Civilisation in China: Physics and Physical Technology, vol. 4, no. 3. Cambridge: Cambridge University Press, 1971.
- New Archaeological Finds in China: Discoveries during the Cultural Revolution. Peking: Foreign Languages Press, 1973.
- Nowak, Margaret, and Durrant, Stephen. The Tale of the Nišan Shamaness: A Manchu Folk Epic. Seattle: University of Washington Press, 1977.
- Ohsson, Constantin Mouradzea d'. Histoire des Mongols, depuis Tchinguiz-Khan jusqu'à Timour-Bey ou Tamerlan. 4 vols. The Hague-Amsterdam: Les Frères Van Cleef, 1834–35.
- Olbricht, Peter. Das Postwesen in China unter der Mongolenherrschaft im 13. und 14. Jahrhundert. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1954.
- Olbricht, Peter, and Pinks, Elisabeth, trans. Meng-ta Pei-lu und Hei-ta shih-lüeh. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1980.
- Ollone, H. M. G. d'. Recherches sur les Musulmans chinois. Paris: Ernest Leroux, 1911.

- Olschki, Leonardo. *Marco Polo's Precursors*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1943.
- Olschki, Leonardo. *Guillaume Boucher: A French Artist at the Court of the Khans*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1946.
- Olschki, Leonardo. *The Myth of Felt*. Berkeley: University of California Press, 1949.
- Olschki, Leonardo. *Marco Polo's Asia*. Berkeley: University of California Press, 1960.
- O'Neill, Eugene. *Nine Plays*. New York: Random House, 1954.
- Oriente Poliano. Rome: Istituto Italiano per il Medio ed Estremo Oriente, 1957.
- Ostrogorsky, George. *History of the Byzantine State*. Trans. by Joan Hussey. 2nd ed. Oxford: Basil Blackwell, 1968.
- Overmyer, Daniel L. «The White Cloud Sect in Sung and Yüan China». *Harvard Journal of Asiatic Studies* 42:2 (December 1982): 615–42.
- Pelliot, Paul. «Les Mo-ni et le Houa-hou king». *Bulletin de l'École Française d'Extrême-Orient* 3 (1903): 318–27.
- Pelliot, Paul. «Chrétiens de l'Asie centrale et d'Extrême-Orient». *T'oung Pao* 15 (1914): 623–44.
- Pelliot, Paul. *Les Mongols et la Papauté*. Paris: Librairie August Picard, 1923.
- Pelliot, Paul. «Les systèmes d'écriture en usage chez les anciens Mongols». *Asia Major* n.s. 2:2 (1925): 284–89.
- Pelliot, Paul. «Notes sur Karakorum». *Journal asiatique* 206 (1925): 372–75.
- Pelliot, Paul. «Une ville musulmane dans la Chine du nord sous les mongols». *Journal asiatique* 211 (1927): 261–79.
- Pelliot, Paul. «Le vrai nom de 'Serocetan.'» *T'oung Pao* 29 (1932): 43–54.
- Pelliot, Paul. «Une tribu méconnue des Naiman: Les Bātākin». *T'oung Pao* 37 (1944): 35–71.
- Pelliot, Paul. *Histoire secrète des Mongols*. Paris: Librairie d'Amérique et d'Orient, Adrien-Maisonneuve, 1949.
- Pelliot, Paul. *Notes sur l'histoire de la Horde d'Or*. Paris: Adrien-Maisonneuve, 1949.

- Pelliot, Paul. Notes on Marco Polo. 2 vols. Paris: Adrien-Maisonneuve, 1959–63.
- Pelliot, Paul. Recherches sur les Chrétiens d'Asie centrale et d'Extrême-Orient. Ed. by Jean Dauvillier and Louis Hambis. Paris: Imprimerie nationale, 1973.
- Pelliot, Paul, trans. Mémoires sur les coutumes du Cambodge de Tcheou Takouan (version nouvelle). Paris: Adrien-Maisonneuve, 1951.
- Pelliot, Paul, and Hambis, Louis. Histoire des campagnes de Gengis Khan: Cheng-wou ts'in-tcheng lou. Leiden: E. J. Brill, 1951.
- Perng Ching-hsi. Double Jeopardy: A Critique of Seven Yüan Courtroom Dramas. Ann Arbor: Center for Chinese Studies, University of Michigan, 1978.
- Petech, Luciano. «Sang-ko, a Tibetan Statesman in Yüan China». *Acta Orientalia* 34:1–3 (1980): 193–208.
- Pétis de la Crois. Histoire du grand Genghizcan: Premier empereur des anciens Mongols et Tartares. Paris, 1710.
- Phillips, E. D. The Mongols. New York: Frederick A. Praeger, 1969.
- Poliak, A. N. «The Influence of Chingiz-Khān's Yāsa upon the General Organization of the Mamlūk State». *Bulletin of the School of Oriental and African Studies, London University* 10 (1939–42): 862–76.
- Pomet, M. A Complete History of Drugs. London: J. & J. Bonwicke, S. Birt, W. Parker, C. Hitch, & E. Wicksteed, 1748.
- Pope, John Alexander. Fourteenth-Century Blue-and-White: A Group of Chinese Porcelains in the Topkapu Sarayı Müzesi, Istanbul. Washington, D.C.: Freer Gallery of Art, 1952.
- Pope, John Alexander. Chinese Porcelains from the Ardebil Shrine. Washington, D.C.: Smithsonian Institution, 1956.
- Poppe, Nicholas. The Mongolian Monuments in hP'ags-pa Script. Trans. and ed. by John R. Krueger. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1957.
- Poppe, Nicholas. Introduction to Altaic Linguistics. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1965.
- Poppe, Nicholas. Grammar of Written Mongolian. Reprint: Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1974.

- Poucha, Pavel. Die geheime Geschichte der Mongolen als Geschichtsquelle und Literaturdenkmal. Prague: Verlag der Tschechoslowakischen Akademie der Wissenschaften, 1956.
- Prawdin, Michael. The Mongol Empire: Its Rise and Legacy. Trans. by Eden and Cedar Paul. London: George Allen & Unwin, Ltd., 1940.
- Pritsak, Omeljan. «Ali-Burhān». Der Islam 30:1 (January 1952): 81–96.
- Quatremère, Étienne, trans. Raschid-Eldin: Histoire des Mongols de la Perse. Paris: Collection Orientale, Manuscrits inédits de la Bibliothèque Royale, 1836.
- Quatremère, Étienne, trans. Histoire des sultans Mamlouks de l'Égypte. Paris: Oriental Translation Fund, 1837.
- Rachewiltz, Igor de. «The Hsi-yu lu by Yeh-lü Ch'u-ts'ai». Monumenta Serica 21 (1962): 1–128.
- Quatremère, Étienne, trans. «Yeh-lü Ch'u-ts'ai (1189–1243): Buddhist Idealist and Confucian Statesman». В книге: Confucian Personalities, ed. by Arthur Wright and Denis Twitchett, pp. 189–216. Stanford: Stanford University Press, 1962.
- Quatremère, Étienne, trans. «Some Remarks on the Dating of the Secret History of the Mongols». Monumenta Serica 24 (1965): 185–205.
- Quatremère, Étienne, trans. «Personnel and Personalities in North China in the Early Mongol Period». Journal of the Economic and Social History of the Orient 9:1–2 (1966): 88–144.
- Quatremère, Étienne, trans. «Some Remarks on the Language Problem in Yüan China». Journal of the Oriental Society of Australia 5:1–2 (December 1967): 65–80.
- Quatremère, Étienne, trans. Papal Envoys to the Great Khans. London: Faber & Faber, 1971.
- Quatremère, Étienne, trans. «The Secret History of the Mongols». Papers on Far Eastern History 4 (September 1971): 115–63; 5 (March 1972): 149–75; 10 (September 1974): 55–82; 13 (March 1976): 41–75; 16 (September 1977): 27–65; 18 (September 1978): 43–80; 21 (March 1980): 17–57; 23 (March 1981): 111–46; 26 (September 1982): 39–84.

- Quatremère, Étienne, trans. «Some Remarks on the Ideological Foundations of Chingis Khan's Empire». *Papers on Far Eastern History* 7 (March 1973): 21–36.
- Quatremère, Étienne, trans. «Muqali, Bōl, Tas, and An-t'ung». *Papers on Far Eastern History* 15 (March 1977): 45–62.
- Rachewiltz, Igor de, and Nakano Miyoko. *Index to Biographical Material in Chin and Yüan Literary Works, First Series*. Canberra: Australian National University Press, 1970.
- Rachewiltz, Igor de, and Wang, May. *Index to Biographical Material in Chin and Yüan Literary Works, Second Series*. Canberra: Australian National University Press, 1972.
- Rall, Jutta. «Zur persischen Übersetzung eines Mo-chüeh, einer chinesischen medizinischen Textes». *Oriens Extremus* 7 (1960): 150–57.
- Rall, Jutta. *Die vier grossen Medizinschulen der Mongolenzeit*. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag, 1970.
- Ratchnevsky, Paul. *Un code des Yuan*. Vol. 1. Paris: Ernest Leroux, 1937.
- Ratchnevsky, Paul. «Die mongolischen Grosskhane und die buddhistische Kirche». В книге: *Asiatica: Festschrift Friedrich Weller zum 65. Geburtstag*, ed. by Johannes Schubert, pp. 489–504. Leipzig: Otto Harrassowitz, 1954.
- Ratchnevsky, Paul. «Über den mongolischen Einfluss auf die Gesetzgebung der Yüan-Zeit». *Moscow, International Congress of Orientalists* (1960): 11–16.
- Ratchnevsky, Paul. «Zum Ausdruck 't'ouhsia' in der Mongolenzeit». В книге: *Collectanea Mongolica: Festschrift für Professor Dr. Rintchen zum 60. Geburtstag*, pp. 173–91. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1966.
- Ratchnevsky, Paul. «The Levirate in the Legislation of the Yüan Dynasty». *Tamura Hakushi shōju tōyōshi ronsō*. Kyoto, 1968.
- Ratchnevsky, Paul. «Rašīd al-Dīn über die Mohammedaner Verfolgungen in China unter Qubilai», *Central Asiatic Journal* 14:1–3 (1970): 163–80.
- Ratchnevsky, Paul. *Un code des Yuan*. Vol. 2. Paris: Presses Universitaires de France, 1972.

- Raverty, H. G., trans. *Jūzjānī: Tabakāt-i-Nāsirī: A General History of the Muhammadan Dynasties of Asia*. Reprint. New Delhi: Oriental Books Reprint Corporation, 1970.
- Rawski, Evelyn Sakakida. *Education and Popular Literacy in Ch'ing China*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1979.
- Read, Bernard E. *Chinese Materia Medica: 6, Avian Drugs*. Peiping: Peking Natural History Bulletin, 1932.
- Recueil des historiens des croisades: Documents arméniens II. Paris: Imprimerie nationale, 1906.
- Reischauer, Edwin O. *Ennin's Diary*. New York: Ronald Press, 1955.
- Reischauer, Edwin O. *Ennin's Travels in T'ang China*. New York: Ronald Press, 1955.
- Rerikh, Yú. N. «Mongol-Tibetan Relations in the 13th and 14th Centuries». Trans. by Janice Nattier. *Tibet Society Bulletin* 6 (1973): 40–55. (Русский оригинал — Рерих Ю. Н. «Монголо-тибетские отношения в XIII-XIV вв.», в книге Филология и история монгольских народов. Памяти академика Б. Я. Владимирцова. М., 1958. — Прим. пер.)
- Riasanovsky, Valentin A. *Fundamental Principles of Mongol Law*. Reprint. Bloomington: Indiana University Uralic and Altaic Series, 1965.
- Rice, David Talbot. *The Illustrations to the «World History» of Rashīd al-Dīn*. Ed. by Basil Gray. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1976.
- Richard, Jean. «La conversion de Berke et les débuts de l'islamisation de la Horde d'Or». *Revue des études islamiques* 35 (1967): 173–84.
- Richard, Jean. «The Mongols and the Franks». *Journal of Asian History* 3:1 (1969): 45–57.
- Richard, Jean. «Les causes des victoires mongoles d'après les historiens occidentaux du xiiie siècle». *Central Asiatic Journal* 23:1–2 (1979): 104–17.
- Richards, D. S., ed. *Islam and the Trade of Asia*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1970.

- Rideout, J. K. «The Rise of the Eunuchs during the T'ang Dynasty». *Asia Major* n.s. 1 (1949-50): 53-72; 3 (1952): 42-58.
- Rock, Joseph F. *The Ancient Na-khi Kingdom of Southwest China*. 2 vols. Cambridge: Harvard University Press, 1947.
- Rockhill, William W., trans. *The Journey of William of Rubruck to the Eastern Parts of the World*. London: The Hakluyt Society, 1900.
- Rockhill, William W., trans. «Notes on the Relations and Trade of China with the Eastern Archipelago and the Coast of the Indian Ocean during the Fourteenth Century». *T'oung Pao* 15 (1914): 419-47.
- Roerich, George N., trans. *The Blue Annals*. 2nd ed. Delhi: Motilal Banarsidass, 1976.
- Rosner, Erhard. «Die 'Zehn schimpflichten Delikte' im chinesischen Recht der Yüan-Zeit». Ph. diss., Munich University, 1964.
- Rossabi, Morris. «The Tea and Horse Trade with Inner Asia during the Ming». *Journal of Asian History* 4:2 (1970): 136-68.
- Rossabi, Morris. «Ming China and Turfan, 1406-1517». *Central Asiatic Journal* 16:3 (1972): 206-25.
- Rossabi, Morris. *China and Inner Asia from 1368 to the Present Day*. London: Thames & Hudson, 1975.
- Rossabi, Morris. «Khubilai Khan and the Women in His Family». В книге: *Studia Sino-Mongolica: Festschrift für Herbert Franke*, ed. by Wolfgang Bauer, pp. 153-80. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag, 1979.
- Rossabi, Morris. «The Muslims in the Early Yüan Dynasty». В книге: *China under Mongol Rule*, ed. by John D. Langlois, pp. 258-99. Princeton: Princeton University Press, 1981.
- Rossabi, Morris. «Kublai Khan». *Houston Chronicle* (18 May 1982), p. 2.
- Rossabi, Morris. *The Jurchens in the Yüan and Ming*. Ithaca: China-Japan Program, Cornell University, 1982.
- Rossabi, Morris. «Trade Routes in Inner Asia». Unpublished paper prepared for the Cambridge History of Inner Asia.

- Rossabi, Morris, ed. *China among Equals: The Middle Kingdom and Its Neighbors, 10th-14th Centuries*. Berkeley: University of California Press, 1983.
- Roux, Jean-Paul. «Tängri: Essai sur le Ciel-Dieu des peuples altaïques». *Revue de l'histoire des religions* 149 (1955): 49-82, 197-230; 150 (1956): 27-54, 173-212; 154 (1958): 32-66.
- Roux, Jean-Paul. «Le chaman gengiskanide». *Anthropos* 54: 3-4 (1959): 401-32.
- Roux, Jean-Paul. *La mort chez les peuples altaïques anciens et médiévaux d'après les documents écrits*. Paris: Librairie d'Amérique et d'Orient, Adrien-Maisonneuve, 1963.
- Rudolph, Richard C. «Medical Matters in an Early Fourteenth Century Chinese Diary». *Journal of the History of Medicine and Allied Sciences* 2:3 (Summer 1947): 299-306.
- Rudolph, Richard C. «Kuo Pi: A Yüan Artist and His Diary». *Ars Orientalis* 3 (1959): 175-88.
- Runciman, Steven. *A History of the Crusades*, vol. 3: *The Kingdom of Acre*. Cambridge: Cambridge University Press, 1954.
- Saar, John. «Japanese Divers Discover Wreckage of Mongol Fleet». *Smithsonian Magazine* (December 1981), pp. 118-29.
- Sacchetti, Maurizia Dinacci. «Sull'adozione del nome dinastico Yüan». *Annali, Istituto Orientale di Napoli* 31, n.s. 21 (1971): 553-58.
- Sadeque, Syedah Fatima. *Baybars I of Egypt*. Dacca: Geoffrey Cumberlege, Oxford University Press, 1956.
- Sagaster, Klaus. «Herrschaftsideologie und Friedensgedanke bei den Mongolen». *Central Asiatic Journal* 17 (1973): 223-42.
- Sagaster, Klaus, trans. *Die weisse Geschichte*. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1976.
- Sandquist, A., and Powicke, M. R., eds. *Essays in Medieval History Presented to Bertie Wilkinson*. Toronto: University of Toronto Press, 1969.
- Sansom, George. *A History of Japan to 1334*. Stanford: Stanford University Press, 1958.
- Sarre, Friedrich. *Die Keramik von Samarra*. Berlin: D. Reimer, 1925.

- Saunders, John Joseph. «Genghis Khan and the Communists». *History Today* 20 (1970): 390–96.
- Saunders, John Joseph. *The History of the Mongol Conquests*. New York: Barnes & Noble, 1971.
- Schafer, Edward H. «The Camel in China Down to the Mongol Invasion». *Sinologica* 2 (1950): 165–94, 263–90.
- Schafer, Edward H. «Falconry in T'ang Times». *T'oung Pao* 46 (1958): 293–338.
- Schlegel, Dietlinde. *Hao Ching (1222–1275): Ein chinesischer Berater des Kaisers Kublai Khan*. Bamberg: Offsetdruckerei Kurt Urlaub, 1968.
- Schlepp, Wayne. «Yeh-lü Ch'u-ts'ai in Samarkand». *Canada Mongolia Review* 1:2 (1975): 5–14.
- Schlösser, Richard. «Die Münzen der beiden Epochen Chi Yüan». *Artibus Asiae* 5 (1935): 38–46.
- Schmidt, Isaac Jacob, trans. *Geschichte der Ost-Mongolen und ihres Fürstenhauses* verfasst von Ssanang Ssetsen Chungtai-dsch. St. Petersburg: N. Gretschi, 1829.
- Schram, Louis M. J. «The Monguors of the Kansu-Tibetan Border». *Transactions of the American Philosophical Society* n.s. 47: 1 (1957): 164 pp.; n.s. 44:1 (April 1954): 138 pp.
- Schubert, Johannes, ed. *Asiatica: Festschrift Friedrich Weller zum 65. Geburtstag*. Leipzig: Otto Harrassowitz, 1954.
- Schuh, Dieter. *Erlasse und Sendschreiben mongolischen Herrscher für tibetische Geistliche*. St. Augustin: VGH Wissenschaftsverlag, 1971.
- Schurmann, Herbert Franz. *Economic Structure of the Yüan Dynasty: Translation of Chapters 93 and 94 of the Yüan shih*. Cambridge: Harvard University Press, 1956.
- Schurmann, Herbert Franz. «Mongolian Tributary Practices of the 13th Century». *Harvard Journal of Asiatic Studies* 19 (1956): 304–89.
- Schurmann, Herbert Franz. «Problems of Political Organization during the Yüan Dynasty». В книге: *Труды XXV Международного Конгресса востоковедов*. Москва: 9–16 августа 1960 г. М., 1963.

- Schwarz, Henry. *Bibliotheca Mongolica*, Part 1: Works in English, French, and German. Bellingham: Western Washington University, 1978.
- Schwarz-Schilling, C. *Der Friede von Shan-yüan* (1005 n. Chr.). Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1959.
- Serruys, Henry. «Remains of Mongol Customs in China during the Early Ming Period». *Monumenta Serica* 16:1-2 (1957): 137-90.
- Serruys, Henry. «Ta-tu, Tai-tu, Dayidu». *Chinese Culture* 2:4 (May 1960): 73-81.
- Serruys, Henry. *Kumiss Ceremonies and Horse Racing: Three Mongolian Texts*. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1974.
- Serruys, Henry. «Mongol 'Qori': Reservation». *Mongolian Studies* 1 (1974): 76-91.
- Serruys, Henry. «Two Remarkable Women in Mongolia: The Third Lady Erketü Qatun and Dayičing-Beyiji». *Asia Major* 19:2 (August 1975): 191-245.
- Shakabpa, Tsepon W. D. *Tibet: A Political History*. New Haven: Yale University Press, 1967.
- Shiba Yoshinobu. *Commerce and Society in Sung China*. Trans. by Mark Elvin. Ann Arbor: Center for Chinese Studies, University of Michigan, 1970.
- Shih Chung-wen. *The Golden Age of Chinese Drama: Yüan Tsa-chü*. Princeton: Princeton University Press, 1966.
- Shih Chung-wen. *Injustice to Tou O (Tou O Yüan)*. Cambridge: Cambridge University Press, 1972.
- Shiratori Kurakichi. «The Queue among the Peoples of North Asia». *Memoirs of the Research Department of the Tōyō Bunko* 4 (1929): 1-69.
- Simon de Saint Quentin. *Histoire des Tartares*. Ed. by Jean Richard. Paris: Paul Geuthner, 1965.
- Sinor, Denis, ed. *Aspects of Altaic Civilization*. Bloomington: Indiana University, Uralic and Altaic Series. University 14:3 (1952): 589-602.
- Sinor, Denis, ed. *History of Hungary*. London: George Allen & Unwin, Ltd., 1959.
- Sinor, Denis, ed. *Introduction à l'étude de l'Eurasie centrale*. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1963.

- Sinor, Denis, ed. «Horse and Pasture in Inner Asian History». *Oriens Extremus* 19:1-2 (December 1972): 171-83.
- Sinor, Denis, ed. *Aspects of Altaic Civilization*. Bloomington: Indiana University Press, 1963.
- Siren, Osvald. *The Imperial Palaces of Peking*. 3 vols. Paris-Brussels: G. Van Oest, 1926.
- Skinner, G. William, ed. *The City in Late Imperial China*. Stanford: Stanford University Press, 1977.
- Slessarev, Vsevolod. *Prester John: The Letters and the Legend*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1959.
- Smith, John Masson. «Mongol and Nomadic Taxation». *Harvard Journal of Asiatic Studies* 30 (1970): 46-85.
- Smith, John Masson. «Mongol Manpower and Persian Population». *Journal of the Economic and Social History of the Orient* 18:3 (October 1975): 271-99.
- Smith, John Masson. «'Ayn Jālūt: Mamlūk Success or Mongol Failure». *Harvard Journal of Asiatic Studies* 44:2 (December 1984): 307-45.
- Soedjatmoko, ed. *Introduction to Indonesian Historiography*. Ithaca: Cornell University Press, 1965.
- Soothill, William Edward, and Hodous, Lewis, comps. *A Dictionary of Chinese Buddhist Terms*. Reprint. Taipei: Ch'eng-wen Publishing Co., 1975.
- Spence, Jonathan D. *Emperor of China: Self Portrait of K'ang-hsi*. New York: Alfred Knopf, 1974.
- Spuler, Bertold. *Die Goldene Horde: Die Mongolen in Russland, 1223-1502*. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1965.
- Spuler, Bertold. *Die Mongolen in Iran: Politik, Verwaltung, und Kultur der Ilchanzeit, 1220-1350*. Berlin: Akademie-Verlag, 1968.
- Spuler, Bertold. *The Muslim World, a Historical Survey: Part 2, The Mongol Period*. Trans. by F. R. C. Bagley. Leiden: E. J. Brill, 1969.
- Spuler, Bertold. *History of the Mongols Based on Eastern and Western Accounts of the Thirteenth and Fourteenth Centuries*. Trans. by Helga and Stuart Drummond. Berkeley: University of California Press, 1972.

- Spuler, Bertold. *Handbuch der Orientalistik*, 5, 5: *Geschichte Mittelasiens*. Leiden: E. J. Brill, 1966.
- Stein, M. Aurel. *Innermost Asia*. Oxford: Clarendon Press, 1928.
- Stein, R. A. *Tibetan Civilization*. Trans. by J. E. Stapleton Driver. Stanford: Stanford University Press, 1972.
- Steinhardt, Nancy Schatzman. «Currency Issues of Yüan China». *Bulletin of Sung and Yüan Studies* 16 (1981): 59–81.
- Steinhardt, Nancy Schatzman. «Imperial Architecture under Mongolian Patronage: Khubilai's Imperial City of Da-du». Ph.D. diss., Harvard University, 1981.
- Steinhardt, Nancy Schatzman. «The Plan of Khubilai Khan's Imperial City». *Artibus Asiae* 44:2–3 (1983): 137–58.
- Strakosch-Grassman, Gustav. *Der Einfall der Mongolen in Mitteleuropa in den Jahren 1241 und 1242*. Innsbruck: Verlag der Wagner'schen Universitäts-Buchhandlung, 1893.
- Tao Jing-shen. «The Horse and the Rise of the Chin Dynasty». *Papers of the Michigan Academy of Science, Arts, and Letters* 53 (1968): 183–89.
- Tao Jing-shen. «The Influence of Jurchen Rule on Chinese Political Institutions». *Journal of Asian Studies* 30:1 (1970): 121–30.
- Tao Jing-shen. «Political Recruitment in the Chin Dynasty». *Journal of the American Oriental Society* 94:1 (1974): 24–34.
- Tao Jing-shen. *The Jurchen in Twelfth-Century China: A Study of Sinicization*. Seattle: University of Washington Press, 1976.
- Tekin, Sinasi. *Buddhistische Uigurica aus der Yüan-Zeit*. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1980.
- Thiel, Joseph. «Der Streit der Buddhisten und Taoisten zur Mongolenzeit». *Monumenta Serica* 20 (1961): 1–81.
- Тихвинский С. Л. (отв. ред.) *Татаро-монголы в Азии и Европе*. М., 1970, 2-е изд. 1976.
- Tisserant, E. «Une lettre de l'Ilkhan de Perse Abagha adressée en 1268 au pape Clement IV». *Muséon* 59 (1946): 547–56.
- Togan, Isenbike. «The Chapter on Annual Grants in the Yüan shih». Ph.D. diss., Harvard University, 1973.

- Tractata Altaica: Festschrift für Denis Sinor. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1976.
- Tregonning, K. G. «Kublai Khan and South-East Asia». *History Today* 12:3 (March 1957): 163–70.
- Tsunoda Ryūsaku and Goodrich, L. C. *Japan in the Chinese Dynastic Histories*. South Pasadena: P. D. & Ione Perkins, 1951.
- Tucci, Guiseppe. *Tibetan Painted Scrolls*. Rome: Libreria dello stato, 1949.
- Tullock, Gordon. «Paper Money — A Cycle in Cathay». *Economic History Review* 2nd ser. 93 (April 1957): 393–407.
- Vasiliev, A. A. *History of the Byzantine Empire, 324–1453*. Madison: University of Wisconsin Press, 1952.
- Vernadsky, George. «The Scope and Contents of Chingis Khan's Yasa». *Harvard Journal of Asiatic Studies* 3 (1938): 337–60. (Русский перевод: Вернадский Г. В. О составе Великой Ясы Чингис-хана // Вернадский Г. В. История права. СПб., 1999. С. 112–148. — Прим. ред.)
- Vernadsky, George. *The Mongols and Russia*. New Haven: Yale University Press, 1953. (Русский перевод: Вернадский Г. В. Монголы и Русь. М.-Тверь, 1997). — Прим. ред.
- Vissière, A. *Études sino-mahométanes*. 2 vols. Paris: Ernest Leroux, 1911–13.
- Vladimirtsov, Boris. *Le regime sociale des Mongols: Le féodalisme nomade*. Trans. by Michel Carsow. Paris: Librairie d'Amérique et d'Orient, Adrien Maisonneuve, 1948. (Русский оригинал Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934. — Прим. пер.)
- Vladimirtsov, Boris. *The Life of Chingis Khan*. Trans. by D. S. Mirsky. Reprint. New York: Benjamin Blom, 1969. (Русский оригинал Владимирцов Б. Я. Чингисхан. М.-Пг.-Берлин, 1922. — Прим. пер.)
- Voegelin, Eric. «The Mongol Orders of Submission to European Powers, 1245–1255». *Byzantion* 15 (1940–41): 378–413.
- Vreeland, Herbert Harold, III. *Mongol Community and Kinship Structure*. New Haven: Human Relations Area Files, 1953.
- Waley, Arthur. *The Analects of Confucius*. New York: Vintage Books, n.d.

- Waley, Arthur. *The Travels of an Alchemist*. London: Routledge & Kegan Paul, Ltd., 1931.
- Waley, Arthur. *The Secret History of the Mongols and Other Pieces*. London: George Allen & Unwin, Ltd., 1963.
- Watson, Burton. *Records of the Grand Historian of China*. 2 vols. New York: Columbia University Press, 1961.
- Wegman, Konrad. *Kuo Pi: Ein Beamter und Literaten-Maler der Mongolenzeit*. Ph.D. diss., University of Munich, 1967.
- Welch, Holmes. *Taoism: The Parting of the Way*. Boston: Beacon Press, 1966.
- Wheatley, Paul. *The Pivot of the Four Quarters: A Preliminary Inquiry into the Origins and Character of the Ancient Chinese City*. Chicago: Aldine Publishing Co., 1971.
- Wiet, Gaston. *Baghdad: Metropolis of the Abbasid Caliphate*. Trans. by Seymour Feiler. Norman: University of Oklahoma Press, 1971.
- Wilhelm, Hellmut. *Eight Lectures on the I Ching*. Trans. by Cary E. Baynes. New York: Harper & Row, 1960.
- Williams, Oscar. *F. T. Palgrave's The Golden Treasury*. New York: Mentor Books, 1961.
- Wittfogel, Karl, and Feng Chia-sheng. *History of Chinese Society: Liao (907–1125)*. В книге: *Transactions of the American Philosophical Society* n.s. 36 (1949).
- Wright, Arthur F. *Buddhism in Chinese History*. Stanford: Stanford University Press, 1959.
- Wright, Arthur F. «Symbolism and Function: Reflections on Changan and Other Great Cities». *Journal of Asian Studies* 24:4 (August 1965): 667–79.
- Wright, Arthur F., ed. *The Confucian Persuasion*. Stanford: Stanford University Press, 1960.
- Wright, Arthur F., and Twitchett, Denis, eds. *Confucian Personalities*. Stanford: Stanford University Press, 1962.
- Wright, Arthur F., and Twitchett, Denis, eds. *Perspectives on the T'ang*. New Haven: Yale University Press, 1973.
- Wu, K. T. «Chinese Printing under Four Alien Dynasties». *Harvard Journal of Asiatic Studies* 13 (1950): 447–523.
- Wylie, Alexander. *Chinese Researches*. Shanghai, 1897.

- Wylie, Turrell V. «The First Mongol Conquest of Tibet Reinterpreted». *Harvard Journal of Asiatic Studies* 37:1 (June 1977): 103–33.
- Wyngaert, Anastasius van den. *Sinica Franciscana*. 5 vols. Quaracchi-Firenze: Collegio di S. Bonaventura, 1929–54.
- Yamada Nabaka. *Ghenkō: The Mongol Invasion of Japan*. London: Smith, Elder, & Co., 1916.
- Yamane Yukio and Ohshima Ritsuko. *A Classified Bibliography of Articles and Books Concerning the Yüan Period in Chinese and Japanese*. Tokyo, 1971.
- Yang Lien-sheng. *Money and Credit in China: A Short History*. Cambridge: Harvard University Press, 1952.
- Yang Lien-sheng. *Studies in Chinese Institutional History*. Cambridge: Harvard University Press, 1963.
- Yang, Richard F. S. «The Social Background of the Yüan Drama» *Monumenta Serica* 17 (1958): 331–52.
- Yang, Gladys, and Yang Xianyi. *Selected Plays of Guan Hanqing*. Beijing: Foreign Languages Press, 1979.
- Yule, Henry, trans. *The Book of Set Marco Polo, the Venetian, Concerning the Kingdoms and Marvels of the East*. 2 vols. 3rd ed. rev. by Henri Cordier. London: John Murray, 1903.
- Yule, Henry, trans. *Cathay and the Way Thither*. Rev. ed. by Henri Cordier. Reprint, 4 vols. in 2. Taipei: Ch'eng-wen Publishing Co., 1966.
- Zamcarano, C. Z. *The Mongol Chronicles of the Seventeenth Century*. Trans by Rudolf Loewenthal. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1955.
- Zürcher, Erik. *The Buddhist Conquest of China: The Spread and Adoption of Buddhism in Early and Medieval China*. 2 vols. Leiden: E. J. Brill, 1959.

Дополнения к библиографии работ на западных языках (на август 1994 г.)

- Abu-Lughod, Janet. *Before European Hegemony: The World System, A.D. 1250–1350*. New York: Oxford University Press, 1989.

- Academy of Sciences, MPR. Information Mongolia. Oxford: Pergamon Press, 1990.
- Adshead, S. A. M. Central Asia in World History. New York: St. Martin's Press, 1993.
- Alexander, Caroline. The Way to Xanadu. New York: Alfred Knopf, 1994.
- Allsen, Thomas T. Mongol Imperialism. The Politics of the Grand Qan Mongke in China, Russia, and the Islamic Lands, 1251–1259. Berkeley: University of California Press, 1987.
- Allsen, Thomas T. «Mongolian Princes and Their Merchant Partners, 1200–1260». Asia Major 3rd ser. 2:2 (1989): 83–126.
- Barfield, Thomas. The Perilous Frontier. Oxford: Blackwell Publishers, 1989.
- Bira, Sh. «Khubilai-Khan and 'Phags-Pa Bla-ma». Bulletin of the International Association for Mongol Studies 2:8 (1991): 37–44.
- Brentjes, B. «Die Fresken des Ögödei-Palastes in Kara-Korum in Ihrer Bedeutung für die islamische Miniaturmalerei». Central Asiatic Journal 32:1–2 (1988): 1–18.
- Brown, William A. Wen T'ien-hsiang. San Francisco: Chinese Materials Center Publications, 1986.
- Buell, Paul D. «Steppe Perspectives on the Medieval History of China: Modern Mongol Scholarship on the Liao, Chin, and Yüan Periods», Zentralasiatische Studien 15 (1981): 129–149.
- Buell, Paul D. «The Sung Resistance Movement, 1276–1279: An Episode in Chinese Regional History», The Annals of the Chinese Historical Society of the Pacific Northwest 3 (1985–86): 138–186.
- Buell, Paul D. «Pleasing the Palate of the Qan: Changing Foodways of the Imperial Mongols», Mongolian Studies 13 (1990): 57–81.
- Chan Hok-lam. «A Mongolian Legend of the Building of Peking», Asia Major 3rd ser., 3:2 (1990): 63–93.
- Chan Hok-lam. «The Demise of Yüan Rule in Mongolian and Chinese Legends». В книге: Altaic Religious Beliefs and Practices, ed. by G. Bethlenfalvy, pp. 65–82. Budapest: Permanent International Altaistic Conference, 1990.

- Chan Hok-lam. «Sitting by Bowshot: A Mongolian Custom and Its Sociopolitical and Cultural Implications», *Asia Major* 3rd ser., 4:2 (1991): 53–78.
- Chan Hok-lam. *The Fall of the Jurchen Chin*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1993.
- Cleaves, Francis W. «The Biography of the Empress Čabi in the Yüan shih», *Harvard Ukrainian Studies* 3–4 (1979–1980): 138–150.
- Crump, James I. *Song-Poems from Xanadu*. Ann Arbor: Center for Chinese Studies, The University of Michigan, 1993.
- Dalai, C. *Mongolin Tuukh, 1260–1388*. Ulaanbaatar, 1992.
- Dunn, Ross E. *The Adventures of Ibn Battuta*. Berkeley: University of California Press, 1986.
- Dunnell, Ruth. «The Hsia Origins of the Yüan Institution of Imperial Preceptor», *Asia Major* 3rd ser., 5:1 (1992): 85–111.
- Edwards, Richard. «Pu-Tai-Maitreya and a Reintroduction to Hangchou's Fei-Lai-Feng», *Ars Orientalis* 14 (1984): 5–19.
- Endicott-West, Elizabeth. *Mongolian Rule in China: Local Administration in the Yüan Dynasty*. Cambridge: Harvard University Press, 1989.
- Endicott-West, Elizabeth. «Merchant Associations in Yüan China: The Orto», *Asia Major* 3rd ser., 2:2 (1989): 127–154.
- Fang Jun. «Yuan Studies in China: 1980–1991», *Journal of Sung-Yuan Studies* 24 (1994): 237–254.
- Farquhar, David M. *The Government of China under Mongolian Rule, A Reference Guide*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1990.
- Fletcher, Joseph F. «The Mongols: Ecological and Social Perspectives», *Harvard Journal of Asiatic Studies* 46:1 (June, 1986): 11–50.
- Franke, Herbert. «Women under the Dynasties of Conquest». В книге: *La Donna Nella Cina Imperiale e Nella Cina Repubblicana*, ed. by Lionello Lanciotti, 23–44. Florence: Leo S. Olschki, 1980.
- Franke, Herbert. «Tan-pa, A Tibetan Lama at the Court of the Great Khans», *Orientalia Venetiana* 1 (1984): 157–180.
- Franke, Herbert. «The Exploration of the Yellow River Sources under Emperor Qubilai in 1281». В книге: *Orientalia Iosephi Tucci Memoriae Dictata*, ed. by Lionello Lanciotti, et al.,

- 401–416. Rome: Istituto Italiano per il Medio ed Estremo Oriente, 1985.
- Gumilev, L. N. Searches for an Imaginary Kingdom: The Legend of the Kingdom of Prester John. Trans. by R. E. F. Smith. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. (Русский оригинал: Гумилев Л. Н. Поиски вымышленного царства. Легенда о «государстве пресвитера Иоанна». М.: Наука, 1970. — Прим. ред.)
- Halperin, Charles J. The Mongol Impact on Medieval Russian History: Russia and the Golden Horde. Bloomington: Indiana University Press, 1985.
- Heissig, Walther. «Die Khubilai 'bilig' und ihr historischer Hintergrund». В книге: *Studia Sino-Mongolica: Festschrift für Herbert Franke*, ed. by Wolfgang Bauer, pp. 181–189. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag, 1979.
- Holmgren, Jennifer. «Observations on Marriage and Inheritance Practices in Early Mongol and Yüan Society, with Particular Reference to the Levirate». *Journal of Asian History* 20:2 (1986): 127–192.
- Hung Chin-fu. «The Censorial System of Yüan China». Ph.D. diss., Harvard University, 1982.
- Hymes, Robert P. «Marriage, Descent Groups, and the Localist Strategy in Sung and Yüan Fu-chou». В книге: *Kinship Organization in Late Imperial China*, ed. by Patricia Ebrey and James Watson, 95–136. Berkeley: University of California Press, 1986.
- Hymes, Robert P. «Not Quite Gentlemen? Doctors in Sung and Yüan». *Chinese Science* 8 (1987): 9–76.
- Idema, W. L. «The Tza-jiu of Yang Tz: An International Tycoon in Defense of Collaboration?» *Proceedings of the Second International Conference on Sinology*, Academia Sinica, Taipei, Taiwan, June, 1989, 523–548.
- Inoue Yasushi. *Wind and Waves*. Trans. by James Araki. Honolulu: University of Hawaii Press, 1989.
- Jackson, Peter and David Morgan. *The Mission of Friar William of Rubruck*. London: The Hakluyt Society, 1990.
- Jagchid, Sechin. *Essays in Mongolian Studies*. Provo: Brigham Young University, 1988.

- Jagchid, Sechin and Van Jay Symons. *Peace, War, and Trade along the Great Wall*. Bloomington: Indiana University Press, 1989.
- Jay, Jennifer. «The Life and Loyatism of Chou Mi (1232–1298) and His Circle of Friends». *Papers on Far Eastern History* 28 (1983): 49–105.
- Jay, Jennifer. «Memoirs and Official Accounts: The Historiography of the Song Loyalists». *Harvard Journal of Asiatic Studies* 50:2 (December, 1990): 589–612.
- Jay, Jennifer. *A Change in Dynasties*. Bellingham: Western Washington University, 1991.
- Jay, Jennifer. «Prefaces, Jottings and Legal Proceedings on Women in Thirteenth-Century South China». *Chinese Culture* 32:4 (December, 1991): 41–56.
- Khazanov, Anatoly M. *Nomads and the Outside World*. Trans. by Julia Crookenden. Cambridge: Cambridge University Press, 1984. (Издание на русском языке: Хазанов А. М. *Кочевники и внешний мир*. Алматы, 2000.)
- Lam Yuan-chu. «The First Chapter of the 'Treatise on Selection and Recommendation' for the Civil Service in the Yüan shih». Ph.D. diss., Harvard University, 1978.
- Lam Yuan-chu. «On Yüan Examination System: The Role of Northern Ch'eng-chu Pioneering Scholars». *Journal of Turkish Studies* 9 (1985): 197–203.
- Lapidus, Ira. *The History of Islamic Societies*. Cambridge: Cambridge University Press, 1988.
- Liu, Cary. «The Yüan Dynasty Capital, Ta-tu: Imperial Building Program and Bureaucracy». *T'oung Pao* 78 (1992): 264–301.
- Marshall, Robert. *Storm from the East: From Genghis Khan to Khubilai Khan*. Berkeley: University of California Press, 1993.
- Moffett, Samuel. *A History of Christianity in Asia I*. New York: Harper-Collins, 1992.
- Morgan, David O. *The Mongols*. Oxford: Basil Blackwell, 1986.
- Morgan, David O. «The Mongols and the Eastern Mediterranean». *Mediterranean Historical Review* 4:1 (June, 1989): 198–211.
- Mongol Studies in the Soviet Union: A Bibliography of Soviet Publications, 1981–1986*. Bloomington: Research Institute for Inner Asian Studies, 1988.

- Petech, Luciano. *Central Tibet and the Mongols*. Rome: Institute Italiano per il Medio ed Estremo Oriente, 1990.
- Rachewiltz, Igor de, Hok-lam Chan, Hsiao Ch'i-ch'ing, and Peter Geier, eds. *In the Service of the Khans: Eminent Personalities of the Early Mongol-Yüan Period*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 1993.
- Ratchnevsky, Paul. «La condition de la femme mongole au 12e/13e siècle». В книге: *Tractata Altaica: Festschrift Sinor*, pp. 509–530. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag, 1976.
- Ratchnevsky, Paul. *Genghis Khan: His Life and Legacy*. Trans. by Thomas Nivison Haining. Oxford: Basil Blackwell, 1991.
- Rossabi, Morris. «Chinese Myths About the National Minorities: Khubilai Khan, A Case Study». *Central and Inner Asian Studies* 1 (1987): 47–81.
- Rossabi, Morris. «Kuan Tao-sheng: Woman Artist in Yüan China». *Bulletin of Sung Yuan Studies* 21 (1989): 67–84.
- Rossabi, Morris. «A Brief Survey of Some Recent Works on the Yüan Dynasty». *Studies in Chinese History* 1 (1991): 27–34.
- Rossabi, Morris. *Voyager from Xanadu: Rabban Sauma and the First Journey from China to the West*. New York: Kodansha, 1992.
- Rossabi, Morris. «The Study of the Women of Inner Asia and China in the Mongol Era». *The Gest Library Journal* 5:2 (Winter, 1992): 17–28.
- Sinor, Denis, ed. *The Cambridge History of Early Inner Asia*. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.
- Steinhardt, Nancy Schatzman. «Zhu Haogu Reconsidered: A New Date for the ROM Painting and the Southern Shanxi Buddhist-Taoist Style». *Artibus Asiae* 48:1–2 (1987): 5–20.
- Steinhardt, Nancy Schatzman. «Toward the Definition of a Yüan Dynasty Hall». *Journal of the Society of Architectural Historians* 47:1 (March, 1988): 57–73.
- Steinhardt, Nancy Schatzman. «Imperial Architectura along the Mongolian Road to Dadu». *Ars Orientalis* 18 (1988): 59–92.
- Thangka, *Buddhist Painting of Tibet: Biographical Paintings of 'Phags-pa*. Beijing: New World Press, 1987.
- Weidner, Marsha. «Yüan Dynasty Court Collections of Chinese Paintings». *Central and Inner Asian Studies* 2 (1988): 1–40; 3 (1989): 83–104.

БИБЛИОГРАФИЯ РАБОТ НА ВОСТОЧНЫХ ЯЗЫКАХ

Первоисточники

- Chao Meng-fu. *Sung-hsüeh-chai wen-chi* [Collection of studies from the *Sung-hsüeh-chai*]. Reprint. Shanghai: Commercial Press, 1929.
- Ch'en Pang-chan et al. *Sung-shih chi-shih pen-mo* [Record of the history of the Sung from beginning to end]. Reprint. Peking: Chung-hua shu-chü, 1977.
- Ch'en Pang-chan et al. *Yüan-shih chi-shih pen-mo* [Record of the history of the Yüan from beginning to end]. Reprint. Peking: Chung-hua shu-chü, 1979.
- Chōng In-ji Koryō-sa [History of Koryō]. Tokyo, 1909.
- Hsiang-mai. Pien-wei lu [Record of debates over falsehoods]. Tokyo: Taishō shinshū daizōkyō, 1924–30.
- Hsü Tzu-chih t'ung-chien [Supplement to the Comprehensive Mirror for Aid in Government]. Reprint. Shanghai, 1957.
- Kao Wen-re et al. *Meng-ku shih-hsi* [Genealogy of Mongolia]. Reprint. Peking: Chung-kuo she-hui k'o-hsüeh, 1979.
- K'o Shao-min. *Hsin Yüan shih* [New Yüan history]. In *Erh-shih-wu shih* [The twenty-five dynastic histories]. Reprint. Taipei: K'ai-ming shu-tien, 1962–69.
- Ma Wen-sheng. *Fu-an tung-i chi* [Record of pacifying the eastern barbarians]. Reprint. Shanghai: Commercial Press, 1937.
- Nien-ch'ang. *Fo-tsu li-tai t'ung-tsai* [Record of successive generations of Buddha]. Tokyo: Taishō shinshū daizōkyō, 1924–32.
- Shao Yüan-p'ing. *Yüan-shih lei-pien* [Compilation of Yüan history]. Reprint. Taipei: Kuang-wen shu-chü, 1968.
- Sung Lien et al. *Yüan shih* [Yüan dynastic history]. Peking: Chung-hua shu-chü, 1976.

- Ta Yüan hai-yün chi [Record of the great Yüan's transportation by sea]. Reprint. Peiping: Kuo-hsüeh wen-k'u, 1936.
- Ta Yüan ma-cheng chi [Record of the great Yüan's horse administration]. Reprint. Peiping: Kuo-hsüeh wen-k'u, 1937.
- Ta Yüan ts'ang-k'u chi [Record of the great Yüan's granaries and treasures]. Reprint. Peiping: Kuo-hsüeh wen-k'u, 1936.
- T'o T'o et al. *Chin shih* [Chin dynastic history]. Peking: Chung-hua shu-chü, 1975.
- To T'o et al. *Sung shih* [Sung dynastic history]. Peking: Chung-hua shu-chü, 1977.
- T'u Chi. *Meng-wu-erh shih-chi* [Historical records of the Mongols]. Reprint. Taipei: Shih-chieh shu-chü, 1962.
- Yang Shen. *Nan-chao yeh-shih* [Historical accounts of the Nan-chao]. Taipei: Hua-wen shu-chü, 1969.
- Yao Sui. *Mu-an chi* [Compilations from the shepherd's hut]. Ssupu ts'ung-k'an ed.
- Yüan Kao-li chi-shih [Record of Korea in Yüan times]. Reprint. Peiping: Wen-tien ko-yüan, 1937.
- Yüan shih. See Sung Lien et al.
- Yüan tien-chang [Regulations of the Yüan]. Reprint. Taipei: Wen-hai ch'u-pan-she, 1964.

Исследования

- Abe Takeo. «Gendai chishikijin to kakyo», [Yüan dynasty scholars and the civil service examinations]. *Shirin* 42:6 (November 1959): 136–145.
- Abe Takeo. *Gendai shi no kenkyu* [Studies on the Yüan Period]. Tokyo, 1972.
- An Shou-jen. «Pa-ssu-pa ch'ao-chien Hu-pi-lieh pi-hua», [Painting of 'Phags-pa's audience with Khubilai]. *Wen-wu* 7 (1959): 12–13.
- Aoyama Sadao, ed. *Sōdai shi nenpyō* [Chronological tables of Sung period history]. Tokyo: Tōyō Bunko, 1974.
- Aritaka Iwao. «Gendai no nōmin seikatsu ni tsuite» [Concerning the livelihood of farmers in the Yüan period]. In *Kuwabara hakushi kanreki kinen tōyōshi ronsō*, pp. 945–97. Kyoto, 1935.
- Chan Po-lien. «Yüan-tai Hang-chou I-ssu-lan chiao ti yen-chiu» [Studies on Islam in Hang-chou in the Yüan period]. *Chung-*

- hua wen-hua fu-hsing yüeh-k'an* 3:6 (1970): 53–54; 3:7 (1970): 44–46; 3:8 (1970): 31–34.
- Chang Hsing-lang. *Chung-hsi chiao-t'ung shih-liao hui-pien* [Compilation of historical materials on communication between China and the West]. 6 vols. Taipei: Shih-chieh shu-chü, 1962.
- Chao Yi. *Nien-erh shih cha-chi* [Detailed records of the twenty histories]. Reprint. Taipei: Shih-chieh shu-chü, 1970.
- Ch'en Yüan hsien-sheng *chin nien-nien shih-hsüeh lun-chi* [Compilation of historical essays of Mr. Ch'en Yüan in the past twenty years]. Hong Kong: Ch'ung-wen shu-tien, 1971.
- Chin-shih jen-ming so-yin [Index of persons in the Chin dynastic history]. Peking: Chung-hua shu-chü, 1980.
- Chou Liang-hsiao. *Hu-pi-lieh* [Khubilai]. Chi-lin: Chi-lin chiao-yü ch'u-pan-she, 1986.
- Chou Tsu-mo. «Sung-wang hou-shih Yüan chih ju-hsüeh chiao-shou» [Confucian teachings of those who served the Yüan after the fall of the Sung]. *Fu-jen hsüeh-chih* 14:12 (1946): 191–214.
- Chu Hsieh. *Yüan Ta-tu kung-tien t'u-k'ao* [Examination of the plans of the palaces of Ta-tu in Yüan times]. Shanghai: Shang-wu yin-shu-kuan, 1936.
- Fang Hao. *Chung-hsi chiao-t'ung shih* [History of the communication between China and the West]. Taipei: Chung-hua wen-hua ch'u-pan-she, 1952.
- Fang Kuo-yü. «Kuan-yü Sai-tien-ch'ih fu-Tien kung-chi» [Concerning Sai-tien-ch'ih's achievement in pacifying Yün-nan]. *Jen-wen k'o-hsüeh tsa-chih* 1 (1958): 47–50.
- Feng Ch'eng-chün. *Yüan-tai pai-hua pei* [Stelae in the colloquial language in the Yüan period]. Shanghai: Commercial Press, 1933.
- Fu Shen. «Nü-ts'ang chia huang-tzu ta-chang kung-chu: Yüan-tai huang-shih shu-hua shou-ts'ang shih-lüeh» [Historical sketch of the collection of paintings of the Yüan emperors: the collection of Princess Sengge]. *Ku-kung chi-k'an* 13:1 (Autumn 1978): 25–52.
- «Gen no Sei So no kogo» [The empresses of Khubilai Khan of the Yüan]. *Rekishu kyoiku* 12:3 (1937): 680–83.
- Haneda Toru. *Gencho ekiden zakko* [The postal stations of the Yüan court]. Tokyo, 1930.

- Hsia Kuang-nan. *Yüan-tai Yün-nan shih-ti ts'ung-k'ao mu-lu* [Catalog of historical places in Yünnan in Yüan times]. Shanghai: Chung-hua shu-chü, 1935.
- Hsiao Ch'i-ch'ing. «Hu-pi-lieh shih-tai 'ch'ien-ti chiu-lü' k'ao» [Concerning Khubilai's group of advisers]. *Ta-lu tsa-chih* 25:1 (15 July 1962): 18–20.
- Hsiao Ch'i-ch'ing. *Hsi-yü-jen yü Yüan-ch'u cheng-chih* [Men from the West and early Yüan government]. Taipei: Kuo-li T'ai-wan Ta-hsüeh Wen-hsüeh-yüan, 1966.
- Huang Ch'ing-lien. *Yüan-tai hu-chi chih-tu yen-chiu* [Studies on the system of population estimates of the Yüan period]. Taipei: Kuo-li T'ai-wan Ta-hsüeh wen-shih ts'ung-k'an, 1977.
- Huang Yung-ch'üan. *Hang-chou Yüan-tai shih-k'u i-shu* [The art of stone carving in Hang-chou in Yüan times]. Peking: Chung-kuo ku-tien i-shu ch'u-pan-she 1958.
- Inosaki Takaoki. «Gendai shasei no seijiteki kosatsu» [Examination of the government of Yüan society]. *Toyoshi kenkyu* 15:1 (July 1956): 1–25.
- Inosaki Takaoki. «Gendai no take no senbai to sono shiko igi» [On the Yüan monopoly of bamboo and its significance]. *Toyoshi kenkyu* 16:2 (September 1957): 29–47.
- Ishida Mikinosuke. «Gendai no kogeika Neparu no ozoku 'A-ni-ko' no den ni tsuite» [On the life of the Nepalese craftsman A-ni-ko of Yüan times]. *Moko gakuho* 2 (1941): 244–60.
- Ishida Mikinosuke. «Gen no Joto ni tsuite» [On Shang-tu in Yüan times]. *Nihon Daigaku soritsu shichijisshunen kinen ronbunshu* 1 (October 1960): 271–319.
- Jagchid Sechin. «Shuo Yüan shih chung ti 'Pi-she-ch'ih' ping chien-lun Yüan-ch'u ti 'Chung-shu ling'» [On the secretaries of the Yüan shih and the «Chung-shu ling» of the early Yüan]. *Bulletin of the Institute of China Border Area Studies* 2 (July 1971): 19–113.
- Jagchid Sechin. «Meng-ku ti-kuo shih-tai tui T'u-fan ti ching-lüeh» [On the Mongol khans' campaigns in Tibet]. *Bulletin of the Institute of China Border Area Studies* 2 (July 1971): 115–54.
- Jagchid Sechin. «Meng-ku yü Hsi-tsang li-shih shang ti hsiang-hu kuan-hsi ho t'a tui chung-yüan ti ying-hsiang» [The historical relationship of Mongolia and Tibet and its influence on Chi-

- na]. *Bulletin of the Institute of China Border Area Studies* 6 (July 1975): 25-56.
- Jagchid Sechin. *Meng-ku yü Hsi-tsang li-shih kuan-hsi chih yen-chiu* [Studies on the historical relationship of Tibet and Mongolia]. Taipei: Cheng-chung shu-chü, 1978.
- Kanda Kiichiro. «Gendai no Bunshu no furyu ni tsuite» [On the taste of the Yüan emperor Wen-tsung]. *Haneda Hakushi shoku kinen toyoshi ronso*, pp. 477-88. Kyoto, 1950.
- Kao-ku* 1 (1972): 19-28; 4 (1972): 54-57; 6 (1972): 2-15, 25-34.
- Katsufuji Takeshi. *Fubirai Kan* [Khubilai Khan]. Tokyo, 1966.
- Kobayashi Shinzo. «'Shih-tsu' to Jusha» [Khubilai Khan and the Confucians]. *Shicho* 47 (1952): 45-50.
- Komai Kazuchika. «Gen no Joto narabi ni Daito no heimen ni tsuite» [On the ground plans of Ta-tu and Shang-tu of the Yüan]. *Toa ronso* 3 (1940): 129-39.
- Koyama Fujio. «'Pa-ssu-pa' moji aru Shina kotoji», [Chinese porcelain with 'Phags-pa writing]. *Gasetso* 1 (1937): 23-31.
- Kunishita Hirosato. «Gensho ni okeru teishitsu to Zenso to no kankei ni tsuite» [On the relationship of the early Yüan emperors and the Buddhist monks]. *Toyo gakuho* 11 (1921): 547-77; 12 (1922): 89-124, 245-49.
- Kuwabara Jitsuzo. «Roshi Kekokyo» [On Lao Tzu's *Hua-hu ching*]. *Gelbun* 1:9 (1910): 1-14.
- Lao Yen-hsüan. «Lun Yüan-tai ti Kao-li nu-li yü ying-ch'ieh» [On Korean female slaves and concubines in Yüan times]. *Ch'ing-chu Li Chi hsien-sheng ch'i-shih-sui lun wen-chi* pp. 1005-31. Taipei: Ch'ing-ke hsüeh-pao she-yin hang, 1967.
- Li Chieh. *Yüan shih* [History of the Yüan]. Hong Kong: Hai-ch'iao ch'u-pan-she, 1962.
- Li Fu-t'ung. «Wei-wu-erh jen tui-yü Yüan-ch'ao chien-kuo chih kung-hsien» [The contributions of the Uighurs to the establishment of the Yüan court]. In *Shih-hsüeh lun-chi*. Taipei, 1976.
- Li Ssu-shun. *Yüan-shih hsüeh* [Studies on Yüan history]. Taipei: Hua-shih ch'u-pan-she, 1974.
- Li T'ang. *Yüan Shih-tsu* [Khubilai Khan of the Yüan]. Taipei: Ho-l o t'u-shu ch'u-pan-she, 1978.
- Liu Ming-shu. «Yüan-tai An-nan chin-kung chih tai-shen chin-jen», [The substitute gold man sent as tribute by Annam du-

- ring the Yüan]. *Bulletin of Chinese Studies* 8 (1948): 93–98.
- Liu Ming-shu. «Yüan Hsi-yü ch'ü-chia A-li Yao-ch'ing fu-tzu» [A-li Yao-ch'ing and his son, lyric poets of the Western Regions during the Yüan]. *Bulletin of Chinese Studies* 8 (1948): 105–09.
- Lü Shih-p'eng. «Yüan-tai chih Chung-Yüeh kuan-hsi» [The relations of China and Annam in Yüan times]. *Tung-hai hsüeh-pao* 8:1 (January 1967): 11–49.
- Maeda Naonori. «Gendai no kahei tan-i» [Monetary units in the Yüan]. *Shakai keizai shigaku* 14:4 (1944): 1–22.
- Maejima Shinji. «Senshu no Perushiyajin to Ho Juko» [The Persians of Ch'üan-chou and P'u Shou-keng]. *Shigaku* 25:3 (1952): 256–321.
- Matsumoto Yoshimi. «Gendai ni okeru shasei no soritsu» [Foundations of the *she* system in the Yüan period]. *Toho gakuho* (Tokyo) 11:1 (March 1940): 328–37.
- Meng Ssu-ming. *Yüan-tai she-hui chieh-chi chih-tu* [The social class system in Yüan times]. Reprint. Hong Kong: Lung-men shu-tien, 1967.
- Murakami Masatsugu. «Gencho ni okeru senfushi to kandatsu» [The Ch'üan-fu ssu and the *Ortoğh* during the Yüan]. *Toho gakuho* 13:1 (May 1942): 143–96.
- Niwa Tomosaburo. «Gen Sei So Jaba ensei zakko — toku ni gunshi narabi ni kaisen su ni tsuite» [Notes on the numbers of the armed forces sent to Java by Khubilai Khan]. *Shigaku kenkyu* 53 (1954): 57–63.
- Nogami Shunjo. «Gendai Do Butsu nikyo no kakushitsu» [The hostility between Taoism and Buddhism in Yüan times]. *Otani Daigaku kenkyu nenpo* 2 (1943): 213–65.
- Nogami Shunjo. «Gen no senseiin ni tsuite» [On the *Hsüan-cheng yüan* of the Yüan]. In *Haneda hakushi shoju kinen toyoshi ronso* pp. 779–95. Kyoto, 1950.
- Otagi Matsuo. «Gendai shikimokujin ni kansuru ikkosatsu» [On the *Se-mu-jen* of the Yüan period]. *Moko gakuho* 1 (1937): 33–67.
- Otagi Matsuo. *Fubirai Kan* [Khubilai Khan]. Tokyo, 1941.
- Otagi Matsuo. «Ri Dan no hanran to sono seijiteki igi» [The rebellion of Li T'an and its poetical significance]. *Toyoshi kenkyu* 6:4 (August-September 1941): 253–78.

- Otagi Matsuo. «Mokojin seiken-chika no Kanchi ni okeru hanseki no mondai» [The census of Northern China taken by the Mongol government]. *Haneda hakushi shōju kinen toyoshi ronso*, pp. 383–429. Kyoto, 1950.
- Saguchi Toru. «Mongoru-jin shihai jidai no Uiguristan» [Uighuristan at the time of Mongol rule]. *Shigaku zasshi* 8 (August 1943): 788–855; 9 (September 1943): 988–1012.
- Shao Hsün-cheng. «Yüan shih La-t'e-chi-shih Meng-ku ti-shih shih-hsi so-chi Shih-tsu hou-fei k'ao» [On the khatuns and concubines of Khubilai Khan as mentioned in *Yüan shih*, *Jami'-at Tawarikh*, and *Moezz-et-ansab*]. *Ch'ing-hua hsüeh-pao* 11:4 (October 1936): 969–75.
- Shimazaki Akira. «Gendai no kaikyōjin Saitenseki Tanshitei» [On the Muslim Saiyid Ajall Shams al-Din of the Yüan]. *Kaikyo ken* (July 1939): 562–71.
- Sun K'o-k'uan. *Yüan-ch'u ju-hsüeh* [On the Confucian scholars of early Yüan]. Taipei: I-wen yin-shu kuan, 1953.
- Sun K'o-k'uan. «Yüan-ch'u Li T'an shih-pien ti fen-hsi» [An analysis of the Li T'an rebellion of the early Yüan]. *Ta-lu tsa-chih* 13:8 (1956): 7–15.
- Sun K'o-k'uan. *Sung Yüan Tao-chiao chih fa-chan* [The development of Taoism in the Sung and Yüan]. Taichung: Tung-hai ta-hsüeh, 1965.
- Sun K'o-k'uan. *Yüan-tai Tao-chiao chih fa-chan* [The development: of Taoism in the Yüan period]. Taichung: Tung-hai ta-hsüeh, 1968.
- Sun K'o-k'uan. *Meng-ku Han-chün yü Han-wen-hua yen-chiu* [Researches on the Mongols' Chinese troops and Chinese culture]. Taichung: Tung-hai ta-hsüeh, 1970.
- Ta-lu tsa-chih shih-hsüeh ts'ung-shu: Liao Chin Yüan shih yen-chiu lun-chi* [Collection of articles on Liao, Chin, and Yüan history in *Ta-lu tsa-chih*]. Taipei, 1967.
- Taisho shinshu daizokyo* [Newly edited Tripitaka of the Taisho era]. Tokyo, 1924–32.
- Tamura Jitsuzo. «Ari Buka no ran ni tsuite» [On the rebellion of Arigh Böke]. *Toyoshi kenkyu* 14:3 (November 1955): 1–16.
- Tamura Jitsuzo et al. *Ajia-shi koza* [Course on Asian history]. 6 vols. Tokyo: Iwasaki shoten, 1955–57.

- Tamura Jitsuzo et al. *Genshi goi shusei* [Glossary of the *Yüan shih*]. 3 vols. Kyoto, 1961–63.
- Tao Hsi-sheng. «Yüan-tai fo-ssu t'ien-yüan chi shang-tien» [Lands and shops of the Buddhist temples in the Yüan period]. *Shih-huo* 1:3 (1935): 0108–14.
- Tazaka Kodo. *Chugoku ni okeru kaikyo no dental to sono kotsu* [The transmittal and growth of Islam in China]. Tokyo: Toyo Bunko ronso 43:1–2, 1964.
- Ts'ai Mei-piao. *Yüan-tai pai-hua-pei chi-lu* [Collection of stele in the colloquial language of the Yüan period]. Peking: K'ohsüeh ch'u-pan-she, 1955.
- Uematsu Tadashi. «Gensho konan ni okeru chozei taisei ni tsuite» [On the system of tax collection south of the Yangtze in the early Yüan]. *Toyoshi kenkyu* 23:1 (June 1974): 27–62.
- Umehara Kaoru. «Gendai saeki-ho shoron» [On the forced labor system of the Yüan]. *Toyoshi kenkyu* 33:4 (March 1965): 329–427.
- Umehara Kaoru and Kinugawa Tsuyoshi, eds. *Ryo Kin Gen jin denki sakuin* [Index of biographies of men of Liao, Chin, and Yüan]. Kyoto, 1972.
- Wada Sei. *Toashi kenkyu: Manshu hen* [Studies on East Asian history: Manchuria]. Tokyo: Toyo Bunko, 1955.
- Wang Te-i et al. *Sung-jen chuan-chi tzu-liao so-yin* [Index of biographical materials on men of Sung]. 6 vols. Taipei: Ting-wen shu-chü, 1977.
- Wang Te-i et al. *Yüan-jen chuan-chi tzu-liao so-yin* [Index of biographical materials on men of Yüan]. 5 vols. Taipei: Hsin-wen feng ch'u-pan kung-ssu, 1979–82.
- Wang Wei-ch'eng. «Lao-tzu hua-hu-shuo k'ao-cheng» [Examination of Lao-tzu's *Hua-hu*]. *Kuo-hsüeh chi-k'an* 4:2 (1934): 44–55.
- Weng Tu-chien. «Wo-t'o tsa-k'ao» [On the *Ortogh*]. *Yên-ching hsüeh-pao* 29 (June 1941): 201–18.
- Wu Chung-han. «Yüan Ming Wo-tsei ju-k'ou yü Chung-kuo chiao-tsei ta-shih piao» [Tables of Japanese pirates' attacks and China's defeat of these robbers in Yüan and Ming]. *Nan-feng* 1 (1940): 12–19.
- Yanai Wataru. *Mokoshi kenkyu* [Studies of Mongol history]. Tokyo, 1930.

- Yanai Wataru. *Yüan-tai ching-lüeh tung-pei k'ao* [On the north-eastern campaigns of the Yüan period]. Trans. by Ch'en Chieh and Ch'en Ch'ing-ch'üan. Taipei: Commercial Press, 1963.
- Yang Na. «Yüan-tai nung-ts'un she-chih yen-chiu» [Studies on the agricultural she system of the Yüan period]. *Li-shih yen-chiu* 4 (1965): 117–34.
- Yao Ta-li. «Nai-yen chih luan-tsa k'ao» [On Nayan's rebellion]. In *Yüan-shih chi pei-fang min-tsu-shih yen-chiu chi-kan* (Nan-ching University), pp. 74–82. 1983.
- Yao Ts'ung-wu. «Hu-pi-lieh han tui-yü Han-hua t'ai-tu ti fen-hsi» [An analysis of Khubilai Khan's attitude toward Chinese culture]. *Ta-lu tsa-chih* 11:1 (July 1955): 22–32.
- Yao Ts'ung-wu. «Yüan Hsien-tsung (Meng-ko ban) ti ta-chü cheng-Shu yü t'a tsai Ho-chou Tiao-yü Ch'eng ti chan-ssu» [The great expedition against Shu led by Emperor Hsien-tsung (Möngke Khan) of the Yüan and his death at the battle of Tiao-yü Cheng near Ho-chou]. *Wen-shih che hsüeh-pao* 14 (October 1964): 61–85.
- Yao Ts'ung-wu. «Hu-pi-lieh han yü Meng-ko han chih-li Han-ti ti ch'i-chien» [The differences of opinion of Khubilai Khan and Möngke Khan on ruling North China]. *Wen-shih che hsüeh-pao* 16 (1967): 223–36.
- Yao Ts'ung-wu. «Ch'eng Chü-fu yü Hu-pi-lieh p'ing-Sung i-hou ti an-ting nan-jen wen t'i» [Ch'eng Chü-fu and Khubilai's policy of conciliation of the Chinese after the overthrow of the Sung]. *Wen-shih che hsüeh-pao* 17 (June 1968): 353–79.
- Yen Chien-pi. «Nan Sung liu-ling i-shih cheng-ming chi-chu ts'uan-kung fa-hui nien-tai k'ao» [The pillage of the imperial tombs of the Southern Sung dynasty]. *Yen-ching hsüeh-pao* 30 (1946): 27–50.
- Yoshikawa Kojiro. «Gen no shotei no bungaku» [The literary bent of the Yüan emperors]. *Toyoshi kenkyu* 8:3 (May–June 1943): 27–38.
- Yüan Chi. *Yüan-shih yen-chiu lun-chi* [Collected essays of studies on Yüan history]. Taipei: Commercial Press, 1973.

УКАЗАТЕЛИ

Указатель собственных имен

- Абака, ильхан Персии 144
Абдар-Рахман 44
Абишка 102
Айсюзэ 310, 311
Ала ад-дин 140, 144
Ала ад-дин Мухаммед 28
Алгу 91, 95, 102, 103, 104, 105,
106, 107
Али Яоцин 257
Ананда 310, 347
Анигэ 268, 269
Аньтун 178, 179, 270, 282, 296, 301
Аргун, ильхан 242
Ариг-Бука 34, 46, 82, 87, 88, 91, 92,
93, 94, 95, 97, 99, 100, 101, 102,
103, 104, 105, 106, 107, 108, 111,
113, 115, 126, 178, 183, 184, 187,
188, 210, 230, 278, 352
Ариг-Хайя 140, 144, 153, 334, 336
Асутай 91
Атахай 334
Ахмед 279, 280, 281, 282, 283, 284,
285, 286, 287, 296, 297, 298, 299,
300, 301, 302, 303, 309, 318, 328
Ачжу 140, 141
Барак 178
Бар-Гебрей 35, 353
Бату 30, 32, 45, 86, 95
Бахадур 89, 92
Баягуджин 41
Баян 54, 146, 147, 148, 149, 150,
180, 294, 343, 345, 351
Бейбарс 96
Берке 93, 95, 97, 107
Бин, сунский император 155
Болгай 92, 107
Бури, сын Чагатай 32, 46
Ван Вэньтун 113, 114, 121, 123, 225
Ван Дэчэнь 85
Ван Лянби 303
Ван Сюнь 221
Ван Фу 73
Ван Цзянь 84, 85
Ван Э 97, 226
Ван Юнь 192, 221
Виджайя 339, 340
Вильгельм Рубрук 237
Вонджон 159, 160, 161, 162
Вэнь Тяньсян 149, 152, 157
Гао Кэгун 262
Гао Син 338, 339
Гао Тайсян 53, 54, 56
Го Шоуцзин 203
Гуан Юань 316
Гун Кай 261
Гунга-Санпо 341
Гуюк 32, 36, 43, 44, 45, 46, 47, 216
Дампа Гунгадаг 299
Джайя Индраварман VI 333,
334, 337
Джайякатванг 339
Джамаль ад-дин 203, 219
Джумухур 105
Джучи 91, 215
Джэбэ 28
Дорджи, сын Хубилая 42, 347

Доу Мо 39, 113, 221, 224, 225, 284
 Ду Шичжун 169
 Дурчи, внук Угэдэя 91, 92
 Ду-цзун, сунский император 148
 Елюй Чуцай 32, 33, 188
 Есен Темур 336, 337
 Есугэй 215
 Е-хэй-де-эр 213, 217
 Икэмусы 338
 Им Ён 160
 Иоанн Плано Карпини 34, 45, 237
 Исмаил 140, 144
 Йисункэ 103
 Кара-Буха 105
 Кара-Хулагу 102
 Карма Пакши 77, 230
 Кельмиш 180
 Кертанагара 338, 339
 Кит-Бука 86, 96, 97
 Кокочу 179, 180
 Кутуз, мамлюкский султан 96
 Кэкэ (Ко-ко) 69
 Лао Цзы 73, 74, 75, 78, 316
 Ли Сиин 257
 Ли Тань 109, 110, 111, 112, 113, 114,
 115, 126, 211, 225, 278
 Ли Цюань 137
 Ли Яньцзянь 111
 Лу Сюфу 152, 155, 156
 Лу Шижун 279, 296, 297, 298, 301,
 302, 303, 309, 318, 328
 Лю Бинчжун 59, 60, 61, 62, 76, 117,
 199, 211, 212, 218, 219, 220, 284
 Лю Гуаньдао 241, 258, 350
 Лю Жэньцзе 99
 Лю Тайпин 67
 Лю Чжэн 137, 138, 139, 141, 143
 Лю Шичжун 56
 Лю Энь 181
 Люй Вэньдэ 90, 110
 Люй Вэньхуань 139, 144, 145, 146
 Лянь Сисянь 57, 58, 89, 101,
 148, 283
 Майшудин 303
 Мангала 316, 347, 348
 Масуд, сын Ахмеда 282

Масуд, сын Саида Аджалы Шамс
 ад-дина 315
 Мелик-Темур 179
 Мугэ 89
 Мунгсуз (Мэн-су-сы) 41
 Мункэ 32, 34, 45, 46, 47, 48, 49, 50,
 51, 52, 57, 61, 67, 68, 69, 70, 71, 72,
 77, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 88,
 89, 90, 91, 92, 93, 95, 105, 107, 109,
 122, 130, 158, 159, 179, 188, 216,
 223, 228, 279
 Мункэ-Темур 179, 180
 Мэн Ци 338
 Мяоянь 349
 Намби 346, 347, 348
 Намо 69
 Наратхихапати 330, 331, 333, 337
 Насир ад-дин 315, 331, 332, 336
 Наян 302, 343, 344, 345, 354
 Номухан 176, 177, 178, 179, 180,
 181, 185, 278, 347
 Огул-Гаймыш 46
 Он-хан 35
 Оэлун 215, 349
 Пагба-лама 76, 77, 78, 79, 193, 222,
 229, 230, 231, 232, 233, 247, 249,
 250, 251, 252, 268, 284, 299, 341,
 342
 Поло, Марко 37, 64, 65, 75, 138, 162,
 172, 200, 201, 217, 227, 236, 237,
 240, 241, 273, 274, 279, 331, 332,
 333, 343, 344, 350, 352, 353
 Поло, Маффео 237, 238, 240
 Поло, Николо 237, 238, 240
 Пу Шоугэн 153, 154, 157, 323
 Раббан Саума 242
 Рашид ад-дин 34, 35, 85, 89, 92, 93,
 100, 103, 104, 105, 106, 107, 138,
 139, 179, 180, 185, 186, 284, 300,
 310, 311, 312, 348, 353
 Саид Аджаль Шамс ад-дин 228, 313,
 314, 315, 331
 Сакья Пандита 76
 Сангха 279, 295, 298, 299, 300, 301,
 302, 303, 304, 308, 309, 312,
 317, 318

- Се Хуанхоу 148, 151, 152
Соду 153, 155, 157, 334, 335, 336
Соргагтани-беки 34, 35, 36, 37, 44,
45, 46, 178
Субэдэй 28, 52
Сун Цзин 91
Сун Цзычжэнь 110
Сун Чжоучэнь 220
Сыма Цянь 78
Сюй Хэн 58, 224, 225, 258, 283
Ся Гуй 141, 143, 152
Сянь, сунский император 148, 150,
151, 152
Сяньюй Шу 262
Тайцзун 118, 275
Тань Чэн 69
Тегулун 41, 347
Темур-Бука 342
Тогон 335, 336, 347
Тог-Темур 178, 179, 135
Тог-Темур, император Китая 352
Толочу 37
Толуй 30, 32, 35, 36, 42, 44, 45, 47,
86, 87, 171, 178, 180, 215
Торэгэне (Туркина-хатун) 42, 43, 44,
47, 75
Угэдэй 30, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38,
39, 42, 43, 44, 46, 58, 86, 87, 90, 91,
99, 122, 130, 158, 170, 171, 174,
184, 215, 223, 279
Угэчи 336
Урунгатш 91, 105
Урянхадай 52, 53, 56, 57, 83, 109
Фан Хуэй 147
Фань Вэньху 143, 146, 323
Фатима 44
Филипп Красивый, король
Франции 242
Фууй 78
Хадан 99, 101, 102, 344, 345
Хайду 130, 171, 172, 173, 174, 176,
177, 179, 181, 182, 183, 185, 278,
310, 329, 342, 343, 344, 345, 354
Хайюнь 39, 42, 60, 75, 76, 221
Хао Цзин 99, 119, 120, 136, 137, 149
Хетум 96
Ходзё Масамура 166
Ходзё Токимунэ 166, 321, 338
Хон Тхагу 323
Хошила 352
Ху-ду-лу Цзе-ли-ми-ши 161, 349
Хулагу 34, 46, 47, 48, 49, 86, 87, 88,
93, 95, 96, 97, 105, 107, 146, 187
Хурумши 91
Хусейн 282
Хутулун 171, 172, 173
Хэ Вэньчжу 169
Хэ Юань 99
Цао Бинь 54
Цзи Гунцзы
Цзя Сыдао 90, 91, 98, 99, 110, 135,
136, 137, 142, 145, 146, 147, 148
Ци Гунчжи 182, 183
Цуй Бинь 283
Цуй Миндао 137
Цюань, императрица Сун 148, 152
Цянь Сюань 261, 263
Чаби 41, 42, 77, 92, 115, 117, 118,
119, 151, 152, 176, 222, 269, 319,
346, 347, 348, 349
Чагатай, сын Чингис-хана 30, 32,
46, 87, 91, 95, 102, 104, 215
Чагна-Дорджэ-лама 230, 231
Чан Ньят Кань 336
Чан Тхань Тон 333, 335
Чжалаэртай 158
Чжан Вэньцянь 123
Чжан Дэхуэй 40
Чжан Сюань 294, 295, 296
Чжан Цзунъянь 317
Чжан Чжицзин 78, 235
Чжан Шицзе 149, 150, 152, 154,
155, 156
Чжан Шунь 143
Чжао Лянби 167
Чжао Мэнфу 262, 263, 264, 265, 301
Чжу Си 223
Чжу Цин 294, 295, 296
Чжэн Сысяо 261
Чжэнь Дэсю 223

Чжэнь-цзинь, сын Хубилая 39, 176,
177, 221, 222, 223, 233, 285, 286,
298, 318, 346, 347, 348
Чингис-хан 20, 22, 25, 26, 27, 28, 30,
34, 35, 37, 45, 46, 47, 52, 55, 82, 83,
86, 158, 193, 207, 215, 228, 235,
244, 272, 343, 349, 357
Чжу, слуга императрицы Сун 151
Чхо, корейский посол 161
Чхой Ый 159
Чхон, см. также Вонджон
Чэн Цзюйфу 262
Чэнцзун, император,
внук Хубилая 348, 351
Чэнь Вэньлун 147
Чэнь Гуйлун 291, 292
Чэнь Ичжун 147, 152, 155, 156

Чэнь, слуга императрицы Сун 151
Шабудин 303
Ши Тяньцзэ 68, 112, 140, 141, 145,
209, 283, 284
Ши Чу 112
Ши, сунский император 152, 153,
155
Шибан 41
Ширеги 179, 180, 185, 186
Ширемун 42, 46, 47
Эдуард I, король Англии 242
Юбукур 178
Ян Ляньчжэньцзя 304, 305, 306,
307, 308, 317
Яо Шу 50, 52, 54, 55, 56, 62, 69, 113,
193, 209, 220, 221, 224, 225,
284

Указатель географических названий

Азербайджан 95, 203
Айн-Джалут 96, 97
Аламут 48
Алеппо 95
Алмалык 105, 177, 178, 181
Андижан 174
Аннам 57, 156, 315, 330, 333, 335,
336, 337
Аньси 347
Армения 32, 44
Афганистан 28
Багдад 48
Бешбалык 99, 182
Бирма 20, 51, 57, 313, 315, 331,
333, 337
Бохэкоу 141
Бухара 28, 36
Бяньцзин 50
Венгрия 20, 32
Венеция 81, 237
Виджайя 334
Внутренняя Монголия 125
Волга 32
Вьетнам 155, 330, 333

Вэйхэ 295
Вэньчжоу 133, 267
Ганьсу 99, 181, 183, 229
Ганьчжоу 46, 101
Гаолян 213
Гоби 23, 92
Грузия 32, 44
Гуан 154
Гуандун 292, 315
Гуаннин 191
Гуанси 153
Гуанчжоу 133, 153, 155, 156
Гуаньси 58
Гуаньчжун 51
Гуачжоу 181
Гуньмин 314
Даду 46, 151, 152, 180, 212, 217,
222, 227, 234, 256, 258, 262, 264,
269, 272, 277, 278, 282, 286, 293,
294, 295, 299, 316, 333, 336, 341,
352, 354, 356
Да-ли 49, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 57,
62, 67, 89, 276
Дамаск 96

- Дамин 112
Динцзячжоу 147
Долон-Нур 62
Дун Ся 32
Дэсин 267
Дэхуа 267
Дяоюйшань 85, 138
Енисей 100, 103, 179, 185
Иду 101, 109, 110, 111
Икисима 168, 323, 325
Или 106
Имадзу 167, 321
Индия 21, 57, 73, 131, 171, 202, 313
Кайпин 63, 64, 65, 66, 67, 71, 78, 83, 88, 92, 101, 104, 106, 108, 202, 220
Кайфэн 28, 50, 212
Камакура 166
Кантон 334
Канхвадо 158, 159
Каракорум 33, 67, 69, 77, 82, 99, 100, 119, 184, 185, 217, 345
Каспийское море 48
Каунгай 331
Кашгар 105, 174
Кедири 339
Киев 32
Киото 165
Константинополь 237
Корея 20, 32, 130, 158, 159, 160, 161, 163, 164, 165, 166, 170, 187, 273, 277
Кюсю 167, 168, 169, 321, 325, 327
Линьтао 52, 53
Линьцин 295
Луаньхэ 62
Лумэньшань 141, 143
Лэйчжоу 155, 156
Люпаньшань 82, 83
Лянчжоу 101
Ляньчжоу 109, 110, 111
Ляодун 344
Ляонин 32
Ляохэ 344
Лоян 212
Малабар 330
Манаката 325
Маньчжурия 27, 32, 91, 160, 206, 302, 327, 340, 343, 344, 346, 356
Меконг 53
Минчжоу 133
Минь 154
Молуккские острова 338
Монголия 26, 27, 28, 30, 32, 34, 38, 67, 86, 88, 103, 104, 108, 123, 130, 171, 183, 184, 185, 186, 188, 277
Москва 32
Нанкин 54
Наньцзин 50
Наочжоу 155, 156
Непал 268
Нинся 82, 184, 185
Орхон 180
Паган 330, 331, 332, 337
Пекин 27, 37, 46, 62, 66, 92, 100, 101, 191, 212, 349
Польша 20, 32
Пусан 168
Россия 107, 123, 180
Русь 20, 30, 32, 45
Рязань 32
Салуин 53
Самарканд 28, 105, 202, 311
Сиам 156
Сиань 50, 101, 212
Силян 102
Синчжоу 38, 41, 50
Синьцзян 105, 182, 183
Сучжоу 182
Сымин 336
Сычуань 53, 58, 83, 84, 101, 138, 140, 159, 229
Сяньян 83, 138, 139, 140, 141, 142, 143, 144, 145, 167, 236
Сяньили 269
Тайшань 89
Тарим 181
Ташкент 279
Термез 174
Тибет 32, 44, 56, 77, 151, 193, 230, 231, 233, 299, 300, 304, 318, 340, 341, 342, 343, 346

- Тунхуэй 213
 Тянь-Шань 178, 181
 Уйгурия 182, 183
 Ус 100
 Усин 262, 263
 Учан 139
 Фаньчэн 138, 141, 144
 Фуцзянь 133, 148, 292, 323, 335, 338
 Фучжоу 152, 153, 198
 Хайчжоу 109, 111
 Хаката 169, 321
 Хакодзаки 321
 Ханой 57, 335, 336
 Ханчжоу 81, 109, 132, 133, 145, 148, 149, 150, 152, 267, 268, 282
 Ханькоу 147
 Ханьшуй 138, 139, 141
 Хаппо 168
 Хинган 103
 Хотан 105, 178
 Хуаймэн 51, 191
 Хуайнань 152
 Хуайхэ 89, 110
 Хуанхэ 50, 82, 212, 346
 Хуаньаньсян 89
 Хубэй 83, 89, 138
 Хугуан 338
 Хуэйчжоу 155
 Хэбэй 37, 38, 125
 Хэнань 49, 50, 51, 57, 89, 191, 212, 281
 Хэнтэй 351
 Хэси 191
 Хэчжоу 84, 85
 Цейлон 330
 Цзинань 110, 111, 112
 Цзинчжао 50, 51
 Цзиньшацзян 53
 Цзиньшуй 213
 Цзяннань 261, 262, 291, 292, 304, 308
 Цзянси 282, 296, 315, 338
 Цзянхой 283
 Цзян-Хуай 110
 Цзянчжэ 303
 Циннин 295
 Цусима 168
 Цюаньчжоу 133, 153, 154, 198, 267, 323, 338
 Чампа 155, 156, 333, 334, 335, 336, 338
 Чанша 153
 Чаочжоу 155
 Чеджудо 161, 163
 Чжигу 294, 295
 Чжочжоу 269
 Чжунду 63, 212
 Чжуньсюйчжоу 281
 Чжэньдин 37, 101, 256
 Чунцин 84, 90
 Чучжоу 153
 Чэнду 84
 Шанду 63, 66, 106, 150, 217, 269, 272, 277, 278, 286
 Шаньдун 294, 295
 Шаньси 125, 347
 Шаосин 306
 Шачжоу 181
 Шри-Ланка 330
 Шэньси 50, 52, 57, 58, 140, 212, 229, 315
 Эльбрус 48
 Эчжоу 83, 90, 92
 Юннин 49
 Юнчан 183
 Юньнань 49, 53, 83, 313, 314, 315, 331
 Ява 159, 337, 338, 339, 340, 345
 Яйшань 156
 Янцзы 53, 81, 83, 89, 90, 91, 129, 133, 134, 139, 147, 295
 Янчжоу 147, 148, 236, 294, 336
 Янь 92, 100, 101, 222
 Яньань 101
 Яньцзин 228, 229
 Япония 159, 163, 164, 165, 166, 167, 168, 169, 170, 200, 277, 279, 287, 303, 319, 321, 322, 323, 327, 328, 329, 337, 338, 340, 345, 355

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие к русскому изданию	7
Предисловие	12
Глава 1. Ранняя история монголов.	20
Рождение Монгольской империи	23
Преемники Чингис-хана	29
Хубилай и его мать.	34
Хубилай и его советники.	39
Возвышение рода Толуя	42
Глава 2. Возвышение Хубилая	49
Поход на Да-ли	49
Управление уделом	57
Хубилай и диспут между буддистами и даосами	71
Поход Мункэ на Южную Сун	80
Борьба за престол	85
Глава 3. Великий хан.	94
Борьба с Ариг-Букой	95
Восстание Ли Тянь.	109
Роль Чаби	115
Административная система в начале правления Хубилая	119
Глава 4. Завоеватель	129
Завоевание Южного Китая.	130
Покорение Кореи	158

Первое вторжение в Японию	163
Походы против Хубилая	170
Глава 5. Император Китая	187
Экономическая программа Хубилая	193
Хубилай и военные	205
Хубилай и правовая система	208
Хубилай и конфуцианцы	211
Хубилай и религия	227
Хубилай и семейство Поло	235
Глава 6. Покровитель искусств	243
Письменный язык	244
Театр и другие литературные формы эпохи	
Юань	253
Живопись	258
Ремесла	265
Сохранение монгольского наследия	270
Глава 7. Ошибки в управлении и реакция китайцев	276
Ахмед и финансовые трудности	278
Интеграция Южной Сун	288
Великий Канал	293
Финансовая политика Лу Шижуня	296
Сангха и буддийский вопрос	298
Религиозные вопросы	310
Глава 8. Закат императора	319
Камикадзе	321
Военные походы в Юго-Восточную Азию	328
Восстания во владениях Хубилая	340
Личные утраты Хубилая	346

Примечания.	358
Глава 1. Ранняя история монголов	358
Глава 2. Возвышение Хубилая	368
Глава 3. Великий хан	375
Глава 4. Завоеватель.	379
Глава 5. Император Китая	388
Глава 6. Покровитель искусств	402
Глава 7. Ошибки в управлении и реакция китайцев.	407
Глава 8. Закат императора.	413
Библиография работ на западных языках.	418
Дополнения к библиографии работ на западных языках (на август 1994 г.)	456
Библиография работ на восточных языках	462
Первоисточники	462
Исследования	463
Указатели.	471
Указатель собственных имен	471
Указатель географических названий	474

Научно-популярное издание

Россаби Моррис
Золотой век империи монголов

Директор издательства В.В. Чубарь
Главный редактор В.Ю. Трофимов
Верстка Л.А. Харитонов
Корректор М.В. Чебыкина
Подготовка указателей М.А. Ногина

Подписано в печать 13.10.08.
Формат 84х108¹/₃₂. Усл. печ. л. 25,2.
С.: Ист.библ.(84). Тираж 1500 экз. Заказ № 9475.
С.: Ист.библ.(новая). Тираж 1500 экз. Заказ № 9475.

Общероссийский классификатор продукции ОК-005-93, том 2;
953004 – научная и производственная литература

ООО «Издательство «Евразия».
197110, Санкт-Петербург, ул. Барочная, д. 2, лит. А, пом. 3-Н

Издание осуществлено при техническом участии
ООО «Издательство АСТ»

ОАО «Владимирская книжная типография»
600000, г. Владимир, Октябрьский проспект, д. 7.
Качество печати соответствует качеству
предоставленных диапозитивов